ISSN 2221-2558

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Минск
2012

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)
П78

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2012. – Вып. 5. – 342 с.

П78

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2012
© Оформление. УО «Белорусский государственный университет физической культуры», 2012

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 2 класса;

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор;

Мартинович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Семашко Елена Валентиновна – заведующий кафедрой административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, доцент;

Шостак Михаил Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук;

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор – председатель;

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – заместитель председателя;

Артюшенко Василий Александрович – начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»;

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук;

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор;

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – ответственный секретарь.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

Афанасьева О. Р.
«Цена» преступности и проблемы ее исчисления 9

Белокопытов В. В.
Криминологическая характеристика нарушений правил охраны труда 16

Боголюбова Т. А.
Некоторые вопросы организации профилактики немедицинского потребления наркотиков 25

Литвинов А. Н.
Коррупция: опыт философско-культурологического исследования (общая постановка проблемы и ее украинский ракурс) 31

Мохорев А. Н.
К вопросу о понятии «общественная безопасность» 38

Никитенко И. В.
Криминологическая характеристика незаконной миграции как основной угрозы миграционной безопасности государства 44

Полящук Н. А.
Правовой мониторинг как мера предупреждения преступности 49

Рочева Е. А.
Коррупция как угроза национальной безопасности Республики Беларусь 56

Филиппенков В. М.
Дорожно-транспортные преступления (происшествия): опыт криминологического исследования 63

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бабий Н. А.
Криминализация посредничества во взяточничестве по УК России или наставление законодателям о том, как не следует писать законы 73

Бурый В. Е.
Государственная служба пробации – комплексный подход в организации социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы 80

Бурый В. Е., Куценков И. И.
Действия осужденных, дезогранизующие работу мест лишения свободы: криминологическая характеристика 88

Винокуров С. И.
О новых подходах к определению юридического статуса потерпевшего в уголовном праве и уголовной политике 96

Герасимова Е. В.
Проблемы нормативного определения культурных ценностей 103

Гладкий П. А.
Об уголовной ответственности за коммерческий подкуп 109

Глухова О. В.
Прикосновенность к преступлению по уголовному законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины 116

Городецкая М. А.
Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования системы специального предупреждения преступлений в Республике Беларусь 122

Грунтов И. О.
К вопросу о минимальном возрасте лица, вовлекающего несовершеннолетнего в совершение преступления или в антиобщественное поведение 129

Грушин Ф. В.
Принудительные работы в Российской Федерации: историко-правовые аспекты 136

Мартыненко И. Э.
Особенности уголовной ответственности за нарушения законодательства России и Украины об охране культурного наследия 143

Никитенко О. Г.
Международно-правовые и регионально-правовые критерии криминализации терроризма (компаративистский аспект) 155

Письменский Е. А.
Об опыте Украины по реформированию законодательства в части применения амнистии и помилования 160

Хилькевич В. В.
Особенности квалификации кражи на стадии предварительного расследования 167

Хилюта В. В.
Проблемные вопросы привлечения к ответственности за установление или поддержание монопольных цен 172

Шакель Н. В.
Обоснованность введения некоторых запретов и ограничений для государственных служащих 180

Шилин Д.В.
Нормативное закрепление признаков культурных ценностей как предмета преступного посягательства 188

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Букато Л. Г.
Поводы к возбуждению производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам 197

Виницкий Л. В., Кубрикова М. Е.
Осужденный по выделенному делу является свидетелем по основному 205

Князев И. М.
Организационно-тактические аспекты допроса иностранных граждан 213

Куница Е. В.
Допустимость доказательств, полученных в результате производства следственных действий с участием понятых 219

Навроцкая В. В.
Применение поощрения с целью дачи правдивой информации при расследовании уголовного дела 226

Хомич М. В.
Материально-правовые и процессуальные основания уголовного преследования 231

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Белинский В. В., Чирков Д. К.
К вопросу о роли прокурорского надзора в упорядочении экономических процессов, связанных с трудовой миграцией 240

Сенько А. С.
Институт прокурорского следствия: становление и динамика развития..... 246

Сиволова А. А.
Вывод суда об обоснованности обвинения как условие справедливости приговора, провозглашенного в особом порядке (гл. 40 УПК РФ)..... 257

Стаценко В. Г.
Актуальные проблемы защиты прав потерпевших от преступлений в Республике Беларусь 264

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Воробъев С. Ю., Мишнев Г. В., Русак В. А.
Применение систем видеонаблюдения в целях раскрытия преступлений и предотвращения чрезвычайных ситуаций 273

Соколова Я. А.
Назначение и проведение судебно-медицинской и судебно-психологической экспертиз при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, органами и тканями..... 279

Хлус А. М.
Оперативно-розыскные знания специалиста как условие эффективного противодействия преступности..... 286

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Згага С., Корошец Д.
Некоторые проблемы современного уголовного права Республики Словения..... 295

Карабельникова А. С.
Особенности дифференциации ответственности за совершение коррупционных правонарушений в законодательстве Беларуси, Казахстана, России и Украины..... 310

Петрова И. А.
Особенности правового положения осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства 317

Смирнов А. А.
Международно-правовые аспекты борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом 323

Хиревич М. Л.
Международно-правовые стандарты судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел 329

НАШИ АВТОРЫ 337

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ 341

«ЦЕНА» ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИСЧИСЛЕНИЯ

Афанасьева О. Р.

Ограниченность государственных финансовых средств и наличие широкого комплекса заявленных российской властью финансовоемких приоритетов развития страны требуют формирования и осуществления адекватной современному этапу экономического развития бюджетно-финансовой политики в сфере обеспечения деятельности правоохранительных и судебных органов. Это определяется не просто необходимостью формирования и реализацией бюджетной политики в сфере правоохранительной деятельности и безопасности государства, но существующей потребностью определения размеров финансирования системы правоохранительных и судебных органов, необходимого для эффективного выполнения возложенных на них функций.

В данном контексте важное научно-теоретическое и практическое значение имеет исследование «цены» преступности как совокупной оценки затрат личности, общества и государства. В частности, расчет объема затрат на осуществление деятельности правоохранительными и судебными органами позволяет определить эффективность выполнения возложенных на них функций в зависимости от объема выделяемого финансирования.

Однако недостаточная теоретическая разработанность понятия, сущности и содержания категории «цены» преступности порождает множество проблем теоретического и практического характера, требующих научной проработки.

Актуальность исследования заявленной проблематики обусловлена комплексом факторов.

Во-первых, криминологическим значением исследуемой категории для определения объемов затрат личности, общества и государства, связанных с совершением преступлений и обоснованием необходимых размеров затрат государства на противодействие преступности.

Во-вторых, недостаточной научной разработанностью исследуемой категории в российской науке, достаточно подробно исследованной за рубежом [7–11].

В-третьих, вниманием, уделяемым ее определению международным сообществом в связи с необходимостью установления влияния преступности на социальные институты и государство. Так, в рекомендациях конференции по проблемам уголовной статистики, проходившей под эгидой ООН, особое внимание было уделено не только организации ведения единообразной статистики преступности и виктимизации, но и работе по

определению расходов на борьбу с преступностью, стоимости преступности. Указывается, что организация соответствующего учета «стоимости» преступности «является политически актуальной задачей» [12].

В-четвертых, увеличением расходов на противодействие преступности. Сложная криминальная ситуация в России предопределяет рост общественного внимания к эффективности деятельности правоохранительных органов и судебной системы.

В-пятых, необходимостью разработки концепции уголовной политики и критериев формирования обоснованных управленческих и политических решений в сфере противодействия преступности.

В-шестых, существующей потребностью в разработке методики расчета норматива минимальной бюджетной обеспеченности финансовых затрат государства в целях разумного финансирования правоохранительной и судебной систем. Поскольку знание механизма расчета объема необходимых материальных затрат на борьбу с преступностью заставит искать более эффективные и экономные способы противодействия преступности.

Однако роль криминологической категории «цена» преступности не стоит преувеличивать. В свое время против переоценки ее значимости при решении вопросов борьбы с преступностью справедливо предостерегал академик В.Н. Кудрявцев, считавший, что к оценке затрат на правоохранительные органы как показателя эффективности надо относиться с большой осторожностью. «В буржуазной практике распространены методы оценки эффективности средств борьбы с преступностью, исходя из денежного эквивалента, в который переводится практически все, включая человеческую жизнь. И хотя подсчет ущерба от преступлений и средств, затраченных на борьбу с преступностью, имеет определенное значение, он не может служить самоцелью и рассматриваться как основной показатель эффективности системы уголовной юстиции» [4, с. 15].

Но не следует бросаться и в другую крайность. Поскольку существует необходимость в разработке самостоятельного криминологического показателя, позволяющего исчислить не просто «стоимость» преступности, но и объем экономически оправданных затрат на борьбу с ней. Следует научиться максимально рационально использовать существующие методы и средства, сопоставлять объем различных видов затрат на противодействие преступности с причиняемым и предотвращенным преступным вредом.

Следовательно, при формировании современной уголовной политики необходимо учитывать возможность и готовность государства платить за безопасность от криминальных угроз, поскольку содержание уголовной политики определяется, направляется и ограничивается не только необходимостью противодействия преступности, но и экономической составляющей, финансовыми возможностями государства. Совокупность потерь, наступающих в результате совершения преступления, их негативное воздействие на социально-экономическое развитие общества вынуждают

государство «тратиться» на обеспечение безопасности государства от криминальных угроз.

В качестве терминологического обозначения подсчета обозначенных выше расходов в криминологической литературе используется термин «цена» преступности, в англо-американской литературе подобные затраты именуются как *«cost of crime»*.

В научной литературе «цена» преступности либо отождествляется с понятием социальных последствий преступности, либо признается их частью [1, с. 246; 2, с. 9; 5, с. 63–85].

Отождествление указанных категорий происходит либо путем широкого толкования понятия «цена» преступности, либо путем сужения термина «социальные последствия». В первом случае, в содержание «цены» преступности включается вся совокупность фактически причиненного вреда, который вынуждены «отдавать», «оплачивать» государство, общество, граждане, т. е. то, что неизбежно им приходится терять из-за существования преступности. Во втором случае ученые сужают содержание социальных последствий преступности до того объема вреда, который может быть определен, исчислен и подсчитан.

Проведя сравнительный анализ содержания исследуемых категорий, полагаем, что в целях нашего исследования их следует различать.

Во-первых, представленные категории различны по содержанию.

Так, содержание социальных последствий преступности составляет совокупный вред, причиняемый преступностью социальным, экономическим, нравственно-психологическим и иным общественным отношениям, выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредствованных негативных изменений, а также совокупность экономических и иных затрат государства, общества и граждан, связанных с противодействием преступности и социальной профилактикой преступлений.

«Цена» преступности формируется путем учета различных видов устанавливаемых и исчисляемых потерь от преступлений. Следовательно, понятие социальные последствия преступности представляется более содержательным и объемным, включающим в себя «цену» преступности.

Во-вторых, «цена» преступности определяется исключительно исчисляемыми и определяемыми потерями, затратами и издержками, установление которых возможно, и к тому же явно причинно связанными с совершенными преступлениями. К социальным последствиям также относится реально наступившая совокупность негативных изменений. Но данные последствия могут быть как прямо, так и косвенно связаны с преступлением, как точно исчисляемые, так и неисчисляемые, как определяемые, так и точно не определяемые. Важно только то, что их наступление было обусловлено преступностью.

В-третьих, анализируемые категории имеют различное криминологическое значение.

Проведя анализ расходов, потерь, ущерба, претерпеваемых личностью, обществом и государством в случае совершения преступления, мы выделили следующие элементы, составляющие содержание «цены» преступности:

1. Расходы государства, общества, юридических и физических лиц на профилактику преступности, т. е. реализацию специальных мер защиты от ожидаемых криминальных рисков.

К сожалению, размеры данной величины трудноустанавливаемы, поскольку не ведется их статистический учет. К примеру, в качестве составляющей борьбы с преступностью можно выделить дорогостоящий и зачастую длительный процесс правотворчества, стоимость которого также точно не исчисляется и не определяется, но является одним из тормозов в принятии соответствующих нормативно-правовых актов, необходимых для создания эффективной системы предупреждения преступности. А ведь именно посредством правотворчества, в том числе изменения законодательства, реализуется уголовная политика.

Значительную часть расходов составляет финансирование деятельности по реализации законодательных изменений. Однако в России они не всегда просчитываются, точнее, они не могут быть иногда просчитаны. Анализ паспортов законопроектов, содержащих финансово-экономическое обоснование к законопроекту, свидетельствует, что они иногда содержат информацию о том, что до наработки соответствующей правоприменительной практики произвести необходимые финансовые расчеты, связанные с реализацией положений «Федерального закона … не представляется возможным». В связи с этим на первоначальном этапе его реализация будет осуществляться в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных соответствующим федеральным органом исполнительной власти на руководство и управление в сфере установленных функций [6].

2. Потери государства, общества, юридических и физических лиц в связи с совершением преступлений. В настоящий период размеры данного показателя установить не представляется возможным. Есть возможность подсчитать только материальный ущерб от зарегистрированных преступлений, объемы его возмещения, суммы материальных взысканий в доход государства, судебных издержек из средств федерального бюджета, определенных судебными актами. И без того «скромная» информация о материальном ущербе, причиняемом преступностью, становится еще более «бедной» в связи с тем, что рассчитывается исключительно по расследованным уголовным делам и разрешенным материалам (табл. 1).

Установить и примерно исчислить совокупность иных последствий представляется возможным исключительно посредством изучения материалов конкретных уголовных дел и анализа результатов социологического опроса населения. Иные интересующие нас данные получить затруднительно.

Таблица 1 – Динамика материального ущерба в период с 2007 по 2010 г. (в млн руб.)

	2007	2008	2009	2010
Размер материального ущерба от всех преступлений, установленного на стадии предварительного расследования	**282 145,5**	**206 322,1**	**1 147 207,2**	**2 622 572,6**
Структура ущерба, причиненного преступлениями, определенного судом (мировым судьей) по приговорам (решениям)				
Сумма ущерба от преступления, определенная по судебному акту, всего	**417 076,4**	**16 957,3**	**15 758,3**	**28 509, 3**
в том числе по виду собственности:				
государственная	4 222,3	5 067,1	3 830,1	12 742,5
муниципальная	307,4	339,9	320,6	422,0
общественных организаций (объединений)	1 683,6	361,9	750,9	706,5
частная юридических лиц	404 411,2	3 945,1	3 616,2	6 411, 4
частная физических лиц – субъектов предпринимательства	1 331,5	534,4	1 016,8	698,2
личное имущество граждан	5 120, 5	6 708, 9	6 223,6	7 528,7
Сумма, признанная судом (мировым судьей) погашенной до вынесения судебного акта:	**406 567,6**	**4 320, 9**	**5 604,6**	**7 521,8**
Сумма ущерба, не присужденная судом (мировым судьей) к взысканию с учетом материального положения должника или вины других лиц	513,3	90,0	217,7	177,8
Сумма ущерба, присужденная к взысканию, всего	**9 995,5**	**12 546,4**	**9 936,0**	**20 809,7**
в том числе по виду собственности:				
государственная	2 415,4	3 956,9	2 420,7	10 687,9
муниципальная	165, 0	241,5	212,9	289,3
общественных организаций (объединений)	1 360,4	194,3	257,4	371,9
частная юридических лиц	2 320,1	2 650,5	2 359,9	3 428,2
частная физических лиц – субъектов предпринимательства	465,0	356,5	440,4	456,5
личное имущество граждан	3 269,5	5 146,6	4 244,6	5 575,7

3. Затраты на устранение последствий от совершенных преступлений, непосредственно связанные с восстановлением положения, существовавшего до совершения преступления, выплатой компенсаций, страховых возмещений, оказанием медицинской помощи и реабилитацией потерпевших и их родственников, снижением уровня занятости, производительности труда, потерей доходов, приостановлением деятельности организации и т. д.

4. Затраты на содержание правоохранительной и судебной системы, органов исполнения наказания, а также всей необходимой инфраструктуры. Расходы на содержание правоохранительных органов и судебной системы являются значимой составляющей расходов государства и их размеры в абсолютных показателях ежегодно растут (рис. 1).

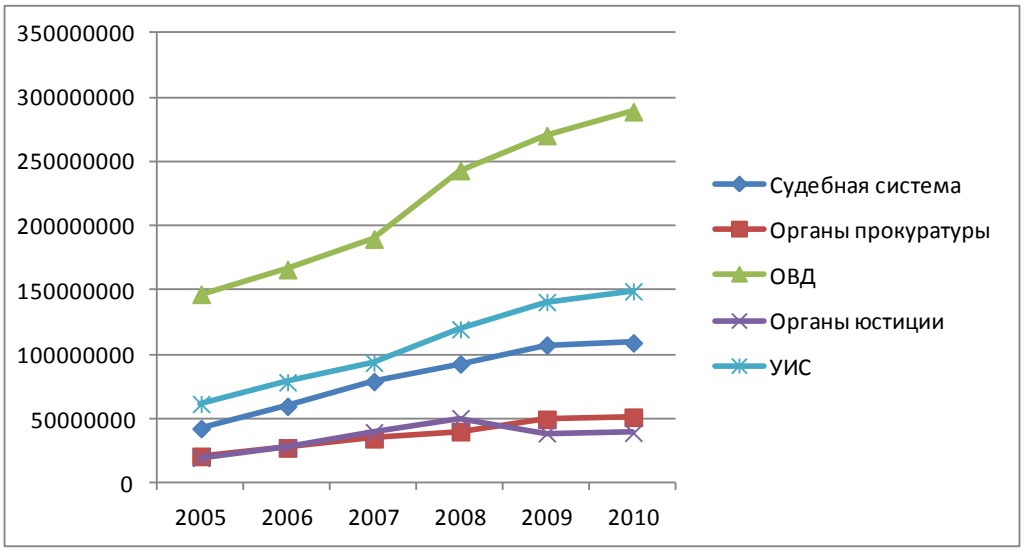

Рисунок 1 – Динамика некоторых расходов федерального бюджета на 2005–2010 гг. (тыс. руб.)

5. Стоимость уголовного судопроизводства, т. е. траты государственных органов публичного преследования и обвинения, а также суда, претерпеваемые ими в связи с необходимостью раскрытия и расследования преступления, судебного разбирательства и разрешения уголовного дела, рассмотрения процессуальных вопросов, спорадически возникающих в стадиях исполнения приговора, а также судебно-надзорного производства и возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам [3, с. 521].

6. Расходы на исполнение наказания и предотвращение рецидива преступлений, т. е. затраты государственных органов и общественных организаций, претерпеваемые ими в связи с исполнением наказаний, осуществлением ресоциализации осужденных, а также реализацией мероприятий, направленных на предотвращение рецидива преступлений (трудоустройство, административный надзор, контроль уголовно-исполнительных инспекций и иных правоохранительных органов).

Следует заметить, что представленный перечень элементов «цены» преступности является одним из возможных вариантов.

Таким образом, «цена» преступности – это реальная совокупность ущерба, потерь, затрат, вреда, причиняемая личности, обществу и государству совершением преступления и существованием преступности.

На современном этапе развития криминологической науки более остро стоит проблема создания единой методологической базы исчисления

«цены» преступности и разработки методики ее расчета, что затруднительно ввиду недостаточного внимания криминологической науки к данной криминологической проблеме. Между тем такие исследования необходимы для разработки рациональной уголовной политики по противодействию преступности.

Список цитированных источников

1. Бабаев, М.М. Цена преступности: проблемы методологии и уголовной политики / М.М. Бабаев, В.Е. Квашис // Современные проблемы и тенденции развития уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Республики Казахстан: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Караганда: КарЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2009. – Т. 1.

2. Бабаев, М.М. Цена преступности: проблемы теории и практики / М.М. Бабаев, В.Е. Квашис // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2.

3. Бажанов, С.В. Стоимость уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук / С.В. Бажанов. – Н. Новгород, 2002.

4. Кудрявцев, В.Н. Уголовная юстиция как система / В.Н. Кудрявцев // Правовая кибернетика. – М, 1973.

5. Староверова, О.В. «Цена» налоговой преступности: моногр. / О.В. Староверова. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2006.

6. Финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних».

7. An Analysis of the Economic Cost of Crime in Missouri: 1987 through 1992, Missouri State Highway Patrol, Statistical Analysis Center, September 1995.

8. Cohen, Mark, Ted, Miller. The Cost of Mental Health Care for Victims of Crime, revised. September 1997.

9. Cohen, Mark, Ted Miller and Shelli, Rossman. “The Costs and Consequences of Violent Behavior in the United States,” Understanding and Preventing Violence, vol. 4. – National Academy Press, Washington, D.C. 1994.

10. The Costs of Crime to Victims; Crime Data Brief, NCJ-145865, February 1994.

11. Victim Costs and Consequences: A New Look, National Institute of Justice, February 1996.

12. Режим доступа: http://www.unece.org/stats/documents/2006.01.crime.htm.

Дата поступления статьи – 15.09.2012.

В статье обосновывается теоретическая и практическая необходимость научного исследования криминологического термина «цена» преступности. Представлено авторское определение «цены» преступности и соотношение с «социальными последствиями преступности». Проанализирован комплекс факторов, определяющих актуальность исследования «цены» преступности: криминологическое значение «цены» преступности, недостаточная научная разработанность термина, внимание, уделяемое изучению «цены» преступности международным научным сообществом, увеличение расходов на противодействие преступности в период ограниченности финансовых и иных ресурсов, необходимость разработки методики расчета «цены» преступности и др. Основное внимание уделяется характеристике элементов, составляющих содержание «цены» преступности, таких как: расходы государства, общества, физических и юридических лиц; потери государства, общества, юридических и физических лиц; затраты на устранение

последствий от совершенных преступлений; затраты на содержание правоохранительных и судебных органов; стоимость уголовного судопроизводства, расходы на исполнение наказания и предотвращение рецидива преступлений.

The article justifies the theoretical and practical need for scientific research of the criminological term «cost» of crime. The author's definition of «cost» of crime and the relationship with the «social consequences of crime» is presented. The complex of the factors defining an urgency of the research «cost» of crime is analysed: criminological value of «cost» of crime, insufficient scientific elaboration of the term, the attention given to the study of the «cost» of crime by the international scientific community, the increase in the «cost» of combating crime in the period of the scarcity of financial and other resources, the need to develop a methodology for calculating the «cost» of crime and etc. The focus is on the characteristics of elements that constitute the «cost» of crime, such as the cost of the state, society, individuals and legal entities, the losses of the state, society, businesses and individuals, the costs of remedying the effects of the crimes committed, the expenditures on law enforcement and judicial authorities, the cost of the criminal proceedings, the cost of execution of punishment and prevention of recidivism.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

Белокопытов В. В.

Охрана жизни и здоровья работников – первостепенная задача государства и работодателя, что является общечеловеческим принципом, отвечающим Всеобщей декларации прав и свобод человека, конвенциям и декларациям Международной организации труда, а также соответствует международным обязательствам Республики Беларусь, Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция).

Ст. 2 Конституции закрепляет ответственность государства перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, поэтому государственная политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Задачи охраны труда, формирования культуры безопасности жизнедеятельности, ответственного социального поведения, обеспечения трудовой и исполнительской дисциплины находятся на контроле у Главы государства и являются приоритетными в деятельности соответствующих государственных органов.

Вместе с тем рост числа хозяйствующих субъектов, сопряженный с сокращением финансирования мероприятий по охране труда, а в ряде случаев с неудовлетворительным материально-техническим обеспечением безопасности труда, правовой нигилизм и некомпетентность многих руководителей и должностных лиц в вопросах охраны труда привели к тому, что на производствах по-прежнему гибнут и получают увечья сотни работников.

Несмотря на тенденцию к снижению в 2011 году по сравнению с 2010 годом уровня производственного травматизма, процент несчастных случаев, происходящих по вине нанимателя, остается достаточно высоким. Наряду с этим в отдельных производственных сферах, например в организациях коммунальной собственности г. Минска, отмечается рост производственного травматизма как с тяжелым (2011 г. – 25 человек, 2010 г. – 16), так и со смертельным исходом (2011 г. – 8 погибших, 2010 г. – 3) [1].

По данным Департамента государственной инспекции труда за 2011 год, по республике погибло 197 и тяжело травмировано 752 работника (в 2010 году погибло 232 и тяжело травмировано 789 работников) [2].

Несмотря на прилагаемые усилия различных ведомств, негативная тенденция с обеспечением здоровых условий труда продолжает сохраняться. Так, в результате проведенного в марте 2012 года месячника безопасного труда в организациях г. Минска только на проверенных более 90 строительных объектах выявлено около 1,4 тысячи нарушений [3].

По результатам проверок в строительных организациях и агропромышленном комплексе Беларуси в первом полугодии 2012 года выявлено более 44 тысяч нарушений правил и норм по охране труда [4].

Приведенные цифры нарушений правил техники безопасности и охраны труда свидетельствуют о необходимости комплексного изучения проблем совершения правонарушений в области охраны труда, выявления их криминологических характеристик, определения методов противодействия им со стороны государства.

Результаты изучения судебной практики о нарушении правил охраны труда (ст. 306 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) свидетельствуют, что к уголовной ответственности по указанной статье УК привлекались должностные лица, ответственные за нарушение правил охраны труда, что явилось причной профессионального заболевания либо причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, а также лица, нарушившие правила охраны труда, если это повлекло по неосторожности смерть человека.

По наступившим последствиям менее тяжкие телесные повреждения причинены 38 % потерпевшим, тяжкие – 19 %, повреждения со смертельным исходом – 43 %.

Субъектами данных преступлений являются лица, как правило, не привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности, положительно характеризующиеся в быту и по месту работы.

Наибольшая степень криминализации в сфере нарушений правил охраны труда отмечается у мужчин (93 % от общего числа изученных уголовных дел), в то время как доля женщин значительно ниже (7 %).

Наивысшая криминальная активность среди указанных категорий лиц отмечается в возрасте старше 31 года (86 %), т. е. в период максимальной активности основной части трудоспособного населения, занятого в сфере производства.

В момент совершения преступления одно лицо находилось в состоянии алкогольного опьянения.

Анализ *причин несчастных случаев* показывает, что несчастные случаи на производстве возникают вследствие нарушений государственных нормативных требований охраны труда, во взаимосвязи с действием опасных и вредных производственных факторов [5].

В общей структуре причин несчастных случаев на производстве более 60 % занимают нарушения организационного характера (нарушения требований безопасности, неудовлетворительная организация производства работ, недостатки в обучении работников правилам безопасности труда, нарушения трудовой дисциплины и т. д.).

Около 40 % несчастных случаев произошло по причине действия вредных факторов производственной среды, обусловленных недостатками техники и технологии производств.

В целом факторы, влияющие на возникновение несчастных случаев и профессиональных заболеваний подразделяются на объективные (организационные, технические, гигиенические) и субъективные (психофизиологические).

Среди множества *причин несчастных случаев* основными являются [6]:

конструктивные недостатки, несовершенство, недостаточная надежность машин, механизмов, оборудования, оснастки, инструмента, транспортных средств и др.;

нарушение требований безопасности при эксплуатации машин, механизмов, оборудования, оснастки, инструмента, транспортных средств и др.;

техническая неисправность машин, механизмов, оборудования, оснастки, инструмента, транспортных средств и др.;

эксплуатация технически неисправных машин механизмов, оборудования, оснастки, инструмента, транспортных средств и др.;

работа с неисправными (отключенными) защитными, блокировочными предохранительными устройствами, системами, контрольно-измерительными приборами, другими приборами и устройствами безопасности;

нарушение производственной и технологической дисциплины;

несоответствие требованиям безопасности технологического процесса;

нарушение (несоблюдение) технологического процесса;

нарушение требований проектной документации;

отсутствие, некачественная разработка проектной документации;

неудовлетворительное техническое состояние зданий, сооружений;

неудовлетворительные организация и содержание рабочих мест;

допуск к работе без обучения, проверки знаний, инструктажа по безопасности;

невыполнение руководителями и специалистами должностных обязанностей по обеспечению безопасности;

отсутствие, неприменение или неисправность выданных средств индивидуальной защиты;

отсутствие, бездействие, неэффективная работа средств коллективной защиты;

алкогольное опьянение, наркотическое или токсическое отравление;

несоответствие психофизических данных или состояния здоровья потерпевшего выполняемой работе;

противоправные действия других лиц;

нарушение требований правил дорожного движения, пожарной безопасности и других нормативных правовых актов.

К причинам, которые способствуют увеличению количества случаев производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, также относятся игнорирование руководителями ряда организаций требования о нейтрализации техногенных и личностных факторов, вследствие чего производственные процессы осуществляются в состоянии высокой степени риска возникновения несчастных случаев.

Одной из причин нарушений трудовых прав граждан на безопасные условия труда играет правовой нигилизм и некомпетентность руководителей и должностных лиц организаций в вопросах охраны труда. Руководители не в полной мере имеют представление о требованиях, предъявляемых к охране труда, и зачастую уклоняются от повышения своего профессионального уровня в данной сфере.

В связи с тем, что ответственность за обеспечение безопасных условий труда зависит от наступления соответствующих последствий, существенно ослаблена профилактическая функция уголовного закона.

Одним из условий роста производственного травматизма со смертельным и тяжелым исходом в некоторых организациях республики явились недоработки в деятельности контрольных органов, которые зачастую неудовлетворительно реагируют на факты нарушений законодательства об охране труда.

Органы государственной власти и местного самоуправления ненадлежаще реализуют возложенные на них полномочия по осуществлению государственной политики и управления в области охраны труда и промышленной безопасности.

Важнейшим фактором, усугубляющим производственный травматизм, является алкоголизация населения, в том числе работников, вовлеченных в производственные процессы, требующие соблюдения личной безопасности. Согласно статистическим данным из 232 погибших в 2010 году работников 57 (25 %) находились в состоянии алкогольного опьянения. Похожая тенденция наблюдалась и в 2011 году.

Состояние алкогольного опьянения потерпевшего, как правило, содействовало возникновению или увеличению вреда, причиненного его здоровью.

Например, по ч. 2 ст. 306 УК осужден Ш., который дал указание экскаваторщику Н. на выполнение погрузочных работ с железобетонными плитами с использованием техники, не предназначенной для такого вида работ. Н. при помощи ковша экскаватора поднял три плиты и сдвинул четвертую, которая смертельно травмировала лежащего на земле рабочего К., находящегося в состоянии алкогольного опьянения.

Указанные выше причины несчастных случаев становятся возможными вследствие *совершаемых работодателями нарушений законодательства об охране труда*, в числе которых можно выделить следующие:

нарушение государственных нормативных требований по охране труда (ст. 221 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК));

несоблюдение требований законодательства в части обеспечения безопасности работников при эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, на опасных производственных объектах, осуществлении технологических процессов, а также применяемых в производстве инструментов, сырья и материалов;

нарушение нормативных требований по обучению, инструктажу, проверке знаний по охране труда: неинформирование работников об условиях и охране труда на рабочих местах, о риске повреждения здоровья, непроведение обучения работников безопасным приемам труда, нарушение установленного порядка при проведении инструктажа и стажировки со вновь принимаемыми работниками, отсутствие программы вводного инструктажа, первичного инструктажа на рабочем месте, перечня профессий рабочих, работа по которым требует прохождения проверки знаний по охране труда; отсутствие разработанных инструкций по охране труда по видам работ и профессиям; непрохождение руководителями организаций обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда; отсутствие инструкций программ инструктажей по охране труда (вводного, первичного, повторного, внепланового, целевого), инструкций по охране труда; ненадлежащее ведение журналов учета инструктажей; отсутствие или фактическое бездействие экзаменационных комиссий для проверки знаний по безопасности труда (ст. 226 ТК);

допуск к работе лиц, не прошедших в установленном порядке обучение и проверку знаний по охране труда, без прохождения стажировки под руководством лиц, назначенных приказом (распоряжением) после первичного инструктажа (ст. 226 ТК, постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 28.11.2008 № 175 «Об утверждении Инструкции о порядке обучения, стажировки, инструктажа и проверки знаний работающих по вопросам охраны труда»);

непроведение периодического обучения работников правилам оказания первой помощи пострадавшим (п. 8 Инструкции о порядке обучения, стажировки, инструктажа и проверки знаний работающих по вопросам охраны труда», утвержденной постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 28.11.2008 № 175);

отсутствие положений о распределении обязанностей, прав и ответственности должностных лиц в области охраны труда, низкий уровень профессиональной подготовки специалистов по охране труда на предприятиях (п. 32 Типового положения о службе охраны труда организации, утвержденного постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 24.05.2002 № 82);

необеспечение работников средствами индивидуальной защиты, спецодеждой и обувью (ст. 226 ТК);

неправильная организация работ и нарушение требований по организации и осуществлению производственного контроля за производством работ, применением средств индивидуальной защиты;

неисполнение требований по проведению экспертизы промышленной безопасности проектной документации, зданий и сооружений, предназначенных для выпуска продукции и оказания услуг, не введение должности специалиста по охране труда или несоздание службы охраны труда (ст.ст. 221-2, 227 ТК). Нередко на производственное оборудование, инструменты и материалы не имеется деклараций соответствия или сертификатов соответствия государственным нормативным требованиям охраны труда и техники безопасности. Не проводится осмотр производственных зданий и сооружений, технический осмотр машин и оборудования, их планово-предупредительный ремонт;

недостаточное финансирование мероприятий по промышленной безопасности и по улучшению условий охраны труда (ст. 226 ТК). Следствием недостаточного финансирования, как правило, являются отсутствие работы по проведению медицинских осмотров, аттестации рабочих мест по условиям труда, необеспеченность средствами индивидуальной защиты, санитарно-бытовыми помещениями, высокий уровень травматизма среди работников;

отсутствие специалиста по охране труда или службы охраны труда (ст. 227 ТК). На большинстве мелких и средних предприятий вообще отсутствуют специалисты по охране труда;

непроведение медицинских осмотров (периодических или при поступлении на работу) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и опасными условиями труда или отсутствие списков прохождения таких осмотров работниками и медосмотров (ст.ст. 226, 228 ТК);

невыполнение требования закона об обеспечении работников лечебно-профилактическим питанием и молоком или иными равноценными продуктами, компенсационной выплатой, соответствующим санитарно-бытовым обеспечением, медицинским и лечебно-профилактическим обслуживанием (ст.ст. 225–226 ТК);

нарушение порядка проведения аттестации рабочих мест по условиям труда, представление нанимателем либо уполномоченным должностным лицом нанимателя документов по аттестации рабочих мест по условиям труда, содержащих недостоверные сведения (ст. 226 ТК, постановле-

ние Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 22.02.2008 № 35 «Об утверждении Инструкции по оценке условий труда при аттестации рабочих мест по условиям труда и предоставлению компенсаций по ее результатам и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства труда Республики Беларусь, Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь»). Лишь немногие работодатели обращаются в специализированные организации для проведения аттестации рабочих мест на предмет соответствия требованиям охраны труда и техники безопасности;

эксплуатация технически неисправных машин и оборудования, электроустановок (несвоевременная диагностика и освидетельствование технических устройств) (ст. 226 ТК);

несоблюдение установленного порядка расследования несчастных случаев на производстве (нарушение сроков, порядка расследования, извещения, оформления и учета несчастных случаев на производстве) (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.01.2004 № 30 «О расследовании и учете несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»);

неисполнение законодательства об охране труда несовершеннолетних работников и женщин, а также по вопросам рабочего времени и времени отдыха (установление рабочей смены продолжительностью более восьми часов, непредоставление дополнительных отпусков работникам предприятия за работу во вредных условиях труда, несоблюдение норм выдачи смывающего средства работникам, занятым на работах, связанных с загрязнением);

нарушение законодательства в иных сферах, в том числе влекущее за собой травмы, заболевания, классифицируемые как производственные (нарушение правил пожарной безопасности, правил дорожного движения, санитарных норм);

сокрытие от контролирующих органов несчастных случаев на производстве с целью уйти от ответственности (ст. 9.20 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

В целях предотвращения совершения указанных выше нарушений одной из необходимых мер является совершенствование контрольно-надзорной деятельности, а также законодательства, регулирующего ответственность за нарушение безопасных условий труда.

Контрольно-надзорные органы, осуществляя свою деятельность в указанной сфере, до 1 октября 2012 г. руководствовались Положением о порядке организации и проведения проверок, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ).

Данный нормативный правовой акт регламентирует порядок проведения плановых и внеплановых проверок, назначаемых для расследования

причин несчастных случаев, технических причин аварий и инцидентов на производстве, зарегистрированных случаев возникновения профессиональных заболеваний, расследования аварий, в том числе строительных, катастроф, бедствий, приведших к возникновению чрезвычайных ситуаций, дорожно-транспортных происшествий (абз. 6 п. 5 Указа), который предусматривал запрет на проведение внеплановых проверок без наличия соответствующих сообщений о нарушении правил охраны труда.

Указом Президента Республики Беларусь от 26 июля 2012 г. № 332 «О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» из числа оснований назначения внеплановых проверок вышеуказанное основание исключено, что повлекло необходимость изменения подходов к осуществлению контрольной (надзорной) деятельности в сфере охраны труда.

Для этого предлагается придать контрольной (надзорной) деятельности профилактический и предупредительный характер путем проведения на постоянной основе мониторинга по вопросам соблюдения проверяемым субъектом государственных нормативных требований охраны труда, затрагивающих права и законные интересы граждан на здоровые и безопасные условия труда, вне зависимости от наличия у контролирующего (надзорного) органа информации о совершаемом (совершенном) нарушении законодательства или о фактах возникновения угрозы причинения либо причинения вреда жизни, здоровью граждан, без представления документов, подтверждающих такие нарушения или факты.

При установлении нарушений, создающих угрозу причинения вреда жизни и здоровью работников контролирующий (надзорный) орган сможет в регламентированном порядке вынести требование (предписание) о приостановлении (запрете) деятельности субъекта.

Основанием для планирования такой работы могут служить содержащиеся в базе данных интегрированной автоматизированной системы контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь сведения о назначении проверок и об их результатах, обязанность внесения которых в указанную базу данных контролирующими (надзорными) органами установлена Указом Президента Республики Беларусь от 26 июля 2012 г. № 332 «О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь».

В целом нормативная правовая база по вопросам охраны труда характеризуется разрозненностью норм, регулирующих вопросы ответственности за нарушение правил охраны труда, наличием бланкетных (отсылочных) норм, что негативно сказывается на регулировании отношений, направленных на создание здоровых и безопасных условий труда, а также эффективности осуществления контроля и надзора за указанной сферой общественных отношений.

Процесс совершенствования законодательства, по нашему мнению, следует осуществлять в направлении кодификации норм, регулирующих

ответственность за нарушение требований действующих нормативных правовых актов, а также включения вопросов охраны труда в перечень мероприятий технического (технологического, поверочного) характера, утверждаемого Советом Министров Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь.

Разумеется, это лишь малая часть мер, реализация которых может обеспечить право работника на безопасные условия труда. Однако охрана труда – не только государственная задача. Полагаем, на гражданском обществе лежит не меньшая ответственность за формирование надлежащих общественных отношений, характеризующихся безопасностью и культурой производства, в условиях постоянно повышающейся интенсификации труда.

В этой связи, приведенные в настоящей статье криминологические характеристики нарушений правил охраны труда могут быть использованы заинтересованными лицами для профилактики производственного травматизма и предотвращения несчастных случаев на производстве, осуществления контрольно-надзорной деятельности, совершенствования законодательства в этой области.

Список цитированных источников

1. Вечерний Минск. – № 9 (12460). – 2012. – 1 марта.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011.
3. Вечерний Минск. – № 16 (12467). – 2012. – 19 апр.
4. БЕЛТА. – 14 июля 2012. – Общество. – Режим доступа: http://news.tut.by/society/299592.html.
5. О государственных нормативных требованиях охраны труда в Республике Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 10.02.2003, № 150.
6. Олейникова, А.В. Несчастные случаи на производстве: учет и расследование / А.В. Олейникова. – Минск: Агентство Владимира Гревцова, 2008. – 256 с.

Дата поступления статьи – 24.08.2012.

Статья посвящена проблеме нарушений правил охраны труда, повлекших совершение преступлений, предусмотренных ст. 306 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Приводится криминологическая характеристика субъектов преступлений, обзор нарушений законодательства, причин и условий, способствующих причинению вреда жизни и здоровью граждан.

Предлагаются некоторые меры по профилактике данного вида правонарушений.

Article is devoted a problem of infringements of labour safety rules which have entailed fulfilment of crimes, provided by article 306 of the Criminal code of the Republic of Belarus.

The criminological characteristic of subjects of crimes, the review of infringements of the legislation, of the reasons and the conditions that contribute to harming citizens' life and health are provided.

Some measures on prevention of offences in question are offered.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ НЕМЕДИЦИНСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

Боголюбова Т. А.

Стратегия государственной антинаркотической политики до 2020 года одной из задач, направленных на решение проблемы немедицинского потребления наркотиков[1], назвала создание государственной системы профилактики их немедицинского потребления с приоритетом мероприятий первичной профилактики (п. «д» ст. 6). Следует отметить, что работа над созданием такой системы начата давно[2] и основы ее уже достаточно четко сформированы. В настоящее время надо тщательно проанализировать накопленный опыт и наметить пути его дальнейшего совершенствования.

Можно констатировать, что практически во всех субъектах Российской Федерации деятельность по профилактике немедицинского потребления наркотиков осуществляется в рамках целевых программ борьбы с незаконным оборотом наркотиков и предупреждением их немедицинского потребления. Придавая первостепенное значение ограждению несовершеннолетних и молодежи от вреда наркотиков, в большинстве из них планирование мероприятий по предупреждению вовлечения их в наркотизацию оформлено самостоятельными целевыми программами.

Изучение практики подготовки, принятия и реализации указанных программ свидетельствует о том, что наибольшие трудности региональные органы власти и управления испытывают с финансированием запланированных мероприятий. Так, отмечаются факты неисполнения запланированных программами мероприятий в связи с неполным их финансированием. В связи с чем встают вопросы об изыскании спонсорских источников финансирования этих программ, необходимости четкого контроля за целевым использованием выделяемых средств, в том числе и методами прокурорского надзора.

Созданные Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» (в ред. Указа Президента РФ от 19.10.2011 № 1390) государственный антинаркотический комитет и антинаркотические комиссии по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту в субъектах федерации как полноправные субъекты профилактики из года в год проводят большую работу в этом направлении [1].

---

[1] Здесь и далее понятием наркотики объединен весь перечень контролируемых средств и веществ, поименованных в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах».

[2]Указанное направление деятельности соответствует ратифицированным Россией «Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года» (ст. 38), Конвенции о психотропных веществах от 10 февраля 1971 г. (ст. 20) [5].

Деятельность Комитета и комиссий планируется, на их заседаниях рассматриваются вопросы организации профилактических мероприятий, осуществляется постоянный контроль их исполнения. В соответствии с требованиями вышеназванного Указа Комитет и комиссии на местах строят свою работу на основе мониторинга ситуации с распространением наркотиков в регионе. Это особенно важно подчеркнуть, так как научные исследования, проведенные в НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, свидетельствуют о существенных региональных особенностях распространения наркотиков в стране. В то же время следует отметить, что в ряде регионов прокурорскими проверками нередко в работе комиссий, действующих при муниципальных образованиях субъектов Федерации, выявляется формализм.

Изучение зарубежного опыта профилактики немедицинского потребления наркотиков свидетельствует о распространении в нем большого и разнонаправленного количества моделей профилактических программ [2, с. 23–29]. Реализация таких программ (образовательных, медицинских, психосоциальных и др.) в деятельности антинаркотического комитета и комиссий еще не получила повсеместного распространения. Более широкое привлечение к их созданию отечественных научных кадров (медиков, психологов, педагогов, юристов и др.), в том числе знающих региональные особенности распространения наркомании, могло бы стать одним из направлений совершенствования деятельности антинаркотических комиссий и преодоления ими пока еще встречающегося формального подхода к решению поставленных перед ними задач.

Важным слагаемым первичной профилактики немедицинского потребления наркотиков является оказание медицинской помощи их потребителям. Медицинские аспекты ситуации с незаконным потреблением наркотических средств и психотропных веществ в стране в целом и в субъектах федерации, в частности, находятся под контролем органов Минздравсоцразвития России [3]. Медицинская помощь потребителям наркотиков оказывается наркологическими диспансерами, психиатрическими больницами и медицинскими учреждениями общего профиля. Последние задействованы в оказании помощи указанному контингенту в виду отсутствия в некоторых регионах врачей-наркологов и медицинских учреждений, специализирующихся на оказании помощи потребителям наркотических средств и психотропных веществ. Привлечение частнопрактикующих врачей к оказанию медицинской помощи потребителям наркотических средств и психотропных веществ не носит массового распространения. При этом частнопрактикующие специалисты действуют по лицензиям. Они не занимаются лечением, а лишь консультируют и оказывают содействие в реабилитации лиц, прошедших лечение от наркомании в государственных учреждениях здравоохранения.

Следует отметить, что оказание лечебной, а особенно реабилитационной помощи наркоманам, прошедшим курс лечения, пока еще страдает

серьезными недостатками. По официальным данным ФГУ «Национальный научный центр наркологии» Минздравсоцразвития России за последние пять лет в наркологической службе произошли серьезные структурные изменения, далеко не все из них можно оценить как позитивные: «За указанный период число наркологических диспансеров, в том числе имеющих стационарные подразделения уменьшилось на четверть. На 6 % снизилось число многопрофильных учреждений (ЦРБ и поликлиник), в составе которых имеются наркологические отделения и кабинеты, в том числе на 21 % – имеющих подростковые отделения и кабинеты. Уменьшается число стационарных и число наркологических коек; продолжает снижаться число наркологов… Обеспеченность контингента наркологических больных кадрами реабилитационного звена является низкой. В 2010 году существовало лишь 3 реабилитационных центра – самостоятельных учреждений, в которых по состоянию на 31.12.2010 было развернуто 190 коек. На базе специализированных учреждений развернуто 9 реабилитационных отделений, имеющих статус реабилитационных центров для наркологических больных. Суммарный коечный фонд этих подразделений составил 1 538 коек. Наблюдается крайне низкая обеспеченность психотерапевтами… Высокий коэффициент совместительства (1,7), зафиксированный в 2010 году, указывает, с одной стороны, на все еще не удовлетворенную потребность в специалистах данного профиля, а с другой стороны, свидетельствует о перегруженности врачей, что не может не отражаться на качестве оказания помощи» [4, с. 4–5].

Проведение освидетельствования лиц на предмет потребления ими наркотических средств и психотропных веществ во многих регионах сопряжено с определенными трудностями: условия для его проведения имеются далеко не во всех районах субъектов Федерации. В некоторых регионах России такие условия имеются только в центральных медицинских учреждениях. Сложившаяся ситуация практически лишает возможности своевременно констатировать одурманивание лица наркотическими средствами или психотропными веществами. Очевидно, в прямой связи с этим допускаются такие нарушения правил учета рассматриваемого контингента, как необоснованная постановка на учет, необоснованное снятие или несвоевременное снятие с учетов. Подобного рода нарушения не носят широко распространенного характера, но даже единичные факты подобного рода не могут считаться допустимыми.

В связи с этим вопросы материального, ресурсного, кадрового обеспечения наркологической помощи выдвигаются на первый план.

В последнее время все чаще и чаще реабилитационные центры организуются Русской православной церковью, иными конфессиями, благотворительными фондами и общественными организациями. Обнародованные недавно факты нарушений прав граждан в таких центрах требуют необходимости проверки их деятельности не только региональными органами здравоохранения, но и надзора со стороны прокурорских органов на пред-

мет соблюдения прав и законных интересов пациентов, находящихся в лечебных и реабилитационных учреждениях.

Привлечение к профилактике рассматриваемого негативного явления общественности, волонтеров и различных негосударственных фондов освоено далеко не повсеместно. Между тем именно это направление является важным резервом повышения эффективности профилактики немедицинского потребления наркотиков. Но его дальнейшее распространение требует организации ведомственного контроля и прокурорского надзора за исполнением действующего законодательства в деятельности общественных формирований и волонтеров, участвующих в профилактике немедицинского потребления наркотиков.

Как положительный факт следует отметить взаимодействие медицинских учреждений с органами образования, системы профилактики несовершеннолетних, МВД России, ФСКН России, общественными организациями регионов. Оно осуществляется в различных формах, предписанных нормативными правовыми актами: совместные заседания, обмен информацией, проведение координационных совещаний, конференций и т. п.

Обобщение опыта профилактической работы, проводимой по указанному направлению, показывает, что на местах проводится обширная и разнообразная по способам и методам проведения профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ. Следует назвать санитарно-просветительскую работу, включающую издание и распространение специальной литературы, пропаганду медицинских знаний среди населения регионов, контроль за информацией, распространяемой в Интернете[1] и представляющей угрозу для несовершеннолетних и молодежи. Указанными формами профилактической работой охвачены различные группы населения, в том числе несовершеннолетние и их родители. Практически повсеместно отмечается проведение комплекса мероприятий по формированию здорового образа жизни, повышению занятости подростков и молодежи в свободное от учебы и работы время (оздоровительные и спортивные лагеря, трудоустройство подростков в летние периоды) и т. д. Создаются и функционируют общественные организации, занимающиеся профилактикой: «Матери против наркотиков», «Вера», «Новая жизнь» и другие общественные фонды, оказывающие помощь потребителям наркотических средств.

Своеобразный, но не менее значимый вклад в профилактику немедицинского потребления наркотиков и борьбу с их незаконным оборотом вносят органы прокуратуры. Участие прокуратуры в профилактике распространения немедицинского потребления наркотиков осуществляется в традиционных формах деятельности прокурорских органов. Наиболее распространены прокурорские проверки соблюдения действующего законода-

[1] Например, Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [8].

тельства в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и их немедицинскому потреблению[1]. Прокурорские проверки проводятся по вопросам исполнения действующего законодательства органами власти и управления, участвующими в профилактике немедицинского потребления наркотиков, соблюдения законодательства, регулирующего законный оборот наркотических средств и веществ, выполнения требований учетно-регистрационной дисциплины при принятии и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях, связанных с оборотом указанных средств и веществ, законность производства следствия и дознания по делам о преступлениях, связанных с наркотиками, и др.

Прокурорскими проверками охвачены деятельность органов ФСКН России, МВД России, Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, а также органов образования, учреждений, получивших лицензию на участие в обороте наркотических средств и психотропных веществ, лицензирующих органов и др.

В ходе надзорных проверок выявляются нарушения соблюдения правил лицензирования, факты осуществления деятельности с наркотическими средствами и психотропными веществами без оформления требуемых по Федеральному закону от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» лицензий или с нарушением установленных лицензиями сроков. Отмечаются также нарушения порядка предоставления лицензий, а также несоблюдение требований к условиям осуществления лицензионной деятельности. Прокурорские проверки лицензирующих органов и лицензиатов особенно актуальны для выявления допускаемых в этой сфере коррупционных правонарушений.

Чаще всего в связи с этими проверками устанавливаются несоблюдение правил хранения наркотических средств и психотропных веществ, их выдачи и реализации, порядка и условий уничтожения. Среди нарушений прав граждан прокурорами нередко выявляются: отсутствие согласия родителей несовершеннолетних на проведение лечения, отказы в лечении, содержание несовершеннолетних наркоманов вместе со взрослыми пациентами наркологических стационаров и т. п.

Порой надзорными проверками выявляются случаи нарушения сохранности наркотических средств и психотропных веществ в медицинских

[1] Проверки проводятся с учетом приказов Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», от 11.08.2010 № 313 «О порядке формирования органами прокуратуры ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», от 05.09.2011 № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия», от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» [9].

учреждениях регионов и прекурсоров, используемых в учебном процессе образовательных учреждений. При наличии к тому достаточных оснований по результатам проверок возбуждаются уголовные дела в отношении главных врачей больниц и среднего медицинского персонала. По выявленным нарушениям применяется при наличии к тому оснований административная и дисциплинарная ответственность. Равно как и использование таких мер прокурорского реагирования, как вынесение представлений об устранении нарушений закона и предостережений о недопустимости нарушений закона. Обеспечение сохранности наркотических средств и психотропных веществ является важной профилактической мерой, позволяющей перекрыть один из каналов поступления наркотиков в незаконный оборот. Тем более, что контролирующими органами систематичность проведения обязательных ведомственных проверок не всегда соблюдается. Прокурорский надзор за законностью деятельности по профилактике немедицинского потребления наркотиков и борьбы с незаконным оборотом наркотиков обеспечивает исполнение действующего законодательства при осуществлении всех профилактических мероприятий, являясь гарантом их успешности. В связи с этим органы прокуратуры, выполняя предусмотренные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» полномочия, могут оцениваться своеобразным участником профилактической деятельности, при осуществлении которой российская прокуратура реализует свою правозащитную функцию.

Список цитированных источников

1. Собрание законодательства РФ. – 22.10.2007. – № 43. – Ст. 5167.

2. Кульбаев, Р.М. Зарубежный опыт профилактики наркомании / Р.М. Кульбаев // Современное общество: актуальные проблемы борьбы с преступностью: сб. статей. – Нальчик: Эль-Фа, 2007.

3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 225ан «Об утверждении порядка оказания наркологической помощи населению Российской Федерации», утв. в том числе положение «Об организации деятельности наркологического кабинета по обслуживанию детского населения»; приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 января 2006 г. № 45 «Об утверждении рекомендуемых штатных нормативов медицинского и иного персонала наркологических учреждений и наркологических подразделений в составе других лечебно-профилактических учреждений», Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323 «Об основах здравоохранения граждан в Российской Федерации».

4. Основные показатели деятельности наркологической службы в 2009–2010 гг.: стат. сб. // М-во здравоохранения и социального развития; ФГУ «Национальный научный центр наркологии» Минздравсоцразвития. – М., 2011.

5. Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 года (ст. 38) // Конвенция о психотропных веществах от 10 февраля 1971 г. (ст. 20).

6. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Указ Президента Рос. Федерации, 18 октября 2007 г., № 1374: в ред. от 19.10.2011 № 1390 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 43. – Ст. 5167.

7. Об основах здравоохранения граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323.

8. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ

9. Приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», от 11.08.2010 № 313 «О порядке формирования органами прокуратуры ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», от 05.09.2011 № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия», от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности».

Дата поступления статьи –13.09.2012.

В статье рассматриваются современные проблемы профилактики немедицинского потребления наркотиков.

The article considers contemporary problems of preventing non-medical drug usage.

КОРРУПЦИЯ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(общая постановка проблемы и ее украинский ракурс)

Литвинов А. Н.

Поскольку коррупцией является подкуп, то другой стороной этого явления становится продажность, но касается это должностных лиц, что всегда означает сферу публичных отношений, а значит имеющую соответствующую регламентацию и нормативное регулирование [1, с. 336]. Так, в последнем украинском исследовании коррупция определяется как «использование служебного положения должностными лицами для предоставления за вознаграждение различного рода материальных благ, льгот, услуг и других преимуществ» [2, с. 7]. Можно говорить, что факт коррупционного деяния имеет определенные характеристики, которые отражают различные аспекты обусловленности взаимодействия людей в обществе, самого способа бытия человека в его хронотопной (пространственно-временной) данности.

Актуальность проблемы коррупции доказывает сама жизнь, поскольку это явление приобрело масштабы, которые стали, как, например, в Украине, угрожающими даже для существования самого государства. В классической философско-правовой мысли в понятии «коррупция» особо подчеркивается значение «разложение», например Ш.-Л. Монтескье писал о «разложении – la corruption – принципов» демократии, аристократии и

монархии, что приводит к их упадку и гибели [3, с. 254–263]. Синонимами французского *«la corruption»,* немецкого *«Korruption»* и английского *«corruption»* является «упадок», «загнивание», «разврат», «испорченность», «гниение» и другое, что одновременно может быть и морально-ценностными характеристиками обществ [4, с. 427].

Проблемы борьбы с коррупцией исследовались в работах многих украинских правоведов, прежде всего это И. Голосниченко, А. Дараган, З. Живко, В. Клочков, Е. Ковалев, В. Мейтус, Н. Мельник, Т. Никифорец, С. Рогульский, В. Ряяшко, И. Ревак, С. Стеценко, А. Француз и др. Политологами, социологами и философами анализировались и социальные аспекты указанного явления, это Ш. Ватсон, Л. Герасина, К. Малеев, Д. Мейс, Е. Невмержицкий, Ф. Шульженко, В. Якушик и др. Однако общекультурных характеристик и культурно-исторических истоков этого явления авторы научных публикаций касаются опосредованно[5], есть разыскания в этом направлении, которые имеют скорее описательный, а не аналитический характер [6]. Более подробно, но под политологическим углом зрения освещается культурно-исторический аспект проблемы в исследовании группы публицистов, которые изучали истоки коррупции на территориях бывшего социалистического лагеря [7]. Философско-правовой подход к этому явлению, а не преимущественно административно-правовой или уголовно-правовой, и обусловливает *новизну* постановки вопроса в этой статье.

Тот факт, что борьбу с коррупцией декларируют практически все государства, свидетельствует о глубинных основаниях этого явления. Философия культуры утверждает, что культура – это «способ человеческого бытия и затрагивает не только форму, но и все без исключения содержание того, что человек делает и чем живет в этом мире» [8, с. 3–4]. Именно поэтому культурологический подход, основывающийся на онтологической укорененности любых взаимоотношений, позволяет достичь понимания соответствующих проблем, которые прячутся за чисто юридическими и даже их более широкими социальными аспектами. Культура (от лат. *cultura* – обработка, обрабатывание) понимается, прежде всего, как способ упорядочивания человеческой жизни, а потому обязательным элементом структуры этой категории является нормативность. Сложность способов взаимодействия людей отражается в концентрации их специфичности, а это отделяет и нормативное их воплощение. Так, нормы этические, эстетические, правовые и другие обретают свою спецификацию в соответствующих сферах знания, означенных предметно еще Аристотелем. Этот подход отражает и потребности культурного развития человечества, и закономерности рационального мышления, когда они воплощаются в логике действий в соответствующей сфере деятельности. Таким образом, этическим требованиям должны отвечать этические действия, экономическим – экономические, правовым – правовые и т. д. Если же происходит подмена смыслового качества реакции (как правило, в результате катастроф), то происходит редуцирование (упрощение) таких действий до элементарных

биологических принципов борьбы за существование. Такое редуцирование продуцируется и примитизированными культурами, но при взаимодействии с культурами более развитыми они свои формы пытаются терминологически воплотить через категориальный аппарат культур более развитых. Фактически же речь идет о мимикриях, которые имеют смысл для привлечения прибыли без усилий адекватной степени напряжения.

Примитизированные или имитационные культуры определяются как культуры вторичные, где превалирует потребительская, а не трудовая этика, и где происходят процессы постоянного возрождения способов общения и взаимодействия, которые присущи более простым культурам. Это порождает юридические призраки наподобие «сталинской» конституции 1936 г., что с правовой точки зрения является использованием власти для приобретения определенных преимуществ, имеющих откровенно криминализованное основание. Агрессивность индивидуального прагматизма должностных лиц порождает коррозию сознания: массовый характер преимущества аморальности и циничности на фоне бездуховности, которую демонстрирует их систематичность, достигают степени необходимости, а это возносит коррупционность до уровня нормативности. Подвергаются коррозии и культурные формы взаимодействия, например, потлач как воплощение благодарности, когда во вторичных культурах в эту форму обмена включается преступное вымогательство, конкретизирующееся в виде взятки.

Для признания таких деяний коррупционными необходимой является принадлежность фигурантов к властным структурам, когда имеющиеся полномочия становятся способом личного обогащения. Этот легкий способ наживы присущ простым формам социальной организации, но в сложных он преодолевается за счет публичности власти. Мировоззренческой основой такого подхода являются теории естественного права Нового времени, где впервые была обоснована идея равных прав *каждого человека*. Во вторичных культурах она наполняется иным смыслом, погруженным в пласты предыдущих, более простых времен, поскольку сложность современного мира постоянно требует интеллектуального и морального напряжения. Преобладание культурных доминант вторичности, основанных на копировании и потреблении чужих идей и форм существования, принципиально отрицают креативность. Это естественным образом дает перевес традиционности над инновационностью и угнетает творческие потенции людей, поскольку постоянно осуществляется давление индивидуальных интересов должностных лиц на оформление результатов деятельности других людей. Дополнительным фактором создания такого положения является влияние иррациональных способов мышления на процессы формализации общественной и государственной жизни, например, возрождение архаических принципов привлечения во властные структуры индивидов по признакам кровнородственных связей.

В современном мире архаические (силовые) способы решения проблем не могут быть не криминальными, к тому же особой сложности ситу-

ации возникают, когда на такую силу опирается государство, что делает и его действия криминальными[1]. Иными словами, отдельные формы действий, которые в истории культуры были выведены за ее границы (в сферу криминального), возрождаются и распространяются. В этом контексте коррупция, отмывание денег и другое являются только отдельными проявлениями тотальной криминализации сознания, которое теряет опору в идеальных культурных образцах морально-религиозного характера. К тому же, обретение свободы в период независимости происходило без необходимого субстанционального императива ответственности, что создало ситуацию раздавливания криминальной примитивностью не только нравственного и правового сознания, но и элементарной рациональности. Эта криминальная примитивность доминирует и диктует условия во всех сферах жизни – от обыденной до политической.

Относительно коррупционных действий и создания условий для них в странах вторичных культур, и в Украине в частности, предлагаем классификацию их общих и специфических оснований:

I. Общие: отражают психолого-биологические качества природы человека.

II. Специфические: отражают особенности существования и развития общества и личности: а) культурно-исторические; б) мировозренчески-этические; в) социально-политические.

А именно:

I. Выражением общих оснований коррупционного сознания являются элементарные потребности и психолого-эмоциональные состояния, поскольку неискоренимым является стремление человека к обретению чего-либо без лишнего напряжения: именно это может объяснить повсеместное наличие коррупции.

II (а). Культурно-исторические основания имеют истоки, сформировавшиеся преимущественно в период становления национального сознания и как выражение культуры имеют фольклорные свидетельства прев основном отрицательного взаимоотношения власти и народа. Чистосердечный «могорыч» приобретал функции решения проблем политических, административных, правосудных и т. д.

II (б). Мировоззренческо-этические основания связаны с ортодоксальностью православия, которое чрезмерно погружено в архаику и раннефеодальные принципы взаимоотношений, что является существенным тормозом для критического восприятия мира и рациональных действий.

II (в). Социально-политические основания криминально-корумпированного сознания сформировались преимущественно в XX веке и связаны с уничтожением наиболее активной и самостоятельной части

[1] В первые годы становления независимого украинского государства организованная преступность превратилась в «пятую власть» [9, с. 16], что в значительной степени обусловлено совпадением деятельности бывших бандитов и бывших партийных деятелей, то есть власти в деле ограбления страны [10, с. 29].

населения в годы господства моноидеологии. О более мягком ее виде сегодня свидетельствует массовая трудовая миграция. Циничность и аморализм ситуации, кроме неправедно добытого имущества властителей, становятся их же законодательно утвержденными привилегиями, которые литовский правовед А. Вайшвила называет «агрессией против общества» [11, с. 294].

Одной из фундаментальных причин, которая обусловливает неразвитость рациональных структур сознания и тормозит процессы воплощения гуманистической направленности культурного развития, является экзистенциал страха. Эта причина присутствует в каждом из названых оснований. И с этой точки зрения культурно-исторические корни коррупции находим в обожествлении власти как носителя силы и организатора совместной жизни, что также является одной из характеристик архаических обществ. Далее также важны ритуальные жертвоприношения в целях задабривания богов, то есть стихии, которыми представлялись и явления природы, и явления социальные. Это было формой воображаемого упреждения возможных отрицательных последствий реальных или воображаемых событий. Такой страх был преодолен в западной цивилизации путем рационализации жизни. Наиболее важными и действенными инструментами в сфере духовной стала наука, в сфере практических отношений – экономика, в сфере регулирования социальных отношений – право. Избавление от страха связано с расширением свободы на разные сферы жизни: рациональное познание влияло и на религию, и на этику, и на право, которое постепенно обретало содержание, связанное со свободой каждого индивида, а сила жесткая, физическая постепенно трансформировалась в силу убеждения, которое презентует интерес каждого человека.

Ареал восточных культур, главным качеством которых является традиционность, продолжает опираться на страх и иррационализм, постоянно возрождая архаические формы решения проблем, поскольку они просты, привычны, а потому удобны. Естественная тяга к экономии усилий и сохранению силы в целях выживания подсознательно выносится на социальную жизнь как отказ от интеллектуального и морального напряжения, тем более, что наблюдения на уровне обыденного сознания показывают преимущества такого способа поведения и действия.

Наша история последнего столетия – это иррациональное, сконцентрированное до неимоверных степеней жестокости и трагизма в примерах 1920–1950-х гг. Что в терминологии политологии и правоведения получило названия «тоталитаризм», «нарушение прав человека» и другие, у историков – «геноцид», «голодомор», «культ личности». Государство выступало монстром, который пожирал всех, кто не мог принести ему жертву, которая б его удовлетворила. Жертвовали всем: достоинством, родителями, жизнью. Огромная концентрация страха возродила множество архаических форм существования, поскольку первоочередной функцией обычного человека было элементарное выживание, включая выживание за счет гибели

другого. В определенном смысле и коррупционные действия являются такими же, поскольку искажают естественное течение жизни и делают ее фактичность фикцией, но жертвы – реальными. И власть привыкла к жертвам, без которых не могла и до сих пор не может существовать [12, с. 202–209]. На всех своих ступенях она принимает эти жертвоприношения, которые обрели разнообразные формы, включая коррупционные. Эти формы вырабатывались столетиями и имеют вид от элементарного задабривания начальников на праздники, дни рождения и другие знаменательные даты, ритуальное решение своих проблем через предоставление им услуг и материальных благ до прямого или косвенного давления на обычного гражданина. А человек, который не выполняет требований – вымогательств – вторичных культур (то есть коррупционных деяний), испытывает давление со стороны этого общества, часто через государственные учреждения и с использованием юридического инструментария, который мимикрирует под правовые деяния. Таким образом, криминально-иррациональная нормативность становится симулякром нормативности культурно-рациональной, что является также одним из признаков вторичности культуры в государственно-правовом аспекте.

Выводы из вышеизложенного могут быть такими.

На уровне (I) психолого-биологическом (общем) проблема коррупции представляется нерешаемой, поскольку всегда вводится из правового поля в поле индивидуального взаимодействия независимо от сопровождающей терминологии. А учитывая условия существования в обществе, принадлежащем к вторичным культурам, эта психологическая установка подчиняет себе и действия, которые даже официально имеют статус общественно-значимых, прежде всего государственных. Такое смешение смысловых значений способствует формированию коррупционного мышления.

На уровне (II) специфических оснований коррупционного сознания и действий они могут быть скорректированными способами, выработанными в течение культурного развития человечества, и частично – в случае II (а) – уже преодолеваются в связи с применением сложных технических средств фиксирования действий должностных лиц. Но самым сложным в плане преодоления представляются мировоззренческо-этические основания – II (б), поскольку элемент сакральности делает их почти неприкасаемыми в аспекте корректировки, а отсюда вопрос критичности и возможное требование открытости может заранее восприниматься как определенное профанное «посягательство» на эту сферу, что предоставляет апологетам нынешнего *status quo* абсолютное преимущество. Однако обращение к наиболее авторитетным текстам наследия христианской мысли позволит апеллировать и к общегуманитарным ценностям индивидуалистической направленности. Что же касается социально-политических оснований коррупционности – II (в), то декларирование современной властью приверженности демократическим идеалам позволяет влиять на происходящие процессы в направлении очищения от явлений криминального характера, в

том числе и коррупционных. Тогда ключевыми понятиями становятся понятия прав человека и гражданского общества, которые должны получить аутентичный смысл через наполнение их реальным смыслом.

Список цитированных источников

1. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (гл. ред.) и Л.С. Шаумяна. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – 784 с.

2. Корупція: теоретико-методологічні засади дослідження / керівник авт. колективу доц. І.О. Ревак. – Львів: ЛьвДУВС, 2011. – 220 с.

3. Монтескье, Ш. О духе законов // Избр. произв. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 159–734.

4. Баш, Л.М. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш [и др.]. – М.: Цитадель-трейд, 2003. – 960 с.

5. Костенко, О.М. Культура і закон – у протидії злу: моногр. – Київ: Атика, 2008. – 352 с.

6. Омельченко, С. Корупція з точки зору різних культур світу // Предпринимательство, хозяйство и право. – 2000. – № 3. – С. 54–57.

7. Мілер, В. Звичаєва корупція? Громадяни та уряд у посткомуністичній Європі / В. Мілер; пер. Дм. Скляренко. – Київ: К.І.С., 2004. – 218 с.

7. Быстрицкий, Е.К. Введение // Бытие человека в культуре (опыт онтологического подхода) / отв. ред. Е.К. Быстрицкий. – Київ: Наук. думка, 1991. – С. 3–7.

8. Євдокимов В. Світло і тінь „п'ятої влади" // Розбудова держави. – 1997. – № 2. – С. 16–18.

9. Мейсон Д. Українська клептократія // Політична думка: український науковий журнал. – 1994. – № 4. – С. 28–30.

10. Вайшвила А. Правовой персонализм как аксиологическая теория и как методология правопонимания в современном демократическом обществе // Проблемы философии права: сб. ст. / авт.: М.А. Колеров [и др.]; [Под ред. А.Н. Литвинова] // МВД Украины, Луганск. гос. ун-т внутр. дел. – Луганск, 2006. – С. 285–305.

11. Пролеєв С.В. Метафізика влади: моногр. – Київ: Наук. думка, 2005. – 324 с.

Дата поступления статьи –17.09.2012.

Коррупция рассматривается как явление, которое выведено за пределы культуры в сферу преступного в обществах первичных (креативных) культур, и как явление, присущее естественным образом обществам вторичных (имитационных) культур. Проанализированы общие (психолого-биологические) и специфические (культурно-исторические, мировоззренческо-этические и социально-политические) основания коррупции. Сделаны выводы: о невозможности решения указанной проблемы как преодоления этого явления в психолого-биологическом аспекте (поскольку происходит его нормативизация); о сложности ее решения в специфических аспектах, где наиболее действенный инструментарий может предложить только право (поскольку иные нормативные системы не имют всеобщего и обязующего характера); о необходимости наполнения реальным смыслом понятий «права человека» и «гражданское общество». В этом контексте показаны некоторые особенности формирования и функционирования криминально-коррупционного сознания в Украине.

The corruption is considered both as a phenomenon which is taken out beyond the limits of culture to the sphere of the crime in societies of primary (creative) cultures, and as a phenomenon which is naturally resided to the societies of secondary (imitating) cultures. Common (psychological and biological) and specific (cultural and historical, outlook, social and political) grounds of corruption are analyzed. The following conclusions are reached: about impossibility to solve this problem as overcoming of this phenomenon in psychological and biological aspects (as its normativisation is occuring); about complexity of its solving in specific aspects, where only the law may offer the most effective instrumentation (as long as another normative systems do not have universal and obligatory character); about the necessity of filling of notions the human rights and civil society with real sense. In this context some features of forming and functioning of criminal and corruption consciousness in Ukraine are shown.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Мохорев А. Н.

Основной мерой по обеспечению общественной безопасности является борьба с преступностью и ее предупреждение. Однако эффективность и качество расследования преступлений самым непосредственным образом зависит от уровня криминалистического обеспечения соответствующих подразделений правоохранительных органов, то есть системы криминалистических знаний и основанных на них умений использовать научно-криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. При этом встает вопрос о легальном значении понятия «общественная безопасность».

Задачей данного исследования является определение понятия «общественная безопасность» с точки зрения современного белорусского законодательства.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г. (далее – Концепция), содержит положение о том, что в Республике Беларусь надежно обеспечивается государственная и **общественная безопасность**, ведется последовательная борьба с различными криминальными проявлениями [1]. Одновременно в Концепции используются такие понятия, как «социальная безопасность» и «информационная безопасность».

Таким образом, термин «общественная безопасность» тесно связан с понятием «национальная безопасность» и используется законодателем как один из оценочных критериев состояния национальной безопасности.

Впервые на постсоветском пространстве легальное определение понятия «**общественная безопасность**» было закреплено в Модельном законе «О безопасности», принятом постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Рес-

публики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 15 октября 1999 г. № 9-9 (далее – Модельный закон) [2].

Согласно нормам ст. 1 Модельного закона под **общественной безопасностью** понимается состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан, а также ценностей общества от возможных опасностей и угроз, способных нанести им ущерб. Здесь следует отметить, что практически идентичное определение, но относящееся к понятию социальной безопасности, содержится в п. 4 Концепции (состояние защищенности жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз).

При этом Модельным законом определено, что обеспечение безопасности является главным условием развития независимого суверенного государства, а угроза безопасности – это совокупность условий, процессов и факторов, препятствующих реализации интересов или создающих опасность для них.

В иных нормативных правовых актах понятие «общественная безопасность» используется одновременно с понятием «общественный порядок». Например, Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17 июля 2007 г. № 263-З (далее – Закон об ОВД) неоднократно оперирует словосочетаниями «общественная безопасность» и «общественный порядок», не раскрывая их содержания [3]. Так, ст. 1 Закона об ОВД определяет, что органы внутренних дел – это государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них настоящим Законом и иными законодательными актами Республики Беларусь. При этом указанные термины используются не только при характеристике целей деятельности, но и для обозначения наименования одного из структурных подразделений, к числу которых относится милиция общественной безопасности.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) также оперирует терминами «общественный порядок» (п. 2 ст. 4; ч. 6 ст. 77; ч. 7 ст. 78 и др.), «правопорядок» (ст. 2) и «общественная безопасность». Так, раздел XI и глава 30 УК называются «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности». Раздел X УК называется «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» и включает в себя три главы: «Преступления против общественной безопасности»; «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта»; «Преступления против здоровья населения». Все это позволяет сделать вывод о том, что УК не только разграничивает понятия «общественный порядок» и «общественная безопасность», но и не называет объектом посягательства общественную безопасность для целого ряда преступлений, имеющих отношение к состоянию защищенности жизни и здоровья граждан. Например, преступления против здоровья населения, про-

тив человека и другие помещены в иные разделы и главы УК, имеющие названия, не связанные с термином «общественная безопасность». Тем самым формально структура УК не вполне соответствует тем подходам к содержанию понятия «общественная безопасность», которое вытекает из смысла норм Концепции и Закона об ОВД.

Произведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что легальное определение понятия «общественная безопасность» содержится лишь в Модельном законе «О безопасности». Целый ряд законодательных актов, в том числе относящихся к публично-правовым отраслям, использует этот термин, как правило, в сочетании с понятиями «законность» или «общественный порядок». При этом анализ правовых норм, содержащихся в различных законах, свидетельствует об отсутствии единообразных подходов к содержанию одних и тех же понятий.

Между тем однозначность в определении такого термина, как «общественная безопасность» могла бы позволить установить круг органов, обеспечивающих надлежащую реализацию одного из основных направлений деятельности государства, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь. Кроме того, это способствовало бы определенности в установлении направлений деятельности, ее видов и непосредственному содержанию и, как результат – созданию оптимальных механизмов достижения целей общественной безопасности.

Свободная Интернет-энциклопедия «Википедия» указывает на то, что общественная безопасность является одной из составляющих национальной безопасности, выраженной в уровне защищенности личности, общества и государства преимущественно от внутренних угроз общеопасного характера. Общественная безопасность – это также совокупность нормальных общественных отношений, установленных нормативно-правовыми актами, обычаями и традициями, обеспечивающая достаточный уровень личной безопасности членов общества и самого общества в целом.

В науке теории государства и права существует позиция, согласно которой кроме уровня преступности и правонарушений одним из критериев оценки общественной безопасности следует считать уровень защиты личности и общества от последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Состояние и уровень общественной безопасности характеризуются удельным уровнем преступлений и правонарушений, влияющих на состояние безопасности общества в целом и отдельных граждан в частности [4].

Таким образом, с этой точки зрения под общественной безопасностью необходимо понимать совокупность нормальных общественных отношений, установленных нормативно-правовыми актами, обычаями, традициями, характеризующимися высоким уровнем защищенности общества, и, в частности, личности, ее прав, интересов, как от внутренних угроз общеопасного характера, так и от последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Общественная безопасность тесно связана с личной безопасностью граждан. Эта взаимосвязь проявляется не только в том, что от безопасности отдельного человека зависит состояние безопасности общества в целом, но и в том, что общественная безопасность означает ограждение от различных видов угроз (опасностей) одновременно многих людей на определенной местности.

Интересным представляется мнение Г.А. Туманова и В.И. Фризко, которые считают, что общественная безопасность представляет собой совокупность органов и средств, осуществляющих «предотвращение и устранение угрозы жизни и здоровью людей, материальным ценностям и окружающей среде» [5, с. 260].

Общественную безопасность рассматривают также как систему общественных отношений, складывающихся в соответствии с правовыми, техническими, строительными и другими нормами при использовании объектов и предметов, представляющих повышенную опасность для людей и общества в целом, или при наступлении особых условий в связи со стихийными бедствиями либо другими чрезвычайными обстоятельствами природного, социального или техногенного характера [6].

Если же подойти к понятию «общественная безопасность» как антиподу понятия «общественная опасность», то с точки зрения теории уголовного права можно сделать следующие выводы:

1) Общественная опасность – это один из обязательных признаков, характеризующих деяние как преступление. Степень общественной опасности влияет на меру наказания за преступление. Общественная безопасность же состоит в обеспечении государством на правовой основе защиты населения не только от противоправных посягательств, но и от угроз техногенного, природного и иного характера.

2) Характер и степень общественной опасности того или иного преступления описывается законодателем при формулировках диспозиций соответствующих составов преступлений с указанием санкций за его совершение. Вместе с тем необходимо учитывать, что общественная опасность как обязательный и материальный признак преступления – понятие динамичное и подвержено изменениям по мере эволюции социально-экономических и морально-нравственных основ общества (например, декриминализация некоторых составов преступлений). Но при этом общественная безопасность должна обеспечиваться соответствующими органами постоянно и повсеместно.

Исходя из вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что объем понятия «общественная безопасность» обширен, разнообразен и имеет несколько сторон. Для целей нашего исследования считаем целесообразным дать определение общественной безопасности исходя из имеющихся легальных формулировок, а именно: используя понятие «**общественная безопасность**» из Модельного закона и понятие «социальная безопасность» из Концепции.

Таким образом, произведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Концепцией национальной безопасности общественная безопасность отнесена к числу составляющих национальной безопасности и используется в рамках оценки состояния национальной безопасности на современном этапе. Легальное определение общественной безопасности содержится только в Модельном законе, которое практически полностью соответствует понятию «социальная безопасность», заложенному в Концепции. Однако представляется, что указанное определение требует корректировки с учетом произведенного анализа белорусского законодательства.

2. Содержание формулировок, определяющих понятия различных видов безопасности, содержащихся в Концепции, позволяет сделать вывод о применении законодателем одних и тех же подходов в обозначении видов угроз (внутренние и внешние), а также в использовании одних и тех же ключевых слов в их определении – «состояние защищенности». Разница состоит лишь в объектах (направленности) защиты. Так, национальная безопасность предполагает защиту национальных интересов Республики Беларусь; **общественная безопасность** – защиту жизни, здоровья и благополучия граждан, а также ценностей общества; информационная безопасность – защиту сбалансированных интересов личности, общества и государства.

3. В современном белорусском законодательстве, а также в правоведении общественная безопасность выступает как юридическая категория для определения сферы деятельности правоохранительных органов (ОВД, например) и выделяется в качестве универсального объекта, подлежащего правовой охране от противоправных посягательств, а также других угроз техногенного, природного, биологического и иного характера.

Учитывая изложенное, представляется необходимым:

определить, что общественная безопасность – это непрерывное обеспечение уполномоченными органами государства законности и правопорядка, то есть состояния защищенности законных прав и интересов граждан, организаций и всего общества в целом, а также ценностей общества, включая состояние защищенности жизни, здоровья, *благополучия* и благосостояния граждан от преступных посягательств и иных неправомерных действий;

внести изменения в абз. 9 п. 4 разд. I Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, определив понятие «социальная безопасность» как состояние социальной защищенности конституционных жизненно необходимых прав граждан, включая право на достойный уровень жизни, жилище, получение медицинской и социальной помощи, а также иные права от возможных угроз (опасностей), способных нанести им ущерб.

Список цитированных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.

2. О безопасности: Модельный закон: принят постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 15 октября 1999 г. № 9-9 // Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – 1999. – № 23-пр.

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 173. – 2/1360.

4. Общественная безопасность: материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 01.10.2012.

5. Бельский, К.С. Полицейское право: лекц. курс / К.С. Бельский; под ред. А.В. Куракина. – М.: Дело и Сервис, 2004. – 816 с.

6. Понятие общественного порядка и общественной безопасности // Информационный образовательный юридический портал. – Режим доступа: http://lawtoday.ru/razdel/biblo/adm-prav/115.php. – Дата доступа: 01.10.2012.

Дата поступления статьи – 15.10.2012.

Основной мерой по обеспечению общественной безопасности является борьба с преступностью и ее предупреждение. Автор статьи, проводя анализ правовых норм, содержащихся в различных законах Республики Беларусь, приходит к выводу об отсутствии легального определения понятия «общественная безопасность». Между тем однозначность в определении такого термина, как «общественная безопасность» могла бы позволить установить, в том числе круг органов, обеспечивающих надлежащую реализацию одного из основных направлений деятельности государства, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь. Кроме того, это способствовало бы определенности в установлении направлений деятельности, ее видов и непосредственному содержанию и, как результат, – созданию оптимальных механизмов достижения целей общественной безопасности. В результате автор формулирует свое определение понятия «общественная безопасность» исходя из действующего законодательства Республики Беларусь.

The main measure to ensure public safety is to fight and prevent crime. The author, through analysis of legal norms contained in the various laws of the Republic of Belarus, concludes that there is no legal definition of «public safety». Meanwhile, unambiguous definition of such terms as «public safety» could enable identification of the range of organs that ensure necessary realization of one of the main directions of state's activity that are provided for by the Constitution of the Republic of Belarus. In addition, it would help in establishing the certainty of activities, its types and explicit content and, as a result – to create the best mechanisms to achieve the goals of public safety. As a result, the author formulates his definition of «public safety» based on the legislation in force in the Republic of Belarus.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ КАК ОСНОВНОЙ УГРОЗЫ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Никитенко И. В.

Определение условий, при которых незаконная миграция и связанные с ней правонарушения, могут нанести существенный вред интересам личности, общества и государства или создавать угрозу причинения такого вреда, является одной из актуальных проблем современной криминологии. Представляется, что именно эти свойства незаконной миграции отражают ее криминогенную сущность и дают основания отнести это явление к одной из основных угроз миграционной безопасности государства.

В виду криминогенных свойств миграции, и особенно ее незаконной составляющей, широкое распространение в современной криминологической литературе приобрел термин «криминальная миграция». Однако в науке о демографии для которой миграционные процессы являются одним из основных объектов исследований, такой вид миграции не выделяется, поскольку для этой отрасли научного знания главным образом важны формы и общие закономерности миграционных процессов, тогда как для экономики, социологии и криминологии более существенны факторы (мотивы, цели, условия, последствия и т. п.), стимулирующие и объясняющие миграцию. Считается, что «криминальная миграция» – это операциональное понятие, принятое криминологами для выделения определенных категорий мигрантов, прибывающих с преступными целями и обуславливающих повышенное внимание со стороны правоохранительных органов [1, с. 345].

По мнению Ю.М. Антоняна и М.М. Бабаева, криминальная миграция есть социальное, относительно массовое, общественно опасное явление, проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещение криминальных технологий [2, с. 62].

Характер криминальной миграции определяется субъективным фактором – стремлением совершить преступление, ряд преступлений или осуществлять преступную деятельность на профессиональной, постоянной основе. Однако мотивы подобных перемещений могут быть самыми разнообразными – корысть, месть, политические соображения, стремление расширить сферы криминального бизнеса, обеспечить собственную безнаказанность при совершении преступлений, наладить организационные связи с преступными элементами и группами в государствах прибытия и др. В то же время криминальный мигрант должен осознавать, что его постоянная или временная смена места жительства непосредственно связана с преступной деятельностью, что он перемещается в пространстве, нарушая уголовно-правовые нормы или с намерением совершить это в скором будущем.

Иногда преступники меняют свое место жительства для того, чтобы его не установили компетентные органы или чтобы скрыться от своих со-

общников или врагов. В связи с этим следует согласиться с тем, что данное обстоятельство не следует относить к криминальной миграции в чистом виде, то есть обусловленной криминальными целями или ввиду совершения преступления.

Следует признать то, что термин «криминальная миграция» в основном применяется для криминологической характеристики мигрантов, намеренных совершить или совершивших преступления, не связанные с процессом миграции, но те преступления, которые имеют прямое отношение к подобным процессам, а именно позволяющие обеспечить сам акт незаконной миграции или скрыть его факты, часто рассматриваются криминологами вне понятия криминальной миграции, что представляется несправедливым.

Автор настоящего исследования разделяет точку зрения коллег из Беларуси, которые полагают, что криминальная миграция проявляется в следующих формах: а) уголовно-противоправных деяний, посредством которых собственно и осуществляется незаконная миграция; б) уголовно-противоправных деяний, обеспечивающих и сопровождающих процесс незаконной миграции; в) уголовно-противоправных деяний мигрантов, не связанных с незаконной миграцией.

К первой форме криминальной миграции относятся общественно опасные деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 371 (незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь), ст. 371.1 (организация незаконной миграции) и ст. 371.2 (нарушение правил пребывания в Республике Беларусь) УК Республики Беларусь [3, с. 1–2].

Если провести аналогию с УК Российской Федерации, то к первой форме криминальной миграции можно отнести преступления, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 322 (незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации) и 322.1 (организация незаконной миграции). Ответственность за нарушение правил пребывания в России отечественным законодательством не предусмотрена.

Вторую форму образуют уголовно-противоправные деяния, сопровождающие процесс незаконной миграции. Так, незаконная миграция может сопровождаться совершением преступлений, которые по своему характеру являются самостоятельными, требующими дополнительной квалификации. Среди них можно выделить подделку или подлог официальных документов, подкуп должностных лиц, ответственных за выдачу соответствующих документов и др.

Опрос мигрантов, задержанных за незаконное пересечение российско-казахстанской границы, показал, что в последнее время часто встречаются факты мошенничества в отношении незаконных мигрантов. Так, организаторы каналов незаконной миграции, получив заранее от мигрантов деньги за свои услуги, оставляют их в приграничных районах, не доставив в конечный пункт следования.

Многие незаконные мигранты используют криминальный потенциал национальных диаспор в странах назначения и транзита нелегальных ми-

грантов. Так, по мнению экспертов, имеющиеся в ряде иностранных диаспор специализированные группы обеспечивают незаконное пересечение государственных границ, что может быть связанно с организацией незаконного трафика, изготовлением бланков национальных паспортов различных государств и их дальнейшей пересылкой в места нахождения желающих осуществить акт нелегальной миграции.

В пограничном ведомстве допускают наличие подпольных лабораторий по изготовлению поддельных документов, расположенных преимущественно в азиатских и восточно-европейских государствах. Получив поддельный паспорт, незаконные мигранты в последующем предпринимают попытки легального пересечения государственных границ.

Как отмечают белорусские специалисты, подавляющее большинство незаконных мигрантов, задержанных на территории Беларуси, прибывает в республику железнодорожным транспортом из Российской Федерации, что подтверждается наличием у них виз, регистрации или иных документов, свидетельствующих о проживании иностранца в этой стране. Данная категория лиц в большинстве своем имеет намерения пересечь Государственную границу Республики Беларусь вне пунктов пропуска с Украиной, Литовской Республикой и Республикой Польша [3, с. 3]. В связи с этим, анализируя возможные варианты транзита незаконных мигрантов через российскую территорию, можно предположить, что среди нелегалов в основном представители стран юго-восточной и центральной Азии, поскольку именно западное и северо-западное направление наиболее актуально для этих категорий мигрантов. Поэтому напрашивается вывод о том, что большая часть транзита незаконных мигрантов из Россию в Беларусь, а следовательно и Украину, с последующей отправкой в другие государства Европы, первично осуществляется через сверх протяженную Государственную границу в азиатской или южно-европейской части России. В то же время некоторые исследователи полагают, что именно восточная Сибирь и Дальний Восток стали транзитными территориями трафика нелегальной миграции из Китая, Северной Кореи, Вьетнама, Пакистана и Индии в Японию, Южную Корею, США и страны Европы [4, с. 22].

К третьей форме криминальной миграции относятся самостоятельные преступления, совершаемые незаконными мигрантами, которые мигрируют с заведомо преступными целями. Часто незаконная миграция сопряжена с осуществлением мигрантами нелегальной предпринимательской деятельности. Экономическая ситуация в России привлекает мигрантов, в особенности из стран юго-восточной и средней Азии, которые въезжают в Россию и занимаются предпринимательской и иной трудовой деятельностью с нарушением установленных правил.

Незаконная миграция тесно взаимосвязана с таким криминальным явлением, как торговля людьми. Так, И. И. Карпец высказывал мнение, что нелегальная эмиграция не только относится к преступлениям, наносящим ущерб международному, экономическому и социально-культурному раз-

витию государства, но и имеет криминогенные оттенки: «бегство людей из стран, где господствует террористический режим (в нарушение иммиграционных законов); скрытый ввоз и последующая продажа дешевой рабочей силы для капиталистических монополий; нелегальный ввоз в другую страну людей, которых собираются использовать для совершения террористических актов». Что касается торговли людьми, то он относит ее к другой группе преступлений – преступлениям, наносящим ущерб личности, личному, государственному, общественному имуществу, моральным ценностям. Торговля людьми соответственно включает в себя, по его мнению, несколько составов: рабство, работорговлю, торговлю женщинами (в том числе организацию занятием проституцией), торговлю детьми и принудительный труд [5, с. 45].

Вместе с тем А.Л. Репецкая обращает внимание на некоторые отличия торговли людьми и незаконной миграции. По ее мнению, торговля людьми состоит из нескольких основных элементов – вербовки, перемещения людей в пространстве и их криминальной эксплуатации. Связь между перемещением будущих жертв и целью данного перемещения является ключевым аспектом различий между «торговлей людьми» и «незаконной миграцией» [6, с. 66].

Другие исследователи обосновывают различия между понятиями «контрабанда людей», которое, по их мнению, идентично понятию «незаконная транспортировка людей», и «торговля людьми» [7, с. 74]. «Контрабанда людей («облегчаемая миграция») – это перевозка кого-либо нелегальным образом через границу за плату, что является следствием желания лица, которое не может получить визу в данную страну для работы или проживания и поэтому платит контрабандисту для транспортировки его через одну или несколько границ до желаемого места назначения. После прибытия лицо или просто оставляется на границе, или доставляется до нужного места. Контрабанда людей является преступлением, нарушающим суверенитет государства» [7, с. 77].

Следует отметить, что «контрабанда людей» – это криминологическое понятие, которое в уголовно-правовом смысле трансформируется в известные составы преступления, предусмотренные ст. 322 как «Незаконное пересечение Государственной границы РФ» и ст. 322.1 УК РФ как «Организация незаконной миграции».

Некоторые авторы полагают, что «незаконная миграция» в ряде случаев является составной частью «торговли людьми», которая включает в себя как незаконную перевозку иммигрантов-нелегалов, и в том числе женщин для занятия проституцией, а также мошеннический наем рабочей силы, продажу детей для незаконного усыновления. Однако существуют мнения, что между «незаконной миграцией» и «торговлей людьми» лишь тесная взаимосвязь [7, с. 66].

Наряду с терминами «контрабанда людей» и «торговля людьми» в криминологическом понятийном обороте стали использовать термин «тор-

говля женщинами». Это связанно с тем, что лица мужского пола составляют лишь от 2 до 6 % «живого товара». Глубокий социально-экономический кризис на постсоветском пространстве в 90-е годы прошлого века привел к широкому распространению в странах бывшего СССР, а также Центральной и Восточной Европы этого феномена, который приобретает все более серьезный характер и охватывает все большее количество людей. Низкий уровень жизни и безработица, отсутствие социальной поддержки государств и другое заставляют женщин мигрировать, что в результате делает их легкой «добычей» для контрабандистов и торговцев людьми. Предполагается, что примерно 2 млн женщин ежегодно становятся невольными жертвами торговли людьми и сексуальной эксплуатации. При этом, по данным Интерпола, каждая шестая из них не достигла совершеннолетия [8].

Следует отметить, что по данным Следственного комитета и ГИАЦ МВД России в тройку наиболее неблагополучных регионов России в части количества выявляемых преступлений, а соответственно и возбужденных уголовных дел в связи с «торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации, сопряженных с организацией незаконной миграцией при участии трансграничных преступных сообществ», наряду с Северо-Западным и Южным, вошел и Дальневосточный федеральный округ. Не многим отличается ситуация в части распространения названных криминальных явлений в Сибирском и Уральском федеральных округах.

Так, в период с 2006 по 2012 г. только в ДФО было выявлено 68 фактов торговли людьми, преимущественно женщинами от 18 до 27 лет, сопряженных с легальным и нелегальным вывозом за рубеж, в целях последующей сексуальной эксплуатации.

Однако следует признать, что отечественное уголовное законодательство в части ответственности за преступления, связанные с незаконной миграцией и ее проявлениями в пограничной сфере, а также в области обеспечения соответствующих аспектов безопасности, нуждается в серьезном пересмотре. Необходимо также отметить, что и само миграционное законодательство не имеет сегодня четко выраженной, а тем более кодифицированной системы.

Список цитированных источников

1. Российская криминологическая энциклопедия. – М.: НОРМА, 2000. – С. 345.

2. Антонян, Ю.М. Социальная среда и личность преступников-мигрантов и постоянных жителей / Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юрид. литература, 1985. – Вып. 22. – С. 62.

3. Марчук, В.В. Криминальная миграция и формы ее проявления в республике Беларусь: докл. на респ. науч.-практ. конф. / В.В. Марчук // Проблемы совершенствования деятельности государственных органов Республики Беларусь по противодействию незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства, 28 июня 2007 г., г. Минск / Представительство Международной организации по миграции в Республике Беларусь. – С. 1–2.

4. Баранник, И.Н. Незаконная миграция и некоторые аспекты сотрудничества правоохранительных органов российского Дальнего Востока и приграничных стран АТР в борьбе с транснациональной преступностью / И.Н. Баранник // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в АТР: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2001. – С. 22.

5. Карпец, И.И. Международная преступность / И.И. Карпец. – М.: Наука, 1988. – С. 45.

6. Репецкая, А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля / А.Л. Репецкая. – Иркутск: ИГЭА, 2001. – С. 66.

7. Синицын, Ф.Л. Международное законодательство по проблеме торговли людьми / Ф.Л. Синицын. – Пермь, 2000. – С. 74.

8. Грани полицейского сотрудничества // Информ.-аналит. бюл. НЦБ Интерпола в России. – 1999. – № 2.

Дата поступления статьи – 31.09.2012.

В статье описаны основные криминологические признаки незаконной миграции как основной угрозы миграционной безопасности государства. Раскрыты общественно опасные свойства этого явления, отражающие его криминологическую сущность. Дана общая семантическая характеристика терминам «криминальная миграция», «контрабанда людей» и «торговля людьми» с точки зрения взаимосвязи этих понятий с незаконной миграцией. В целях иллюстрации характеризуемых понятий приведены примеры из уголовного законодательства и практики.

In article the main criminological signs of illegal migration as main threat of migratory safety of the state are described. Socially dangerous properties of this phenomenon reflecting its criminological essence are opened. The general semantic characteristic is given to terms «criminal migration», «smuggling of people» and «human trafficking» from the point of view of interrelation of these concepts with illegal migration. With a view of an illustration of characterized concepts examples from the criminal legislation and practice are given.

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Полящук Н. А.

Преступность – явление социальное, которое рассматривается и исследуется в различных аспектах, поэтому следует исходить из того, что борьба с ней может быть эффективной лишь при использовании комплексного подхода как при ее изучении, так и при разработке мер ее предупреждения.

Хорошо спланированная стратегия в области предупреждения преступности не только препятствует совершению преступлений, но и укрепляет безопасность государства, способствует его устойчивому развитию. Эффективное предупреждение преступности повышает качество жизни, приносит долгосрочные результаты, сокращая затраты и издержки, возникающие вследствие совершения преступлений. Стратегия, программы и действия в области предупреждения преступности должны опираться на широкую междисциплинарную базу знаний о проблемах преступности, ее причинах, а также о перспективном и подтвержденном практикой опыте. В связи с этим пра-

вовой мониторинг, являясь комплексным институтом, уже доказавшим эффективность своего применения в ряде государств, как раз и может быть представлен в качестве как одного из средств борьбы с преступностью, так и одной из мер ее предупреждения и в Республике Беларусь.

Частое изменение законодательства, не всегда его эффективное действие и другие недостатки могут являться предпосылками для совершения преступлений и иных видов правонарушений. Нередко преступные деяния не только легализуются, но и становятся возможными из-за тех или иных положений, содержащихся в нормативных правовых актах. Наличие в законодательных и подзаконных актах положений, облегчающих и (или) легализующих деяния, совершаемые в преступных целях, подготавливающие их действия (решения), создающих саму возможность их совершения (принятия), является одним из условий совершения преступлений. Неумение и нежелание объективно оценивать ситуацию, выявлять факторы, влияющие на ее развитие, определять цель и средства правового воздействия, поспешность в подготовке и принятии актов, поток дополнений и изменений, отсутствие расчетов и аналитической информации, включая статистические данные, недооценка механизма правоприменения, отсутствие предвидения (прогнозирования) последствий принятия нормативных правовых актов – таковы причины недостатков правового регулирования, которые могут играть роль непосредственных причин девиантного, в том числе преступного поведения. Устранению этих причин служит правовой мониторинг.

Продолжительное время мониторинг как способ наблюдения за процессами и явлениями существовал вне правовой оболочки. К тому же в правовой сфере долгие годы считалось вполне достаточным эпизодически измерять результаты проверок, контроля и надзора с показателями нарушений законности. Однако в настоящий момент возникла потребность в устойчивом и действенном анализаторе, каковым и является институт правового мониторинга. Он, наряду с другими превентивными мерами, действительно может способствовать предупреждению преступности. Сформулированная еще в древности идея о том, что предупреждение преступности должно иметь приоритет перед карательной политикой государства, суть которой заключена в высказывании «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него», не теряет актуальности и в настоящее время. Таким образом, следует констатировать, что проблема качества нормотворческого процесса непосредственно влияет на правоприменительную практику и, являясь одной из правовых предпосылок совершения преступлений, может быть решена посредством осуществления правового мониторинга.

Основной целью правового мониторинга, как правило, является создание эффективного механизма правотворчества и реализации его результатов, отражающего общественные потребности [1, с. 20]. Например, в Указе Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», которым утверждено соответствующее Положение, в каче-

стве основной цели определено совершенствование правовой системы [2]. Это, по мнению отдельных российских авторов, должно привести к совершенствованию системы принятия и реализации публично-правовых решений, повышению качества принимаемых правовых актов и отразиться на уровне защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также субъектов предпринимательской деятельности [3, с. 317]. В любом случае, вне зависимости от того, как именно сформулирована цель правового мониторинга, она достигается посредством оценки эффективности функционирования правовой системы; выявления недостатков нормативных правовых актов; систематизации законодательства; создания постоянно действующего механизма обратной связи между субъектами нормотворческой деятельности и теми, кто реализует нормы права; подготовки предложений по совершенствованию законодательства, прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов. Все это в конечном итоге должно вести к ликвидации или хотя бы минимизации правовых предпосылок преступности и отчасти может быть реализовано в рамках проведения различного рода правовых экспертиз (юридической, криминологической), являющихся составной частью правового мониторинга.

Именно поэтому правовой мониторинг, являясь деятельностью по непрерывному наблюдению за социально-правовыми процессами и явлениями, связанными с соответствующим анализом нормативных правовых актов и их проектов, с реализацией действующих правовых норм, справедливо может быть представлен в качестве инструмента, позволяющего выявлять и устранять правовые детерминанты преступности и, в свою очередь, выступать одной из мер ее предупреждения. Правовой мониторинг позволяет анализировать и оценивать результаты как нормотворческой, так и правоприменительной деятельности, выявляя при этом и отклонения фактических действий от нормативных моделей.

В связи с этим к основным задачам правового мониторинга в сфере предупреждения преступлений можно отнести:

выявление конкретных видов преступных технологий и поиск эффективных способов их предупреждения (в том числе путем предложения конкретных изменений в законодательство);

разработку и внедрение в правоприменительную деятельность государственных органов методов контроля, способствующих превенции и пресечению преступлений в их правоприменительной деятельности.

Необходимость проведения мониторинга правовых актов, в том числе в антикоррупционных целях или в целях предупреждения преступлений в целом, достаточно активно обсуждается в юридической литературе [4].

Отдельные элементы правового мониторинга находят свое отражение и в правовых актах. Например, в соответствии с п. 22 Руководящих принципов для предупреждения преступности, принятых Резолюцией ЭКОСОС ООН от 24 июля 2002 г.: «При планировании мер в области пре-

дупреждения преступности следует способствовать процессу, включающему … мониторинг и оценку» [5].

В ст. 28 Конвенции против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. закреплено, что «каждое Государство – участник рассматривает возможность осуществления контроля за своей политикой и практическими мерами по борьбе против организованной преступности, а также проведения оценки их эффективности и действенности», а согласно ст. 31 указанной Конвенции: «Государства – участники стремятся разрабатывать и оценивать эффективность национальных проектов, а также выявлять и внедрять оптимальные виды практики и политики, направленные на предупреждение транснациональной организованной преступности, … периодически проводить оценку существующих правовых документов и видов административной практики по соответствующим вопросам с целью выявления их уязвимости с точки зрения злоупотреблений со стороны организованных преступных групп» [6].

Проведение мониторинга правовых актов в антикоррупционных целях отчасти предусмотрено ст. 5 Конвенции против коррупции от 31 октября 2003 г., в которой закреплено обязательство для государств – участников устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции, периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер в целях определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней [7].

Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. (далее – Модельный закон) в ст. 1 в качестве одного из направлений антикоррупционной политики определяет правотворческую и правоприменительную деятельность. Кроме того, отдельное внимание в Модельном законе уделяется антикоррупционному мониторингу, определение которого содержится в ч. 5 ст. 2, где антикоррупционный мониторинг предлагается понимать как наблюдение, анализ, оценку и прогноз коррупционных правонарушений, коррупциогенных факторов, а также мер реализации антикоррупционной политики [8].

Несмотря на необходимость имплементации положений международных (межгосударственных) актов в национальное законодательство, в Республике Беларусь введены и регламентированы лишь отдельные элементы правового мониторинга, в то время как в целом институт правового мониторинга на нормативном уровне остается не урегулированным.

Тем не менее нельзя утверждать, что отдельные мероприятия по проведению правового мониторинга (мониторинга законодательства или мониторинга правоприменения, как его еще называют) вообще не осуществлялись или не осуществляются в Республике Беларусь. Этим занимаются многие государственные органы, учреждения, организации, отдельные институты

гражданского общества в соответствии с возникающими потребностями. В отдельных актах некоторых государственных органов можно встретить формулировки, в соответствии с которыми эти органы должны проводить мониторинг и анализ законодательства, регулирующего определенную ими сферу общественных отношений, т. е. в законодательстве Республики Беларусь широко применяется тенденция разработки мероприятий так называемых тематических (функциональных) мониторингов в различных отраслях и сферах государственной деятельности, однако ничего конкретного о том, что собой представляет мониторинг законодательства (правовой мониторинг), и как детально он должен проводиться, не указано. В итоге правовой мониторинг если и осуществляется, то фрагментарно и точечно, отдельными субъектами, по различным оценочным критериям и показателям, что не всегда позволяет обеспечить сопоставимость результатов такого мониторинга и единообразие его проведения.

В то же время следует отметить, что попытки нормативного закрепления института правового мониторинга в законодательстве Республики Беларусь уже предпринимаются. В частности, в проекте Закона Республики Беларусь «О правовых актах Республики Беларусь» (далее – проект Закона), который был внесен Советом Министров Республики Беларусь в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь еще 27 декабря 2011 г., предусмотрено введение института правового мониторинга. Согласно проекту Закона под правовым мониторингом понимается систематический анализ законодательства и практики правоприменения, эффективности правового регулирования. Закрепляется также положение о том, что нормотворческие органы (должностные лица), принявшие (издавшие) соответствующие правовые акты, а также иные уполномоченные органы (организации) в установленном законодательством порядке осуществляют правовой мониторинг.

Очевидно, что предложенное в проекте Закона определение правового мониторинга содержит лишь отдельные его элементы (стадии, функции) и в этой связи не в полной мере раскрывает его сущность и назначение. Более того, нормы, содержащие положения о правовом мониторинге, в проекте Закона не выделены в отдельную статью, а размещены вместе с положениями, закрепляющими обеспечение реализации правовых актов. В результате правовой мониторинг не представлен в качестве самостоятельного института, как, например, юридическая экспертиза криминологическая экспертиза или даже прогнозирование последствий принятия (издания) правовых актов, которым посвящены самостоятельные статьи в проекте Закона и которые являются составляющими правового мониторинга. При таком подходе при всем многообразии возможностей, которые предполагает правовой мониторинг для совершенствования нормотворчества и правоприменительной практики, для повышения эффективности правового регулирования, он не сможет должным образом выполнять те функции, которые на него возложены. Кроме того, отождествлять правовой мониторинг только реализацией правовых ак-

тов не вполне разумно и эффективно, поскольку в рамках нормотворческой деятельности он также играет весьма значительную роль.

Учитывая, что в проекте Закона содержатся бланкетные нормы относительно «иных уполномоченных органов», осуществляющих правовой мониторинг, и «установленного законодательством порядка», логично предположить, что помимо закрепления института правового мониторинга в одной из статей проекта Закона в дальнейшем в обязательном порядке должны быть приняты соответствующие нормативные правовые акты, уточняющие и раскрывающие положения Закона. Для этого, в свою очередь, целесообразно разработать, например, Положение о правовом мониторинге, которое может быть утверждено Указом Президента, где должна быть закреплена методика его организации и проведения с конкретным обозначением цели, задач, принципов, объектов правового мониторинга, определением субъектов его проведения и их компетенции в данной сфере, а также установлением формы и статуса результатов мониторинга, возможности применения ответственности за непринятие надлежащих мер по результатам правового мониторинга и т. п. Вместе с тем можно предложить и иные модели регламентации правового мониторинга, используя в том числе и опыт других государств в обозначенной сфере.

Однако прежде чем включать нормы, вскользь и выборочно затрагивающие отдельные аспекты правового мониторинга, представляется целесообразным для начала разработать его концепцию, включая рекомендации по оценке эффективности правового акта. Это особенно важно, поскольку в настоящее время в юридической науке отсутствует единый подход к определению понятия правового мониторинга, отсутствует даже терминологическое единство при определении его понятия. Поэтому только после разработки концептуальных основ правового мониторинга представляется целесообразным приступать к процессу его регламентации, в том числе и посредством закрепления общих положений о нем в Законе «О правовых актах Республики Беларусь». Кроме того, правовой мониторинг или отдельные его виды (например, криминологический мониторинг) необходимо включить в специальные акты, посвященные профилактике правонарушений, в качестве общих мер профилактики. Только в таком случае правовой мониторинг и его разновидности смогут являться легальным инструментом, способствующим выявлению преступных технологий, и, соответственно, выступать одной из мер предупреждения преступности.

Таким образом, в сфере предупреждения преступности правовой мониторинг должен представлять собой системную, плановую и единую деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества по наблюдению, анализу и оценке состояния правового регулирования в целях выявления и устранения криминогенных факторов в нормативных правовых актах. Кроме того, он будет служить механизмом, позволяющим выявлять и устранять криминогенные факторы не только на этапе разработки нормативных правовых актов, но и в процессе их применения.

Список цитированных источников

1. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. – М.: Юриспруденция, 2009. – 416 с.

2. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации, 20 мая 2011 г., № 657 // КонсультантПлюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

3. Кудашкин, А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: науч.-практ. пособие / А.В. Кудашкин. – М.: Норма: Инфра. – М., 2012. – 368 с.

4. Тихомиров, Ю.А. Об организации и проведении правового мониторинга / Ю.А. Тихомиров [и др.] // Журн. рос. права. – 2010. – № 6. – С. 125–136; Астанин, В.В. Научно-экспертное сопровождение противодействия коррупции в системе мониторинга правоприменения / В.В. Астанин // Российская юстиция. – 2011. – № 3. – С. 48–51; Алексеев, А.Н. К вопросу о понятии и сущности правового мониторинга / А.Н. Алексеев // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 2–6; Астанин, В.В. Проблемы мониторинга правоприменения в целях реализации антикоррупционной политики / В.В. Астанин // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 6. – С. 5–11; Шабайлов, В.И. Мониторинг как функция правотворчества и правоприменения / В.И. Шабайлов // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6. – С. 71–80.

5. Руководящие принципы для предупреждения преступности: приняты Резолюцией 2002/13 ЭКОСОС ООН от 24 июля 2002 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

6. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, г. Палермо, 15 нояб. 2000 г. // КонсультантПлюс: Беларусь: Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, г. Нью-Йорк, 31 окт. 2003 г. // КонсультантПлюс: Беларусь: Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

8. О Модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, г. Санкт-Петербург, 15 нояб. 2003 г., № 22 // КонсультантПлюс: Беларусь: Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи – 15.09.2102.

В статье институт правового мониторинга представлен в качестве одной из мер предупреждения преступности; определены его задачи в обозначенной сфере; высказана необходимость в разработке концепции правового мониторинга, предложены варианты нормативного закрепления института правового мониторинга в законодательстве Республики Беларусь.

In the article the institute of legal monitoring is presented as one of the measures of the prevention of crime; its tasks in the designated sphere are defined; the necessity for development of the concept of legal monitoring is stated, the options of legal regulation of the institute of legal monitoring in the legislation of Republic of Belarus are offered.

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рочева Е. А.

Как уже многократно отмечалось, коррупционные отношения зародились давно. «Коррупция ... возникла с появлением первого в истории политического государства, однако именно в наши дни стала политическим институтом» [1, с. 61]. Сегодня статус коррупции как глобальной угрозы мировому порядку является очевидным. Окончание «холодной войны», реставрация капитализма в бывших странах соцлагеря и последовавшая интенсификация глобализационных процессов в мировой экономике придали явлению коррупции новое качество.

Отдельные российские исследователи отмечают, что ситуация с коррупцией как угрозой на межнациональном уровне берет свои истоки в «холодной войне», когда западные страны предпочитали поощрение «развития» стран третьего мира критике этих стран за коррупцию и риска потерять их, если они перейдут в советский блок. С окончанием войны у западных стран уже не было стимула закрывать глаза на ситуацию с коррупцией. Поэтому к середине 90-х годов для западных государств и международных организаций стали актуальными появились вопросы о борьбе с коррупцией [2, с. 360].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» в числе иных основными направлениями в сфере борьбы с преступностью и иной противоправной деятельностью, направленной на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь, являются предупреждение, выявление и пресечение коррупции.

Термин «национальная безопасность» появился недавно. Еще в XX в. в политическом лексиконе большинства государств использовались такие понятия, как «обороноспособность», «военная безопасность», «государственная безопасность», и др.

Термин «национальная безопасность» был введен в политический лексикон американским президентом Т. Рузвельтом в 1904 г. и окончательно утвердился с принятием в США в 1947 году Закона о национальной безопасности [3, с. 15]. Характеризуя понятие национальной безопасности, официальные документы, являющиеся основой концепции национальной безопасности Соединенных Штатов, в качестве важнейшей цели указывали самосохранение нации как особой культурно-исторической, политической общности, что подразумевало защиту государственного строя, национальных идеалов, традиций, стиля жизни [4].

В СССР во второй половине XX века национальная безопасность отождествлялась с безопасностью государственной власти («политическая безопасность») и международной безопасностью («внешняя безопасность»

и «военная безопасность»). С середины 80-х гг. XX в. в понятие «национальная безопасность», кроме традиционных (военных и политических) аспектов, стали включать и иные, в частности гуманитарные, экономические, экологические.

Впервые термин «национальная безопасность» появился в белорусских официальных источниках в 1993 году. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 июля 1993 г. № 20 ст. 380 «Об образовании государственного секретариата по борьбе с преступностью и национальной безопасности» на базе управления общественной безопасности и обороны Управления Делами Совета Министров Республики Беларусь и отдела режимно-секретной деятельности Совета Министров Республики Беларусь образовался Государственный секретариат по борьбе с преступностью и национальной безопасности.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, закрепляющей совокупность официальных взглядов на сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению баланса интересов личности, общества, государства и их защите от внутренних и внешних угроз, национальная безопасность – это состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

Национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития.

Одним из основополагающих национальных интересов в политической сфере является эффективное противодействие коррупции.

Принятый Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией» установил правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, определил систему мер, направленных на противодействие этому явлению. Указанный Закон определил и роль уголовно-правовых мер в противодействии коррупции [5].

Наряду с вышеуказанным законом, на котором базируется антикоррупционная деятельность в стране, в республике действуют и другие нормативно-правовые акты, направленные на противодействие коррупции: Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь от 04.01.2003 № 174-З «О декларировании физическими лицами доходов и имущества», Закон Республики Беларусь от 19.07.2000 № 426-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности», Закон Республики Беларусь от 27.06.2007 № 244-З «О борьбе с организованной преступностью» и иные.

В Республике Беларусь ратифицированы и выполняются требования таких основных международных актов по борьбе с коррупцией, как Конвенция Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию», подписанная в г. Страсбурге 27.01.1999; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, подписанная в г. Палермо 14.12.2000; Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, заключенная в г. Нью-Йорке 31.10.2003; Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, заключенная в г. Страсбурге 04.11.1999 (ратифицирована Республикой Беларусь в 2005 году).

В стране законодательно закреплены правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов законов. С этой целью был издан Указ Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь», которым утверждено Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь.

Основой для уголовно-правового воздействия на коррупцию является Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), установивший достаточно строгую ответственность за преступления, именуемые коррупционными [5]. К ним относятся не только действия, подпадающие под понятие взяточничества, но и целый ряд преступлений, совершаемых должностными лицами с использованием своих служебных полномочий с корыстной или иной личной заинтересованностью (злоупотребление властью или служебными полномочиями, бездействие власти, служебный подлог, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями и др.).

Как показывает анализ данных уголовной статистики за период 2002–2011 гг., динамике, как общему числу зарегистрированных коррупционных преступлений[1], так и их удельному весу в общем количестве преступлений, в целом присуща тенденция снижения (рис. 1).

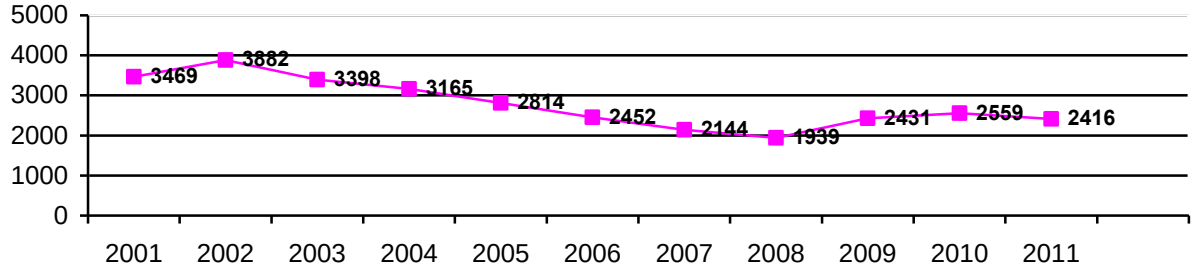

Рисунок 1 – Динамика количества зарегистрированных коррупционных преступлений

[1] Согласно Приложению к постановлению Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31.01.2011 № 5/8/1/34/6.

Так, после увеличения количества коррупционных преступлений этого вида в 2002 году (по сравнению с 2001 г. прирост составил 11,9 %), вплоть до 2008 года отмечается ежегодное снижение числа зарегистрированных преступлений. В 2008 году было зарегистрировано 1 939 коррупционных деликтов, что на 50,1 % меньше значения 2002 года, когда было выявлено максимальное количество фактов совершения коррупционных преступлений. Однако в 2009–2010 гг. их количество несколько возросло (2009 г. – 2 431, 2010 г. – 2 559). В 2011 году можно отметить снижение количества выявленных коррупционных преступлений – 2 416. Доля коррупционных преступлений в общем количестве преступлений, зарегистрированных в Республике Беларусь, постепенно снижалась в период 2001–2007 гг. (2001 г. – 3 %, 2004 г. – 1,9 %, 2007 г. – 1,2 %). В течение 2009–2011 гг. удельный вес преступлений коррупционной направленности несколько вырос, составив 1,8 % в 2011 году.

В различных сферах экономической деятельности страны коррупционные проявления неодинаковы.

Место страны в иерархии технологически развитых держав в условиях обостряющейся глобальной конкуренции определяется уровнем развития промышленного производства, где максимально сконцентрированы высокотехнологические и наукоемкие производства. При этом в процессе национально-государственной конкуренции все активнее используются тайные методы, в том числе с использованием коррупции [6].

В связи с этим особенно актуальной является противодействие коррупции в производственной сфере, где на протяжении 2004–2011 гг. отмечается рост абсолютного и относительного числа преступлений коррупционной направленности: 2004 г. – 210 (6,6 %), 2008 г. – 296 (15,3 %), 2011 г. – 400 (16,6 %).

Логистические цепи связывают производителя с потребителями товара, следовательно, значимым является противодействие коррупционным проявлениям в сферах транспорта и торговли. По сравнению с 2004 г. в 2011 году число коррупционных преступлений, зарегистрированных в сфере торговли, возросло на 27 % (2004 г. – 193, 2011 г. – 247), на транспорте на протяжении указанного периода число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности несколько снизилось (2004 г. – 192, 2011 г. – 112).

Сегодня во всем мире активно развивается финансовый сектор. К настоящему времени до 70 % и более ВВП развитых стран мира производится в третичном секторе производства и по сути является фиктивными ценностями (товарная марка, рыночный курс валют и акций, формирование имиджа продукта, юридические услуги и пр.) [7]. В так называемых развивающихся странах масштабы распространения спекулятивного капитала меньше, однако в условиях глобализации и интеграции он начинает играть все более существенную роль в их экономике. Анализ динамики зарегистрированной коррупционной преступности в кредитно-финансовой

сфере указывает на тенденцию снижения числа выявленных преступлений с 297 в 2004 году до 30 в 2011 году, аналогичную картину демонстрирует и удельный вес преступлений коррупционной направленности в кредитно-финансовой сфере (2004 г. – 6,5 %, 2007 г. – 3%, 2009 г. – 1,7 %, 2011 г. – 1,2 %). Однако, как совершенно справедливо указано отдельными исследователями, такая тенденция вряд ли отражает реальную картину. Данное положение может быть следствием, во-первых, увеличения латентности этого вида преступности (по мнению различных специалистов в области экономики остаются в тени от 70 до 95 % преступлений), во-вторых, ростом «криминального профессионализма» лиц, совершающих эти деяния [8, с. 125].

Одной из важнейших сфер национальной экономики, участвующей в воспроизводстве основных фондов, развитии и улучшении социальной сферы, реконструкции и модернизации производства материальных благ является строительная отрасль. В указанной сфере за период с 2004 по 2011 г., число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности снизилось на 13,4 % (с 208 в 2004 г. до 181 в 2011 г.). Несмотря на это, доля коррупционных преступлений, совершенных в указанной сфере, в общем числе коррупционной преступности, увеличилась с 6,6 % в 2004 году до 7,5 % в 2011 году.

Уровень развития как науки в целом, так и сферы образования в частности служит в современном мире определяющим фактором конкурентоспособности ее экономики. В сфере образования так же произошло снижение как общего количества зарегистрированных коррупционных преступлений (с 271 в 2004 г. до 136 в 2011 г., или в 3 раза), так и удельного веса в общем количестве зарегистрированных коррупционных преступлений (с 8,6 % до 5,6 %).

Особое внимание следует обратить на выявление коррупционных преступлений в органах государственного управления. На протяжении 2007–2011 гг. доля коррупционных преступлений, совершенных в органах государственного управления, несколько снизилась (2007 г. – 12,7 %, 2009 г. – 11,5 %, 2011 г. – 11,2 %).

Таким образом, можно полагать, что сегодня в сфере борьбы с коррупцией в Республике Беларусь успешно применяется комплексный подход: как борьба с проявлениями коррупции и с правонарушителями в целях пресечения их противоправной деятельности, так и проведение антикоррупционной политики как самостоятельной функции государства.

Насколько действенной будет в дальнейшем политика противодействия коррупции, заранее оценить сложно. Мировой опыт борьбы с коррупцией показывает, что успех антикоррупционной кампании во многом зависит от политической воли руководства. В Республике Беларусь борьба с коррупцией с середины 90-х годов находится под контролем Президента, заявившего, что «коррупция является угрозой политической и экономической безопасности страны» [9, с. 3].

Глобализация мировой экономики оказывает не только конструктивное влияние на национальную экономику и политическое развитие, но и несет в себе деструктивное воздействие. На протяжении длительного периода времени коррупционные процессы носили изолированный характер и касались определенных стран. В современном мире экономические, социальные и политические процессы в разных странах взаимообусловлены и испытывают взаимовлияние. В этих условиях коррупция, организованная преступность, нелегальный бизнес угрожают как национальной безопасности отдельных стран, так и безопасности мирового сообщества. Все это следует принимать во внимание, совершенствуя политику противодействия коррупции и защищая свои национальные интересы в целях обеспечения экономической безопасности страны и повышения позиций Республики Беларусь в ведущих международных рейтингах, характеризующих конкурентоспособность, деловую среду, уровень инновационного развития, эффективность государственного управления страны для улучшения международного имиджа Республики Беларусь и роста доверия у национальных и иностранных инвесторов к проводимой политике.

Следует отметить, что противодействуя определенным формам проявления коррупции, правовые меры не меняют ее содержание и природу, т. е. противодействие осуществляется в определенных социальных зонах. Например, с введением ЕГЭ в России ставилась цель покончить с коррупцией в высшей школе, но образовались новые зоны коррупции, ведущие к составителям тестовых заданий, учителям школ, чиновникам муниципальных образований [10, с. 14]. Соответственно, принимая утверждение, что целью противодействия должно быть не искоренение коррупции (поскольку это невозможно), а совершенствование эффективности государственной машины, необходимо, несмотря на тенденцию снижения выявленных коррупционных правонарушений, максимальное внимание уделить выявлению коррупционеров и раскрытию совершаемых ими преступлений, в целях реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности. При этом необходимо добавить, что распространение коррупции связано не только с проблемами государственно-властного механизма, но и с морально-психологическим климатом, сложившимся в обществе. Укрепление даже не антикоррупционного сознания и антикоррупционной идеологии, а просто идеологии гражданина должно стать составной частью антикоррупционной политики государства.

Список цитированных источников

1. Бакунин, М.А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности / М.А. Бакунин // Вопросы философии. – 1990. – № 12. – С. 59–66.

2. Шашкова, А.В. Зарождение и эволюция противодействия корпоративной коррупции / А.В. Шашкова // Актуальные проблемы противодействия преступности в кризисном обществе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 30 сент. 2010 г. / Южно-Уральский гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – С. 356–361.

3. Петровский, В.В. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США / В.В. Петровский. – М.: Международные отношения, 1980.

4. Пономарев, Н.Н. Безопасность как социально-юридический феномен. России / Н.Н. Пономарев // КонсультантПлюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2012.

5. Саркисова, Э.А. Проблемы достижения целей уголовной ответственности в условиях активного противодействия коррупции / Э.А. Саркисова // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Селиванов, А.И. Геополитические и геоэкономические причины коррупции в России / А.И. Селиванов // КонсультантПлюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2012.

7. Филипенко, Е.Н. Промышленная политика в транзитивной экономике / Е.Н. Филипенко // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

8. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.

9. Лукашенко, А.Г. Концептуальные замечания Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко на совещании по вопросам эффективности принимаемых мер по борьбе с коррупцией / А.Г. Лукашенко // Информ. бюл. адм. Президента Респ. Беларусь. – 2008. – № 12.

10. Петраченко, А. Е. Коррупционная составляющая политической системы современной России: автореф. … дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / А.Е. Петраченко; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2012. – 21 с.

Дата поступления статьи 25.10.2012.

Согласно принятой в 2010 году Концепции национальной безопасности Республики Беларусь эффективное противодействие коррупции является одним из основополагающих национальных интересов страны, а рост коррупционных проявлений – одной из основных угроз ее национальной безопасности. Сегодня в Республике Беларусь наряду с борьбой с коррупционными правонарушениями успешно применяется проведение антикоррупционной политики как самостоятельной функции государства. Учитывая различные негативные последствия коррупции для общества (рост бюрократии при одновременном снижении эффективности государственного управления, препятствие проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, недоверие граждан к государственным институтам и т. д.), проблема дальнейшего совершенствования антикоррупционного законодательства и практики его применения остается весьма актуальной.

According to the Concept of National Security of the Republic of Belarus adopted in 2010 the effective combating of corruption is one of the basic national interests of the country, while growth of corruption manifestations is one of the main threats to its national security. Today in the Republic of Belarus the execution of anticorruption policy as the separate function of the country is applied successfully along with combating corruption delinquencies. Taking into consideration different negative consequences of corruption for society (bureaucracy growth and decline, at the same time, in the efficiency of public management, obstacle to carrying out of social transformations and to increasing the efficiency of national economy, citizens' distrust of state institutions, etc.), the problem of further improvement of anti-corruption legislation and practice of its application remains quite actual.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПРОИСШЕСТВИЯ): ОПЫТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Филиппенков В. М.

Одной из самых серьезных опасностей для жизни и здоровья населения в современных условиях являются многочисленные дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП), которые нередко приводят к гибели участников дорожного движения, причинению вреда их здоровью и имуществу.

Проблема сохранения жизни людей при ДТП имеет для нашей страны особую актуальность. Если в Западной Европе и Северной Америке из 100 пострадавших погибает 2–3 человека, то в нашей стране – более 15 [1, с. 342]. Еще более высок уровень погибших в Минской области – 21, хотя в г. Минске этот негативный показатель значительно ниже – 6 погибших, чему способствует, наряду с другими факторами, ограничение скоростного режима, повышенный контроль за организацией движения, в том числе с использованием технических средств, а также самое низкое среди регионов страны количество ДТП, совершенных в состоянии опьянения [2].

Анализируя в настоящей статье преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, которые составляют только около 1 % от всех зарегистрированных преступлений, необходимо отметить особый «вклад» этих неосторожных преступных деяний в общий объем социального ущерба, наносимого преступностью [3].

Согласно данным уголовной статистики, количество лиц, которые погибли в результате преступлений, предусмотренных ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), составляет около половины общего числа погибших от преступных деяний всех видов [3].

Актуальность проблемы противодействия преступлениям, связанным с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, обусловлена не только ущербом, причиняемым жизни, здоровью, имуществу людей, но и тем, что эти преступления принадлежат к числу наиболее острых и опасных форм социальной безответственности, недисциплинированности, эгоизма, равнодушия к благу общества и его членов [4, с. 425].

Анализ данных уголовной статистики показывает, что среди лиц, совершивших уголовно-наказуемое нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств отмечается значительное преобладание мужчин (более 92 %) [3]. Это объясняется не только превышением их удельного веса среди водителей, но и тем, что женщинам в большей степени присуще чувство осторожности и дисциплинированности, они более ответственны и в целом строже соблюдают предписания Правил до-

рожного движения, предпочитают избегать чрезмерно рискованных действий и стараются не управлять автомобилем, находясь в состоянии опьянения [5, с. 227].

Возрастная характеристика лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 317 УК, свидетельствует о преобладании преступников в возрасте от 30 лет и старше, они составляют 54 % [3]. В отношении дорожно-транспортных преступлений такое положение объясняется необоснованной уверенностью водителей, имеющих значительный стаж управления автомобилем, в возможности избежать ДТП даже при нарушении Правил дорожного движения.

Вместе с тем 45,3 % лиц, совершивших анализируемые преступления, молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет, что может быть связано с малым опытом вождения, недостаточной профессиональной подготовкой, неумением применять Правила дорожного движения в конкретной обстановке, а также в ряде случаев обусловлено легкомысленным, беспечным отношением к обязанностям водителя. Не случайно ими в 2011 году совершено 60,3 % преступлений, повлекших смерть двух и более лиц [3].

Особо следует отметить лиц в возрасте до 18 лет, совершивших преступление, предусмотренное ст. 317 УК. Хотя эта группа самая малочисленная (0,7 %), она наиболее опасна, поскольку у несовершеннолетних отсутствуют навыки вождения, они нередко существенно превышают допустимую скорость движения, создавая при этом аварийные ситуации для участников дорожного движения [3].

Одним из важных элементов механизма формирования дорожно-транспортных преступлений является социальная позиция водителя – цели и мотивы его поведения, влияющие на его поведение за рулем, создание аварийной ситуации.

В.В. Лунеев определил мотивацию неосторожных преступлений, в том числе дорожно-транспортных как легкомысленно-безответственную, сущность которой заключается в отсутствии стремления субъектов к наступлению общественно опасных последствий [6, с. 65–66]. И.В. Танага определяет мотивацию дорожно-транспортных преступлений не только как легкомысленно-безответственную, но и имеющую хулиганские побуждения. Так, в ходе опроса лиц, осужденных за дорожно-транспортные преступления, автором выявлены следующие нравственно-психологические свойства: неоправданная самоуверенность (89 %); легкомыслие и беспечность (68 %); неумение правильно оценить ситуацию (53 %); грубая неосторожность (44 %); уверенность в безнаказанности (43 %) [7, с. 117].

Как показывает судебная практика, подавляющее большинство всех дорожно-транспортных преступлений (равно как и ДТП) происходит по вине водителей. При этом погодные условия, состояние проезжей части и другие факторы, влияющие на безопасность дорожного движения, в значительной степени были благоприятными для управления транспортными средствами в момент совершения ДТП. Следует также отметить, что

большая часть ДТП в нашей стране (58,3 %) произошла в 2011 году при ясной погоде, 66,4 % – в условиях сухой проезжей части, 86,4 % – при движении транспортного средства по прямому участку дорожного полотна [2]. Таким образом, внешние неблагоприятные условия для управления транспортными средствами в момент совершения дорожно-транспортных происшествий были минимальными.

Как отмечает М.И. Еникеев, в основе неосторожного преступления лежит узость поля сознания субъекта, его неспособность предвидеть возможные последствия своих действий, пренебрежение общественной опасностью возможных побочных результатов действия, потеря контроля над используемыми орудиями и средствами [8, с. 97]. Наиболее распространенными предпосылками неосторожных преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, являются психические и физические перегрузки, опьянение, рискованные действия.

Повышение общественной опасности дорожно-транспортных преступлений в зависимости от нахождения лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, отмечено С.Н. Дмитриевым и многими другими авторами [9, с. 27]. Значительная часть лиц (20 %) в момент совершения преступления, предусмотренного ст. 317 УК, находилась в состоянии алкогольного опьянения [3].

Действительно, управление транспортным средством в нетрезвом виде не только является одним из наиболее серьезных нарушений Правил дорожного движения, но и способствует другим нарушениям, возникновению аварийных ситуаций и наступлению тяжких последствий, так как «в состоянии опьянения субъект значительно переоценивает свои интеллектуальные и физические возможности, теряет чувство меры и осмотрительность, а также способность к прогнозированию негативных последствий своего противоправного поведения» [10, с. 22].

В состоянии опьянения увеличивается время реакции водителя, ослабевает концентрация внимания, снижается контроль за движением транспортного средства. Как отмечает А. Коробеев, алкоголь снижает возможность творческого подхода к экстремальной ситуации, активизирует у человека привычные, шаблонные методы реагирования. При этом сочетание двух факторов – опьянения и тревожности – максимально способствует повышению аварийности в условиях дорожного движения [11, с. 11]. Если в целом в 2011 году по вине водителей в нетрезвом состоянии совершено в нашей стране 14,8 % ДТП, то в ситуациях наезда на препятствие их доля составляет уже 43,4 %, опрокидывания транспортного средства – 35,3 %, столкновения со стоящим транспортным средством – 32,6 % [2].

Особенно наглядно фактор употребления водителями спиртных напитков иллюстрируется статистикой ДТП в выходные дни. В 2011 году в субботу и воскресенье по вине водителей, находившихся в нетрезвом состоянии, произошло 41,2 % дорожно-транспортных происшествий от числа

совершенных этой категорией лиц. Не случайно в указанные дни в результате ДТП погибло больше всего граждан – 34,8 %. Имеет значение также и период времени в течение суток, когда существенно возрастает употребление водителями спиртных напитков (в основном по окончании рабочего дня и в вечерние часы). Так, по вине лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, в период времени с 17 до 23 часов произошло 50,5 % дорожно-транспортных происшествий от числа совершенных этой категорией водителей. В эти же часы в результате ДТП погибло 47,9 % лиц [2].

Исследования опровергают бытующее мнение, что лица, совершающие дорожно-транспортные преступления, по нравственно-психологическим свойствам не отличаются от законопослушных граждан и что в дорожно-транспортных преступлениях при взаимодействии личности и ситуации ведущей обычно оказывается последняя. Однако сама по себе дорожная ситуация даже при ярко выраженной сложности никогда, минуя личность, не способна стать причиной преступлений (в отличие от аварий непреступного характера). В данном случае всегда проявляется пренебрежение правилами безопасности как личностное свойство, хотя и выраженное в разной степени [4, с. 436–437].

Субъектами преступлений, предусмотренных ст. 317 УК, достаточно часто являются лица, не занятые общественно полезной деятельностью. Так, на момент совершения преступления не имели постоянного места работы (учебы) 26,9 % преступников, нарушивших правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств [3].

Большое значение в характеристике личности правонарушителей имеет опыт совершения ими преступлений и административных правонарушений. Например, по данным уголовной статистики в Республике Беларусь в 2011 году, имели судимость 6,3 % лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 317 УК [3]. При этом значительная часть субъектов указанных преступлений ранее привлекалась к ответственности за административные правонарушения, многие из которых – неоднократно. Как отмечает Д.В. Синьков, в числе лиц, повторно совершивших дорожно-транспортные преступления, 65 % правонарушителей ранее подвергались административному взысканию за нарушение Правил дорожного движения [5, с. 238].

Исследование особенностей, связанных с личностью потерпевших, показывает, что их поведение также во многих случаях способствовало совершению дорожно-транспортных преступлений. Например, каждый десятый из них находился в состоянии алкогольного опьянения, а более 40 % потерпевших трудоспособного возраста не занимались общественно полезной деятельностью [3]. Указанные лица становились жертвами дорожно-транспортных преступлений и происшествий в основном из-за бесцельного нахождения в местах интенсивного движения транспорта. Более того, отдельные лица, как свидетельствуют оперативные сводки МВД, чаще всего без опреде-

ленного места жительства и рода занятий, погибали в результате ДТП, находясь в состоянии сна непосредственно на проезжей части.

Значительная часть погибших, как правило, из числа подростков и молодежи, не занятых общественно полезной деятельностью, становилась жертвой дорожно-транспортных преступлений, повлекших по неосторожности смерть двух и более лиц, в ходе необдуманной коллективной поездки на транспортных средствах под управлением нетрезвых водителей. Не случайно около 70 % погибших в 2011 году в результате преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 317 УК, были не работающими или не учащимися [3].

Статистика дорожно-транспортных преступлений свидетельствует, что значительная их часть, в том числе с особо тяжкими последствиями, совершена водителями в состоянии опьянения, а также лицами, лишенными права управления транспортными средствами либо не имевшими его ранее. При этом, несмотря на принимаемые органами внутренних дел меры по пресечению фактов нарушений Правил дорожного движения, численность подобных преступлений, повлекших гибель людей, существенно не снижается.

Также остается весьма высоким количество административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых указанной категорией лиц. Так, только в 2011 году привлечено к административной ответственности за управление транспортными средствами 46,8 тыс. лиц, находившихся в состоянии опьянения, из которых 14,5 тыс. правонарушителей к тому же не имели права управления. Кроме этого, подвергнуто административному взысканию за управление транспортными средствами 56 тыс. лиц, не имевших права управления, из которых 13,5 тыс. – повторно, что может свидетельствовать о неэффективности мер, принимаемых правоохранительными, судебными и другими государственными органами, а также законодательства об уголовной и административной ответственности [12].

Например, практически каждый четвертый водитель, ранее судимый за преступление, предусмотренное ст. 317-1 УК, в течение 2011 года повторно привлечен к уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, хотя большинство из них были лишены права управления [3]. С другой стороны, более половины лиц, подвергнутых административному взысканию за управление транспортными средствами в состоянии опьянения, и такое же число правонарушителей, не имеющих права управления, не уплатили наложенный на них штраф, хотя его сумма не являлась чрезмерной (составила в среднем 914 тыс. руб. и 347 тыс. руб. соответственно) [12]. Применение при этом дополнительного наказания или административного взыскания в виде лишения права управления транспортными средствами не всегда эффективно, поскольку определенная часть правонарушителей прав управления не имела и ранее, другая же продолжала эксплуатировать транспортные средства и после лишения такого права.

Указанная категория лиц представляет особенную угрозу безопасности участников дорожного движения, т. к. управление транспортными средствами при отсутствии права управления объективно налагает дополнительные психические и физические нагрузки на водителей, вызывает разбросанность их внимания, повышенную тревожность, высокую напряженность и состояние неуверенности, что в условиях осложнения дорожной ситуации может привести к совершению дорожно-транспортного преступления либо ДТП.

Хотя практика назначения наказаний за преступления, регистрируемые по ст. 317 УК, в целом соответствует требованиям нормативных актов о недопущении неоправданной снисходительности к лицам, управлявшим транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, в рамках действующего законодательства не всегда удается решать проблемы индивидуализации мер наказания правонарушителей этой категории.

Одним из условий более эффективного предупреждения дорожно-транспортных преступлений может быть надлежащее правовое регулирование мер уголовной ответственности за указанные преступные деяния. Действующая редакция ст. 317 УК дифференцирует уголовную ответственность только в зависимости от последствий деяния, которые зачастую могут быть неадекватны нарушениям правил дорожного движения, степени виновности совершившего его лица. В этой связи представляется целесообразным данную статью дополнить квалифицирующим признаком: «совершение деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения», поскольку общее положение об обстоятельствах, отягчающих ответственность, закрепленное в ст. 64 УК, не может в должной мере обеспечить адекватную совершенному деянию уголовную ответственность виновного. Состояние опьянения в данном случае следует рассматривать не как обстоятельство, отягчающие ответственность, а как условие, в результате которого наступили указанные в ст. 317 УК последствия.

Кроме того, учитывая значительную распространенность дорожно-транспортных преступлений, совершенных лицами, не имеющими права управления транспортным средством и, как правило, особую тяжесть наступивших последствий, целесообразно дополнить ст. 317 УК также и данным квалифицирующим признаком.

Уголовный кодекс нашей страны не предусматривает уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного преступления водителем, нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Между тем, практика свидетельствует, что водители нередко скрываются с места преступления, оставляя пострадавших без своевременной медицинской помощи. Распространенность подобных случаев в определенной степени подтверждается статистикой административных правонарушений. Например, только за 2011 год привлечено к административной ответственности 12 тыс. водителей за оставления места ДТП, участниками которых они являлись [12].

Несвоевременное оказание медицинской помощи потерпевшим в результате дорожно-транспортного преступления приводит к значительному увеличению числа погибших. Так, по данным Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, до прибытия в лечебное учреждение погибает более половины от общего количества лиц, погибших вследствие ДТП [7, с. 118]. Очевидно, что выполнение лицами, совершившими дорожно-транспортное преступление, действий, регламентируемых п. 31.2 Правил дорожного движения [13], направленных на оказание незамедлительной помощи потерпевшим, может значительно снизить тяжесть последствий преступного деяния.

Предусмотренное законодательством общее положение об обстоятельствах, смягчающих ответственность, закрепленное в ст. 63 УК, не всегда может в должной мере индивидуализировать уголовную ответственность виновного. Учитывая особо тяжкие последствия большинства преступлений, предусмотренных ст. 317 УК, представляется целесообразной определенная корректировка уголовного законодательства в части стимулирования постпреступного поведения правонарушителей по оказанию ими своевременной помощи пострадавшим.

К числу общесоциальных мер предупреждения дорожно-транспортных преступлений относится, прежде всего, повышение надежности транспортных средств, расширение спектра предпринимаемых мер по устранению ситуаций, являющихся благоприятной почвой для указанных преступлений (например, оптимизация устройства дорожных магистралей и др.).

Снижение вероятности гибели или получения увечья участниками дорожного движения должно быть постоянно одной из приоритетных задач государства, чему может способствовать ограничение скоростного режима (особенно в пределах населенных пунктов), обеспечение надлежащего контроля за организацией дорожного движения в первую очередь с использованием новейших технических средств, совершенствование дорожной сети, в частности, создание подземных и надземных пешеходных переходов, тротуаров, пешеходных и велосипедных дорожек, островков безопасности для пешеходов и разделительных полос.

Превышение скорости движения при отсутствии на многих дорогах страны разделительной полосы часто приводит к дорожно-транспортным преступлениям, как правило, с очень тяжелыми последствиями. Эта же причина вызывает многочисленные жертвы среди пешеходов и велосипедистов, особенно в сельской местности. Между тем, практика быстрой езды (сверх установленной скорости движения) имеет тенденцию постоянного роста. Например, только за указанный вид административного правонарушения в 2011 году привлечено к ответственности 528,1 тыс. водителей (+13,6 % по сравнению с 2010 годом), в том числе 164,7 тыс. (+80,8 %) – за превышение скорости движения от 20 километров и более, из них 17,7 тыс. (+74,8 %) – повторно [12].

Снижение вероятности гибели или получения увечья пешеходами и велосипедистами может быть достигнуто путем увеличения ассортимента одежды с элементами из световозвращающего материала, а также в условиях регулярного информирования населения (особенно в сельской местности) о необходимости использования в повседневной деятельности одежды повышенной видимости. Целесообразно также налаживание массового производства велосипедных шлемов, наколенников, налокотников и рекламирование подобных средств защиты к широкому их применению велосипедистами, интенсивность и скорость передвижения которых в последние годы значительно возросли.

Предупреждение дорожно-транспортных происшествий в значительной степени зависит от эффективности пропаганды безопасного поведения участников дорожного движения, в том числе в учреждениях образования и трудовых коллективах, участия в этой работе местных исполнительных и распорядительных органов и средств массовой информации.

Виктимологическая профилактика нарушений правил дорожного движения в первую очередь должна проводиться среди лиц пожилого возраста и несовершеннолетних, в том числе малолетних, жителей населенных пунктов, где отсутствуют тротуары, пешеходные дорожки и пешеходные переходы. Особого внимания требует организация перевозки пассажиров автобусами (микроавтобусами) в ночное время, соблюдение при этом водителями скорости движения, режима труда и отдыха.

Определенный профилактический потенциал может иметь рекламирование автомобиля не как средства развлечения, самоутверждения и превосходства, а как транспортного средства, в первую очередь обеспечивающего безопасность водителя и пассажиров. Необходимо добиваться в средствах массовой информации перевода акцента от эффектов превышения скорости движения (достижение пункта назначения первым, восторг друзей, озадаченные сотрудники государственной автомобильной инспекции) к неблагоприятным последствиям нарушения правил дорожного движения – ДТП, общественное порицание, административное взыскание, уголовная ответственность. Другим не менее важным аспектом в этом направлении является использование агитационных плакатов, где наглядно показаны противоправные деяния участников дорожного движения, их последствия и причинная связь между ними [14, с. 19].

В целях предупреждения дорожно-транспортных преступлений и происшествий повышенного профилактического внимания требуют следующие категории лиц:

имеющие судимость за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также за угон транспортного средства;

лишенные права управления транспортным средством;

подвергнутые административному взысканию за управление транспортным средством в состоянии опьянения;

совершившие нарушение правил проезда железнодорожного переезда;

подвергнутые административному взысканию (повторно) за превышение скорости движения;

привлеченные к административной ответственности (повторно) за невыполнение требований об остановке транспортного средства.

Одной из мер предупреждения отдельных видов дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта является ограничение возможностей реального использования указанными категориями правонарушителей транспортных средств, особенно для перевозки пассажиров. Наиболее действенным шагом в этом направлении могла бы стать предусмотренная уголовным законодательством (ч. 6 ст. 61 УК) возможность специальной конфискации автомототранспорта как средства совершения дорожно-транспортного преступления, а также конфискация транспортного средства, предусмотренная ч. 1 ст. 6.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. В настоящее время принудительное безвозмездное обращение в собственность государства автомототранспорта как средства совершения отдельных видов дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта из-за отсутствия судебной практики практически не применяется.

Список цитированных источников

1. Коробеев, А.И. Транспортные преступления / А.И. Коробеев // СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 406 с.

2. Банк данных о дорожно-транспортных происшествиях / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

3. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений: форма № 453 / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

4. Агапов, А.Ф. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых по неосторожности / А.Ф. Агапов // Криминология: учеб. пособие; под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – С. 422–441.

5. Синьков, Д.В. Виктимологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений / Д.В. Синьков // Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение; под ред. А.Л. Репецкой. – М.: ACADEMIA, 2009. – С. 223–250.

6. Лунеев, В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика / В.В. Лунев. – М., 1980. – 137с.

7. Танага, И.В. Причины и условия, способствующие дорожно-транспортным преступлениям, и пути их устранения / И.В. Танага // Общество и право. – 2009. – № 2. – С. 117–120.

8. Еникеев, М.И. Юридическая психология: учебник / М.И. Еникеев. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.

9. Дмитриев, С.Н. Проблемы освидетельствования водителей автомототранспортных средств на предмет выявления признаков опьянения / С.Н. Дмитриев // Закон и право. – 2002. – № 9. – С. 27–28.

10. Иванова, О.А. Ответственность водителя за управление транспортным средством в состоянии наркотического опьянения: теория и практика / О.А. Иванова // Актуальные проблемы юридической науки и практики: тез. докл. научн. конф. – Пермь, 2004. – С. 22–25. – Ч. 2.

11. Коробеев, А. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения / А. Коробеев // Советская юстиция. – 1987. – № 19. – С. 11–13.

12. Сведения об административных правонарушениях, зарегистрированных органами внутренних дел: форма № 701 / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

13. Кравцов, А.Ю. Информационная политика и предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых по небрежности / А.Ю. Кравцов, Р.В. Скоморохов // Российский следователь. – 2008. – № 24. – С. 19–21.

14. Правила дорожного движения: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 28.11.2005 № 551: в ред. от 30.12.2011 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 1/6961.

Дата поступления статьи – 01.10.2012.

В статье рассматриваются особенности влияния на уровень дорожно-транспортных преступлений и происшествий демографических, половозрастных и иных признаков личности правонарушителей и потерпевших, анализируются элементы механизма поведения участников дорожного движения, способствующие созданию аварийных ситуаций.

Отмечается, что повышению превентивного потенциала уголовного закона могут способствовать более полная дифференциация уголовной ответственности водителя в зависимости от состояния опьянения и наличия права управления транспортным средством, меры по стимулированию виновного минимизировать последствия совершения дорожно-транспортного преступления.

Обращается внимание на необходимость совершенствования предупредительной деятельности посредством расширения спектра общесоциальных мероприятий, оптимизации функционирования транспортных коммуникаций, виктимологической профилактики нарушений правил дорожного движения.

In article the features of influence on level of road and transport crimes and incidents demographic are considered, sexual, age and other signs of the person of offenders and victims, elements of the mechanism of behaviour of participants of the traffic, promoting creation of emergencies are analyzed.

It is noticed, that to increase preventive potential of the criminal law can be promoted by fuller differentiation of the criminal liability of the driver depending on a condition of intoxication and presence of driving license, measures on stimulation guilty to minimise consequences of commitment of a road and transport crime.

The attention is paid to necessity of perfection of precautionary activity by means of spectrum expansion social actions, optimization of functioning of transport communications, victimological prevention of infringements of traffic rules.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ ПО УК РОССИИ ИЛИ НАСТАВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯМ О ТОМ, КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ ЗАКОНЫ

Бабий Н. А.

Посредничество во взяточничестве стало самостоятельным преступлением по УК России после введения в него ст. 291^1 Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ. Тем самым российский законодатель повторил путь, ранее пройденный предшественниками при создании УК РСФСР 1960 г. Однако изменились не только номера статей (в УК РСФСР это была ст. 174^1), изменилось содержание действий, признаваемых посредничеством. Если ст. 174^1 УК РСФСР трактовала посредничество во взяточничестве как непосредственную передачу взятки от взяткодателя взяткополучателю (физическое перемещение), то в новой интерпретации посредничество включает в себя:

1) способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении соглашения между ними о получении и даче взятки;

2) способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

Обратим внимание на отдельные моменты, назовем их нюансами, фактически произведенной российскими законодателями криминализации.

Нюанс первый: о приверженности законодателей принципу системности построения уголовного закона. Поскольку законодатель посчитал принципиально необходимым установить уголовную ответственность за посредничество в совершении преступления в самостоятельной статье, то почему это сделано только для получения взятки, но совершенно не коснулось коммерческого подкупа, который является получением взятки в политической, общественной, коммерческой и иных сферах деятельности? А как быть с посредничеством в совершении иных преступлений, таких как, например, незаконный оборот наркотических средств?

Нюанс второй: об усилении ответственности путем декриминализации. Почему уголовная ответственность установлена за посредничество во взяточничестве, если передается взятка в значительном размере?

Ответ находим в статье В. Боркова: «Сговор субъектов преступлений, предусмотренных ст.ст. 290 и 291 УК РФ, является приготовлением к совершению данных посягательств. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ ответственность наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Поэтому законодатель справедливо ограничил уго-

ловно-правовой запрет на посредничество во взяточничестве только случаями ее значительного размера» [1, с. 10].

Но ведь описанное в ч. 1 поведение посредника не ограничивается приготовлением к даче или получению взятки (содействие достижению соглашения), а может выражаться в выполнении объективной стороны (содействие непосредственной передаче). Как быть, если посредник непосредственно передаст взятку в размере менее значительного? Тоже считать это приготовлением? Или может быть следует согласиться с предложением такие случаи рассматривать уже не как посредничество, а как соучастие? «Проще говоря, – утверждает В. Борков, – если сумма взятки не превышает 25 тыс. руб., то фактический посредник ответственность по-прежнему будет нести как соучастник в даче либо получении взятки» [1, с. 11]. С этим мнением солидарен П. Яни, который, впрочем, присоединился и к опасениям, что правоприменитель станет считать непреступными подобные действия [2, с. 12]. Буквально в следующем номере журнала «Законность» правоприменители в лице кандидатов юридических наук Приволжского транспортного прокурора С. Белова и его старшего помощника Н. Чекмачевой прямо заявили, что за посредничество в передаче взятки в размере 24 990 руб. «посредник не понесет никакой ответственности» даже в том случае, если получение взятки сопряжено с ее вымогательством [3, с. 10]. Практикам вторят и ученые. Например, Д. Гарбатович считает, что «при недостижении значительного размера взятки уголовная ответственность исключена за отсутствием состава преступления», поскольку такие действия декриминализованы [4, с. 23].

В соответствии с правовым принципом «если запрещено большее, то меньшее не запрещено» посредничество во взяточничестве при передаче взятки в размере, не являющемся значительным, не должно считаться уголовно наказуемым, то есть не является преступлением.

Фактически произведена декриминализация посредничества во взяточничестве, если сумма взятки не достигает 25 тыс. руб. В связи с обратной силой уголовного закона все ранее осужденные за соучастие в виде посредничества в даче или получении взятки на указанную сумму должны быть освобождены от назначенного наказания, а если они еще не были осуждены, то и от ответственности. При этом российским правоприменителям необходимо решить вопрос и о применении обратной силы закона к тем лицам, которые ранее признавались не посредниками, но иными соучастниками при совершении ими действий, которые новым законом определены как «иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю».

Нюанс третий: о дифференциации уголовной ответственности. Законодатель считает посредничество во взяточничестве менее общественно опасным действием, чем получение и дачу взятки. Предполагается, что такое соотношение степени опасности указанных действий должно быть единым и должно быть проведено во всех частях соответствующих статей.

Но это только предполагается. Сравним санкции и используем для сравнения самое строгое наказание – лишение свободы.

За посредничество во взяточничестве при значительном размере взятки (ч. 1 ст. 291^1 УК РФ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, а за дачу взятки в значительном размере (ч. 2 ст. 291 УК РФ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет. Таким образом, законодатель посчитал, что посредничество едва ли не в два раза опаснее самой дачи взятки.

Допустим, что в первом случае с криминализацией взяточничества в размере, не являющемся значительным, произошла ошибка и верна оценка соотношения опасности посредничества и дачи взятки в значительном размере.

Теперь сравним взяточничество за совершение заведомо незаконных действий (бездействие): посредничество в таком взяточничестве наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет (ч. 2 ст. 291^1 УК РФ), а дача взятки за незаконные действия (бездействие) наказывается лишением свободы на срок до 8 лет (ч. 3 ст. 291 УК РФ). Снова посредничество признано менее опасным преступлением.

Опять-таки допустим, что и в случае с криминализацией взяточничества в значительном размере произошла повторная ошибка, а в действительности дача взятки является более опасным преступлением.

И снова сравним, но теперь уже взяточничество в крупном размере: посредничество в таком взяточничестве наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет (ч. 3 ст. 291^1 УК РФ), а дача взятки в крупном размере наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет (ч. 4 ст. 291 УК РФ). Здесь уже посредничество признано более опасным преступлением.

Нужно ли и далее заниматься допущениями? Что это за соотношение такое синусоидальное?

И все же посмотрим, чем заканчивается наша синусоида. Сравним самое опасное взяточничество – взяточничество в особо крупном размере: посредничество в таком взяточничестве наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет (ч. 4 ст. 291^1 УК РФ) и дача взятки в особо крупном размере наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет.

Таким образом, законодательные колебания в установлении соотношения степени общественной опасности между посредничеством во взяточничестве и дачей взятки закончились полным равенством.

Соотношение степени общественной опасности между посредничеством во взяточничестве и получением взятки также лишено единства:

при значительном размере взятки получение взятки признано преступлением более опасным, чем посредничество (до 6 лет лишения свободы за получение взятки и до 5 лет за посредничество);

при взятке за незаконные действия установлено равенство опасности (оба преступления наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет);

при крупном размере взятки также наблюдается равенство (лишение свободы на срок от 7 до 12 лет);

при особо крупном размере взятки получение взятки снова признано преступлением более опасным, чем посредничество во взяточничестве (от 8 до 15 лет за получение взятки против от 7 до 12 лет за посредничество).

Между тем посредничество есть не что иное, как разновидность пособничества совершению преступления, что российский законодатель признал в диспозиции ч. 1 ст. 291^1 УК РФ, назвав посредничество «способствованием». Такое пособничество по степени общественной опасности всегда менее общественно опасно, чем исполнение самого преступления, что и должно было найти отражение в соотношении строгости санкций за получение взятки, дачу взятки и посредничество в даче и получении взятки.

Нюанс четвертый: еще раз о дифференциации уголовной ответственности. Усиление ответственности за преступления посредством введения квалифицирующих обстоятельств предполагает определенную пропорциональность. Попробуем отыскать ее применительно к посредничеству во взяточничестве и сравним максимальные сроки лишения свободы, предусмотренные соответствующими частями ст. 291^1 УК РФ. По ч. 1 посредничество наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, по ч. 2 – до 7 лет, разница в наказании составляет 2 года. По ч. 3 наказание достигает 12 лет, соответственно разница с ч. 2 составляет 5 лет лишения свободы. Как видим, длина наказательного шага возросла в два с половиной раза. Однако уже за более тяжкое (за самое тяжкое) посредничество наказание не то чтобы в два с половиной раза, но вообще не увеличивается и остается тем же, поскольку ч. 4 ст. 291^1 УК РФ предусматривает наказание лишением свободы на срок от 7 до 12 лет, как и ч. 3 этой же статьи.

Если соотнести размер наказания с величиной квалифицирующего обстоятельства, то картина станет и вовсе мало объяснимой. Так, разница между значительным и крупным размерами взятки составляет 125 тыс. руб. Максимальное наказание за взятку в крупном размере по сравнению с максимальным наказанием за взятку в значительном размере увеличилось на 7 лет лишения свободы или почти в два с половиной раза. В то же время разница между крупным и особо крупным размерами взятки составляет уже 850 тыс. руб. Следовательно, сама разница в размерах взятки увеличилась в 7 раз, а наказание никак не увеличилось, поскольку и за крупный, и за особо крупный размер взятки установлено равное основное максимальное наказание в виде лишения свободы на срок на срок от 7 до 12 лет.

Нюанс пятый: о законодательных «ноу-хау», более чем сомнительных.

Обещание или предложение посредничества во взяточничестве представляют собой приготовление к посредничеству во взяточничестве. Вопросы ответственности за приготовление к преступлению достаточно подробно регламентированы нормами Общей части УК РФ. Для чего понадобилось дополнительно вводить приготовление в норму Особенной части?

Ответ находим в статье О. Капинус о законодательных предложениях: «Интересно также, что предлагается криминализировать обещание или предложение посредничества во взяточничестве вне зависимости от размера взятки. Действительно, эта норма нужна для криминализации приготовления к простому посредничеству, которое иначе оказалось бы непреступным в силу ч. 2 ст. 31 УК РФ: описанные в ч. 5 ст. 291^1 УК РФ действия при попытке реализации обещанного или при удавшейся реализации образуют соответственно покушение либо оконченное посредничество и квалифицируются по другим частям ст. 291^1 УК РФ; однако при «застревании» неудавшегося посредника на стадии обещаний, предложений, когда более ничего совершить он не смог по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное может быть расценено лишь как приготовление к посредничеству, которое согласно ч. 1 ст. 291^1 УК РФ является преступлением средней тяжести. Преодолевая, так сказать, запрет уголовной ответственности за приготовление к преступлениям данной категории, и вводится ответственность уже за собственно обещание или предложение посредничества во взяточничестве» [5, с. 10].

Изложенное является оправданием, но не объяснением, поскольку разумного объяснения произведенному законодателем новшеству нет и быть не может.

Зададимся вопросом: для чего нужно преодолевать запрет положений Общей части?

Если какие-то деяния нуждаются в криминализации, то это как минимум указывает на их повышенную общественную опасность. Так называемые усеченные составы преступлений применяются исключительно для установления ответственности за наиболее опасные деяния.

Приготовление к простому посредничеству во взяточничестве не обладает указанной степенью общественной опасности. Сам же законодатель указал, что посредничество во взяточничестве не очень-то и опасное преступление, поскольку посредничество во взяточничестве на сумму менее 25 тыс. руб. вовсе не является преступлением.

И уж совсем невозможно допустить, что есть какая-либо необходимость нарушать принципы уголовной ответственности, закрепленные в нормах Общей части.

Нюанс шестой: о том, как произведена криминализация приготовительных действий. Судя по месту в ст. 291^1 УК РФ, а это ч. 5, обещание или предложение посредничества во взяточничестве является максимально общественно опасным действом, поскольку ч. 5 является последней и в ней должен быть описан трижды особо квалифицированный состав.

Приготовление к преступлению всегда влекло ответственность не само по себе, а вкупе с тем преступлением, к которому осуществлялось приготовление. При этом вменялось не преступление определенного вида, а вменялось конкретизированное по степени опасности преступление посредством указания не только статьи, но и конкретной части статьи, в ко-

торой содержатся приготавливаемые квалифицированные или особо квалифицированные составы.

Чем не устроило российского законодателя существующее правило (теперь уже можно сказать существовавшее правило), не понятно, но он установил ответственность за приготовление к посредничеству во взяточничестве вообще безотносительно к тяжести приготавливаемого преступления.

Если субъект приготовился к посредничеству во взяточничестве в значительном размере, то он может быть наказан лишением свободы на срок до 7 лет, а если совершил оконченное преступление – то наказание не может превышать 5 лет лишения свободы.

При любом отношении к посредникам приготовление всегда считается менее опасным преступлением, чем совершение самого преступления. По этой причине установление более строгой ответственности за приготовление к преступлению, чем за оконченное преступление, – это, в общем, один из перечисляемых нюансов.

Нюанс седьмой: об ответственности за приготовление к взяточничеству в особо крупном размере. Как уже отмечалось, за приготовление к взяточничеству может последовать самое строгое наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет. Но за посредничество во взяточничестве в особо крупном размере предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 12 лет. Обратим внимание еще и на то, что по ч. 5 ст. 291^1 УК РФ минимальное наказание за приготовление к посредничеству во взяточничестве составляет штраф в размере от пятнадцатикратной суммы взятки, в то время как за оконченное преступление – от семидесятикратной.

Иными словами, наиболее опасным посредничающим во взяточничестве преступникам предоставляется просто-таки невероятная льгота. Почти такая же льгота предоставляется и за приготовление к особо квалифицированному посредничеству во взяточничестве (ч. 3 ст. 291^1 УК РФ). Это тоже один из перечисляемых нюансов.

Возникают и другие вопросы. Почему из всех приготовительных действий законодатель выбрал только обещание и предложение посредничества во взяточничестве? Как быть с приготовлением посредством совершения иных действий, если специально оговорена наказуемость приготовления только путем обещания и предложения?

Почему отдельно ответственность за приготовление установлена только для посредничества во взяточничестве, но не установлена за приготовление к получению взятки и за приготовление к даче взятки? Впрочем, с учетом отмеченных нюансов криминализации приготовления к посредничеству во взяточничестве и хорошо, что не установлена.

Нюанс восьмой: о конкретизации признаков объективной стороны, или что есть посредничество. Законодатель определил объективную сторону состава посредничества во взяточничестве альтернативными действиями:

1) непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя;

2) иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю:

а) в достижении соглашения между ними о получении и даче взятки,

б) реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

Что касается первого варианта поведения, то его толкование в судебной практике как посреднических действий исторически не вызывает затруднений. Достижение соглашения (вариант 2а), как будет показано далее, также относится к посредническим переговорным действиям, хотя исторически к ним и не относилось. Но что означает вариант 2б – способствование реализации соглашения между ними о получении и даче взятки?

Из всех вариантов способствования взяткодателю и взяткополучателю к посредничеству во взяточничестве относятся только содействие достижению соглашения (интеллектуальное посредничество) и непосредственная передача взятки (физическое посредничество).

Посредничество только этим и ограничивается.

Законодатель же относит к посредничеству любое способствование в реализации соглашения о даче и получении взятки.

Возможно, законодатель имел в виду, что «любое способствование» ограничивается только переговорным процессом и непосредственной передачей. При нормальном толковании так и должно быть. Но для нормального толкования, прежде всего, необходимо нормальное написание. Законодатель же при описании признаков преступления употребил наряду с соединительным союзом «и» разделительный союз «или» («иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю»). Это означает, что способствование может оказываться только одной стороне: либо взяткодателю, либо взяткополучателю. Но способствование одной стороне в реализации соглашения не имеет никакого отношения к посредничеству, такое способствование является соучастием в даче или получении взятки в зависимости от того, какой из договорившихся сторон оказывается содействие.

Итогом изложенного описания признаков посредничества является то, что любое соучастие в даче и (или) получении взятки является посредничеством, если не налагать на него ограничения, вытекающие из обычно понимаемого содержания термина «посредничество».

Таким образом, законодатель совместил несовместимое. С одной стороны, можно утверждать, что в статье дано новое специфическое определение термина «посредничество» и его содержание существенно отличается от общепринятого. С другой стороны, можно утверждать, что описание объективной стороны посредничества должно ограничиваться общепринятым содержанием посредничества. В связи с изложенным дать адекватное толкование признакам объективной стороны состава посредничества во взяточничестве не представляется возможным.

Список цитированных источников

1. Борков, В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В. Борков // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 9–14.
2. Яни, П. Посредничество во взяточничестве / П. Яни // Законность. – 2011. – № 9. – С. 12–18.
3. Белов, С. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве / С. Белов, Н. Чекмачева // Законность. – 2011. – № 10. – С. 41–44.
4. Гарбатович, Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 4–8.
5. Капинус, О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности / О. Капинус // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 21–26.

Дата поступления статьи – 06.09.2012.

Новелла уголовного законодательства России – норма об ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291^1 УК РФ) подвергнута детальному критическому анализу в статье. Рассмотрены проблемы криминализации посредничества во взяточничестве как разновидности пособничества совершению преступления, вопросы соотношения посредничества во взяточничестве с соучастием в даче и получении взятки, а также соответствия строгости санкций характеру и степени общественной опасности этих преступлений. Аргументированные выводы изложены по каждому из рассмотренных вопросов.

Innovation of Russian criminal law – the rule of responsibility for intermediation in bribery (Article 291^1 of the Criminal Code), was subjected to a detailed critical analysis in the article. The problems of the criminalization of bribery intermediation as a form of complicity in the commission of the crime, issues of correlation of intermediation in bribery with complicity in giving and taking bribes, as well as the severity of the sanctions to the nature and degree of social danger of the crime are considered. The conclusion are set forth on each of the questions.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА ПРОБАЦИИ – КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Бурый В. Е.

Состояние осуждения (судимости) лица, установленное приговором суда, выражает правовой режим уголовной ответственности и предопределяет правовую возможность принудительного воздействия на осужденного в целях его ресоциализации посредством применения в режиме осуждения реального наказания, равно как и иных мер уголовно-правового воздействия в соответствии с УК – мер испытательных, испытательно-профилактических, профилактически-исправительных и даже сугубо воспитательных [3, с. 6].

Практика показывает, что ресоциализация и социальная адаптация осужденных (прежде всего к лишению свободы) определяют основные направления деятельности органов и учреждений Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь и предполагают усвоение осужденными знаний, умений, навыков, норм, правил и ценностей, необходимых и достаточных для того, чтобы быть включенным в жизнь общества после освобождения из исправительных учреждений (далее – ИУ). В то же время эти процессы предъявляют конкретные требования к условиям отбывания наказания, которые должны быть достаточными, по крайней мере, для того, чтобы осужденный не утрачивал умений и навыков поведения, нужных в жизни в условиях свободы. Важнейшими механизмами включения человека в общество, социальные группы выступают процессы социализации и адаптации, проявляющиеся в овладении человеком социальным опытом, опытом общения и правовой культуры.

В настоящее время назрела потребность с учетом требований уголовной и уголовно-исполнительной политики государства реализовать в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) основы отечественной Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (указ Президента Республики Беларусь от 23.12.2012 № 672) в части ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы (в том числе освобожденных из ИУ), четко определившись как в понятийном аппарате по этой проблеме, так и на законодательном уровне приблизить организацию исправительного процесса в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды к мировым стандартам [1]. Введение этих мер позволит существенно повысить качество работы в местах лишения свободы (далее – МЛС) в их настоящем виде.

Учитывая вышесказанное, а также рекомендации и требования международных нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-исполнительные правоотношения, *под исправлением осужденных* следует признавать процесс положительных социально-правовых, нравственных и психолого-педагогических изменений в их личности, формирующих готовность вести правопослушный образ жизни в условиях свободы. Исходя из дефиниции «исправление» *ресоциализацию в ИУ* следует считать как специально организованный процесс формирования у осужденных жизненной позиции и поведения, соответствующих конституционным нормам; сознательное восстановление их в социальном статусе полноправных членов общества посредством возвращения к самостоятельной самоуправляемой общепринятой социально-нормативной жизни в условиях свободы. Ресоциализация является сущностью исправления осужденных, и от того, насколько правильно понимается эта дефиниция, зависит качество построения исправительного процесса в ИУ.

Принимая во внимание дефиницию «ресоциализация», *под социальной адаптацией лиц, отбывших уголовное наказание*, следует полагать комплекс правовых, экономических, организационных, социально-

психологических и иных мер, осуществляемых в отношении граждан, освобожденных из ИУ, в целях приспособления к условиям социальной среды, защиты их прав и законных интересов.

Эффективность исправительного и предупредительного воздействия в значительной степени обусловлена решением задач социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобожденных из ИУ. Очевидно, что решение задач социальной адаптации во многом зависит от эффективности организации работы по оказанию индивидуальной помощи освобождаемым и освобожденным со стороны государственных и общественных структур, а также от уровня правового, информационного и материального обеспечения этого процесса.

Изменения за последние десятилетия в государстве правовых и социальных условий жизни общества, а также рост рецидивной преступности (уже превысил отметку 50 %) четко обозначили нерешенными ряд важных вопросов в данной сфере специфических правоотношений. В частности, в полном объеме не решена на организационно-правовом уровне проблема подготовки осужденных не только к освобождению (в том числе досрочному), но и постпенитенциарная работа с ними после освобождения из ИУ.

В процессе изучения современного состояния законодательства, определяющего порядок подготовки к освобождению из ИУ и постпенитенциарной работы с освобожденными гражданами, а также практики его применения органами государственной власти и местного управления и самоуправления, негосударственными организациями, выявлены пробелы, влияющие на определение конкретных организационных и правовых мер совершенствования их деятельности.

Так, в Республике Беларусь до сих пор отсутствует нормативный правовой акт, закрепляющий принципы, нормы, условия и порядок оказания социальной помощи лицам, отбывшим наказание в МЛС, а также основы участия в их социальной адаптации органов исполнительной власти, местного управления и самоуправления, в том числе предприятий, учреждений и организаций. Таким актом может считаться закон Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы». Подобные акты приняты в Украине – Закон от 10 июля 2003 г. № 1104-IV «О социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на определенный срок», Азербайджанской Республике – Закон от 31 мая 2007 г. № 353-IIIГ «О социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях», Республике Башкортостан – Закон от 3 февраля 2009 г. № 92-З «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы», в России уже подготовлен проект Федерального закона «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» и др.

Правоприменители и ученые утверждают, что принятие такого нормативного правового акта позволит урегулировать не только проблемные

вопросы социальной адаптации освобожденных из ИУ лиц, но и позволит в определенной мере решить задачу по профилактике и предупреждению рецидива преступлений среди этой категории граждан, укреплению в обществе законности и правопорядка [2, 4].

В 2010–2011 гг. на кафедре уголовно-исполнительного права УО «Академия МВД Республики Беларусь» в рамках работы над диссертационным исследованием на тему «Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы» подготовлен проект закона Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», в котором закрепляются: методически выверенная терминология «лица, освобожденные из мест лишения свободы», «социальная адаптация», «социальный патронаж» и «места лишения свободы»; цели, задачи и принципы социальной адаптации; лица, на которых распространяется действие закона, их права и обязанности; органы, учреждения и организации, осуществляющие деятельность в этой сфере (и их полномочия) и др.

Одновременно следует также отметить, что сотрудниками различных служб ИУ фиксируется в документах значительный объем информации об осужденных в период отбывания ими наказания: уровень ресоциализации и социальной адаптации, внутриличностные изменения, социальные связи и т. д. Однако при освобождении осужденного из ИУ эта информация (пусть и в кратком виде) не передается из МЛС в уголовно-исполнительные инспекции территориальных органов внутренних дел, а в большинстве случаев не используется и направляется в архив ИУ.

Вместе с тем при убытии из ИУ в целях продолжения ресоциализации и социальной адаптации личности осужденного целесообразно администрацией ИУ на каждого гражданина подготавливать итоговое заключение (независимо от основания освобождения), в котором будет отражаться следующая информация: установочные криминологические данные, типологическая принадлежность, мотивы совершения преступления, общая направленность, достигнутые изменения в мотивационной сфере и психологических чертах личности, итоги усвоения исправительных программ, степень исправления перед освобождением из ИУ, намерения после освобождения, уровень ресоциализации и социальной адаптации, медицинская характеристика, трудовое и бытовое устройство, наличие (отсутствие) паспорта. Такие сведения позволят сотрудникам ОВД более качественно проводить дальнейшую ресоциализационную работу с освобожденным гражданином.

Как следствие, после освобождения из ИУ качество ресоциализации и социальной адаптации осужденного оставляет желать лучшего. Уголовно-исполнительные инспекции не решают, к сожалению, в должной мере и объеме эти актуальные задачи.

Зарубежная пенитенциарная правоприменительная практика убедительно показывает, что наиболее оптимальным решением продолжения социальной адаптации освобожденного из ИУ гражданина было бы введение государственной службы пробации. В эту службу следует направлять

и вышеуказанные итоговые заключения ИУ на каждого освобождающегося. Данные службы, подчиненные Министерству юстиции, созданы и работают в США, странах Европы (в том числе, странах Прибалтики).

Пробация рассматривается как уголовный надзор (уголовная опека). Интерес к службе пробации возникает в первую очередь в связи с ее функцией исполнения наказаний.

В английском языке используется словосочетание *«community service»*. Термин *«community service»* многозначен: он подчеркивает как элемент общественной полезности работ, так и элемент отсутствия изоляции от общества.

Государственная служба пробации – это сеть государственных учреждений, которые заботятся об общественной безопасности, работая с людьми, отбывшими уголовное наказание в МЛС, или отбывают уголовное наказание не в МЛС, а в обществе (условные наказания, общественные работы и т. п.), помогая бывшим осужденным вернуться в общество. Основными направлениями работы службы пробации являются развитие и организация политики исполняемых в обществе уголовных наказаний и оказание помощи лицам, освобожденным из МЛС.

Для нас небезынтересен будет опыт Латвии и Эстонии в создании вышеуказанной службы, поскольку до 1991 года мы имели общие основы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Так, в Латвии 7 октября 2003 г. Кабинет министров утвердил положение об управлении государственной службы пробации, а в декабре 2003 года Сейм принял закон «О Государственной службе пробации», который установил принципы пробации, функции и компетенцию государственной службы пробации.

В данном законе закреплено то, что государственная служба пробации создана в целях облегчения работы правозащитных учреждений, направлена на снижение уровня преступности в государстве, обеспечение качественного исполнения и координации отбываемых в обществе наказаний. Создание государственной службы пробации свидетельствует о намерении государства брать на себя ответственность за «оступившихся» членов своего общества, а также о том, что правонарушитель «не потерян» для общества и система наказаний не носит карательно-устрашающий характер.

С созданием государственной службы пробации Латвия вступила в число тех государств, которые осуществляют свою уголовную и уголовно-исполнительную политику в целях достижения долговременных изменений в модели социального поведения правонарушителя, соблюдая права и нужды каждого индивида. Такая политика государства укрепляет общественную безопасность и сокращает число причин, побуждающих к совершению преступлений.

Для достижения поставленных задач и эффективного использования государственных ресурсов служба пробации Латвии в своей деятельности

определяет уровни риска и нужд правонарушителей, организовывает комплекс предупредительных и профилактических мероприятий по снижению возможности совершения ими новых правонарушений (преступлений).

Государственная служба пробации Латвии: предоставляет досудебные доклады суду и прокурорам о личности «подопечных»; оказывает помощь лицам, освобожденным из МЛС; разрабатывает и реализует пробационные программы (коррекция социального поведения и жизненной мотивации, социальная реабилитация), направленные на интеграцию освобожденного из ИУ в социум; координирует ход исполнения наказания лицам, осужденным на принудительные работы; обеспечивает исполнение общественных работ несовершеннолетними правонарушителями; организовывает процесс примирения при помощи посредника между потерпевшим и преступником; осуществляет надзор за лицами, условно освобожденными от уголовной ответственности, условно осужденными, условно-досрочно освобожденными из МЛС и оказывает им необходимую помощь (эта функция введена с 2006 года).

В Эстонии служба пробации (уголовного надзора) интегрирована в судебную систему. Чиновники пробации (по уголовному надзору) объединены в отделы уголовного надзора, которые функционируют в составе практически всех судов первой инстанции. Отдел уголовного надзора подчиняется председателю суда, который осуществляет общее руководство и контроль. Отделы, как правило, имеют подразделения, которые призваны гарантировать доступность услуг на местах. Служба пробации Эстонии специально учреждена для применения наказаний, альтернативных тюремному заключению. К таким альтернативным видам наказаний относится помещение под уголовный надзор. Целью альтернативных наказаний является уменьшение уровня преступности в обществе и предупреждение рецидива преступлений поднадзорных лиц через систему социального сопровождения и оказания помощи в решении социально-бытовых проблем.

Функции службы пробации (уголовного надзора) в Эстонии:

предоставляет прокурору и суду досудебное донесение (доклад, отчет) о личности обвиняемого или подсудимого, содержащее резюме личных качеств обвиняемого или подсудимого и данные о его социальном положении, а также заключение, касающееся испытательного срока и выбора возлагаемых на осужденного обязанностей; досудебное донесение состоит из фактов биографии обвиняемого или подсудимого и социально-психологического прогноза;

на основании судебного решения осуществляет надзор за исполнением осужденными назначенных судом наказаний;

периодически предоставляет в суд донесения о поднадзорном, содержащее обзор исполнения приговора и информацию о его поведении;

представляет в суд внеочередное донесение о поднадзорном в случаях, если поднадзорный не исполняет возложенные на него судом обязанно-

сти, совершает в период испытательного срока преступление или ведет себя препятствующим осуществлению уголовного надзора образом;

готовит доклад (отчет) суду в связи с ходатайством лица об условно-досрочном освобождении из МЛС, о возможности такого условно-досрочного освобождения; в данном случае в службу пробации (уголовного надзора) ИУ представляет запрос-характеристику в отношении лица, желающего получить условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы, и инспектор пробации начинает готовить информацию об осужденном;

надзирает за лицами, условно-досрочно освобожденными из МЛС, контролирует их поведение и оказывает им помощь в социальной адаптации;

надзирает за несовершеннолетними, к которым применены воспитательные меры, оказывает им помощь в социальной адаптации.

Цель пробации (уголовного надзора) состоит в содействии социальной адаптации поднадзорных и предупреждении совершения ими повторных правонарушений (преступлений). Задачей инспектора пробации является содействие улучшению и стабилизации положения поднадзорного в обществе. Инспектор пробации сотрудничает с государственными и негосударственными организациями, предлагающими социальную помощь и действующими вне системы пробации (уголовного надзора). Государственные и негосударственные учреждения обязаны оказывать работникам пробации (уголовного надзора) необходимую для выполнения их обязанностей помощь в сфере социального обеспечения поднадзорных.

Следует отметить, что к работнику службы пробации (уголовного надзора) предъявляются очень строгие требования к уровню образования, качеству прохождения им специальной подготовки для работы в этой сфере, наличию необходимых знаний и навыков социальной работы. Перед назначением на должность инспектора пробации (уголовного надзора) претендент обязательно сдает квалификационный экзамен, участвует в публичном конкурсе для замещения этой должности, проходит испытательный срок при приеме на работу. После утверждения в должности сотрудник обязан периодически проходить курсы повышения квалификации и подтверждать свое соответствие должности.

К сожалению, в Республике Беларусь такой госслужбы пока нет. Их функции частично, с невысоким коэффициентом полезного действия, выполняют сотрудники уголовно-исполнительных инспекций. На примере работы служб пробации стран-соседок (аналогичные структуры имеются и в других странах Европы, США) показано, что четко организованная и комплексная работа сети данных подразделений, подчиненных Министерству юстиции, позволяет не только напрямую уменьшать рост рецидивной преступности в стране и «не потерять в социуме» лиц, освобожденных из МЛС, но и дает возможность разгрузить ИУ и перераспределить ресурсы, направив усилия государства на более адресную работу с гражданами, нуждающимися в помощи и поддержке.

Список цитированных источников

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 декабря. 2010 г., № 672 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 1/12207.

2. Стригалев, А. Рецидив. Адаптация. Эпикриз / А. Стригалев // На страже. – 2010. – 8 окт. – С. 15.

3. Хомич, В.М. Уголовно-правовая характеристика и криминологическая оценка системы уголовных санкций в Республике Беларусь / В.М. Хомич // Ситуация в местах лишения свободы в Республике Беларусь. Оценка достижений и проблем, перспективы реформирования: сб. ст. – М.: PRI, 2008. – С. 4–33.

4. Шиенок, В.П. Методологические проблемы современной криминологии / В.П. Шиенок // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 11. – С. 20–24.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

Утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения одной из основных задач ставит совершенствование уголовно-исполнительной системы с целью обеспечения ее способности при оптимальных экономических издержках качественно выполнять функции ресоциализации и социальной адаптации осужденных как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный периоды. Одним из вариантов решения указанной задачи видится создание в стране государственной службы пробации, которая уже длительный период времени успешно осуществляет в США и странах Европы (в том числе Прибалтики) функцию социальной адаптации осужденных, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений (прежде всего – мест лишения свободы), постепенно снижая тем самым уровень рецидивной преступности (в Республике Беларусь этот показатель в 2010 году уже превысил отметку 50 %).

According to the Concept of development of system of measures of criminal responsibility and the order of their implementation, adopted by the Degree of the President of the Republic of Belarus on 21.12.2010 N 627 one of the major tasks is the development of the correctional system for the purpose of building its capacity to fulfil the tasks of re-socialization and social adaptation at a high quality level both during the penitentiary and post-penitentiary periods while optimizing its expenses. One of the options of addressing this issue in the country could be a foundation of a governmental probation service which has been successfully operating for a long period of time in the USA and European countries (including the Baltic States). It is responsible for social adaptation of convicts released or being released from penitentiary institutions gradually slowing down the rate of recurrent criminality (in the Republic of Belarus this rate crossed the threshold of 50 % already in 2010).

ДЕЙСТВИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ДЕЗОГРАНИЗУЮЩИЕ РАБОТУ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Бурый В. Е., Куценков И. И.

Преступлением в местах лишения свободы (далее – МЛС) признается совершенное виновно общественное опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными положениями Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и запрещенное под угрозой наказания. Наиболее яркими примерами подобных деяний учеными-правоведами и правоприменителями справедливо признаются действия, дезорганизующие работу исправительных учреждений (далее – ИУ), исполняющих наказание в виде лишения свободы или арестного дома (ст. 410 УК).

Кульминацией дезорганизующей деятельности осужденных в МЛС являются преступления, совершаемые с участием большого числа спецконтингента, – групповые неповиновения, групповое хулиганство и массовые беспорядки. Как правило, предкриминогенной ситуацией для данных преступлений выступают групповые неповиновения [1, с. 91].

Групповое неповиновение выражается в отказе осужденных исполнять законные требования администрации ИУ (групповой отказ от работы, приема пищи, невыполнение распорядка дня и т. д.). В случае злостного отказа организаторов и активных участников групповых неповиновений подчиниться законным требованиям администрации учреждения наступает уголовная ответственность.

Осужденные выдвигают требования, среди которых могут быть и вполне законные. Поведение участников обычно является сдержанным. Так, при групповой голодовке осужденные выполняют распорядок дня, ходят на работу и подчиняются требованиям администрации.

Вместе с тем групповое неповиновение может приобретать и массовый характер. При этом организаторы и активные участники правонарушения вовлекают в него как можно больше других осужденных, в том числе не нарушающих установленный порядок и условия отбывания наказания. Спокойно протекающие групповые неповиновения по различным причинам могут перерастать в грубые нарушения общественного порядка или действия, сопряженные с явным неповиновением законным требованиям сотрудников ИУ.

Наиболее распространенным преступлением с участием большого числа осужденных является групповое хулиганство. Признаками уголовно наказуемого хулиганства являются не только грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу, но и применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Сопротивление представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение

общественного порядка (правил внутреннего распорядка ИУ), состоит как в неповиновении законным требованиям указанных лиц, отказе прекратить хулиганские действия, так и в активном противодействии.

Высокая степень общественной опасности хулиганства обусловлена тем, что при посягательстве на общественный порядок данное преступление нередко причиняет вред здоровью осужденным и собственности ИУ. Чаще всего групповое хулиганство проявляется в драках между осужденными, возникающих на почве ссоры между ними, а также их группами. Участники группового хулиганства могут преследовать цели расправиться с представителями администрации ИУ или осужденными, их поддерживающими, а также свести счеты не только с отдельными лицами, но и с противоборствующими группировками.

Хулиганство в большинстве случаев начинается внезапно, что затрудняет предупредительную деятельность. Хулиганским действиям, как правило, не предшествуют сговор и распределение ролей. Однако это не исключает случаи организации группового хулиганства «авторитетами», «смотрящими» и лидерами группировок осужденных отрицательной направленности [1, с. 112].

При возникновении в ИУ групповых хулиганских действий необходимо иметь в виду, что они легко могут перерасти в массовые беспорядки, которые сопровождаются погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями, а также вооруженным сопротивлением представителям администрации ИУ.

Массовые беспорядки являются наиболее опасными из рассматриваемых уголовно наказуемых деяний, в связи с чем уголовное законодательство и относит данное преступление к числу преступлений против правосудия (гл. 34 УК). Обязательный признак массовых беспорядков как уголовно наказуемой формы проявления – сопровождение их такими действиями, как: а) насилие (нанесение побоев, ограничение свободы, причинение физической боли, вред различной степени тяжести здоровью потерпевших, что не требует в данном случае дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против здоровья); б) поджоги, погромы (иные посягательства на материальные ценности, включая изъятие и повреждение имущества), уничтожение имущества; в) применение огнестрельного оружия (устройств и предметов, конструктивно предназначенных для механического поражения живой цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового заряда); г) применение взрывчатых веществ (химических веществ, обладающих способностью взрываться под воздействием внешних факторов нагрева, удара и т. п.); д) применение взрывных устройств; е) оказание вооруженного сопротивления представителю власти (воспрепятствование осуществлению представителем власти своих функций путем использования любого вида оружия, сопровождающееся применением насилия, опасного для жизни и здоровья) [2, с. 71].

Массовые беспорядки случаются хоть и редко, но чаще возникают не столько в ИУ открытого типа, сколько в ИУ закрытого типа. Из МЛС менее распространены эти преступления в колонии особого режима и тюрьмах, так как подавляющая часть осужденных содержится в условиях помещений камерного типа (камеры рассчитаны, как правило, на 4–8 человек), что в какой-то мере препятствует совершению массовых беспорядков.

Динамику начала и развития массовых беспорядков, которые целенаправленно организуются лидерами преступной среды осужденных, можно представить в виде следующих основных этапов: возникновение повода (мотив); распространение тревожных и порочащих слухов; формирование толпы «недовольных»; возбуждение толпы и активизация действий осужденных. Первые три этапа характеризуются тем, что организаторы массовых беспорядков подыскивают повод (мотив), который позволил бы сформировать у большей части осужденных убежденность в неправомерных действиях представителей администрации ИУ. Как показывает практика, в качестве поводов (мотивов) к возникновению массовых беспорядков используются конфликты между осужденными, употребление нарушителями порядка отбывания наказания спиртных напитков и других сильнодействующих средств, невыполнение администрацией учреждения требований осужденных по освобождению нарушителей из штрафного изолятора (дисциплинарного изолятора) или помещения камерного типа. В случае предварительной подготовки к организации массовых беспорядков в качестве поводов осужденными используются факты неправомерных действий представителей администрации ИУ, недостаточное создание необходимых жилищно-бытовых и коммунальных условий для отбывания наказания, неумелые (профессионально неграмотные) действия администрации при задержании и водворении осужденных в ШИЗО (ДИЗО), ПКТ и др.

Формирование толпы осуществляется не только посредством преднамеренного распространения среди осужденных порочащих слухов, но и путем оказания зачинщиками на них психического воздействия и угроз. Целенаправленно создав у осужденных негативное отношение к деятельности администрации ИУ, организаторы, обостряя эмоции «правды и справедливости», возбуждают толпу, побуждая ее к активным и агрессивным действиям (сами зачинщики, как правило, остаются «в тени, за спинами»). Возбудить толпу организаторам и подстрекателям особых трудностей в МЛС не составляет, поскольку осужденные легко верят неправдоподобным слухам. Сформированная толпа обладает способностью притягивать к себе новых участников из других отрядов, секторов, отделений.

При организации массовых беспорядков лидеры отрицательной направленности учитывают настроения значительной части осужденных, умело манипулируя ими. Свои действия и конечные цели лидеры преступной среды тщательно маскируют заботой о других осужденных, не давая последним понять истинных причин беспорядков известных только зачинщикам. В целях укрепления своего влияния на основную массу «аре-

стантов» они используют недостатки в работе администрации ИУ, трудности с обеспечением осужденных продуктами питания, табачными изделиями, предметами первой необходимости, «несправедливым» распределением длительных и краткосрочных свиданий и др.

С помощью подстрекателей зачинщики распространяют информацию о негативных явлениях в ИУ, после чего тщательно выбирают момент для начала массовых беспорядков. Как показывает практика, большинство из них совершается в жилой зоне в вечернее время суток или субботние и воскресные дни, когда в ИУ находится небольшое количество представителей администрации.

В динамике как стихийного, так и целенаправленного развития групповых неповиновений и массовых беспорядков можно выделить основные этапы, каждый из которых характеризуется определенными признаками.

1. Первый этап (наиболее важный с точки зрения криминологической профилактики). Он предшествует непосредственным противоправным действиям осужденных и характеризуется созданием такой обстановки в ИУ, которая способна при самых незначительных поводах дать толчок к возникновению групповых неповиновений и массовых беспорядков.

Процесс возникновения и развития групповых неповиновений и массовых беспорядков независимо от характера факторов, их порождающих, всегда содержит стадию обострения положения в первый период их развития, которая в одних случаях длится относительно продолжительное время, а в других проходит быстро. Отсутствие реакции сотрудников ИУ на такую ситуацию, непринятие соответствующих превентивных (упреждающих) мер неминуемо вызывает резкое осложнение оперативной обстановки, расширение и обострение конфликта.

Предвестниками групповых неповиновений, как правило, являются: факты оказания сопротивления администрации ИУ; угрозы в ее адрес или в адрес отдельных ее работников, членов самодеятельных организаций осужденных; рост случаев хулиганских проявлений (особенно групповых неповиновений осужденных инспекторскому составу и другим представителям администрации); увеличение конфликтных ситуаций с представителями самодеятельных организаций осужденных, и особенно с членами секции внутреннего порядка и защиты прав осужденных и др.

Большое значение в выявлении признаков назревающего неповиновения имеют участившиеся случаи жалоб положительной части осужденных о притеснении их со стороны злостных нарушителей режима отбывания наказания и непринятие администрацией соответствующих и действенных мер воздействия.

В целях выявления и изучения скрытых процессов, протекающих в среде осужденных, администрацией ИУ используются данные, полученные в результате наблюдений, бесед с осужденными, изучения их жалоб и заявлений, ознакомления с материалами служебных расследований (проверок)

по различным случаям правонарушений, информации начальников отрядов и других сотрудников учреждения.

Следует отметить, что на этом этапе администрации учреждения закрытого типа (прежде всего сотрудникам оперативного и режимного отделов ИУ) необходимо осуществить ряд упреждающих мер, направленных на нормализацию оперативной обстановки в учреждении, выявить организаторов и четко определить мотивы их поведения, оказать индивидуальное воздействие на осужденных, провести оперативные мероприятия по разложению преступных группировок.

2. Второй этап (начало группового эксцесса) – его осуществляет небольшая группа, состоящая из организаторов («смотрящих», лидеров отрицательной направленности) и поддерживающих их осужденных. Если сотрудникам учреждения не удалось пресечь действия такой группы, то на первоначальном этапе к ним присоединяются отрицательно характеризующиеся лица, затем – неустойчиво-сомневающиеся осужденные. Иными словами, этот период связан с началом эксцесса, когда в нем участвует небольшое число отрицательно настроенных осужденных. При его развитии к зачинщикам-организаторам присоединяется большая группа осужденных (в том числе нейтральной направленности) и возникает необходимость проведения специальных мер по пресечению противоправных действий осужденных и ликвидации их последствий.

Обращает на себя внимание тот факт, что массовые беспорядки возникают в случаях, когда администрация ИУ оказывается не в состоянии пресечь групповые драки и они перерастают в более опасные преступления, связанные с погромами, поджогами, убийствами и т. п. В то же время практика показывает, что участники групповых драк часто не ставят таких целей, поэтому не следует рассматривать каждый случай подобных проявлений между осужденными как начало массовых беспорядков. Безусловно, к пресечению и ликвидации подобных деяний нужно всегда быть готовыми. Однако драку одной группы осужденных с другой нужно считать именно дракой и пресечь ее активным и профессионально грамотным вмешательством администрации учреждения. Вместе с тем в каждом таком случае имеются организаторы и активные участники, решительное воздействие на которых, вплоть до изъятия их из массы осужденных, является первым и обязательным действием по пресечению эксцесса.

На данном этапе можно выделить два направления действий сотрудников ИУ по пресечению преступлений подобного рода: 1) пресечение возникшего эксцесса силами администрации ИУ; 2) пресечение эксцесса силами администрации учреждения с привлечением дополнительных сил (ОМОН, внутренние войска и др.).

3. На третьем этапе к зачинщикам группового неповиновения присоединяется значительная часть осужденных, еще более активизируются хулиганствующие элементы, начинаются погромы, поджоги служебных, жилых и производственных помещений, все больший размах приобретает из-

биение осужденных из числа «активистов». На этом этапе проводится специальная операция с целью пресечения и ликвидации эксцесса.

4. Нельзя забывать и о наличии четвертого этапа, связанного с ликвидацией последствий группового эксцесса. Недооценивать его не следует, поскольку от данного этапа зависит последующая нормальная деятельность ИУ.

На организацию функционирования ИУ в целом влияют две группы факторов, которые необходимо учитывать с точки зрения возможного неблагоприятного развития криминальной ситуации в плане возникновения групповых эксцессов: внутренние и внешние.

К внутренним факторам относятся такие явления и процессы, которые имеют место внутри ИУ и оказывают на его деятельность непосредственное влияние. Эти факторы наиболее поддаются профилактическому воздействию. В научной литературе довольно часто встречаются термины «сложная оперативная обстановка» и, соответственно, «исправительные учреждения со сложной оперативной обстановкой». Основными признаками для определения ИУ со сложной оперативной обстановкой являются: неудовлетворительные социально-бытовые условия содержания осужденных, в том числе превышение лимита наполнения ИУ; наличие грубых нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания и высокого уровня преступности по сравнению с другими ИУ; несоразмерность (несправедливость) назначения осужденным наказаний по допущенным ими нарушениям; неполная трудовая занятость осужденных как в жилых секторах, так и на промзоне; наличие осужденных отрицательной направленности и их группировок в жилой зоне, их дезорганизующая деятельность и др. При непосредственной организации работы по нормализации оперативной обстановки в учреждении следует учитывать ряд специфических признаков: концентрацию особо опасных преступников; наличие «авторитетов», «смотрящих» и лиц, приговоренных к смертной казни, а также наличие осужденных, ранее принимавших активное участие в групповых неповиновениях и массовых беспорядках или являвшихся их организаторами. Указанные группы внутренних факторов, взаимодействуя между собой, влияют друг на друга, а их правильный учет содействует оздоровлению оперативной обстановки, повышению уровня работы всех служб ИУ.

К внешним факторам относятся явления и процессы, которые протекают во внешней среде, за пределами ИУ, и с учетом их специфики оказывают опосредованное влияние на его деятельность, среди них: особенности географического положения ИУ, характер местности, социально-экономическое развитие района, на территории которого дислоцируется учреждение (состав, численность и социально-демографическая характеристика населения, проживающего в районе дислокации ИУ, состояние преступности и оперативной обстановки в районе в целом, силы и средства территориального органа и места их расположения). На осложнение оперативной обстановки могут влиять объективные факторы природы: наводнения, землетрясения, ураганы, пожары (не связанные с умышленными поджогами). Следует отметить, что

внешняя среда труднее всего поддается профилактическому воздействию на внутреннюю оперативную обстановку в ИУ.

Правоприменительная практика показывает, что наиболее эффективными формами пресечения противоправных действий осужденных являются: быстрое и профессионально грамотное реагирование на складывающуюся конфликтную ситуацию; изоляция в ШИЗО (ДИЗО), ПКТ или другое ИУ организаторов и подстрекателей и их дискредитация в глазах осужденных; проведение разъяснительной работы среди осужденных, втянутых (вовлеченных) в конфликтную ситуацию в целях убеждения в неправомерности их действий (призыв к основной массе осужденных и убеждение ее в том, что не следует поддерживать тех лиц, которым «терять нечего»; напоминание о прошлом правопослушном поведении и неизбежности строгой уголовной ответственности за участие в групповом неповиновении; разоблачение нереальности выполнения требований и необоснованности слухов; возникновение негативных последствий на перспективы досрочного освобождения из ИУ и др.); тактически правильные действия сотрудников по сосредоточению сил и средств с целью пресечения начавшегося группового эксцесса.

Чтобы выбрать правильные тактические приемы и методы воздействия на участников группового нарушения, следует, прежде всего, выявить действительные причины конфликта и непосредственный повод его возникновения. Необходимо также установить цели и мотивы действий осужденных, имея при этом в виду, что интересы и мотивация поступков не могут, как правило, быть одинаковыми у всех осужденных.

Устранение ошибок и удовлетворение законных претензий осужденных будут способствовать расчленению отрицательно настроенной группы или толпы и ее состав покинут лица, которые искренне считали себя ущемленными в своих правах. Своевременное устранение допущенных ошибок повышает авторитет администрации ИУ, тогда как стремление скрыть неблагоприятный факт дает основание осужденным думать, что нарушение правил внутреннего распорядка или отклонение их обоснованных требований типично для ИУ и подрывает доверие к администрации.

В любом случае основной метод воздействия администрации учреждения на осужденных – пример и убеждение, которым придается доминирующее значение в первоначальный период действий сотрудников ИУ до принятия решения о проведении силовой операции.

После ликвидации массовых беспорядков проводится служебное расследование, в ходе которого устанавливаются причины и условия, способствующие совершению преступления, анализируются действия администрации ИУ и спецподразделения по пресечению и ликвидации массовых беспорядков.

Важной и ответственной задачей администрации ИУ при ликвидации последствий группового нарушения являются детальный анализ обстоя-

тельств возникновения конфликта, правильность действий сотрудников, недостатки и допущенные ими тактические ошибки.

ИУ – это многоплановый и сложный организм, в котором переплетается решение специфических социальных задач и функций, интересы и направления служебной деятельности, где на небольшой территории сосредоточена значительная масса людей, имеющая сложную систему межличностных (межгрупповых) отношений и связей. Разобраться во всем этом, критически осмыслить и переосмыслить деятельность ИУ и сложившуюся их систему – актуальная задача сегодняшнего дня, которая может быть решена только на подлинно научной основе.

Таким образом, на этом участке работы, как и в других сферах государственной деятельности, нужно руководствоваться соответствующими установками, самокритично и адекватно оценивать положение дел, решительно преодолевать имеющиеся недостатки и устаревшие шаблонные представления и методы работы (в том числе советского прошлого), настойчиво искать и внедрять новые подходы для обеспечения эффективного решения возложенных на уголовно-исполнительную систему задач, активно внедрять в практику наиболее действенные и научно обоснованные формы и методы работы с осужденными в МЛС [3, с. 267].

Список цитированных источников

1. Гальперин, И.Н. Наказание: социальные функции, практика применения / И.Н. Гальперин. – М.: Юрид. литература, 1983. – 208 с.

2. Севрюгин, А.С. Режим отбывания наказания и оценка его эффективности / А.С. Севрюгин // Актуальные проблемы исправительно-трудового права (теория и практика): сб. науч. тр. / редкол. А.В. Маслихин (отв. ред.) [и др.]. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1999. – С. 68–79.

3. Хомич, В.М. Отчет национального эксперта в области применения уголовных санкций / В.М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь ((Программа разв. ООН (ПРООН)). – Минск: Рэйплац, 2009. – С. 265–292.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

Действия осужденных, дезорганизующие работу мест лишения свободы, признаются одними из наиболее опасных преступлений, которые совершает спецконтингент при отбывании наказания в исправительных учреждениях закрытого типа. Уголовная ответственность за эти деяния предусмотрена положениями ст. 410 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Несмотря на то, что подобного рода преступные действия спецконтингента редко имеют место в исправительных учреждениях Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, общественный резонанс данных эксцессов всегда значителен. В статье приводится криминологическая характеристика групповых неповиновений, группового хулиганства и массовых беспорядков в местах лишения свободы.

Actions of convicted persons disorganizing the work of penitentiary institutions are considered to be some of the most serious crimes committed by convicts while serving the sentence at closed type correctional facilities. Article 410 of the Criminal code of the Republic of Belarus provides for criminal responsibility for such actions. Although such actions of convicted persons seldom take place at penitentiary institutions of the Department of corrections of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, the public aftermath of such outrages is always enormous. The article deals with criminological characteristics of group rebellions, group hooliganism and mass disorders in penitentiary institutions.

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ

Винокуров С. И.

В теории уголовного права складывается весьма противоречивая ситуация в части определения места и роли потерпевшего в структуре криминального посягательства. Происходит совершенно необъяснимая метаморфоза: реальный, ключевой субъект охранительного уголовного правоотношения вдруг «испаряется» и оказывается низведенным до факультативного (необязательного) признака объекта как одного из элементов состава преступления. В этой связи трактовка фигуры потерпевшего как второстепенного, ситуативного участника (признака) уголовного деяния не может быть признанна обоснованной. На наш взгляд, есть все основания утверждать, что **без потерпевшего, в принципе, невозможно говорить о преступлении.**

Проведенный с учетом изложенного анализ юридической литературы, посвященной исследованию содержательных моментов объекта преступления, видимо, неслучайно показывает исключительную остроту и дискуссионность данного вопроса в ряде публикаций. Позиции ученых в части понимания сущности и содержания этого элемента состава преступления существенно разнятся, вызывая острые споры и разногласия, что можно объяснить, по нашему мнению, в том числе и ошибочным включением потерпевшего в объект преступления в качестве факультативного признака.

Необходимо отметить, что преобладающая часть авторов полагает правильным рассматривать в качестве объекта преступления общественные отношения, а потерпевшего и предмет преступления как факультативные признаки объекта [1]. Такой подход стал по сути дела доминирующим, поскольку излагается практически во всех учебниках уголовного права. При этом потерпевший рассматривается как субъектный состав и неотъемлемый элемент общественных отношений, охраняемых уголовным законом. С такой изложенной позицией трудно согласиться, поскольку в подобной интерпретации нет ответа на ключевой вопрос о том, почему потерпевший, объективно являясь одним из основных участников охранительного уголовного правоотношения (наряду с лицом, совершившим преступление), рассматривается в

качестве факультативного (необязательного, второстепенного) признака объекта преступления, а субъект преступления удостоен права на самостоятельное место в конструкции состава преступления.

В то же время некоторые ученые, например, Л.Д. Гаухман, исключают из структуры общественных отношений как предмет, так и субъекта (субъектов) в их материальном бытии, аргументировано не поясняя, правда, где может быть определено в таком случае место потерпевшему [2].

Отдельные авторы, как Г.П. Новоселов, наоборот, видят в содержании объекта только людей и их разнообразные множества, не определяя при этом как быть с общественными отношениями, которые, по обоснованному мнению большинства исследователей, действительно существуют и охраняются уголовным законом [3].

С учетом отмеченных выше противоречивых мнений ученых необходимо указать на то, что **общественные отношения всегда первичны и самостоятельны**, когда речь идет о факте нарушения уголовно-правового запрета. В пользу этого, в частности, может свидетельствовать оценка значимости приготовительных действий, например, к особо тяжким преступлениям. Так, при приготовлении к убийству, когда угроза причинения вреда потенциальному потерпевшему существует лишь в будущем, а реальный вред ему по независящим от преступника обстоятельствам может быть вовсе не причинен, потенциальный потерпевший об угрожающем ему вреде может даже и не знать. В то же время общественным отношениям, обеспечивающим в каждом конкретном случае безопасность личности путем установления соответствующего уголовно-правового запрета, вред вполне реально и при том всегда причиняется уже самим фактом нарушения указанного запрета, в том числе и в ходе приготовительных к указанному преступлению действий. Таким образом, на наш взгляд, есть все основания вести речь о первичности и самостоятельности существования общественных отношений, на которые, прежде всего, посягает преступник, и которые образуют обособленный структурный элемент состава преступления.

При этом важно также иметь в виду и то, что уголовно-правовой запрет нацелен на защиту самого широкого круга общественных отношений, регламентирующих различные сферы жизнедеятельности социума, а потому его адресат персонально не определен. Пока преступник не нарушил этот запрет – нет оснований в практическом аспекте говорить ни о признаках конкретного преступления, ни, соответственно, о его составе. Совсем другое дело, когда преступление совершено. Своим деянием преступник запускает механизм формирования конкретных элементов события преступления (определяемых в уголовном праве как объект преступления, объективная сторона, в том числе причиненный вред, и др.), которые до момента совершения уголовного посягательства существовали лишь в качестве потенциальных, неопределенных признаков реально возможной модели своего проявления. В итоге преступник, определяя свой криминальный интерес и персонального потерпевшего, тем самым очерчивает и

круг конкретных общественных отношений, которым причиняется вред, и которые в результате этого преобразуются в конкретный элемент состава преступления, именуемый объектом.

Однако это вовсе не исключает самостоятельной и приоритетной роли потерпевшего в подобных криминальных ситуациях и конструируемых на этой основе юридических построениях. **Потерпевший имеется всегда и он автономен**, поскольку помимо нарушенного уголовным деянием конкретного общественного отношения обязательно имеется и конкретный (материализованный) адресат нарушения – потерпевший, которому либо уже причинен соответствующий вред, либо существует реальная угроза его причинения. При этом мы исходим из трактовки потерпевшего в широком смысле, когда в содержание этого понятия многие авторы включают не только физических и юридических лиц (что уже закреплено законом), но и общество, государство, человечество, окружающую природную среду [4].

Поэтому следует указать на ошибочность, на наш взгляд, объединения в одном целом (объекте преступления) общественных отношений и потерпевшего (как это имеет место в настоящее время), поскольку данные структурные элементы вполне самостоятельны и должны, по нашему мнению, рассматриваться раздельно.

Во-первых, как представляется, **потерпевший – это самостоятельный (пятый) элемент состава преступления**, который в силу своей объективной реальности участия в криминальном событии, самостоятельности и большой практической значимости в механизме совершенного деяния не вписывается в объект преступления. И здесь мы солидаризируемся с позицией упомянутого выше Л.Д. Гаухмана, который однозначно исключает потерпевшего из содержания объекта преступления.

При этом весьма показательно, что не считает также возможным интегрировать в едином объекте преступления потерпевшего и общественные отношения и Г.П. Новоселов, который, правда, на наш взгляд, ошибочно удаляет из содержания объекта общественные отношения и оставляет там потерпевшего (в широком смысле этого понятия).

Казалось бы, совершенно противоположные позиции Л.Д. Гаухмана и Н.П. Новоселова относительно содержания объекта преступления совпадают в одном. И тот, и другой не приемлют интеграции в одном целом (объекте преступления) потерпевшего, с одной стороны, и общественные отношения, с другой. Таким образом, можно констатировать, что общественные отношения (как социальная категория) не могут быть гармонично объединены с чисто материальным образованием, которое представляет собой, прежде всего, потерпевший (в широком смысле этого понятия).

К сказанному необходимо добавить, что потерпевший объективно является основной фигурой охранительного уголовного правоотношения и последующее «сокрытие» его в недрах объекта преступления нельзя расценивать иначе как умаление приоритетной роли данного субъекта в указанном правоотношении. Это порождает дискриминацию потерпевшего и

в уголовном праве, и на последующих этапах реализации уголовной ответственности. Это мы, в частности, особенно явно наблюдаем, к сожалению, в нынешнем уголовном судопроизводстве, где учет интересов потерпевшего осуществляется по остаточному принципу.

Кроме того, принижение роли потерпевшего негативно сказывается на эффективности научной разработки и законодательного определения многих ключевых понятий и категорий, характеризующих статус потерпевшего в уголовном праве. В частности, до последнего времени в теории уголовного права четко не определены сущность, место, роль и назначение потерпевшего, не дана объективная характеристика его взаимосвязей с составом преступления, основанием уголовной ответственности и назначением наказания, не разработаны должным образом классификация потерпевших и некоторые другие вопросы. Все это, на наш взгляд, следствия явной недооценки роли потерпевшего в уголовно-правовой теории.

Нельзя обойти вниманием и еще один принципиальный вопрос. Речь идет о четкой и ясной **расстановке приоритетов относительно соблюдения (обеспечения) прав потерпевшего и преступника**. Многие ученые, основываясь на общих международно-правовых принципах и стандартах относительно соблюдения прав и свобод человека и гражданина, трактуют эти приоритеты в пользу лица, совершившего преступление, рассматривая его, надо полагать, как жертву уголовной юстиции. В то же время в части констатации приоритета прав потерпевшего внимания уделяется значительно меньше. Это нетрудно проследить в ходе анализа как международного, так и отечественного законодательства.

Так, по сути дела впервые международное право в глобальном контексте обратило предметное внимание на защиту прав жертв (потерпевших) преступлений только в 1985 году, когда была принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью [5]. Примечательно, что до этого уже значительно раньше были приняты многочисленные международные правовые акты, озабоченные защитой прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности[1]. Аналогичное положение можно наблюдать и в Конституции Российской Федерации, где защите прав лица, совершившего преступление, посвящены пять статей (47–50, 54), а потерпевшего только одна (ст. 52) [6].

В этой связи уместно отметить, что **равенство прав и свобод человека и гражданина действует только до момента совершения преступления**. Лицо, совершившее преступление, разрушает паритет в охране значительной части своих прав и свобод, а потерпевший, наоборот, приобретает дополнительный объем прав к своему прежнему (до совершения преступления) юридическому статусу человека и гражданина. В частности, у

[1] Ст.ст. 5, 9, 10 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.: принятая в Риме и Протоколы к ней; и др.

него появляется право требовать от государства исполнения им своих обязанностей по устранению последствий совершенного преступления, возмещению причиненного вреда и наказанию виновного, а также недопущению в будущем криминальных угроз своей безопасности.

Таким образом, в уголовном праве, как представляется, приоритет должен быть однозначно отдан защите прав потерпевшего, как жертвы преступного посягательства. И здесь опять подчеркнем, что выглядит весьма нелогичным «растворение» приоритетной фигуры потерпевшего в недрах объекта преступления, причем, в качестве всего лишь факультативного, вспомогательного признака.

Совсем другое дело в уголовном судопроизводстве. Поскольку здесь идет речь об установлении ретроспективного, не наблюдаемого субъектами расследования и судебного познания события преступления, всех его существенных сторон и обстоятельств, а также вины лица, совершившего это деяние, расстановка приоритетов иная. Здесь восстанавливается равенство прав и законных интересов потерпевшего и предполагаемого преступника (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого) в доказывании каждым из них своей отстаиваемой позиции. И это несмотря на то, что истина (фактические обстоятельства дела) может быть только одна.

Следует также отметить, что применительно к уголовно-правовой теории нынешняя четырехэлементная структура состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) носит, на наш взгляд, неполный, усеченный характер, ориентированный, главным образом, на обеспечение реализации уголовной ответственности, то есть претворение в жизнь наказательного (карательного) аспекта охранительной функции уголовного права. Выделение в противоположность этому потерпевшего в качестве самостоятельного (пятого) элемента состава преступления смещает акцент государственного реагирования на совершенное преступное деяние с карательного аспекта уголовной ответственности на восстановительно-предупредительный[1]. Это означает, что привлечение преступника к уголовной ответственности не самоцель, а только преходящая, вынужденная, защитная мера справедливого государственного реагирования на совершенное преступление и правового воздействия на данное лицо.

Более того, по большому счету, значительно важнее в гуманитарном контексте обратить внимание, прежде всего, на полноту, своевременность и качество восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, в том числе возмещения причиненного ему вреда, а также обеспечение его безопасности в будущем. Реализации именно такого подхода и будет способствовать включение потерпевшего в качестве самостоятельного элемента

[1] Не потому ли в настоящее время набирает все нарастающую силу идея восстановительного правосудия? См., например: Декларация основных принципов использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах // Вестник восстановительной юстиции. – Вып. 3. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. – С. 111–115.

в полную структуру состава преступления, что может являться индикатором общественной и правовой зрелости конкретного социума (государства), его готовности практически (в рамках, например, уголовной политики) решать сложные проблемы защиты и реабилитации потерпевших.

Не менее важное значение имеет выделение потерпевшего в качестве самостоятельного элемента состава преступления и для уголовного судопроизводства. Так, в настоящее время приниженный статус потерпевшего в уголовном праве находит свое логическое продолжение и в уголовном судопроизводстве. В частности, об этом может свидетельствовать принятая в настоящее время искусственная, умозрительная конструкция объединения в рамках стороны обвинения потерпевшего и должностных лиц органов прокуратуры и предварительного расследования, которая, на наш взгляд, во многом противоречит субъективным правам и законным интересам потерпевшего. У него имеются свои, сугубо личные, персональные оценки случившегося криминального события и виды на перспективы восстановления своего нарушенного права, возмещения причиненного вреда и наказания своего обидчика.

Другое дело, что потерпевший в силу своей, как правило, недостаточной юридической грамотности в процедурах и тонкостях уголовного преследования преступников, а также отсутствия надлежащих властных полномочий вынужден пользоваться в большинстве случаев услугами должностных лиц указанных выше органов. Однако это вовсе не означает, что интересы потерпевшего и упомянутых лиц совпадают. Практика свидетельствует зачастую об обратном. Достаточно ознакомиться со статистикой незаконных решений должностных лиц правоохранительных органов по заявлениям граждан о преступлениях. Ежегодно только прокурорскими проверками выявляются десятки тысяч острых конфликтов между заявителями (в большинстве случаев это фактические потерпевшие в уголовно-правовом смысле) и потенциальными расследователями криминальных происшествий, которые весьма далеки от сочувствия к нуждам пострадавших.

Кроме того, анализ многих положений УПК РФ в части компетенции прокуроров и должностных лиц органов предварительного расследования однозначно и убедительно свидетельствует о том, что указанные лица не являются союзниками, сторонниками, а тем более защитниками потерпевшего. Их основной задачей является установление объективных (фактических) обстоятельств расследуемого дела, а не оказание доверительной, партнерской помощи потерпевшему (здесь проявляется полная противоположность доверительным отношениям, складывающимся среди субъектов стороны защиты).

Более того, руководствуясь ведомственными соображениями (усмотрением), указанные должностные лица зачастую принимают процессуальные решения, не мотивируя их интересами потерпевшего, а нередко и без учета его мнения или вопреки ему (например, применение и

изменение мер пресечения; отказ государственного обвинителя от обвинения; заключение прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, подозреваемым и др.).

С учетом отмеченного и приоритетного значения фигуры потерпевшего в уголовном праве считаем целесообразным рассматривать указанное лицо и его представителей в качестве **самостоятельной стороны обвинения**, исключив из нее всех других участников, не представляющих интересы лиц, пострадавших от преступления.

Что касается роли и места государственных органов уголовной юстиции (в том числе отчасти и суда), то их предназначение в реализации уголовной ответственности заключается в обеспечении эффективности объективного установления события преступления и всех его существенных обстоятельств, а равно виновности лица (лиц), совершившего уголовно-наказуемое деяние, а также создание для этого надлежащих условий реальным участникам сторон обвинения и защиты с учетом необходимости обеспечения их прав и законных интересов.

Таким образом, кардинальное изменение подходов ученых и практиков к определению юридического статуса, роли и места, а также взаимосвязей потерпевшего в содержании элементов состава преступления будет способствовать реальному повышению эффективности его защиты, в том числе путем формирования у законодателя и правоприменителя убеждения о приоритете надлежащего обеспечения субъективных прав и законных интересов потерпевшего в ходе разработки и реализации современной уголовной политики.

Список цитированных источников

1. Кудрявцев, В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления / В.Н. Кудрявцев // Сов. ГиП. – 1951. – № 8. – С. 58–59; Наумов, А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М., 1996. – С. 146.

2. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М., 2001. – С. 80.

3. Новоселов, Г.П. Объект преступления // Уголовное право. Общая часть: учебник / Г.П. Новоселов; под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М., 2000. – С. 135.

4. Шнайдер, Г.Й. Криминология / пер. с нем. Ю.А. Неподаваева; общ. ред. и предисл. Л.О. Иванова. – М., 1994. – С. 350; Винокуров С.И. Состояние и перспективы обеспечения экологической безопасности правоохранительными органами // Государство и право на рубеже веков: материалы Всерос. науч. конф.; Секция – Экологическое и природоресурсное право, трудовое право, предпринимательское право. – М., 2001. – С. 71.

5. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: утв. Генеральной Ассамблеей ООН, 29.11.1985, №40/34.

6. Конституция Российской Федерации. – М., 2003.

Дата поступления статьи – 20.07.2012.

В статье автором рассматриваются новые подходы к определению положения, места и роли потерпевшего в уголовном праве и уголовном процессе. Дан анализ и приведены аргументы, обосновывающие необходимость рассматривать потерпевшего в

качестве самостоятельного элемента состава преступления и независимого, обособленного участника уголовного судопроизводства.

In the article, the author explores new approaches to the definition of status, place and role of the victim in criminal law and criminal procedure. The analysis and arguments are given that justify the need to treat the victim as a distinct element of the offence, and an independent, separate party to criminal proceedings.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Герасимова Е. В.

Гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за преступления против собственности, среди которых основное место занимают хищения чужого имущества. Следует отметить, что в основу выделения большинства форм хищения положен способ незаконного изъятия и завладения чужим имуществом. Вместе с тем ст. 164 УК РФ стоит особняком, так как критерием ее законодательного построения является предмет хищения, к которому, в рамках данного состава относятся предметы и документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

В качестве самостоятельной статьи уголовного законодательства ответственность за корыстное посягательство на предметы, имеющие особую культурную ценность, была введена Федеральным законом от 1.07.1994 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [1]. Введение этой нормы было обусловлено тенденцией к увеличению посягательств на культурные, исторические, художественные ценности.

В гл. 21 УК среди всех преступлений против собственности выделение ст. 164 УК связано только с предметом преступного посягательства. Таким образом, такой специфичный предмет преступления, как культурные ценности, лежит в плоскости такого видового объекта, как собственность.

Следует сказать, что ст. 160 УК также имеет особый предмет преступного посягательства (имущество, вверенное виновному), однако, по нашему мнению, это не единственный признак, положенный в основу выделения присвоения и растраты в отдельную статью уголовного закона. Наряду с предметом хищения специфику составу преступления, предусмотренному ст. 160 УК, придает еще и субъект преступления (лицо, которому вверено имущество).

Отметим, что ст.ст. 221, 226, 229 УК также предусматривают специфический предмет преступления (ядерные материалы, радиоактивные вещества, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства и психотропные вещества), однако данные соста-

вы преступления имеют иной родовой объект – общественную безопасность, и потому находятся в ином разделе Уголовного кодекса РФ.

Действующее уголовное законодательство предусматривает несколько самостоятельных составов преступлений, где в качестве предмета преступлений называются предметы, имеющие особую ценность с точки зрения культурного достояния. Сюда относятся следующие статьи УК РФ:

ст. 164 – хищение предметов, имеющих культурную ценность;

ст. 190 – невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран;

ст. 226.1 – контрабанда культурных ценностей;

ст. 243 – уничтожение памятников истории и культуры.

Расположение нормы, предусмотренной ст. 190 УК в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», объясняется особенностями деяний и способом их совершения, затрагивающими экономические отношения. Нахождение же ст. 243 УК среди преступлений, посягающих на общественную нравственность (гл. 25), на наш взгляд, не вполне закономерно. С точки зрения системного подхода к построению норм Особенной части, целесообразнее было бы закрепление этого состава преступления среди преступлений против собственности.

Признаки предмета хищения (физический, социальный, юридический и экономический) в полной мере относятся и к предмету хищения, предусмотренного в ст. 164 УК. Вместе с тем предмет названного состава преступления обладает своей спецификой.

Из формулировки ст. 164 УК РФ следует, что предметом данного вида хищения являются предметы или документы, имеющие особую историческую научную, художественную или культурную ценность. Очевидно, что подобное определение включает в себя несколько взаимоперекрещивающихся и взаимозаменяемых терминов и, вместе с тем, отсутствуют наиболее важные качественные критерии, характеризующие его сущность. Как справедливо отмечает Е.В. Медведев, в качестве основной характерной черты, объединяющей все предметы, названные в диспозиции ст. 164 УК, законодатель выделил такой признак, как «особая ценность», который является довольно неопределенным, а также непредусмотрительно разделил предмет указанного преступления на самостоятельные группы исторические, научные, художественные и культурные ценности, использовав в тексте союз «или» [2].

Отсутствие четкого понятия предмета преступления создает условия для неправильной квалификации деяний на практике. Вследствие чего нередко хищения культурных ценностей квалифицируется не по ст. 164 УК РФ, а по статьям, предусматривающим ответственность за кражу (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрату (ст. 160 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ) или разбой (ст. 162 УК РФ).

Объективно существует ряд факторов, которые существенно затрудняют разрешение данной проблемы.

Подобные трудности наглядно демонстрирует ряд статей УК РФ (ст.ст. 164, 190, 226.1 ч. 1 ст. 243), где при описании предмета преступных посягательств, совершаемых в отношении или по поводу культурных ценностей, законодатель ни разу не повторился.

Однако проблема определения культурных ценностей не ограничивается только нормами уголовного законодательства. Для уяснения содержания предмета преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, приходится обращаться к иным нормативным актам.

Блок правовых актов, оперирующих категорией «культурные ценности», достаточно велик. Заметим, что ввиду значимости предмета регулирования, сюда относятся не только внутрироссийские акты, но и нормы международного права.

Однако эти нормативно-правовые акты не обладают четким определением, которое бы в полной мере раскрывало сущностные стороны указанных предметов.

Кроме этого, дефиниции в них также различаются между собой и в большинстве своем не соответствуют терминологии, употребляемой в уголовном законе, при этом многие из них сформулированы лишь для части названных предметов, в связи с чем применение их при квалификации рассматриваемых преступлений допустимо только в отдельных случаях. Иначе значительный круг культурных ценностей остается за рамками уголовно-правовой регламентации. Так, Закон РФ «О ввозе и вывозе культурных ценностей» относит к культурным ценностям только движимые предметы материального мира. Соответственно, использование понятия, приведенного в данном нормативном акте, возможно лишь при установлении предмета таких преступных посягательств, как контрабанда и невозвращение культурных ценностей на территорию РФ, которые по своему характеру могут совершаться только в отношении движимых предметов. Использование же понятия, содержащегося в указанном нормативном акте при квалификации других преступлений, например, хищения культурных ценностей, приводит к тому, что значительный круг этих предметов (недвижимые ценности культуры) выводятся за рамки понятия предмет преступления и тем самым остается вне уголовно-правовой защиты. Подобное происходит и в случаях использования определений «памятники истории и культуры», «антиквариат» и другие, которые также охватывают лишь определенную часть культурных ценностей. К примеру, Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» относит к культурным ценностям только предметы, обладающие статусом памятника истории и культуры. Ссылка на этот закон при квалификации рассматриваемых деяний недопустима, поскольку исходя из его содержания предметы, не имеющие указанного юридического статуса (например, невыявленные архео-

логические ценности или частные коллекции произведений искусства), не могут быть и предметом названных преступлений [3].

Первое легальное толкование понятия «культурные ценности» было сформулировано в Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г., согласно которой «…культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные и светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, такие как музей, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных выше, так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей» [4].

Парижская конвенция ООН 1972 г. «Об охране всемирного культурного и природного наследия» под культурным наследием понимает памятники – произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства, науки; ансамбли – группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляет выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства, науки; достопримечательные места – дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие собой выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии (ст. 1) [5].

Ст. 4 Конвенции ЮНЕСКО от 14 ноября 1970 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» дает несколько отличное понятие и признает таковыми ценностями: «ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки» [6].

Как видим, единообразного подхода к пониманию культурных ценностей нет, отсутствует также единство критериев, положенных в основу выделения отдельных групп и видов культурных ценностей. Нередко используются различные понятия для обозначения одного и того же феномена, либо одинаковыми терминами обозначаются разные по содержанию явления.

Схожи между собой по содержанию и при этом достаточно лаконичны дефиниции культурных ценностей в документах государств – участников СНГ. Среди них Соглашение о сотрудничестве таможенных служб по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей (Москва, 15 апреля 1994 г.), определяющее культурные ценности как «ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются Сторонами как представляющие значение для археологии, в том числе доисторического периода, литературы, искусства и науки» [7]. А также Соглашение о вывозе и ввозе культурных ценностей (Москва, 28 сентября 2001 г.), которое, в свою очередь, определяет культурные ценности как «ценности религиозного или светского характера либо коллекции, которые рассматриваются каждым из государств Сторон как представляющие значение для истории, культуры, искусства, науки и подпадают под действие законодательства государств Сторон о вывозе и ввозе культурных ценностей» [8]. Как видим, оба документа носят бланкетный характер и для окончательного вывода об отнесении конкретного предмета к культурным ценностям в соответствии с условиями названных Соглашений правоприменитель вынужден обращаться к соответствующему национальному законодательству государств – участников СНГ.

Многообразие терминов, имеющих нормативное определение и вместе с тем используемых в качестве тождественных понятий, не способствует отражению сути и уяснению основных признаков понятия культурные ценности. Так, Е.В. Медведев отмечает, что «использование указанных выше терминов для характеристики культурных ценностей, так или иначе, ведет к искажению их сущности в нормативно-правовой интерпретации. Происходит либо сужение круга рассматриваемых предметов, либо наоборот допускается возможность его расширительного толкования» [12].

Подчеркнем еще раз, что многообразие нормативных определений культурных ценностей как на международном уровне, так и в рамках национального законодательства порождает ряд проблем в ходе практического применения норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за посягательство именно на культурные ценности.

В связи со сложившимся положением в отношении законодательного определения понятия «культурные ценности» представляется целесообразным закрепление универсального термина, отражающего все основные признаки упомянутых предметов, в самом Уголовном кодексе РФ. Полагаем, что целесообразнее всего данную норму закрепить в примечании к ст. 164 УК.

Список цитированных источников

1. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 10. – Ст. 1109.

2. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. /отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2011. – Т. 18. Преступления против собственности. – Гл. VI. – С. 695.

3. См.: Медведев, Е.В. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2011. – Т. 18. Преступления против собственности. – Гл. VI. – С. 66–697.

4. Сборник действующих нормативных правовых актов и наиболее значимых работ по проблемам сохранения культурных ценностей / под ред. К.К. Горяинова. – М., 2000. – С. 23–24.

5. Сборник действующих нормативных правовых актов и наиболее значимых работ по проблемам сохранения культурных ценностей / под ред. К.К. Горяинова. – М., 2000. – С. 53.

6. Сборник действующих нормативных правовых актов и наиболее значимых работ по проблемам сохранения культурных ценностей / под ред. К.К. Горяинова. – М., 2000. – С. 47.

7. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – 1994. – № 1. – С. 94.

8. Бюллетень международных договоров. – 2003. – №. 5.

9. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 46. – Ст. 2615.

10. Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации. – 1993. – № 20. – Ст. 718.

11. Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 16. – Ст. 1799.

12. Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дисс. … канд. юрид. наук / Е.В. Медведев. – Казань. 2003. – С. 35–36.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

Статья посвящена исследованию категории «культурные ценности» как предмета хищения.

Автор представленной статьи обобщил ряд проблем, возникающих в ходе толкования предмета преступления, предусмотренного ст.164 УК РФ. В юридической литературе неоднократно отмечалось многообразие легальных определений понятия «культурные ценности». Отсутствие единообразного подхода к определению понятия «культурные ценности» создает сложности в правоприменительной практике при оценке деяния, состоящего в хищении культурных ценностей.

В связи с этим в представленной статье особое внимание уделяется толкованию термина «культурные ценности», отмечаются расхождения в содержании данного понятия в российском и в международном законодательстве.

The presented article is devoted to the research category of "cultural values" as the subject of theft.

The author of the present article summarized a number of problems encountered in the interpretation of the subject of an offense under the Criminal Code st.164. In the legal literature the variety of legal definitions of "cultural values" was repeatedly pointed. The absence of a uniform approach to the definition of "cultural values" creates difficulties in enforcement practice in the assessment act, consisting in the theft of cultural property.

Therefore, this article focuses on the interpretation of the term "cultural values", marks differences in the content of this concept in the domestic and international law.

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП

Гладкий П. А.

Ст. 252 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1] установлена уголовная ответственность за коммерческий подкуп, т. е. получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющимся должностным лицом, денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера за действие (бездействие) в интересах дающего, связанное с выполняемой этим лицом работой и заведомо способное причинить вред интересам собственника или его клиентам, либо предоставление такого вознаграждения.

Понятие «подкуп» происходит от глагола «подкупить», что означает склонить на свою сторону деньгами, подарками.

Международные акты законодательства, направленные на борьбу с коррупцией, обязывают государства предусмотреть в соответствии с правом этих государств уголовную ответственность за подкуп, а также содержат определение понятия «подкуп», разделяя его на «активный подкуп» и «пассивный подкуп».

Конвенция Совета Европы от 27 января 1999 г. № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию (ETS N 173)» [2] определяет активный подкуп в частном секторе как преднамеренное обещание, предложение или предоставление, прямо или косвенно, в ходе осуществления коммерческой деятельности какого-либо неправомерного преимущества каким-либо лицам, которые руководят предприятиями частного сектора или работают в них в том или ином качестве, для самих этих лиц или любых других лиц, с тем чтобы эти лица совершили действия или воздержались от их совершения в нарушение своих обязанностей (ст. 7), а пассивный подкуп – как преднамеренное испрашивание или получение, прямо или косвенно, в ходе коммерческой деятельности какими-либо лицами, которые руководят предприятиями частного сектора или работают в них в том или ином качестве, какого-либо неправомерного преимущества или обещания этого преимущества для самих себя или для любых других лиц, или же принятие предложения или обещания такого преимущества за совершение или несовершение каких-либо действий в нарушение своих обязанностей (ст. 8).

Аналогичные положения содержатся в ст. 21 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г. № 58/4 [3].

Объектом данного преступления является установленный порядок осуществления работниками индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, не относящимися к должностным лицам, своих функций.

Предметом коммерческого подкупа являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также услуги имущественного характера.

В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, а также иное имущество (движимое и недвижимое) [4].

Деньгами (валютой) является белорусский рубль (ст. 141 ГК) [4]. Иностранная валюта используется в случаях, порядке и условиях, определенных законодательством. Законодательством определяются также виды имущества, признаваемого валютными ценностями.

Ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 марта 1992 г. № 1512-XII «О ценных бумагах и фондовых биржах» установлено, что ценные бумаги (акции, облигации) представляют собой документы, удостоверяющие выраженные в них и реализуемые посредством предъявления или передачи имущественные права или отношения займа владельца ценной бумаги по отношению к эмитенту [5].

Имущество как предмет коммерческого подкупа может иметь различный правовой режим, т. е. оно может принадлежать передающему на праве собственности или владения, может быть похищено либо изъято из оборота или ограничено в обороте и т. п. Правовой режим такого имущества не влияет на квалификацию рассматриваемого преступления, а при соответствующих условиях в действиях виновного могут содержаться признаки иного преступления (например, хищения, нарушения порядка обращения отдельных видов имущества и др.).

Согласно ст. 128 ГК услуги также относятся к объектам гражданских прав [4]. Услуга как объект гражданских прав заключается в совершении определенных действий. Под услугами имущественного характера следует понимать совершение действий или осуществление определенной деятельности независимо от наличия материального результата таковых, которые поддаются имущественной (стоимостной) оценке в денежном эквиваленте, обычно оказываются на возмездной основе и не носят личного характера.

Оказание услуг имущественного характера представляет собой непосредственное совершение действий, направленных на удовлетворение потребностей лица, в интересах которого они совершаются, и имеющих стоимостное выражение, а также оплата таких совершаемых в интересах лица действий.

К таким услугам относятся, например ремонт квартиры, автомобиля, транспортировка имущества, предоставление туристических или оздоровительных путевок и т. п.

Услуги неимущественного (нематериального) характера не могут являться предметом коммерческого подкупа. К таковым можно отнести: предоставление какого-либо права вне очереди, положительные отзывы и характеристики, в том числе в средствах массовой информации, реклама, способствование поступлению в учебное заведение и т. п.

Имущество (деньги, ценные бумаги, иное имущество) и услуги имущественного характера выступают предметом коммерческого подкупа

лишь в том случае, если они носят незаконный характер, т. е. являются незаконным вознаграждением принимающего их лица. Незаконным является всякое получение такого вознаграждения в виде имущества или услуг имущественного характера, которое прямо не оговорено законом, иными актами законодательства, учредительными документами юридического лица либо условиями коллективного или трудового договора.

В ст. 252 УК установлено два самостоятельных, корреспондирующих друг другу преступных деяния: во-первых, получение незаконного вознаграждения (получение денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера) и, во-вторых, предоставление такого незаконного вознаграждения [1]. Оба указанных преступных деяния находятся в соотношении необходимого соучастия, т. е. получение незаконного вознаграждения автоматически предполагает его предоставление и наоборот.

Объективная сторона получения незаконного вознаграждения выражается в принятии такого вознаграждения работником индивидуального предпринимателя или юридического лица. Принятие незаконного вознаграждения может быть осуществлено в любой форме как самим работником лично, так и его близкими или иными лицами по его указанию или с его согласия.

Для квалификации не имеют значения способы получения незаконного вознаграждения, которые могут быть различными. Такое вознаграждение может приниматься в явной (открытой) или завуалированной форме, самим работником или через посредников. Оно может быть получено из рук в руки, посредством почтового или банковского перевода и иными способами. В скрытой форме такое вознаграждение может быть получено под видом законного вознаграждения (например, дивидендов, премий, иных выплат) или правомерного получения имущества, в том числе денежных средств (например, подарка к юбилею, страхового возмещения, гонорара и т. п.).

Получаемые имущество или услуги должны находиться в непосредственной связи с деянием, т. е. их получение обусловлено совершаемыми действиями (бездействием) получателя, связанными с его полномочиями. При этом такое деяние должно обладать одновременно следующими признаками:

действие (бездействие) совершается в интересах предоставляющего незаконное вознаграждение;

действие (бездействие) совершается в связи с выполняемой получателем незаконного вознаграждения работой;

действие (бездействие) заведомо способно причинить вред интересам собственника или его клиентам.

Деяние считается совершаемым в интересах предоставляющего незаконное вознаграждение в том случае, когда действие или бездействие совершается непосредственно для этого лица либо для иного лица (юриди-

ческого или физического), в интересах которого предоставляется незаконное вознаграждение.

Деяние совершается в связи с выполняемой работой получателя незаконного вознаграждения в том случае, когда действие или бездействие, за совершение которого предоставляется незаконное вознаграждение, входит в круг полномочий этого лица, т. е. его служебных прав и обязанностей. При этом такое лицо не должно являться должностным лицом. Совершение в интересах предоставляющего незаконное вознаграждение действий, не входящих в его полномочия, а относящихся к полномочиям другого лица, не образует состава коммерческого подкупа, но может содержать признаки иного преступления.

Ответственность наступает только в том случае, если деяние заведомо способно причинить вред интересам собственника или его клиентам. Характер вреда не имеет значения: он может быть материальным, нематериальным (организационным), моральным, иным. При этом не требуется фактическое причинение вреда интересам собственника или его клиентам, достаточно чтобы такое деяние могло причинить вред. Не имеет также значения, совершены ли фактически действия, за которые получено незаконное вознаграждение.

Способность деяния (возможность) причинить вред интересам собственника или его клиентам означает, что в результате совершения виновным определенных действий (бездействия) может быть причинен любого вида вред интересам индивидуального предпринимателя, собственника юридического лица, где работает виновный, а также иным юридическим и физическим лицам.

По ст. 252 УК наказуем только подкуп, т. е. достижение договоренности о предоставлении-получении вознаграждения должно состояться до момента совершения действий в интересах дающего [1]. Сама передача вознаграждения может быть осуществлена и позже, т. е. уже после совершения обусловленных действий. Однако вознаграждение-благодарность (в отличие от взяточничества) преступным не является: если вознаграждение не было обусловлено заранее, ответственность за коммерческий подкуп исключается.

Данное преступление считается оконченным с момента принятия получателем хотя бы части передаваемого имущества, с момента принятия документов, подтверждающих оплату имущества или услуг, с момента начала оказания услуг имущественного характера. Если лицо не получило незаконное вознаграждение по независящим от него причинам, то его действия следует квалифицировать как покушение на совершение указанного преступления.

В том случае, если совершенное за вознаграждение деяние содержит признаки и иного преступления, ответственность должна наступать по совокупности совершенных преступлений.

Субъективная сторона получения незаконного вознаграждения характеризуется прямым умыслом работника. Он сознает, что принимает деньги, ценные бумаги, иное имущество или услуги имущественного характера за совершение в интересах дающего лица каких-либо действий (бездействия), связанных с выполняемой им работой и заведомо способных причинить вред интересам собственника или его клиентам, и желает принять указанное имущество или услуги.

Мотивы и цели получения незаконного вознаграждения могут быть различными и не влияют на квалификацию данного преступления.

Субъектом получения незаконного вознаграждения является работник индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющийся должностным лицом. Если работник, получающий незаконное вознаграждение, является должностным лицом, его действия подлежат квалификации как получение взятки (ст. 430 УК) [1].

В соответствии со ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь под работником понимается лицо, состоящее в трудовых отношениях с нанимателем (юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем) на основании заключенного трудового договора [6].

Объективная сторона предоставления незаконного вознаграждения выражается в передаче (вручении) такого вознаграждения получателю. Способы предоставления незаконного вознаграждения различны и соответствуют способам получения такого вознаграждения, рассмотренным выше.

Данное преступление считается оконченным с момента передачи хотя бы части незаконного вознаграждения его получателю. Если предмет незаконного вознаграждения не был принят работником, которому предназначалось незаконное вознаграждение, ответственность наступает за покушение на совершение указанного преступления.

Субъективная сторона предоставления незаконного вознаграждения характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что передает деньги, ценные бумаги, иное имущество или услуги имущественного характера за совершение в его интересах работником каких-либо действий (бездействия), связанных с выполняемой им работой и заведомо способных причинить вред интересам собственника или его клиентам, и желает передать указанное имущество или услуги.

Мотивы и цели предоставления незаконного вознаграждения могут быть различными и не влияют на квалификацию данного преступления. При этом, если виновный преследовал цель побудить работника совершить также и иное преступление, ответственность наступает по совокупности преступлений (за коммерческий подкуп и за подстрекательство к совершению задуманного преступления).

Субъектом предоставления незаконного вознаграждения является любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. К их числу относятся также и те лица, которые наряду с получате-

лем незаконного вознаграждения являются работниками одного и того же индивидуального предпринимателя или юридического лица.

В том случае, если незаконное вознаграждение предоставляется должностным лицом с использованием им своих служебных полномочий (например, работнику индивидуального предпринимателя или другого юридического лица оказывается услуга имущественного характера, выступающая предметом коммерческого подкупа), ответственность наступает по совокупности преступлений (за коммерческий подкуп и злоупотребление служебными полномочиями).

Субъекты получения незаконного вознаграждения и предоставления незаконного вознаграждения могут использовать при получении-предоставлении такого вознаграждения иных лиц, выступающих в качестве посредников. Такие лица (посредники) несут ответственность за соучастие в совершении коммерческого подкупа (либо в форме получения незаконного вознаграждения, либо в форме предоставления незаконного вознаграждения).

Ч. 2 ст. 252 УК предусматривает ответственность за коммерческий подкуп, совершенный повторно [1]. Повторность совершения коммерческого подкупа (как в форме получения незаконного вознаграждения, так и в форме предоставления незаконного вознаграждения) будет иметь место в том случае, если лицо в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности или погашения судимости за предшествующее преступление ранее уже получало или предоставляло незаконное вознаграждение в любой последовательности и в любом сочетании.

Если работник получил незаконное вознаграждение за совершение определенных действий не будучи уполномоченным на их совершение либо выдавая себя за надлежащее лицо, не являясь таковым либо для передачи уполномоченному работнику, не намереваясь в действительности его передавать, такие действия следует квалифицировать как мошенничество (ст. 209 УК) [1].

Коммерческий подкуп следует также отграничивать от подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК), взяточничества (ст.ст. 430–432 УК), принятия незаконного вознаграждения (ст. 433 УК) [1].

Коммерческий подкуп наказывается в соответствии с ч. 1 ст. 252 УК штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок [1].

Коммерческий подкуп, совершенный повторно, наказывается в соответствии с ч. 2 ст. 252 УК штрафом, или ограничением свободы на срок до четырех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения [1].

В таблице 1 приведены данные о лицах, осужденных за коммерческий подкуп за 2002–2011 гг.

Таблица 1

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего осуждено, в том числе:	1	1	2	3	–	1	2	–	1	–
по ч. 1	1	–	1	2	–	1	1	–	–	–
по ч. 2	–	1	1	1	–	–	1	–	1	–
По видам наказания:										
ограничение свободы	–	–	1	1	–	–	–	–	1	–
исправительные работы	–	–	–	2	–	–	1	–	–	–
общественные работы	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
штраф	–	–	1	–	–	1	1	–	–	–
Без наказания	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Список цитированых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Конвенция Совета Европы от 27 января 1999 г. № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию (ETS N 173)» // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, 31 октября 2003 г., № 58/4 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
5. О ценных бумагах и фондовых биржах: Закон Респ. Беларусь, 12 марта 1992 г., № 1512-XII // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи – 17.09.2012.

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за коммерческий подкуп (ст. 252 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Дана характеристика объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны рассматриваемого состава преступления. Приведены статистические данные о количестве осужденных за коммерческий подкуп за последние десять лет.

The article considers questions of criminal liability for commercial bribery (the article 252 of the Criminal code of the Republic of Belarus). The characteristic of object, the objective party, the subject and the subjective party of structure of a crime under consideration is given. Statistical data on quantity of condemned for commercial bribery over the last ten years are provided.

ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

Глухова О. В.

В правоприменительной деятельности нередко возникают трудности в разграничении деяний прикосновенных к преступлению лиц (укрывателей, недоносителей и попустителей) и соучастников (прежде всего, пособников). Наблюдаются неоднозначные и изменчивые подходы к криминализации отдельных форм прикосновенности к преступлению в истории отечественного уголовного законодательства, в том числе советского, а также в современном уголовном праве Республики Беларусь, Российской Федерации (далее – РФ) и Украины.

Существенные расхождения между рассматриваемыми уголовными законами имеются, прежде всего, в уголовно-правовой регламентации форм прикосновенности к преступлению. Понятие «прикосновенность к преступлению» не встречается ни в одном из трех УК, является исключительно теоретическим. Некоторые российские авторы вообще отрицают наличие самостоятельного института прикосновенности [1, с. 313]. Это понятие хоть и не было также характерно для советского уголовного права, однако в ст.ст. 18 и 19 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. предусматривалось, что заранее не обещанное укрывательство и недонесение влекли уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных уголовным законом [2].

В настоящее время в Особенных частях всех рассматриваемых уголовных законов предусмотрена ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступлений (ст. 405 УК Республики Беларусь, ст. 396 УК Украины, ст. 316 УК РФ), а в ст. 406 УК Республики Беларусь – еще и за недонесение о преступлении. Эти деяния отнесены к преступлениям против правосудия. Кроме того, лишь в Республике Беларусь по ст. 425 УК «Бездействие должностного лица» наказывается попустительство преступлению, то есть умышленное невоспрепятствование должностным лицом готовящемуся или совершаемому преступлению при условии, что данное должностное лицо в соответствии с его полномочиями обязано было и могло это сделать. В нашей республике попустительство считается формой прикосновенности к преступлению, если не было заранее обещано со стороны должностного лица. В противном случае оно квалифицируется по со-

вокупности как бездействие должностного лица и соучастие (в виде пособничества) в совершении соответствующего преступления (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)»). Уголовные кодексы Украины и РФ не предусматривают самостоятельных составов бездействия должностного лица и, следовательно, бездействия, сопряженного с попустительством преступлению. Таким образом, только для белорусского уголовного законодательства характерно установление запрета на три формы прикосновенности к преступлению.

Основное отличие в составе заранее не обещанного укрывательства преступлений в изучаемых законах состоит в том, что по ст. 316 УК РФ уголовно наказуемым является укрывательство лишь особо тяжких преступлений, в то время как в ст. 405 УК Республики Беларусь и ст. 396 УК Украины это распространяется и на совершение аналогичного деяния в отношении тяжкого преступления.

Наблюдается различный подход в определении круга лиц, могущих быть субъектами преступления: российский законодатель исключает из их числа супруга и близких родственников лица, совершившего укрываемое преступление (примечание к ст. 316 УК РФ), а украинский – членов семьи или близких родственников лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 396 УК Украины). Конституционный Суд Республики Беларусь в Заключении от 25 марта 1999 г. № З-77/99 «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. «О соответствии Конституции примечания к ст. 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» также отмечает, что ответственность за это деяние близких родственников или членов семьи лица, совершившего преступление, может быть поставлена в зависимость не только от степени общественной опасности совершенного преступления, но и от формы совершаемых действий, а также от мотивов их совершения. Нередко указанные лица могут оказаться в таких ситуациях, когда страх перед угрозой наказания, которому будет подвергнуто близкое им лицо, явится наиболее значимым мотивом, предопределившим характер их поведения. Необходимо также учитывать и различную степень опасности заранее не обещанного укрывательства преступления, совершаемого из корыстных или иных низменных побуждений, и укрывательства, мотивы которого обусловлены только родственными чувствами. Отсюда не исключается возможность предусмотреть в примечании к ст. 405 УК Республики Беларусь норму об освобождении от уголовной ответственности близких родственников и членов семьи лица, совершившего преступление, за его заранее не обещанное укрывательство.

Что касается отсутствия в УК РФ и Украины запрета на недонесение о преступлении, считаем это их недостатком. Значение нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за недоносительство, обусловлено в первую очередь сохраняющимся достаточно высоким уровнем

преступности, что требует принятия адекватных мер, направленных на борьбу с ней. Недонесение о преступлениях – одно из проявлений безразличного отношения к готовящимся, совершаемым или укрываемым преступлениям. Поэтому ответственность за недонесение является важным уголовно-правовым средством борьбы с преступностью. В ч. 1 ст. 326 Особенной части Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств было рекомендовано криминализировать несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении, однако законодатели соседних государств эту рекомендацию не восприняли [3].

Некоторые современные российские исследователи также считают преждевременным исключение соответствующей статьи из УК РФ. Например, В.Г. Трифонов пишет: «Декриминализация несообщения о преступлении представляется серьезной ошибкой законодателя не только в силу имеющихся негативных тенденций в криминогенной обстановке в стране, но и в силу того, что подобная декриминализация создала дополнительные отрицательные моменты, а именно: исключено одно из условий снижения латентной преступности; созданы трудности в обеспечении свидетельской базы по уголовным делам; оказалась под вопросом возможность реализации принципа неотвратимости ответственности; снижается авторитет государства у той части населения, которая не приемлет такого бездействия; приобретают значение сомнительные формы стимулирования сообщений о преступлении – информирование за материальное вознаграждение, что с моральной точки зрения не всегда можно считать оправданным» [4, с. 20]. В. Колесник говорит, что отсутствие в российском УК статьи, предусматривающей ответственность за недонесение, оказывает негативное влияние на раскрытие многих преступлений, особенно убийств. Он подвергает сомнению довод о том, что декриминализация недоносительства является шагом в сторону приближения национального законодательства к уголовному праву цивилизованных (западных) стран, в которых соответствующие нормы действуют [5, с. 27–28].

В силу тех же причин можно рекомендовать российскому законодателю обсудить возможность установления уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений.

Отсутствие в УК РФ и Украины понятия «попустительство преступлению» не означает безнаказанности такого бездействия. Оно квалифицируется по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» или по ст. 364 УК Украины «Злоупотребление властью или служебным положением». В отличие от ст. 424 УК Республики Беларусь «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» по названным статьям российского и украинского кодексов наказываются не только активные действия должностных лиц, но и их бездействие вопреки интересам службы. На это, в частности, указывается в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по де-

лам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: «Ответственность по статье 285 УК РФ наступает также за умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречило тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства» [6]. В комментарии к данной статье одной из форм злоупотребления должностными полномочиями называется попустительство совершению преступлений, например, должностное лицо, в полномочия которого входит контроль за хранением и расходованием товарно-материальных ценностей, сознательно не выполняет этой обязанности, что приводит к существенному нарушению интересов государственного либо муниципального учреждения [7, с. 734]. Комментаторы УК Украины ограничиваются констатацией возможности совершения злоупотребления путем незаконных действий или бездействия, не упоминая попустительства преступлению [8].

Не вдаваясь в оценку преимуществ и недостатков объединения злоупотребления должностным лицом своими полномочиями в активной и пассивной формах в одной статье (УК РФ и Украины) или разделения незаконных действий и бездействия вопреки интересам службы по двум составам преступлений (ст.ст. 424 и 425 УК Республики Беларусь), отметим целесообразность выделения попустительства преступлению в особую форму бездействия должностного лица. Обязательными условиями привлечения к уголовной ответственности за бездействие, сопряженное с попустительством преступлению, по ст. 425 УК Республики Беларусь, как утверждает В.В. Лосев, являются: 1) установленная законодательными и иными актами обязанность должностного лица и 2) наличие у него реальной возможности не допустить преступление либо его пресечь. При этом следует учитывать, что воспрепятствование совершению преступлений входит в обязанности далеко не всех должностных лиц [9, с. 74]. С учетом того, что готовящееся или совершаемое преступление способно причинить существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, должностное лицо, которое ему попустительствует, посягает на два объекта – интересы службы (в силу умышленного невыполнения возложенной на него обязанности) и объект основного преступления (так как имеет реальную возможность не допустить причинения ему вреда). П.Н. Панченко по этому поводу справедливо указывал: «В связи с тем, что бездействие попустителя в любом случае создает благоприятные условия для подготовки, совершения или сокрытия попущенного преступления (и в ряде случаев эти условия действительно реализуются в подготовку, совершение либо сокрытие основного преступления), объектом попустительства следует считать и общественные отношения из группы тех, на которые посягает по-

пущенное преступление. Данный объект является как бы «производным» от непосредственного объекта попустительства» [10, с. 30]. Следовательно, рассматриваемая форма бездействия должностного лица представляется более опасной по сравнению с иным противоправным бездействием, а потому должна, исходя из принципа справедливости, повлечь более строгую ответственность. Именно поэтому согласно ст. 425 УК Республики Беларусь попустительство преступлению сконструировано как формальный состав преступления, не требующий наступления последствий, обязательных для других проявлений бездействия должностного лица.

В ст. 285 УК РФ и ст. 364 УК Украины в настоящее время сформулированы материальные составы преступного злоупотребления по службе, в которых в качестве последствий названы: существенное нарушение (в УК РФ) или существенный вред (в УК Украины) охраняемым законом правам, свободам и интересам отдельных граждан, организаций или государственным либо общественным интересам. Думается, что было бы вполне обоснованным (в том числе с позиций борьбы с преступностью) российским и украинским законодателям предусмотреть в названных статьях УК этих стран попустительство преступлению как самостоятельный вид должностного злоупотребления, наказуемый независимо от наступления каких-либо общественно опасных последствий.

Не имеют аналогов в УК Республики Беларусь и РФ нормы ч. 6 ст. 27 Общей части УК Украины, в соответствии с которыми не является соучастием не обещанное заранее сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, или приобретение либо сбыт таких предметов. Фактически речь здесь идет об отграничении соучастия от прикосновенности к преступлению. Множественность субъектов при совершении преступления в соучастии и прикосновенности, схожесть их деяний создают трудности в квалификации. Правильному разграничению при этом должны способствовать нормы законодательства, которых в настоящее время в УК Республики Беларусь и РФ явно не достаточно. Целесообразно в этой части позаимствовать украинский опыт и обсудить вопрос о дополнении Общих частей УК Республики Беларусь и РФ статьями о прикосновенности к преступлению.

Анализ норм законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины позволяет констатировать нерешенность либо противоречивость в регламентации отдельных вопросов ответственности за прикосновенность к преступлению. На основе сопоставления соответствующих статей уголовных законов можно адресовать законодательным органам ряд рекомендаций по их изменению и дополнению:

1. В Общую часть УК Республики Беларусь и РФ включить нормы о прикосновенности к преступлению и ее формах, к примеру, путем введения в ст. 16 УК Республики Беларусь новой части.

2. В ч. 6 ст. 16 УК Республики Беларусь среди способов пособничества преступлению прямо указать заранее данное обещание должностного

лица попустительствовать совершению преступления, закрепив на уровне закона разъяснение высшего судебного органа Республики Беларусь и сложившуюся на его основе практику.

3. Дополнить ст. 405 УК Республики Беларусь примечанием, предусматривающим возможность освобождения от уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений членов семьи и близких родственников лиц, их совершивших.

4. Предусмотреть в УК РФ и Украины уголовную ответственность за недонесение о преступлении; выделить в составе должностного злоупотребления бездействие должностного лица в форме попустительства готовящемуся или совершаемому преступлению, установив его наказуемость независимо от наступления последствий.

Список цитированных источников

1. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.
2. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: утверждены Законом СССР от 25 декабря 1958 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web1.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1269269&subID=100131284,100131288,100131335#text. – Дата доступа: 16.09.2012.
3. Модельный Уголовный Кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/ihl-nat-3.htm. – Дата доступа: 16.09.2012.
4. Трифонов, В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Г. Трифонов; С.-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2000. – 26 с.
5. Колесник, В. Сомнительные новеллы УК / В. Колесник // Законность. – 1999. – № 3. – С. 27–28.
6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/ukrf. – Дата доступа: 21.09.2012.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 5-е изд., доп. и испр. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 921 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimealawyers.com/komentar-do-statti-364-zlovzhivannya-vladoyu-abo-sluzhbovim-stanovishchem. – Дата доступа: 16.09.2012.
9. Лосев, В.В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В.В. Лосев. – Минск: Амалфея, 2010. – 176 с.
10. Панченко, П.Н. Преступное попустительство: учеб. пособие / П.Н. Панченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1976. – 98 с.

Дата поступления статьи – 01.10.2012.

В статье проведен сравнительно-правовой анализ норм Уголовных кодексов Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, регламентирующих прикосновенность к преступлению. Разграничение деяний соучастников и прикосновенных к преступлению лиц представляет достаточно сложную проблему в науке и правоприменительной деятельности. Во многом ее правильное решение зависит от четкости и однозначности законодательного закрепления соответствующих понятий, полноты и достаточности правовых норм, направленных на регулирование прикосновенности к преступлению. Сопоставление уголовного законодательства трех государств Восточной Европы по исследуемому вопросу позволило выделить преимущества и недостатки каждого из них и сформулировать ряд предложений по совершенствованию Уголовного кодекса Республики Беларусь, опираясь на зарубежный опыт.

The article provides a comparative analysis of norms of Criminal codes of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Ukraine regulating involvement in crime. The delimitation of acts of accomplices and those involved in crime is a rather complicated problem in science and law enforcement. In many respects its correct decision depends on the clarity and unambiguous of legislative fixing of corresponding concepts, completeness and sufficiency of legal norms directed to the regulation of involvement in crime. The comparison of criminal legislation of three states of Eastern Europe on a studied question allowed to allocate the advantages and disadvantages of each of them and to make some suggestions for the improvement of the Criminal code of the Republic of Belarus, based on foreign experience.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Городецкая М. А.

Повышение эффективности правового регулирования общественных отношений является важнейшим фактором построения подлинно демократического, социального и правового государства. Обращаясь к реально существующему состоянию правового регулирования предупреждения преступлений, следует отметить, что оно пока не в полной мере отвечает сложившимся социальным потребностям. Многие важные аспекты этой деятельности еще не урегулированы правом, хотя, несомненно, нуждаются в таком урегулировании.

Правовые и организационные основы деятельности по предупреждению преступлений (правонарушений), а также основные формы участия государственных органов (организаций), иных организаций и граждан в осуществлении этой деятельности в Республике Беларусь устанавливаются Законом Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [1]. Действительно, указанный Закон позиционируется как базисный законодательный акт, за-

крепляющий принципиальные подходы к деятельности по предупреждению преступлений вне зависимости от того, кто ее осуществляет. В последнем на законодательном уровне закрепляется двухзвенная система предупреждения преступлений, включающая общий и индивидуальный уровень, что, по нашему мнению, не в полной мере соответствует существующим в криминологии научным представлениям о системе предупреждения преступлений.

Еще в советское время был выработан подход, согласно которому в предупреждении преступлений выделялось несколько уровней (видов). С начала 60-х годов по 80-е годы прошлого столетия с возобновлением исследований криминологической проблематики советские криминологи сформулировали основные положения, которые стали основой для выделения такого понятия, как «специальное предупреждение преступлений». В работах Г.А. Аванесова, Ю.Д. Блувштейна, А.А. Герцензона, И.А. Гельфанда, Ю.В. Голика, А.Э. Жалинского, В.К. Звирбуля, В.В. Клочкова, Г.М. Миньковского, Н.Р. Миронова, В.Г. Танасевича, А.С. Шляпочникова и других специальное предупреждение преступлений рассматривалось как деятельность социальная, разнообразная, признавался ее целенаправленный характер. «Именно признак целенаправленности, – пишет Г.М. Миньковский, – отличает сферу криминологической профилактики от профилактического действия наиболее общих процессов социального развития, которое осуществляется «попутно» в ходе решения задач более широкого социального значения» [2, с. 16].

Деление предупреждения преступлений на виды (выделение в его структуре уровней) относится к числу вопросов, не получивших однозначного решения в литературе. Ю.Д. Блувштейн предлагает выделять два уровня предупреждения преступлений – общий и индивидуальный, в свою очередь общие меры предупреждения преступности по субъекту подразделяются им на общие (носящие многоцелевой характер) и специальные. При этом под специальными мерами автор предлагает понимать «меры, проводимые правоохранительными органами и общественными организациями, специализирующимися в области борьбы с преступностью и другими правонарушениями (органами внутренних дел, прокуратуры, добровольными дружинами, товарищескими судами, советами профилактики и др.)» [3, с. 69]. Г.А. Аванесов подразделяет предупреждение преступлений на четыре вида – общее, специальное общее, специальное и индивидуальное, отмечая, что общее предупреждение осуществляется во всех сферах жизни людей. А.Э. Жалинский выделяет в качестве самостоятельных видов профилактики преступлений общесоциальное и специальное предупреждение [4, с. 58–67]. А.Б. Сахаров развил взгляд на специально-криминологическое предупреждение как на особый уровень предупреждения преступности, слагающийся из мероприятий различных звеньев советского социального механизма, непосредственно направленных на устранение как общих причин и условий существования преступности, так и,

главным образом, причин и условий различных видов преступлений и отдельных проявлений преступности, а также предотвращения и пресечения преступлений. Таким образом, специально-криминологическое предупреждение рассматривалось им как особый уровень предупреждения преступности, отличный от общесоциального предупреждения именно в силу специальной предназначенности для устранения конкретных криминологических факторов.

Таким образом, в настоящее время в криминологии принято говорить о *трехуровневой системе предупреждения преступности*, выделяя специальное (специально-криминологическое) предупреждение преступлений. Специальное предупреждение преступлений органично дополняет и конкретизирует общесоциальное, которое составляет для него базу, основу, фундамент [5, с. 538–540]. Очевидно назрела необходимость научного обоснования существования специального предупреждения преступлений и как следствие четкого правового регулирования данной деятельности. В настоящее время Указом Президента Республики Беларусь № 21 от 09.01.2012 «Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2012 год» предусмотрено внесение изменений и дополнений в действующий Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» в целях совершенствования норм Закона с учетом практики его применения. Полагаем, в целях эффективности осуществления предупредительной деятельности необходимо на законодательном уровне, определить трехзвенную структуру предупреждения преступлений и дать легальное определение специального предупреждения преступлений. С учетом проведенного нами анализа подходов, существующих в литературе, *под специальным предупреждением преступлений следует понимать деятельность государственных, общественных и иных органов и организаций, непосредственно призванных выявлять причины и условия преступлений, принимать меры к их устранению, а также к лицам, от которых можно ожидать совершения преступлений.*

В целом представляется, что Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 453-З) нуждается в принципиально новой редакции по следующим причинам.

В криминологическом смысле применительно к преступлению и преступности в целом зачастую употребляется термин *«предупреждение»* (в Законе № 453-З употребляется термин «профилактика»). Так, Большая юридическая энциклопедия [6], Юридическая энциклопедия под редакцией Б.Н. Топорнина [7] и вовсе не содержат термина «профилактика». Интересна в этом смысле позиция А.И. Алексеева, согласно которой профилактика не тождественна предупреждению преступности, они соотносятся как вид с родом. Профилактика составляет одну из частей предупреждения, которая по широте и глубине упреждающего воздействия, способности влиять на истоки, корневую систему преступности, на то, что ее продуци-

рует, воспроизводит, и тем самым «лечить болезнь» в самом ее начале. Во избежание противоречий, рассматривая понятие и содержание специального предупреждения преступлений, необходимо определиться в едином понимании терминов, использующихся в полемике. Полагаем, необходимо согласиться с А.И. Долговой в том, что нет смысла ломать устоявшийся понятийный аппарат, поскольку, несмотря на всю уязвимость термина «предупреждение», последний прочно вошел в научный оборот [8, с. 435].

На не совсем удачное использование термина «профилактика правонарушений» в Законе № 453-З справедливо указывал А.Н. Барановский, поскольку термин «предупреждение» имеет широкое смысловое содержание и больше подходит для обозначения социальной деятельности, направленной на выявление и устранение самого комплекса причин и условий совершения преступлений и других правонарушений, имеющих главным образом социальный характер [9, с. 70].

Полагаем, в новой редакции Закона № 453-З должны быть учтены признанные в науке подходы в отношении терминологии, тем более что сам закон одним из принципов, на основе которых осуществляется деятельность по предупреждению правонарушений, определяет научную обоснованность.

Специальное предупреждение преступлений рассматривалось и рассматривается в настоящее время как деятельность, осуществляемая широким кругом субъектов. Существует точка зрения, согласно которой множественность субъектов уже можно охарактеризовать как внутренне единую систему субъектов специфического вида социальной деятельности. Их объединяет общая цель, взаимосвязь нормативно закрепленных функций, правовая и информационно-аналитическая база, целенаправленное руководство, координация и планирование (В.К. Звирбуль, Г.М. Миньковский). В.В. Голина указывает, что множественность субъектов предупредительной деятельности представляет собой не механическую совокупность государственных органов, общественных организаций и граждан, а целое образование – систему [10, с. 10]. В литературе встречаются различные подходы к определению субъекта предупреждения преступлений. Одни криминологи чрезмерно расширяют понятие субъекта предупреждения преступлений, другие авторы чрезмерно сужают его. Так в монографии А.Э. Жалинского проблема субъекта рассматривается лишь в связи с анализом профилактики преступлений как разновидности труда. Поэтому А.Э. Жалинский понимает под субъектами предупреждения преступлений только физических лиц и классифицирует их по степени вовлеченности в профилактику преступлений [11, с. 151].

Полагаем необходимо согласиться с Ю.Д. Блувштейном в том, что деятельность любого органа или организации принципиально несводима к сумме действий работников [12, с. 8]. В этой связи предложенная А.Э. Жалинским описательная характеристика субъекта предупреждения

преступлений выглядит существенно неполной. И, безусловно, не применима она для определения субъектов специального предупреждения.

В некоторых работах советского периода высказывалось сомнение о том, что система субъектов специального предупреждения уже создана. По мнению А.Э. Жалинского, целесообразнее говорить о процессе ее создания. В.Н. Кудрявцев, характеризуя этот период, указывал на наличие в СССР достаточно стройной системы предупреждения преступности, однако в его работах также проводилась мысль о незавершенности системы субъектов предупредительной деятельности. Полагаем, необходимо согласиться с А.Э. Жалинским и указать, что процесс создания системы специального предупреждения преступлений, несмотря на все попытки, не завершен и в настоящее время.

Перечень субъектов общей профилактики определен в ст. 4 Закона № 453-З и закрепляет широкий круг субъектов, среди них: государственные органы (14 государственных органов); государственные средства массовой информации; советы общественных пунктов охраны правопорядка; добровольные дружины; иные субъекты, определенные законодательными актами [1]. В условиях отсутствия дефиниции специального предупреждения преступлений в Законе № 453-З необходимо отметить и отсутствие четкого перечня субъектов специального предупреждения преступлений. Последнее представляет особую актуальность в свете закрепления в ст. 35 Закона № 453-З ответственности должностных лиц. Решение данного вопроса, на наш взгляд, также позволит несколько упорядочить имеющиеся представления о сложной структуре действующей в Республике Беларусь системы предупреждения правонарушений (преступлений) и исключить возможность привлечения к ответственности лиц, для которых осуществление деятельности по специальному предупреждению не вменяется в качестве должностных обязанностей.

По мнению С.В. Максимова, «необходимым условием эффективности профилактической деятельности в современных условиях является равноправное в пределах, установленных законом, партнерство всех основных субъектов предупреждения преступлений (отдельные лица, негосударственные объединения, государственные структуры), при котором исключаются деление на главных и неглавных, невыгодный обмен информацией, бесконтрольность и монополизм отдельных субъектов профилактики преступлений» [14, с. 14–15].

Деятельность субъектов по осуществлению специального предупреждения преступлений в Республике Беларусь традиционно регулируется большим количеством отдельных, самостоятельных нормативных правовых актов, что ведет к рассосредоточенности и распыленности норм, регламентирующих деятельность по специальному предупреждению преступлений, снижению эффективности указанной деятельности в процессе правоприменения. Среди указанных нормативных актов Закон Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З «Об органах внутренних дел Республики

Беларусь»; Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»; Закон Республики Беларусь от 11.11.2008 № 454-З «Об органах пограничной службы Республики Беларусь» и др.

Отметим, что, несмотря на существование правовых основ деятельности субъектов по предупреждению преступлений, на законодательном уровне отсутствует четкий перечень субъектов специального предупреждения преступлений, их права и обязанности по осуществлению специального предупреждения преступлений, не определена ответственность за невыполнение возложенных задач, также нормативно не урегулированы вопросы взаимодействия субъектов при осуществлении предупредительной деятельности.

Нередко в литературе вопрос о правовых и организационных основах деятельности субъектов специального предупреждения преступлений решается посредством попытки воссоздания системы специального предупреждения преступлений, сложившейся в советском государстве. Представляется, что начало процесса развала Советского Союза не позволило завершить создание системы по предупреждению преступлений в стране (или сохранить ее в существующем состоянии). Не отрицая позитивного опыта, накопленного в советский период, мы полагаем, изменения в обществе и государственном устройстве требуют новых научно обоснованных подходов и закрепления на правовом уровне организационных основ деятельности системы специального предупреждения преступлений, координации деятельности по специальному предупреждению преступлений. Характеризуя существующую в советский период систему специального предупреждения преступлений, А.Э. Жалинский указывал, что целесообразнее говорить о процессе ее создания. Полагаем, необходимо согласиться с автором и указать, что данный процесс не завершен в настоящее время (избран курс на реформирование системы правоохранительных органов, создан Следственный комитет Республики Беларусь). Проведенный анализ становления и развития системы субъектов специального предупреждения дает основания констатировать, что с учетом уменьшения роли общественности по специальному предупреждению преступлений в настоящее время требуется выработать принципиально новые подходы к определению системы субъектов, соответствующие ее современному состоянию, а также обеспечить деятельность субъектов надлежащим правовым регулированием.

В настоящее время в аспекте вышеизложенного необходимо также окончательно определить направления совершенствования системного правового регулирования специального предупреждения преступлений в рамках системы права и системы законодательства Республики Беларусь. В целях повышения эффективности осуществления предупредительной деятельности, важное значение будет иметь закрепление в законе проработанной наукой структуры предупреждения преступлений, определив в ней место специального предупреждения преступлений. С учетом изложенных позиций целесообразно принять новую редакцию Закона № 453-З, закре-

пить определение «специальное предупреждение преступлений», круг субъектов специального предупреждения преступлений. Также необходимо провести корректировку законодательства в области правоохранительной деятельности и борьбе с преступностью на предмет обеспечения системного подхода к организации и правовому регулированию деятельности по специальному предупреждению преступлений.

Список цитированных источников

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Респ. Беларусь № 453-З, 10 нояб. 2008 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Миньковский, Г.М. Теоретические основы предупреждения преступлений / Г.М. Миньковский, Т.М. Арзуманян, В.К. Звирбуль. – М.: Юрид. литература, 1977.
3. Блувштейн, Ю.Д. Предупреждение преступлений в обществе развитого социализма / Ю.Д. Блувштейн // М-во внутр. дел СССР, Минская высш. шк. – Минск, 1980.
4. Жалинский, А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР / А.Э. Жалинский. – Львов: «Вища школа»: Изд-во при Львов. ун-те, 1976. – 194 с.
5. Российская криминологическая энциклопедия / Рос. криминол. ассоц. – М.: Норма: Инфра-М, 2000. – 802 с.
6. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 688 с.
7. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Юристъ, 2001. – 1272 с.
8. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
9. Барановский, Н.А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика / Н.А. Барановский. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 271 с.
10. Голина, В.В. Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений / В.В. Голина // М-во высш. и сред. спец. образования УССР, Учеб.-метод. каб. по высш. образованию, Харьк. юрид. ин-т им. Ф.Е. Держинского. – Киев: УМКВО, 1989. – 69 с.
11. Жалинский, А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР / А.Э. Жалинский. – Львов: «Вища школа»: Изд-во при Львов. ун-те, 1976. – 194 с.
12. Блувштейн, Ю.Д. Система субъектов и тактика профилактики правонарушений / под ред. Г.А. Аванесова. – М., 1980. – 64 с.
13. Литвинов, А.Н. Профилактика преступлений / А.Н. Литвинов, Т.С. Гавриш. – М.: ЭКМОС, 2003. – 159 с.
14. Максимов, С.В. О проекте основ Федерального законодательства о профилактике преступлений. / С.В. Максимов // Современные проблемы борьбы с преступностью. – М.: Акад. МВД РФ, 1993. – С. 13–18.

Дата поступления – 08.10.2012

Автор статьи анализирует и обобщает подходы к определению «специальное предупреждение преступлений», существующие в научной литературе, нормы законодательства о специальном предупреждении преступлений в Республике Беларусь, делает обоснованные выводы о необходимости систематизации законодательства.

The author of article analyzes and generalizes approaches to definition «the special prevention of crimes», existing in scientific literature, standards of the legislation on the special prevention of crimes in Republic of Belarus, does valid conclusions about need of ordering of the legislation.

К ВОПРОСУ О МИНИМАЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ ЛИЦА, ВОВЛЕКАЮЩЕГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ В АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Грунтов И. О.

В ч. 1 ст. 172 УК Республики Беларусь предусматривается ответственность за вовлечение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления. Под вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность понимаются действия взрослого человека, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего участвовать в совершении одного или нескольких преступлений.

«Такие действия могут быть сопряжены с применением как физического, так и психического воздействия (убеждение, обман, запугивание, уверение в безнаказанности, подкуп, возбуждение чувства мести, зависти и других низменных побуждений, а равно инициирование преступления советами о месте и способе совершения преступления, обещанием сокрыть следы преступления, оказать содействие в сбыте похищенного и т. п.)» [1, п. 17].

Потерпевшим от этого преступления является несовершеннолетний. Ответственность за преступление, предусмотренное ст. 172 УК, наступает с восемнадцатилетнего возраста. По мнению некоторых авторов, не имеет значения разница в возрасте несовершеннолетнего и субъекта преступления. По этому поводу Н.К. Семернева отмечает, что «судебной практике известны случаи, когда несовершеннолетнему исполнилось 17 лет, а виновному – 18 лет и 2 месяца. Важно доказать, что все признаки вовлечения, названные в законе, в действиях субъекта присутствуют» [2, с. 172]. Сходных взглядов придерживаются и некоторые другие ученые [3, с. 353].

В научной литературе в противоположность этому встречается и другая оценка этой ситуации. Так, «в практике возникает вопрос о нецелесообразности привлечения по ст. 210 УК РСФСР лиц, которым только что исполнилось 18 лет, а вовлеченные ими несовершеннолетние являются, по существу, их сверстниками, часто соучастниками, и моложе на 2–3 месяца. Представляется, что законодатель имел в виду в качестве субъекта лиц взрослых, имеющих определенные возрастные преимущества и ответственность по отношению к лицам, не достигшим 18 лет. Поэтому формальное достижение 18-летнего возраста в отдельных случаях, когда несо-

вершеннолетний младше такого взрослого только на несколько месяцев, не всегда может явиться основанием для привлечения его по ст. 210 УК РСФСР» [4, с. 61; 5, с. 366].

Сравнивая эти два подхода, можно отметить следующее.

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 172 УК Беларуси, характеризуется умышленной виной. Лицо сознает, что совершает действия, направленные на возбуждения желания у несовершеннолетнего участвовать в совершении одного или нескольких преступлений и желает это. Взрослый обладает перед несовершеннолетним физическим превосходством, большим жизненным опытом, профессиональными навыками и другими возрастными преимуществами. Для несовершеннолетнего он является авторитетом, примером для подражания. В этой связи взрослому относительно легко оказывать воздействие на физически и нравственно неокрепшую личность.

Социально-психическое содержание умысла при таком посягательстве состоит в том, что взрослый негативно относится к социальным и духовным ценностям, без которых не может существовать общество и государство и с этих позиций отрицательно воздействует на нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетнего.

Возбуждая желание у несовершеннолетнего участвовать в совершении одного или нескольких преступлений, лицо фактически провозглашает, что нарушение охраняемых уголовным законом чьих-то прав и интересов является нормой отношений в обществе и государстве и что такое поведение не содержит ничего предосудительного. Совершая такие действия, взрослый делает попытку изменить (либо изменяет) социально одобренные ценностные ориентиры несовершеннолетнего.

Объективная сторона этого посягательства может состоять в том, что взрослый совершает действия, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершать любые преступления (не конкретизируя, о каких именно посягательствах идет речь), либо склоняет несовершеннолетнего к совершению одного вполне определенного или нескольких таких же посягательств. В процессе вовлечения могут сочетаться оба варианта поведения. При любом таком деянии имеет место посягательство, направленное на изменение ценностных ориентиров несовершеннолетнего.

В связи с этим в законе устанавливается ответственность за сам факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Исходя из этого, совершение конкретного преступления несовершеннолетним под влиянием взрослого выходит за рамки объективной стороны этого преступления и требует дополнительной квалификации как подстрекательство к конкретному преступлению.

В этой связи более удачно было бы рассматривать юридическое окончание преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 172 УК, с момента совершения действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность. Такая уголовно-правовая оценка содеянного со-

держалась в постановлении № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» [6, с. 302].

В противоположность этому Верховный Суд Республики Беларусь в постановлении № 3 от 28 июня 2002 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» предлагает преступление, предусмотренное ч.1 ст. 172 УК считать оконченным с момента, когда несовершеннолетний в результате воздействия взрослого начал приготовление к совершению конкретного преступления. Если несовершеннолетний не стал участвовать в преступлении, действия взрослого предлагаются расценивать как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в преступление [1, п. 18].

При таком подходе объективная сторона преступления, описанного в ч. 1 ст. 172 УК, стала шире и включила в себя помимо вовлечения в преступную деятельность еще и приготовление к конкретному преступлению.

В п. 18 данного постановления Пленума Верховного Суда по этому поводу отмечается, что «если взрослый вовлек несовершеннолетнего, достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, то действия несовершеннолетнего квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, которое он совершил, а действия взрослого – по этой же статье, ст. 16 и по соответствующей части ст. 172 УК.

Если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам в нем участия не принимал, в силу ч. 3 ст. 16 УК он несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления, и его действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, и по соответствующей части ст. 172 УК» [1, п. 18].

При вовлечении несовершеннолетнего в совершение одного или нескольких преступлений сверстником, недавно достигшим восемнадцати лет, социально-психическое отношение лица к своему посягательству несколько иное, чем у взрослого в такой же ситуации.

Уголовным законом охраняется нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетнего. Это ценность, без которой не может существовать и развиваться общество и государство. Взрослый не может посягать на это охраняемое благо и изменять социально одобренные ценностные ориентиры несовершеннолетнего. Это незыблемое правило поведения в обществе и государстве.

Сверстник, недавно достигший восемнадцатилетнего возраста, не обладает перед несовершеннолетним физическим превосходством, большим жизненным опытом, профессиональными навыками и другими возрастными преимуществами. Оба эти лица представляют собой физически и

нравственно неокрепшие личности. В этом деянии отсутствует ситуация, предусмотренная ст. 172 УК, когда взрослый, используя свои возрастные преимущества, относительно легко оказывает отрицательное воздействие на несовершеннолетнего.

Картина изменится, если разница в возрасте будет несколько большей. В этой связи, естественно, возникает вопрос о том, каким должно быть минимальное преимущество в возрасте, чтобы вовлекающее несовершеннолетнего в совершение преступления лицо можно было бы рассматривать как имеющего значительные возрастные преимущества перед потерпевшим?

В законе в определенной мере такой вопрос уже решался.

Так, в ст. 168 УК Беларуси предусматривается ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшем шестнадцатилетнего возраста. Объектом этого преступления является нормальное нравственное и физическое развитие подростка, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, его половая неприкосновенность. Предшествующий сексуальный опыт потерпевшего, степень его половой зрелости и другие иные его характеристики не влияют на признание деяния преступлением [7, с. 339].

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 168 УК Беларуси, могут быть лица мужского или женского пола, достигшие к моменту совершения сексуальных действий восемнадцатилетнего возраста. Совершение таких действий между сверстниками или не достигшим шестнадцатилетнего возраста и лицом, несколько более его старшим, не рассматривается в качестве преступления. В законе разница в два года между потерпевшим и лицом, достигшим восемнадцати лет, признается достаточной, чтобы вести речь о физическом превосходстве, о бóльшем жизненном опыте и другими возрастными преимуществами, которые предопределяют его обязанность как более взрослого заботиться о социально одобренных ценностных ориентирах несовершеннолетнего.

В УК большинства стран ближнего зарубежья в качестве субъекта такого преступления признается совершеннолетний, а потерпевшим, лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Например, ст. 152 УК Азербайджанской Республики [8]; ст. 139 УК Грузии [9]; ст. 132 УК Кыргызской Республики [10]; ст. 122 УК Казахстана [11]; ст. 141 УК Таджикистана [12] и др.

В УК Эстонии разница в возрасте между субъектом и потерпевшим в данном посягательстве составляет гораздо больший срок, чем в два года. Так, ст. 116 УК предусматривается ответственность за половое сношение совершеннолетнего с лицом женского пола, заведомо, не достигшим четырнадцатилетнего возраста [13].

В УК некоторых стран дальнего зарубежья эта разница в возрасте составляет такой же либо еще больший срок.

Так, в ст. 187 УК Швейцарии предусматривается ответственность за сексуальные действия с ребенком моложе шестнадцати лет. В ч. 2 этой

статьи закреплено положение, в соответствии с которым это «деяние не является наказуемым, если разница в возрасте между участвующими лицами составляет не более трех лет» [14].

В параграфе 182 УК Германии устанавливается ответственность за сексуальное воздействие в отношении лица моложе шестнадцати лет лицом, достигшим двадцати одного года [15].

Сравнивая эти законодательные решения, можно отметить, что минимальная разница в возрасте между вовлекаемым и субъектом, когда он признается взрослым, колеблется от двух до пяти лет. Не одинаковый подход в оценке этих обстоятельств объясним различными историческими, культурными, национальными, правовыми и другими особенностями этих стран.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по своему характеру и общественной опасности отличается от сексуального воздействия взрослого в отношении лиц моложе шестнадцати лет.

Вместе с тем, по мнению автора, законодательно определенная разница в возрасте между потерпевшим и субъектом, склоняющим несовершеннолетнего для совершения деяния, когда он рассматривается в качестве лица, имеющего значительные возрастные преимущества, должен быть единым для всех преступлений, предусмотренных национальным УК.

В соответствии со ст. 168 УК Беларуси такая разница составляет два года. В этой связи, по мнению автора, в конструкции ч. 1 ст. 172 УК должен быть такой же подход. Исходя из этого, в редакцию этой статьи целесообразно внести дополнения и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 172. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления:

1. Вовлечение лицом, достигшим 20-летнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана или иным способом –».

С учетом такой конструкции ч.1 ст.172 УК вовлечение несовершеннолетнего в совершение конкретного преступления лицом, достигшим восемнадцати лет, будет квалифицироваться как подстрекательство к преступлению, которое совершит вовлекаемое лицо. Если действия подстрекателя по не зависящим от него обстоятельствам окажутся неудавшимися, ответственность его будет наступать за приготовление к соответствующему преступлению (ч. 8 ст. 16 УК).

В ч. 1 ст. 173 УК Республики Беларусь предусматривается ответственность за «вовлечение лицом, достигшим 18-летнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, либо в систематическое немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, либо в бродяжничество или попрошайничество, либо в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера».

Потерпевшим от этого преступления является несовершеннолетний. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 173 УК наступает с восемнадцатилетнего возраста. По формальным признакам вовлечение несовершеннолетнего в совершение одного или нескольких выше перечисленных деяний сверстником, недавно достигшим восемнадцати лет, должно признаваться преступлением.

Вместе с тем социально-психическое отношение такого лица к своему посягательству несколько иное, чем у взрослого в такой же ситуации.

Как уже ранее отмечалось, уголовным законом охраняется нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетнего. Это ценность, без которой не может существовать и развиваться общество и государство. Взрослый не может посягать на это охраняемое благо и изменять социально одобренные ценностные ориентиры несовершеннолетнего. Сверстник, недавно достигший восемнадцатилетнего возраста, не обладает перед несовершеннолетним физическим превосходством, большим жизненным опытом, профессиональными навыками и другими возрастными преимуществами. Оба эти лица представляют собой физически и нравственно неокрепшие личности. В этом деянии отсутствует ситуация, предусмотренная ст. 173 УК, когда взрослый, используя свои возрастные преимущества, относительно легко оказывает отрицательное воздействие на несовершеннолетнего.

В этой связи по тем же основаниям, что и в преступлении, описанном в ст.172 УК, желательно в редакцию ч. 1 ст. 173 УК внести дополнения и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 173. Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение:

1. Вовлечение лицом, достигшим двадцатилетнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, либо в систематическое немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, либо в бродяжничество, или попрошайничество, либо в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера – ».

Список цитированных источников

1. Постановление № 3 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. «О судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Право Беларуси. – 2002. – № 4.

2. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов // отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: ИНФРА: НОРМА, 1997. – 768 с.

3. Курс советского уголовного права: в 6 т. / редкол.: А.А. Пионтковский, С.П. Ромашин, В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1970–1971. – Т. 6: Преступления против государственного аппарата и общественного порядка. Воинские преступления / В.Ф. Кириченко [и др.]. – 1971. – с. 371; Бабий, Н.А. Уголовная ответственность за спаивание несовершеннолетних / Н.А. Бабий. – Минск: Университетское, 1986. – с. 68 (102с.); Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

4. Курс советского уголовного права: в 5 т. / Н.А. Беляев (ответств. ред.). – Ленинград: Издательство ленинградского университета, 1976–1981. – Т. 5: Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения / В.К. Глистин [и др.]. – 1981. – 654 с.

5. Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Коммисарова – М.: Зерцало. – М.,1999–2002. – Т. 3: Особенная часть / Г.Н. Борзенков [и др.]. –2002. – 468 с.

6. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1977. – Ч. 2. – М.: Известия Советов Народных Депутатов СССР, 1978. – 527 с.

7. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – С. 339.

8. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред. и предисловие И.М. Рагимова; пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. – 325 с.

9. Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; вступ. ст. В.И. Михайлова; обзорн. ст. О. Гамкрелидзе; пер. с груз. И. Мериджанашвили. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. – 409 с.

10. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / предисл. А.П. Стуканова П.Ю. Константинова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. – 352 с.

11. Уголовный кодекс Республики Казахстана / предисл. И.И. Рогова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. – 466 с.

12. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / редисл. А.Ф. Федорова. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. – 410 с.

13. Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эст. В.В. Запевалова; вступ. ст. Н.И. Мацнева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. – 262 с.

14. Уголовный кодекс Швейцарии / пер. с нем. – М.: Зерцало – М., 2001. – 138 с.

15. Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. – М.: «Зерцало – М», 2001. –208 с.

Дата поступления статьи – 13.09.2012.

В ч. 1ст. 172 УК предусматривается ответственность за вовлечение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления. Потерпевшим от этого преступления является несовершеннолетний. Уголовная ответственность за это преступление наступает с восемнадцатилетнего возраста. Вместе с тем сверстник, недавно достигший 18-летнего возраста, не обладает перед несовершеннолетним физическим превосходством, большим жизненным опытом и другими возрастными преимуществами, поэтому не должен признаваться субъектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Эти и некоторые другие вопросы затрагиваются в данной статье.

P.1 art.172 of the criminal code provides the responsibility for the involvement of a person under eighteen years old, a minor in committing a crime. The victim of the crime is a minor. Criminal responsibility for this crime comes with eighteen years old. Together with this the peer who has only recently attained the age of eighteen years old, has physical superiority to minor, a great life experience and other age benefits, therefore, should not be recognized as the subject of involving a minor in committing a crime. These and some other issues are addressed in this article.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Грушин Ф. В.

Федеральным законом от 7 июля 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» помимо прочего в систему уголовных наказаний Российской Федерации был включен новый вид наказания – «принудительные работы».

Законопроект о новом уголовном наказании «принудительные работы» был подготовлен в Федеральной службе исполнения наказаний России в 2010 году [1]. Однако нельзя утверждать, что это новое наказание. Институт принудительных работ был известен задолго до принятия Закона № 420-ФЗ. Впервые «принудительные работы без помещения в места лишения свободы» появились еще в 1917 г.: «Принудительные работы как мера наказания вводятся в советском уголовном законодательстве почти вслед за организацией судебной и судебно-исправительной системы и сразу же этому наказанию как мере, призванной путем трудового воздействия сыграть большую роль в деле перевоспитания преступника, предоставляется значительное место в общей системе карательных мер. Инструкция НКЮ революционным трибуналам от 19 декабря 1917 г. включает принудработы в перечень наказаний» [2, с. 127].

В соответствии с Декретом ВЦИК от 15 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ» при отделах Управления губернских исполнительных комитетов образовываются лагеря принудительных работ, в которых заключенные «немедленно привлекаются к работам по требованию Советских Учреждений» (ст. 3) [3]. Порядок деятельности лагерей принудительных работ, особенности осуществления надзора, правового положения заключенных, санитарного и медицинского надзора, требования к помещениям определялись Постановлением ВЦИК от 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ» [4].

Лагеря принудительных работ просуществовали до 1922 года. Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, который предусматривал наказание «Принудительные работы без содержания под стражей», однако в соответствии с ИТК РСФСР 1924 г. осужденные не помещались в специализированные учреждения, а находились под общим надзором бюро принудительных работ без содержания

под стражей. Таким образом, данное наказание являлось прообразом ныне действующих исправительных работ.[1]

Затем на протяжении более сорока лет институт принудительных работ с содержанием осужденных в специализированных учреждениях в СССР не существовал. И лишь в 60–70 гг. XX в. в правовой системе СССР появились два института – условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду и условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду.

Условное освобождение из мест лишения свободы было введено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства» [5, с. 22]. Позднее в 1970 году было введено условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду [6]. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» от 8 февраля 1977 г. в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик была введена ст. 23^2 «Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» и ст. 44^2 «Условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» [7]. Соответствующие дополнения были внесены в уголовные кодексы союзных республик. В УК РСФСР были введены [8] ст. 24^2 и 53^2, но в систему наказаний данные уголовно-правовые меры введены законодателем не были.

В соответствии со ст. 23^2 УК РСФСР при назначении наказания совершеннолетнему трудоспособному лицу, впервые осужденному к лишению свободы за умышленное преступление на срок до трех лет, а за преступление, совершенное по неосторожности, – на срок до пяти лет, суд, учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и иные обстоятельства дела, а также возможность его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора, мог постановить об условном осуждении этого лица к лишению свободы с обязательным привлечением его на срок назначенного наказания к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора.

[1] Необходимо сказать о том, что принудительные работы и исправительные работы в их нынешнем виде, имеют достаточно много схожих черт. Во-первых, оба наказания сопряжены с обязательным привлечением осужденного к труду. Во-вторых, из заработной платы осужденных производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов. Основное различие заключается в том, что осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях - исправительных центрах, а осужденные к исправительным работам ни в какие учреждения не помещаются.

Осуществление надзора за поведением лиц, условно осужденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условно освобожденных из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, возлагался на органы внутренних дел (ст. 78^5 ИТК РСФСР). Таковыми органами являлись специальные комендатуры, создаваемые по месту расположения строек (предприятий), где работали условно осужденные или условно освобожденные из мест лишения свободы. В одной спецкомендатуре могли состоять на учете только либо условно осужденные к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, либо условно освобожденные из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. Таким образом, соблюдался принцип раздельного содержания осужденных отбывавших лишения свободы и осужденных, ранее не отбывавших лишение свободы.

Основные задачи специальных комендатур были обозначены в Инструкции по организации работы специальной комендатуры органов внутренних дел, утвержденной приказом МВД СССР № 180 от 11 июля 1978 г.: учет условно осужденных и условно освобожденных; осуществление за ними надзора; оказание помощи администрации предприятий (строек) в организации трудового использования и жилищно-бытового устройства лиц, состоящих на учете в спецкомендатурах; проведение с ними политико-воспитательной работы.

Порядок оборудования общежитий, размещения в них поднадзорных, поведение их в период проживания в общежитиях были определены Правилами внутреннего распорядка в общежитиях, специально предназначенных для проживания условно осужденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду или условно освобожденных из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, утвержденными приказом МВД СССР № 410 от 14 декабря 1982 г., а также Положением об общежитиях для данной категории осужденных, утвержденным приказом МВД СССР № 24 от 9 февраля 1983 г.

Общежития, предназначенные для проживания условно осужденных либо условно освобожденных, оборудовались в отдельных зданиях или специальных городках. Размещение в одном общежитии поднадзорных разного пола не допускалось. Общежития должны быть обеспечены жилыми, культурно-бытовыми и служебными помещениями. В общежитиях устанавливалась пропускная система, оборудовались контрольно-пропускные пункты, где осуществлялся контроль за своевременностью выхода и возвращения поднадзорных в общежитие. Если спецкомендатура находилась в отдельном городке, то территория городка ограждалась забором сплошного заполнения.

Лица, условно осужденные к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условно освобожденные из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, исполняли обязанности и пользова-

лись правами, установленными законодательством для граждан СССР, со следующими ограничениями:

во-первых, они обязаны работать там, куда будут направлены органами, ведающими исполнением приговора, а в случае производственной необходимости могут переводиться без их согласия на другую работу и даже в другую область. Эти лица обязаны проживать, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях, пребывание их в свободное от работы время вне общежития допускалось только с разрешения спецкомендатуры;

во-вторых, им запрещалось в период обязательного срока работы покидать пределы административного района по месту их работы без специального разрешения администрации спецкомендатуры. При этом поднадзорные должны были являться в спецкомендатуру от одного до четырех раз в месяц на регистрацию. Периодичность регистрации устанавливалась постановлением начальника спецкомендатуры конкретно в отношении каждого осужденного.

Составной частью правового регулирования исполнения условного осуждения и условного освобождения является применение мер дисциплинарной или административной ответственности за нарушения трудовой дисциплины, общественного порядка, установленных правил проживания и регистрации (ст. 78^2 ИТК РСФСР).

Средством стимулирования стремления условно осужденных и условно освобожденных к исправлению и перевоспитанию являлась норма (ст. 78^2 ИТК РСФСР) о том, что в исключительных случаях при примерном поведении и честном отношении к труду по совместному решению администрации предприятия и спецкомендатуры допускался их выезд за пределы административного района в командировку, отпуск или по другим уважительным причинам.

Порядок осуществления надзора за осужденными определялся инструкцией, объявленной приказом МВД СССР № 410 от 14 декабря 1982 г. Проводился он путем проверок их поведения на производственных объектах и в общежитиях, а также за пределами общежития.

В отличие от принудительных работ, предусмотренных УК РФ, данные меры уголовно-правового характера не были сопряжены с удержаниями из заработной платы осужденных. Таким образом, в данной части уголовное законодательство СССР было более гуманным, чем уголовное законодательство РФ.

Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду были исключены из системы мер уголовно-правового характера в 1993 году, когда был принят Закон РФ от 18 февраля 1993 г. № 4510-1 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и закон РСФСР «О милиции»» [9].

Однако уже в 1996 году Уголовный кодекс РФ предусмотрел новое наказание – ограничение свободы, которое по своей сути дублировало многие положения ранее существовавших аналогичных мер. О необходимости введения самостоятельного вида уголовного наказания – ограничение свободы взамен существовавшим мерам уголовно-правового характера (условное осуждение к лишению свободы и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду) говорилось еще в восьмидесятых годах прошлого века такими учеными, как Н.А. Стручков, А.В. Маслихин и др. [10, с. 465].

Вместе с тем введение ограничения свободы оказалось формальным, так как прописанные в 1996 году нормы, регулирующие назначение и исполнение данного наказания, не действовали. Ограничение свободы было введено в действие Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», однако по своей сути это было уже совсем иным наказанием, не предусматривающем принудительный труд и содержание осужденного в специализированном учреждении.

После принятия в 2011 году Закона № 420 в Российской Федерации введено наказание «принудительные работы». Многие нормы, регулирующие исполнение принудительных работ, дублируют нормы, устанавливавшие исполнение ограничения свободы до приятия Закона № 377-ФЗ.

На основании ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах. При этом в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ осужденные к принудительным работам находятся под надзором и обязаны постоянно находиться в пределах территории исправительного центра (за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом), проживать, как правило, в специально предназначенных для осужденных общежитиях, не покидать их в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации исправительного центра. Одно из основных отличий принудительных работ от ограничения свободы в прежней редакции является то, что из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов.

В соответствии с ч. 3 ст. 8 Закона № 420 положения Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в части принудительных работ применяются с 1 января 2013 г. Таким образом, законодатель отложил применение принудительных работ на полтора года для подготовки соответствующей нормативной базы, в первую

очередь на подзаконном уровне, а также для создания необходимой инфраструктуры для исполнения данного наказания[1].

Ст. 60.1 УИК РФ предусматривает три варианта отбывания принудительных работ:

в специальных учреждениях – исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены;

в исправительных центрах, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения (привлечения к труду) при отсутствии на территории субъекта Российской Федерации по месту жительства осужденного или по месту его осуждения исправительного центра или невозможности размещения (привлечения к труду) осужденных в имеющихся исправительных центрах;

в изолированных участках, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях.

Одной из основных причин, по которым так и не было введено в действие наказание в виде ограничения свободы в прежней редакции, являлось отсутствие средств для строительства исправительных центров во всех субъектах Российской Федерации. Таким образом, учитывая предыдущий опыт, высока вероятность того, что, как минимум, на первоначальном этапе осужденные будут отбывать наказание в изолированных участках, функционирующих как исправительные центры при исправительных учреждениях. Вряд ли можно рассматривать этот вариант в качестве оптимального, так как в данном случае в одном учреждении будут отбывать наказание осужденные к лишению свободы и осужденные к принудительным работам, что по сути противоречит принципам исполнения уголовных наказаний.

Еще одной проблемой, с которой обязательно столкнется правоприменитель, является поиск работы для осужденных к принудительным работам. Одной из существенных проблем при исполнении наказания в виде исправительных работ (данное наказание также предусматривает принудительный оплачиваемый труд осужденных) для уголовно-исполнительных инспекций является трудоустройство осужденных. Та же самая проблема ожидает и администрацию исправительных центров. Даже в Советском Союзе с его плановой экономикой и государственными предприятиями возникали проблемы с трудоустройством и низкой заработной платой условно осужденных и условно освобожденных с обязательным привлечением к труду [11, с. 475].

[1] Например, 25 мая 2012 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 514 «Об утверждении норм обеспечения одеждой, обувью и питанием осужденных к принудительным работам при отсутствии у них собственных средств» // Российская газета. – 2012. – 1 июня.

С 1996 года введение в действие наказаний в виде обязательных работ, ограничения свободы и ареста неоднократно откладывалось. И если обязательные работы в 2004 году были введены в действие, то ограничение свободы было введено в действие в 2010 году в совсем ином виде, чем было предусмотрено изначально. Что же касается уголовного наказания в виде ареста, то в течние 16 лет оно так и не введено в действие. Хочется верить, что та же участь не постигнет наказание в виде принудительных работ.

Список цитированных источников

1. Российская газета. – 2010. – 16 марта.
2. Герцензон, А.А. История советского уголовного права. – М., 1947. – С. 127.
3. СУ 1919. – № 12. – Ст. 124.
4. СУ 1919. – № 20. – Ст. 235.
5. Советская юстиция. – 1964. – № 9. – С. 22.
6. Ведомости Верного Совета СССР. – 1970. – № 24. – Ст. 205.
7. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 7. – Ст. 116.
8. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст. 255.
9. Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 360.
10. Стручков, Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. – М., 1984. – С. 41; Маслихин, А.В. Дальнейшее совершенствование системы наказаний, не связанных с лишением свободы // Проблемы юридической ответственности и исполнения наказания в свете Конституции СССР. – Рязань, 1981. – С. 91–104; Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть. – Рязань, 1987. – С. 465.
11. Иванова, А.Т. Характеристика условно осужденных и условно освобожденных, состоящих на учете спецкомендатур / А.Т. Иванова, А.Г. Артюх. – М., 1982. – С. 21; Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть. – Рязань, 1987. – С. 475.

Дата поступления статьи – 15.09.2012.

В статье рассматриваются вопросы развития института принудительных работ в Российской Федерации. Также анализируются некоторые проблемы, которые могут возникнуть при реализации принудительных работ с момента введения данного наказания в Российской Федерации.

The article examines the development of the institution of forced labor in the Russian Federation. The paper also addresses some of the problems that may arise in the implementation of forced labor since the imposition of the penalty in the Russian Federation.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И УКРАИНЫ ОБ ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Мартыненко И. Э.

Проблема сохранения и охраны историко-культурного наследия всегда была актуальна. В последние десятилетия возросло понимание ее значения, сделано немало эффективных шагов для признания значимости проблем охраны, использования культурного наследия на национальных уровнях. Подтверждается это и принятием в рамках Содружества Независимых Государств ряда документов о сохранении историко-культурного наследия, в том числе модельных законов и рекомендательных актов. Произошли изменения и в уголовном законодательстве. Рассмотрим их на примере Российской Федерации и Украины.

Российская Федерация

1. В ст. 164 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность [1–13].

Хищение предметов, имеющих особую ценность, представляет собой особый вид хищения, выделенный законодателем в специальную норму, исходя из особенностей самого предмета хищения.

Объект преступления – общественные отношения в сфере собственности. Предмет преступления:

1) предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность;

2) документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Для квалификации преступления по этой статье не имеет значения, каким способом совершено хищение названных в ней предметов или документов. Таковыми могут быть: кража, мошенничество, грабеж, разбой, присвоение, растрата. Способ совершения данного вида хищения учитывается лишь при назначении наказания.

Особая историческая, научная или культурная ценность похищенных предметов или документов определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории науки, культуры.

Хищение предметов и документов, имеющих особую ценность, считается оконченным с момента, когда виновный завладел этими предметами и получил возможность распорядиться ими по своему усмотрению.

Если хищение таких предметов или документов совершено путем разбойного нападения, то дополнительной квалификации по ст. 162 Уго-

ловного кодекса не требуется, а преступление следует считать оконченным с момента нападения.

Если виновный сначала похищает предмет, имеющий культурную ценность, а затем, не сумев его сбыть, повреждает или уничтожает, то такие действия следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 164 и 167 (либо при наличии оснований по ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Субъектом рассматриваемого преступления, совершенного путем кражи, грабежа и разбоя, могут быть лица, достигшие 14 лет, а хищения, совершенного иными способами, – лица, достигшие 16-летнего возраста (ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Субъективная сторона преступления: хищение предметов или документов, имеющих особую ценность, совершается только с прямым умыслом и корыстной целью.

Более строгая ответственность определена в случае совершения того же деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также если преступные действия повлекли уничтожение, порчу или разрушение предметов и документов, имеющих особую ценность.

Под уничтожением предметов, имеющих особую ценность, понимается приведение их в полную негодность, когда они навсегда утрачивают историческую, научную или культурную ценность и не могут быть использованы по своему назначению. Под порчей или разрушением предметов, имеющих особую ценность, понимается причинение этим предметам такого вреда, который настолько понижает их историческое, научное или культурное предназначение, что делает невозможным их использование без восстановления или исправления.

Квалифицирующие признаки, указанные в п. «а» ч. 2 ст. 164 Уголовного кодекса Российской Федерации (т. е. совершение хищения группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), аналогичны квалифицирующим признакам кражи. Квалифицирующий признак – уничтожение, порча или разрушение предметов или документов, указанных в ч. 1 ст. 164 Уголовного кодекса, будет иметь место только в том случае, если эти последствия наступили в результате хищения.

Особенностью хищения культурных ценностей, повлекшего их уничтожение, порчу или повреждение, является наличие дополнительных последствий, которые не охватываются основным составом хищения культурных ценностей. В п. «в» ч. 2 ст. 164 предусмотрен состав с двумя уровнями последствий: первый уровень присущ любому хищению – это причинение имущественного ущерба собственнику или иному законному владельцу в результате изъятия предмета хищения виновным и его обращения в свою пользу или пользу других лиц; второй уровень специфичен для данного хищения и заключается в безвозвратной утере предмета хищения или причинении ему ущерба.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ изменена санкция данной уголовно-правовой нормы.

2. В ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена уголовная ответственность за *уничтожение или повреждение памятников истории и культуры* [14].

Основным непосредственным объектом преступления выступают основы общественной нравственности. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны – это совокупность общественных отношений, обеспечивающих соблюдение норм и правил поведения, представлений об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе.

Суть рассматриваемого преступного посягательства заключается в том, что в результате его совершения причиняется невосполнимый ущерб национальному и общечеловеческому культурному наследию, выражающийся в утрате составляющих его уникальных, обладающих исключительными свойствами предметов.

Особенностью рассматриваемого деяния является то, что в отличие от других посягательств на культурные ценности оно приводит к фактической утрате данных предметов. При этом указанное преступление, как правило, состоит в уничтожении или разрушении этих предметов. Соответственно, такое отношение виновного к культурным ценностям и самому деянию отражает грубое пренебрежение этого лица существующими общественными идеалами духовной красоты, этики и другое, его явное неуважение прошлого страны, памяти о жизни предшествующих поколений, то есть представляет собой надругательство над моральными устоями общества.

Общественная опасность рассматриваемого преступного деяния заключается не только в том, что в результате его совершения причиняется невосполнимый ущерб культурному наследию России в виде фактической утраты культурных ценностей, но и в явном пренебрежительном отношении виновного к основам общественной нравственности, реализующемся в активных действиях.

Данное преступное посягательство может наносить ущерб и другим общественным отношениям. Так, культурные ценности, кроме того, что имеют особое значение для общества ввиду своих уникальных свойств, обладают потребительской стоимостью и выступают в качестве имущества. Они являются объектом собственности всех предусмотренных законом форм и находятся во владении, пользовании и распоряжении определенных лиц.

В связи с этим при совершении преступления, предусмотренного ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации, в отношении памятников истории и культуры (именно так объекты культурного наследия именуются в диспозиции ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации), не принадлежащих виновному, нарушаются еще и отношения собственно-

сти. В данном случае физические лица, а также частные, общественные, государственные и муниципальные организации лишаются принадлежащих им значительных материальных ценностей и утрачивают возможность пользоваться своим имуществом. Учет данного обстоятельства имеет важное значение для правильного определения общих характера и степени общественной опасности преступного уничтожения или повреждения культурных ценностей и установления пределов наказания за совершение этого деяния в Уголовном кодексе.

Предметом преступного посягательства согласно ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации являются:

памятники истории и культуры;

предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность;

особо ценные объекты или памятники общероссийского значения (ч. 2 ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Правительство Российской Федерации может принять решение о признании объекта культурного наследия федерального значения, включенного в реестр, *особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации.* Присвоение конкретному объекту статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации означает отнесение его к высшей категории охраны и учета, предполагающей *особые формы государственной поддержки*, и включение его в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В соответствии с п. 1 *Положения об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации*, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. № 1487, к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации относятся расположенные на ее территории историко-культурные и природные комплексы, архитектурные ансамбли и сооружения, предприятия, организации и учреждения культуры, а также другие объекты, представляющие материальные, интеллектуальные и художественные ценности *эталонного* или *уникального характера* с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства.

Отнесение объектов к числу особо ценных осуществляется Указом Президента Российской Федерации. Объекты, отнесенные к числу особо ценных, включаются в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, депозитарием которого является Министерство культуры Российской Федерации.

Так, особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации являются, например: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; Кремлевский Дворец съездов»; Государственный академический Большой театр России; Государственный академический Малый театр; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Государственный Эрмитаж; Всероссийское му-

зейное объединение «Государственная Третьяковская галерея»; Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна»»; Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова; Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» и др. Объекты, включенные в Государственный свод, могут быть представлены в ЮНЕСКО для включения их в Список всемирного наследия[1] от имени Российской Федерации.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в действии, содержанием которого являются уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. Следует отметить, что формулировка диспозиции указанной статьи Уголовного кодекса изменилась по сравнению с прежней ее редакцией, которая раскрывала данный элемент преступления как уничтожение, разрушение и порчу указанных предметов. При этом представляется, что настоящий способ описания наиболее точно и полно отражает внешнюю сторону исследуемого преступления и передает характер его общественной опасности.

Уничтожение предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, предполагает приведение их в невосстановимый вид, а повреждение может состоять в изменении их внешних признаков, например, в вырывании страниц из книги, вырезании части документа и т. п. Для квалификации содеянного по этой статье способ уничтожения или повреждения указанных памятников значения не имеет. Оно может быть произведено химическим, механическим и другим способом.

Способ совершения преступления не является обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации. Другие компоненты объективной стороны уничтожения или повреждения памятников истории культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, такие как место, время, обстановка и другое, также выведены за пределы состава преступления.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации, характеризуется умышленной и неосторожной формой вины.

Субъект преступления – общий, т. е. вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Специальный субъект преступления не предусмотрен.

Квалифицированный состав рассматриваемого преступного посягательства характеризуется одним признаком. Ч. 2 ст. 243 Уголовного кодекса предусматривает усиление уголовной ответственности за совершение

[1] Общее количество охраняемых Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» объектов составило в сентябре 2012 г. 962, а число стран, где они расположены, – 157.

указанных выше деяний в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения.

Санкция данной уголовно-правовой нормы изменена Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Более строгое наказание грозит в случае уничтожения или повреждения особо ценных объектов или памятников общероссийского значения.

3. В ст. 190 Уголовного кодекса установлена ответственность за *невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран* [15–18].

Объект данного преступления – общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации.

Предметом преступления являются:

предметы художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации;

предметы художественного, исторического и археологического достояния народов зарубежных стран.

Предметами художественного достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран являются картины и рисунки ручной работы, иконы, гравюры, литографии, произведения декоративно-прикладного искусства (изделия из стекла, керамики, дерева, металла), памятники или их фрагменты, старинные книги и рукописи, почтовые марки, старинные монеты и другие движимые предметы материального мира. Предметы исторического достояния – это исторические ценности, связанные с развитием общества и государства, истории науки и техники, а также относящиеся к жизни и деятельности выдающихся личностей. Предметами археологического достояния закон считает предметы и фрагменты, полученные в результате археологических раскопок и разведок.

С объективной стороны данное преступление характеризуется как бездействие, проявляющееся в сознательном невозвращении в установленный срок указанных предметов, вывоз которых из Российской Федерации был временным. Следует учитывать, что допускается вывоз таких предметов только на определенный срок, законодательством устанавливается порядок их обязательного возврата. Невозвращение указанных предметов означает вывоз на законных основаниях и оставление данных предметов на территории иностранного государства после окончания обусловленного договором срока при отсутствии объективных обстоятельств, препятствующих их возврату (военные действия, стихийные бедствия и другие причины). Преступление признается оконченным по истечении срока, обязательного для возврата вывезенных ценностей, при наличии реальных условий для их возврата.

Субъективная сторона – преступление совершается с прямым умыслом. Субъектом преступления являются лица, в чьем владении находятся указанные ценности. Преступление совершается умышленно, т. е. виновный отказывается от их возвращения, будучи осведомлен об обязательном характере такого возвращения.

4. В ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность за *незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС культурных ценностей в крупном размере* [19–22].

Данная статья введена в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ.

Преступление, предусмотренное ст. 226-1 Уголовного кодекса, посягает на общественную безопасность и общественный порядок, которые и входят в понятие «объект преступления» как один из признаков состава преступления.

Предметом данного преступления выступают культурные ценности, перечень которых определен в ст. 7 Федерального закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей».

С объективной стороны данное преступление характеризуется как действие, заключающееся в незаконном перемещении (ввоз, вывоз, транзит) культурных ценностей:

1) через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС;

2) Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Субъективная сторона – умысел. Субъект преступления – общий.

Обязательный признак – крупный размер незаконно перемещаемых культурных ценностей. Крупным размером культурных ценностей в ст. 226.1 Уголовного кодекса признается их стоимость, превышающая один миллион рублей.

Квалифицированный состав преступления составляют те же деяния, совершенные:

должностным лицом с использованием своего служебного положения;

с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль;

организованной группой.

Отметим, что ст. 188 Уголовного кодекса, ранее предусматривавшая ответственность за контрабанду Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, утратила силу.

Украина

Законом «Об охране культурного наследия» определена ответственность юридических лиц за нарушение законодательства об охране культурного наследия. Так, согласно ст. 44 этого Закона соответствующий орган охраны культурного наследия налагает на юридическое лицо, являющееся владельцем, или уполномоченным им органом, или заказчиком работ, следующие финансовые санкции:

за проведение любых незаконных работ, которые могут нанести или нанесли вред памятнику, его территории, охраняемой археологической территории, охранным зонам, историческим ареалам населенных мест;

за несоблюдение требований по защите, сохранению, содержанию, использованию, реставрации, реабилитации памятников, в том числе требований, предусмотренных охранными договорами, умышленное доведение их до состояния разрушения;

за непредставление, несвоевременное представление или представление заведомо недостоверной информации о выявленных в процессе земляных, строительных, дорожных, мелиоративных и любых других работ объектах культурного наследия;

за уклонение собственника памятника или уполномоченного им органа от подписания охранного договора или за нарушение им режима использования памятника.

Уголовная ответственность установлена за совершение следующих преступлений, предметом посягательств в которых выступают памятники культурного наследия, культурные ценности.

1. В ст. 298-1 УК Украины (введена Законом от 22 декабря 2006 г.) установлена уголовная ответственность *за умышленное уничтожение, повреждение или сокрытие документов Национального архивного фонда* (ч. 1), а также совершение тех же действий в отношении уникальных документов Национального архивного фонда (ч. 2).

Предмет преступления – документы Национального архивного фонда являются культурными ценностями, которые постоянно хранятся на территории Украины или в соответствии с международными договорами, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, подлежат возвращению в Украину. Юридические и физические лица обязаны обеспечивать сохранность Национального архивного фонда и способствовать его пополнению. Национальный архивный фонд Украины согласно Закону «О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях» – это совокупность архивных документов, которые отображают историю духовной и материальной жизни украинского и других народов, имеют культурную ценность и являются достоянием украинской нации и составной частью отечественного и мирового историко-культурного наследия.

2. В ст. 201 УК Украины в редакции Закона от 15 ноября 2011 г. установлена уголовная ответственность за *контрабанду культурных ценностей* (ч. 1), т. е. их перемещение через таможенную границу Украины

вне таможенного контроля или с сокрытием от таможенного контроля. Квалифицированный состав контрабанды – совершение тех же действий по предварительному сговору группой лиц или лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 201 УК Украины, или должностным лицом с использованием служебного положения (ч. 2 УК Украины).

17 января 2012 г. вступил в силу Закон Украины от 15 ноября 2011 г. № 4025-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности», который изменил перечень противоправных действий, за которые наступает уголовная ответственность, в частности, отменил уголовную ответственность за контрабанду товаров и транспортных средств.

В условиях декриминализации так называемой «товарной контрабанды» в Уголовном кодексе Украины сохранена ответственность за контрабанду культурных ценностей.

3. В соответствии со ст. 43 Закона Украины «Об охране культурного наследия» в редакции Закона от 9 сентября 2010 г. № 2518-VI введена уголовная ответственность за совершение следующих преступлений.

3.1. Незаконное проведение археологических разведок, раскопок, других земляных или подводных работ на объекте археологического наследия (ч. 1 ст. 298 УК Украины);

3.2. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей (ч. 2 ст. 298 УК Украины).

3.3. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные относительно памятников национального значения (ч. 3 ст. 298 УК).

3.4. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные в целях поиска движимых предметов, происходящих из объектов археологического наследия (ч. 4 ст. 298 УК Украины);

умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные относительно памятников национального значения, совершенные в целях поиска движимых предметов, происходящих из объектов археологического наследия (ч. 4 ст. 298 УК Украины).

3.5. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные должностным лицом с использованием служебного положения (ч.5 ст. 298 УК Украины:

умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные относительно памятников национального значения, совершенные должностным лицом с использованием служебного положения (ч. 5 ст. 298 УК Украины).

4. В ст. 193 УК Украины установлена ответственность за присвоение лицом найденного или случайно оказавшегося у него чужого имущества, которое имеет особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, а также клада.

Объектом преступления является право собственности. Виновный не имеет законного права владеть, пользоваться или распоряжаться чужим имуществом, которые он нашел или какие у него случайно оказались. Такое право принадлежит владельцу или законному владельцу утерянной вещи или имущества, которое случайно выбыло из их владения. Клад должен перейти в собственность государства.

Предметом преступления может быть только имущество, которое: 1) является чужим для виновного; 2) найдено виновным или случайно оказавшегося у него; 3) имеет особую историческую, научную, художественную, культурную ценность; 4) или является кладом.

Найденным следует считать такое чужое имущество, которое вышло из фактического обладания собственника и на момент его присвоения виновным находится в безнадзорными состоянии. В частности, речь идет о потерянных вещах, т. е. предметах, которые, как правило, не имеют идентификационных признаков принадлежности и находятся в неизвестном для владельца месте. Обстоятельства, при которых найдено имущество, вышло из фактического владения его владельца или стало безнадзорным, могут быть различными и значение для квалификации действий виновного лица не имеют.

Состав рассматриваемого преступления имеет место лишь при условии, что найдено такое, случайно оказавшееся у виновного чужое имущество, которое имело соответствующую ценность, а именно: особую историческую, научную, художественную, культурную ценность, или определенный правовой статус – было кладом. Таким образом, присвоение другого, чем указано выше, найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества не образует состава преступления, предусмотренного ст. 193 Украины.

С объективной стороны преступление заключается в присвоении лицом найденного или чужого имущества, случайно оказавшегося у него, а также сокровища. Присвоение – это обращение такого имущества в свою пользу. По своей правовой сути присвоение лицом найденного или чужого имущества, оказавшегося у него, а также клада является сокрытием факта его находки виновным с последующим его использованием в свою пользу.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает тот факт, что присваивает чужое имущество, которое он нашел или какое у него случайно оказалось, или сокровище, несмотря на это обстоятельство, желает это сделать. Особенностью субъективной стороны преступления является то, что умысел у виновного лица на присвоение указанного имущества возникает после фактического установления владения над таким имуществом. Субъект преступления – общий.

Заключение

Под преступлениями против историко-культурного наследия понимаются предусмотренные и запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на отношения в сфере использования и сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры, историко-культурных ценностей), мест сосредоточения культурных ценностей, проявлений (элементов) нематериального культурного наследия.

Эффективное использование системы уголовно-правовых запретов не обеспечивается оптимальной организационной структурой правоохранительных органов (не образованы специализированные подразделения по борьбе с посягательствами на культурные ценности, отсутствуют полноценные методики выявления и расследования подобных преступлений). В большинстве случаев в случае совершения преступлений данной категории ответственность не наступает (преступления не выявляются, преступники не устанавливаются, в результате преступления не раскрываются, в некоторых случаях отношения декриминализированы). Поэтому целесообразно введение специализированного курса дополнительной профессиональной подготовки:

для следователей Следственного комитета – «Расследование преступлений против историко-культурного наследия»;

прокурорских работников – «Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия»;

сотрудников МВД – «Методика выявления преступлений, предметом посягательства которых являются культурные ценности»;

оперативных работников органов государственной (национальной) безопасности, органов таможенного и пограничного котроля – «Правоохранительная деятельность в сфере предотвращения нелегального оборота культурных ценностей»;

дознавателей, сотрудников МЧС – «Защита культурных ценностей от чрезвычайных ситуаций»;

военнослужащих Министерства обороны – «Защита культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов», «Охрана военно-исторического наследия» [23].

Список цитированных источников

1. Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.Р. Клебанов. – М., 2012. – 47 с.

2. Афонин, И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Б. Афонин. – М., 2005. – 168 с.

3. Медведев, Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Медведев. – Казань, 2003. – 204 с.

4. Сабитов, Т.Р. Охрана культурных ценностей (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.Р. Сабитов. – Челябинск, 2002. – 196 с.

5. Давлетшина, О.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Давлетшина. – Ростов н/Д, 2003. – 201 с.

6. Кулыгин, В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: моногр. / В.В. Кулыгин. – М.: Юрист, 2006. – 125 с.

7. Щерба, С.П. Уголовно-правовая охрана предметов и документов, имеющих историческую, научную, художественную или культурную ценность: практическое пособие / С.П. Щерба, С.А. Приданов; под общ. ред. С.П. Щербы. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – 221 с.

8. Данилов, В.А.Уголовно-правовая охрана предметов, имеющих особую научную, культурную, историческую и художественную ценность / В.А. Данилов // Право и государство. – 2007. – № 12. – С. 109–112.

9. Диканова, Т.А. Роль прокуратуры в предупреждении контрабанды и хищений культурных ценностей / Т.А. Диканова // Проблемы предупреждения хищений и контрабанды культурных ценностей: сб. материалов межведомств. науч.-практ. семинара / под ред. Т.А. Дикановой. – М., 2007. – С. 5–35.

10. Братанов, В.В. Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Братанов. – Н.Новгород, 2001. – 231 с.

11. Братанов, В.В. Формы хищения предметов, имеющих особую ценность / В.В. Братанов // Российский следователь. – 2007. – № 11. – С. 6–8.

12. Довгий, Д.П. Криминологическая характеристика хищения предметов, имеющих особую ценность / Д.П. Довгий // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 2. – С. 227–229.

13. Мукашев, А.К. О признаках предмета преступления, связанного с хищением особых ценностей / А.К. Мукашев // Закон и право. – 2007. – № 1. – С. 84–85.

14. Миллеров, Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Миллеров. – Ростов-на-Дону, 2006. – 23 с.

15. Вершков, В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.В. Вершков. – М., 2005. – 16 с.

16. Беспалько, В.Г. Уголовная ответственность за невозвращение культурных ценностей из-за границы / В.Г. Беспалько // Закон. – 2006. – № 6. – С. 49–59.

17. Грозин, В.Ю. К вопросу о типичных способах преступного невозвращения на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран / В.Ю. Грозин // Российский следователь. – 2007. – № 15. – С. 3–6.

18. Грозин, В.Ю. Актуальные вопросы предварительного расследования по делам о невозвращении на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.Ю. Грозин. – М., 2007. – 37 с.

19. Беспалько, В.Г. Проблемы уголовно-правовой охраны культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза и невозвращения из-за границы: моногр. / В.Г. Беспалько. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2008. – 156 с.

20. Клебанов, Л. Уголовно-правовые риски коллекционирования культурных ценностей / Л. Клебанов // Уголовное право. – 2011. – № 2.

21. Фомичев, С.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей / С.А. Фомичев; отв. ред. А.И. Чучаев. – Калуга: Политоп, 2005. – 238 с.

22. Чудинов, А.И. Защита культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза за пределы государств и передача права собственности на них: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Чудинов. – Л., 1990. – 232 с.

23. Архив Гродненского государственного университета имени Янки Купалы за 2012 г. // Материалы международного проекта «Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия стран СНГ».

Дата поступления статьи – 21.09.2012.

В статье произведен анализ признаков составов преступлений против историко-культурного наследия, ответственность за совершение которых установлена в уголовном законодательстве России и Украины. Сформулирован вывод о необходимости введения курса специальной профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, в функциональные обязанности которых входит организация мер по предотвращению и расследованию преступлений против историко-культурного наследия.

In article the analysis of signs of structures of crimes against historical and cultural heritage is made; responsibility for commission of such ctimes is established in the criminal legislation of Russia and Ukraine.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ТЕРРОРИЗМА (КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ)

Никитенко О. Г.

Несмотря на наличие ряда международных и региональных правовых актов и многочисленные исследования, международное сообщество так и не пришло к единой общеприемлемой дефиниции терроризма, равно как и не удалось достичь согласия в отношении мер, необходимых и достаточных для предотвращения актов терроризма, борьбы с ними и ликвидации их пагубных последствий.

Впервые попытка унификации уголовного законодательства на международном уровне была предпринята в 1926 г. на конгрессе *Международной ассоциации уголовного права* (далее – Брюссельский конгресс), так как преступность в ее наиболее опасных проявлениях, например терроризм, начала приобретать глобальный характер, что и обусловило необходимость создания универсальных международных уголовно-правовых механизмов [1, с. 55–56]. Ряд иных международных конференций были посвящены данному вопросу: *Варшавская (1927 г.), Римская (1928 г.), Брюссельская (1930 г.), Парижская (1931 г.), Мадридская (1933 г.), Копенгагенская (1935 г.)*. Ни одна из данных конференций не принесла ощутимых результатов, так как на них обсуждались уже принятые конвенции.

Первое определение терроризма было закреплено в *Резолюции*, принятой в 1930 году в Брюсселе на *III Международной конференции по унификации уголовного законодательства* (далее – Брюссельская резолюция), которая также закрепила ответственность за покушение и соучастие.

Соглашаясь с *А. Н. Трайниным*, который говорил о данной резолюции так: «…по существу трудно представить посягательство, не подпадающее под приведенное выше понятие терроризма…», так как «…это не уголовно-правовое понятие в обычном смысле, «террористический акт», а весьма обширная формула, охватывающая разнородные сложные явления…» [2, с. 28–42]. Полагаем, что закрепление в данной Резолюции обширной формулировки, когда под терроризмом и под террористическим актом понимаются различные уголовно наказуемые деяния, объясняется тем, что Брюссельская резолюция направлена на борьбу и с терроризмом, и террористическими актами, и с рядом иных насильственных преступлений, обладающих значительной степенью общественной вредоносности.

В Резолюции о терроризме, принятой в Париже в 1931 г. на *IV Международной конференции по унификации уголовного законодательства* (далее – Парижская резолюция), была сделана попытка определить объективную сторону рассматриваемого преступления. Важным также явилось положение ст. 5, закрепляющей основание освобождения от уголовной ответственности. Резолюция, принятая в 1933 г. в Мадриде на *V Международной конференции по унификации уголовного законодательства* (далее – Мадридская резолюция), из-за абстрактно-обобщенных формулировок свела на нет положительные моменты, закрепленные в Парижской резолюции [3, с. 64–68; 4, с. 173–174].

Начиная с 70-х гг. XX века был принят ряд международных конвенций, отражающих направления сотрудничества государств по различным аспектам в борьбе с международным терроризмом.

Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.), дополненная *Протоколом* от 10 сентября 2010 г., перечисляет деяния, которые рассматриваются как терроризм. Аналогичная ситуация имеет место и в отношении *Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации* (Монреаль, 23 сентября 1971 г.), которая часто именуется *Монреальской конвенцией*. Положения данной Конвенции были дополнены *Протоколом о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию* (Монреаль, 24 февраля 1988 г.), нормы которого направлены на защиту лиц, обслуживающих международную гражданскую авиацию и соответствующие аэропорты. *Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов* (Нью-Йорк, 14 декабря 1973 г.), направлена на защиту от терроризма и его проявлений конкретных субъектов.

В последних трех Конвенциях термин «терроризм» не используется. Это объясняется тем, что данные конвенции направлены не только на борьбу с терроризмом и преступлениями террористического характера, но и с широким кругом насильственных преступлений, обладающих высокой степенью общественной пагубности.

С принятием *Конвенции о борьбе с захватом заложников* (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) описываемое в ней преступление стало рассматриваться как самостоятельное преступное деяние и как проявление международного терроризма.

Ввиду отсутствия общепризнанного всеобъемлющего определения «терроризм» формирование правовых основ сотрудничества государств в борьбе с ним концентрировалось и концентрируется на тех направлениях, где его проявления представляют наибольшую опасность для международного сообщества.

Это объясняет принятие ряда *«профильных» конвенций*, в частности, *Конвенции о физической защите ядерного материала* (Вена, 3 марта 1980 г.), которая не только закрепляет ответственность за терроризм и некоторые преступления террористического характера, но и за ряд преступлений, которые представляют повышенную опасность, так как ядерный материал выступает в них как объект преступления и/или средство его совершения. *Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства* (Рим, 10 марта 1988 г.), направлена в большей мере на борьбу с рядом насильственных преступлений, которые обладают высокой степенью вредоносности и совершаются на воде. В данной Конвенции термин «терроризм» не используется. В 2005 г. *данная Конвенция* была дополнена Протоколом, который закрепил ответственность за использование судна в качестве устройства для террористического акта; за перевозку материалов, предназначенных для совершения террористического акта; за перевозку лиц, совершивших террористический акт. *Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения* (Монреаль, 1 марта 1991 г.) направлена на предупреждение и предотвращение не только терроризма, но и ряда иных насильственных преступлений.

К «профильным» международным правовым документам также относятся такие конвенции, как *Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом* (15 декабря 1997 г.), направленная на борьбу одновременно и с терроризмом, и с иными преступлениями, представляющими серьезную угрозу для безопасности общества; *Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма* (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.); *Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма* от 13 апреля 2005 г. *Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации* (10 сентября 2010 г.), как и Дополнительный протокол к Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, предусматривают ответственность за терроризм, а также за ряд преступных деяний, обладающих высокой степенью общественной опасности ввиду использования биологического, химического оружия, взрывчатых, радиоактивных и аналогичных веществ для атаки самолетов или целей на земле, или использования гражданской авиации как оружия. Данная Конвенция не использует термин «терроризм».

На *региональном* уровне дефиниция терроризма закреплена в *Договоре о сотрудничестве государств – членов СНГ в борьбе с терроризмом* (4 июня 1999 г.) и комбинирует такие преступные деяния, как терроризм, террористический акт, международный терроризм и является «открытым» перечнем, ввиду того, что как терроризм рассматриваются иные деяния, подпадающие под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством Сторон – участниц данного Договора, а также иными общепризнанными международными правовыми документами, направленными на борьбу с терроризмом.

Критериями криминализации во всех рассмотренных нормативных правовых документах являются: степень общественной опасности; объект уголовно-правовой охраны и защиты; характер и размер причиняемого вреда и ущерба; характер посягательства.

Признаками криминализации в вышеназванных международных и региональном правовых документах выступают:

общая/общественная безопасность;

преследование определенных целей, например, «…демонстрировать или осуществить политические или социальные идеалы…» (Брюссельская резолюция); «…заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц – совершить или воздержаться от совершения любого акта …» (Конвенция о борьбе с захватом заложников); «…вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него …» (Конвенция о физической защите ядерного материала); «…принудить физическое или юридическое лицо совершить какое-либо действие или воздержаться от него…» (Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства); «…запугать население или вынудить правительство либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от него…» (Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства); «…вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него …» (Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма); «…запугать население, или вынудить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие, или воздержаться от него…» (Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации);

публичность.

Анализируемые документы при определении терроризма используют *метод перечисления*. Данный подход создает определенные трудности при выработке единой всеобъемлющей дефиниции терроризма, так как, *во-первых*, «части» определения терроризма разбросаны по различным предметным конвенциям; *во-вторых*, данные «части» либо сформулированы обширно и влекут

включение в дефиницию терроризма иных составов преступлений, либо сформулированы абстрактно и отвлеченно; *в-третьих*, отсутствует единая хорошо скоординированная система взаимодействия между государствами, региональными образованиями и международными структурами.

Полагаем, что международный терроризм и международный террористический акт могут быть определены следующим образом:

международный терроризм – совершение действий, создающих общую опасность и сопряженных с общественно опасным посягательством на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность физических лиц, имущество физических и юридических лиц или угроза таковыми, в целях понуждения субъекта/ов международного права к совершению определенных действий или к воздержанию от их совершения, либо в целях терроризирования населения, либо с целью воспрепятствования политической или общественной деятельности субъекта/ов международного права;

международный террористический акт – умышленное деяние, преследующее причинение смерти, тяжкого телесного повреждения, совершение насильственных действий или угроза смертью, причинением тяжкого телесного повреждения или насильственными действиями в отношении лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов, в целях осложнения международных отношений или провокации военных действий.

Список цитированных источников

1. Карпец, И.И. Международная преступность. / И.И. Карпец. – М.: Наука, 1988. – С. 112.

2. Трайнин, А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / А.Н. Трайнин. – М.: Госюриздат., 1935. – С. 180.

3. Карпец, И.И. Преступления международного характера. / И.И. Карпец. – М.: Юрид. литература, 1979. – С. 262.

4. Ромашкин, П.С. Преступления против мира и безопасности человечества. / П.С. Ромашкин. – М.: Наука, 1967. – 357 с. – С. 173–174.

Дата поступлениястатьи – 18.09.2012.

В данной статье автор показывает эволюцию понимания и закрепления определения международного терроризма в различных международных и региональных нормативных правовых документах начиная с 20-х гг. XX века; анализирует нормы, закрепляющие ответственность за различные проявления международного терроризма; указывает на проблемные аспекты метода перечисления, используемого при определении международного терроризма и его проявлений; обозначает международные правовые критерии криминализации международного терроризма; предлагает уточненные редакции дефиниций международного терроризма и международного террористического акта.

In this article the author shows the evolution of understanding and fixing of international terrorism definition in various international and regional legal acts from the 20-s years of XX century, analyzes the provisions on liability for various manifestations of international terrorism, points out to the problematic aspects of the enumerating method (listing) in determining of international terrorism and its displays, makes up the international legal criteria of international terrorism criminalization, offers revised definitions of international terrorism and international terrorist act.

ОБ ОПЫТЕ УКРАИНЫ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ

Письменский Е. А.

Амнистия и помилование являются актами прощения, проявлением гуманизма и милосердия к осужденному, с учетом чего лицо освобождается от применения к нему уголовно-правовых мер воздействия. Слово «амнистия» (от гр. «забвение»), которое буквально означает «прощение» [1, с. 33]. Извинить – означает «проявить снисхождение, простить какую-то вину, оставив ее без наказания». В этом смысле справедливо будет считать амнистию разновидностью юридически оформленного права прощения лица, совершившего преступление, которое реализуется от имени общества высшими органами государственной власти [2, с. 59].

В куда большей мере находит свое отображение принцип гуманизма в освобождении лица от наказания на основании акта о помиловании. Как справедливо заметил А.Я. Гришко, акт помилования – это «наивысшая форма (из всех видов досрочного освобождения от наказания) проявления гуманизма к лицу, совершившему преступление и осужденному за него. Гуманизм стремится выявить в человеке все лучшее, что заложено в него природой, и сделать это достоянием всех» [3, с. 40].

Как амнистия, так и помилование известны человечеству с давних времен и имеют широкое распространение в современном мире. Беларусь и Украина в этом плане не исключение[1]. Примечательно, что законодательное поле этих стран долгое время базировалось на единой платформе советского права. Однако с началом (в 1991 году) построения новых независимых государств Беларусь и Украина не раз выбирали разные подходы в формировании многих правовых институтов – в том числе амнистии и помилования. Исследования уголовного права зарубежных стран, которых в последнее время становится все больше, являются прогрессивным явлением в отечественной правовой науке. Они помогают выявить прогрессивные тенденции развития зарубежного законотворчества, проанализировать имеющиеся недостатки, наметить пути их устранения и пр. Считаю полез-

[1] В Украине последний раз амнистия объявлялась в 2011 году, когда был принят Закон Украины «Об амнистии в 2011 году», в Республике Беларусь 27 июня 2012 г. парламент принял Закон «Об амнистии некоторых категорий лиц, совершивших преступления».

ным проведение подобного рода работ в дальнейшем и ставлю перед собой цель на примере законодательства Украины осветить вопросы правового регулирования и перспектив развития амнистии и помилования как видов освобождения от наказания и его отбывания.

Правовая регламентация. С началом комплексного формирования законодательной базы независимой Украины получили свое отправное развитие институты амнистии и помилования. Этот процесс осуществлялся постепенно, с перманентной корректировкой тех или иных законодательных положений. Начну с того, что в ст. 92 Конституции Украины, принятой 28 июня 1996 г., было зафиксировано, что амнистия оглашается Верховной Радой Украины в виде соответствующих законов. Кроме того, в ст. 74 Конституции Украины установлены дополнительные гарантии обеспечения объективности механизма оглашения амнистии на территории Украины, а именно – не может быть предметом референдума законопроект об амнистии. В развитие данной конституционно-правовой нормы 1 октября 1996 г. принимается Закон Украины «О применении амнистии в Украине», который ныне действует в редакции от 2 июня 2011 г. Нормы, регулирующие освобождение лица от наказания на основании Закона Украины «Об амнистии», также нашли свое отображение в ст.ст. 85 и 86 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины и ст.ст. 152–155 Уголовно-исполнительного кодекса Украины.

За последние годы украинскими юристами неоднократно указывалось на наличие ряда уголовно-правовых проблем в части применения амнистии, а именно: несогласованность между различными законодательными актами, регламентирующими амнистию, отсутствие четкости и понятности некоторых законодательных предписаний, несовершенный порядок применения амнистии и т. п. Одним из способов их решения стало принятие парламентом 17 февраля 2011 г. Закона Украины «О внесении изменений в Закон Украины «О применении амнистии в Украине» и другие законодательные акты Украины», который существенным образом ограничил сферу амнистирования. Однако с такими новеллами не согласился Президент Украины, наложивший 11 марта того же года вето на указанный Закон по мотивам существенного сужения им прав и свобод украинских граждан. В начале апреля 2011 г. Верховная Рада Украины отправила Закон на доработку, который уже 2 июня 2011 г. был рассмотрен повторно, поддержан большинством голосов депутатов и уже 1 января 2012 г. вступил в законную силу.

Ознакомление с положениями указанного Закона позволяет констатировать положительную тенденцию в реализации уголовно-правовой политики на современном этапе развития Украины. Возможность осуществления амнистии становится более умеренной; устанавливаются довольно узкие и понятные для правоприменителя пределы ее применения. Амнистирование предусматривается лишь в пределах реализации уголовной ответственности – как в наиболее либеральной ее форме, когда происходит

осуждение обвинительным приговором и одновременно лицо освобождается от наказания, так и в наиболее репрессивной форме, когда лицу назначается наказание, которое оно реально отбывает, и это лицо освобождается от неотбытой части наказания. Таким образом, прощение становится производным от осуждения за совершенное преступление, что вполне приемлемо, учитывая необходимость реализации целей уголовной ответственности даже в случае фактического неприменения уголовно-правового принуждения [4, с. 363].

Остальные новеллы относительно амнистии свелись к следующему: 1) становится невозможным на основании акта амнистии не только освобождение лица от уголовной ответственности, но и замена наказания более мягким; 2) расширяется круг осужденных лиц, к которым амнистия не может быть применена (скажем, амнистия не может применятся к лицам, не возместившим причиненный ущерб или не устранившим причиненный преступлением вред); 3) изменяется порядок освобождения осужденных от отбывания дополнительного наказания. Относительно новым следует также признать положение о регламентации амнистии в отношении лиц, отбывающих наказание, в соответствии с которым она может осуществляться после тщательной проверки материалов личного дела и сведений о поведении осужденного за время отбывания наказания. Ранее такое требование устанавливалось на уровне отдельных законов об амнистии, и с принятием базового закона о применении амнистии в новой редакции оно стало универсальным правилом [5, с. 10–11].

Что касается помилования, то в соответствии с п. 27 ст. 106 Конституции Украины и ч. 1 ст. 87 УК Украины его осуществляет Президент Украины относительно индивидуально определенного лица. Исключительно важным актом в сфере процедуры освобождения от отбывания наказания на основании акта о помиловании является Положение о порядке осуществления помилования, утвержденное Указом Президента Украины от 16 сентября 2010 г. № 902/2010 (уже четвертое, принятое после провозглашения независимости Украины, т. е. с избранием каждого нового Президента появлялся новый документ, призванный урегулировать осуществление помилования). Данное Положение содержит как нормы материального права, так и процедурные нормы осуществления помилования. Следует заметить, что последняя редакция Положения (по сравнению с действовавшей ранее) в определенной степени сузила возможность осуществления помилования, что можно признать прогрессивным шагом в его дальнейшем усовершенствовании.

Впрочем должен указать на наличие противоположной точки зрения по этому поводу. Так, некоторые юристы отмечают, что произошедшие изменения (речь идет о сужении круга лиц и самой возможности ходатайствовать о помиловании для определенной категории осужденных – *Е.П.*), указывают на то, что институт помилования становится более усложненным для осужденного и ориентированным, прежде всего, на лиц, имеющих невысокий уровень общественной опасности. То есть уникальный шанс на освобождение, кото-

рым по своей правовой природе являются помилование (поскольку основной его признак – отсутствие ограничений относительно возможности помилования), в Украине становится чем-то недоступным для большинства осужденных [6]. Сложно понять, неужели ориентация помилования на лиц, имеющих невысокий уровень общественной опасности, может рассматриваться как отрицательное явление? Наоборот, уверен, что сужение сферы применения помилования должно продолжаться. В частности, следует задуматься над вопросом о целесообразности при решении вопроса о применении помилования учитывать об этом мнение потерпевшего.

Перспективы развития. Среди современных юристов как в Украине, так и за рубежом очень часто обсуждается вопрос о дальнейшем законодательном развитии норм об амнистии и помиловании. Звучат кардинально противоположные точки зрения: от необходимости отмены указанных оснований для освобождения от наказания и его отбывания до расширения сферы действия амнистии и помилования. Скажем, украинский исследователь Ю.В. Александров уверяет в том, что резкое ограничение в нормах новой редакции Закона Украины «О применении амнистии в Украине» возможностей для применения амнистии к определенным категориям лиц – это первый важный шаг на пути к полной отмене амнистии, и эту отмену, вероятно, рано или поздно надо осуществить [7, с. 154].

Насколько же действительно нужна амнистия? Ю.В. Александров считает, что без нее вполне можно обойтись, поскольку уголовному законодательству известно немало альтернатив амнистии. Необходимо более широко применять альтернативные лишению свободы наказания: штрафы (значительно повышая их размер), общественные работы, исправительные работы и др. Важными инструментами является также широкое применение освобождения от отбывания наказания с испытанием, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, освобождение от наказания в связи с болезнью. Более широкому применению подлежит помилование, ведь именно оно индивидуально применяется к тем лицам, которые на самом деле заслужили такую милость [7, с. 156–157]. На необходимость применения более радикальных мер в процессе дальнейшего реформирования законодательства об амнистии наталкивает и категорическое высказывание Г.А. Усатого и С.В. Дремова. Эти ученые-криминалисты небезосновательно утверждают, что амнистия может рассматриваться скорее как одна из основных причин эскалации преступности, фактора, который на фоне ухудшения нравственно-психологических характеристик современных преступников формирует психологию безнаказанности и стимулирует устойчивость преступности [8, с. 97].

Близкой к этим размышлениям, но более приемлемой является позиция известного исследователя проблем амнистии А.А. Музыки, который резонно утверждает, что на сегодняшний день проблема заключается в том, чтобы государство разумно и весьма экономно расходовало потенциал институтов амнистии и помилования. Провозглашение амнистии, равно

как и осуществление помилования, являются исключительными мерами, которые, с точки зрения ученого, должны быть одобряемы обществом. Ими нельзя подменять институты освобождения от уголовной ответственности и наказания в целом, множество видов которых предусматривает уголовный закон [9, с. 338, 339–340]. Соответственно, сложно согласиться с идеей преобразования амнистии в условный вид освобождения от наказания, как предлагают сделать некоторые специалисты [10, с. 10; 11, с. 9–10; 12, с. 140], ведь будет создана неоправданная конкуренция с аналогичными видами освобождения от наказания, существующими ныне.

С учетом сказанного считаем, что амнистию нужно сохранить как уникальное правовое явление, учитывая те положительные аспекты, присущие ей при умеренном применении. Вместе с тем дальнейшее развитие норм об амнистии должно быть направлено на существенное сужение их применения, предусматривая как вариант в перспективе осуществление таких законодательных шагов: 1) сфера действия амнистии должна быть ограничена путем ее распространения лишь на лиц, совершивших деяния, не характеризующиеся повышенной степенью общественной опасности (скажем, преступления небольшой и средней тяжести); 2) амнистия должна осуществляться не чаще одного раза в пятилетие и лишь по случаю значительных событий во внутренней или международной жизни государства (интересный факт – в Украине за годы независимости амнистия провозглашалась 18 раз).

Схожая палитра мнений сложилась и относительно дальнейшей судьбы помилования. Так, народный депутат Украины В.Р. Мойсык считает, что за период, минувший после утверждения в Украине президентской власти и передачи главе государства полномочий прощать лиц, совершивших преступления любой степени тяжести, сложилась эффективная система реализации Президентом своего исключительного права на помилование. Поэтому на сегодняшний день нет ни юридических, ни фактических оснований подвергать сомнению существование в Украине института помилования осужденных лиц как важной государственной функции Президента [13, с. 41].

Противоположную позицию занимает В.И. Гончаренко, который, проанализировав процедуру осуществления помилования в Украине, пришел к выводу о том, что законодательное обеспечение осуществления помилования является крайне несовершенным и с точки зрения теории права, и с точки зрения процедурной надежности и беспристрастности принятия юридических решений. Помилование фактически осуществляется не прозрачно и заочно лицами из неконституционных органов, которые при условии минимального и опосредствованного участия Президента в этом процессе создают крайне благоприятную почву для практически безнаказанной коррупции. С учетом этого институт помилования, по мнению В.И. Гончаренко, принципиально подлежит отмене как проявление обид-

ной для человеческого достоинства феодально-монархической неограниченной власти [14, с. 773–777].

Другие ученые менее категоричны и настаивают лишь на усовершенствовании законодательных процедур и практики применения норм о помиловании. Например, С.М. Школа в целях повышения уровня эффективности института помилования предлагает ввести условное помилование, сформулировав соответствующие нормативные положения [10, с. 10]. Предложение о внедрении условного помилования с возложением на лицо определенных обязанностей выдвигали и российские юристы, в частности Ю.В. Саженков [15, с. 97–99]. Отдельно подчеркну, что условный характер имеет помилование в Беларуси и некоторых других зарубежных странах (Туркменистан, Узбекистан). Если помилованный во время определенного срока совершит новое преступление, наказание ему будет назначаться по совокупности приговоров. Условное помилование применяется и в странах англо-саксонской правовой семьи (например, в Великобритании и США) [16, с. 404].

Н.И. Хавронюк считает, что сужение сферы действия помилования должно происходить путем осуществления в порядке помилования: а) замены осужденному пожизненного лишения свободы на лишение свободы на срок не менее 25 лет; б) замены неотбытой части лишения свободы на определенный срок более мягким наказанием или частичного освобождения от отбывания лишения свободы на определенный срок при условии отбытия осужденным более половины назначенного срока наказания [17, с. 248].

Схожее предложение, но в более абстрактной форме и с определенными уточнениями высказано некоторыми российскими учеными. Так, Е.М. Низамитдинова считает целесообразным осуществлять помилование в исключительных случаях, если отсутствуют основания для изменения статуса лица на основе других предусмотренных уголовным законом видов освобождения от наказания [18, с. 190]. По мнению А.Я. Гришко, помилование должно применяться к наиболее сложным и нетипичным ситуациям, когда другие виды досрочного освобождения от отбывания наказания неприменимы [3, с. 36].

С учетом изложенного считаю, что наиболее правильным путем дальнейшего развития норм о помиловании будет не их полная отмена, а усовершенствование правовых основ и механизма осуществления помилования с перспективой измерения этого явления единичными (исключительными) случаями. Для этого целесообразно максимально сузить сферу применения норм о помиловании, отдавая предпочтение уже имеющимся и хорошо себе зарекомендовавшим видам условного освобождения от отбывания наказания. Кроме того, одним из первоочередных шагов в этом направлении должны стать разработка и принятие Закона о применении помилования.

Список цитированных источников

1. Словарь иностранных слов / сост. С.М. Локшина. – 8-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1981. – 624 с.

2. Осмоловская, Н.В. Юридическая природа институтов амнистии и помилования / Н.В. Осмоловская // Российской следователь. – 2005. – № 10. – С. 59–60.

3. Гришко, А.Я. Амнистия. Помилование. Судимость / А.Я. Гришко, А.М. Потапов. – М.: Университетская книга; Логос, 2009. – 272 с.

4. Письменський, Є.О. Звільнення від покарання та його відбування: проблеми кримінального законодавства та практики його застосування: моногр. / Є.О. Письменський; передм. д-ра юрид. наук, доц. М.І. Хавронюка; [наук. ред. д-р юрид. наук, проф. О.О. Дудоров]. – Луганськ: ТОВ «Віртуальна реальність», 2011. – 388 с.

5. Дудоров, О. Примарний шанс на свободу – законодавчі новели щодо амністії / Олександр Дудоров, Євген Письменський // Правовий тиждень. – 2011. – № 34–35. – С. 10–11.

6. Романов, М. Нове положення про здійснення помилування фактично позбавило засуджених «милості» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://khpg.org/index.php ? id=1298992497.

7. Александров, Ю.В. Інститут амністії: його розвиток і можливі перспективи / Ю.В. Александров // Наукові праці Міжрегіональної академії управління персоналом. – 2011. – № 4 (31). – С. 154–157.

8. Усатий, Г.О. Амністія по-президентські: соціальний конфлікт чи сучасна індульгенція для злочинців? / Г.О. Усатий, С.В. Дрьомов // Проблеми правового регулювання і практики застосування амністії та помилування: матеріали міжнар. наук.-практ. Інтернет-конф., м. Луганськ, 16–20 лют. 2012 р. / упоряд.: Є.О. Письменський; МВС України, Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2012. – С. 93–97.

9. Музыка, А.А. Закону «О применении амнистии в Украине» посвящается (в редакции от 2 июня 2011 года) / А.А. Музыка // Теоретичні та прикладні проблеми сучасного кримінального права: матеріали ІІ міжнар. наук.-практ. конф., м. Луганськ, 19–20 квітн. 2012 р. / Упорядн. Є.О. Письменський, Ю.Г. Старовойтова ; МВС України, Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2012. – С. 337 – 343.

10. Школа, С.М. Кримінально-правові проблеми застосування амністії та здійснення помилування в Україні: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Школа Сергій Миколайович. – Київ, 2003. – 248 с.

11. Осяк А.Н. Институт амнистии в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Осяк Андрей Николаевич. – Ростов-на-Дону, 2006. – 205 с.

12. Нестеренко, И.В. Амнистия как институт досрочного освобождения: понятие и последствия исполнения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Нестеренко Иван Валерьевич. – Ростов-на-Дону, 2006. – 175 с.

13. Мойсик, В.Р. Помилування як правовий інститут / В.Р. Мойсик // Вісник Верховного Суду України. – 2010. – № 4 (116). – С. 35–43.

14. Гончаренко, В.Г. Правовий статус і процесуальні аспекти інституту помилування / В.Г. Гончаренко // Вибране. – Київ: Прецедент, 2011. – 791 с.

15. Саженков Ю.В. Правовое регулирование помилования в российском законодательстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.В. Саженков. – М., 2005. – 238 с.

16. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: моногр. / В.Н. Додонов; под общ. и науч. ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.

17. Хавронюк, М.І. Диференціація кримінальної відповідальності або чи не очікує Україну соціальна катастрофа? / М.І. Хавронюк // Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення. Диференціація кримінальної відповідальності: матеріали міжнар. симп. 11–12 вер. 2009 р. – Львів: ЛьвДУВС, 2009. – С. 243–248.

18. Низамитдинова, Е.М. Освобождение от отбывания наказания по российскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.М. Низамитдинова. – Казань, 2006. – 208 с.

Дата поступления статьи – 21.09.2012.

На примере законодательства Украины в статье рассматриваются вопросы правового регулирования и перспективы развития таких видов освобождения от наказания и его отбывания как амнистия и помилование. За последнее время законодательные акты в части применения амнистии и помилования в этой стране подверглись существенным изменениям. В частности, была исключена возможность освобождения от уголовной ответственности на основании закона об амнистии, введены дополнительные ограничения по применению амнистии для отдельных категорий граждан, сужена сфера применения помилования и пр. Делается вывод о необходимости предпринять дальнейшие законодательные шаги по обеспечению применения норм об амнистии и помиловании в единичных случаях.

The article covers the issues of legal regulation of the amnesty and the pardon as the grounds of discharge from criminal liability and also the prospects of their development. The acts on application of the amnesty and of the pardon in this state have subjected to essential changes recently. In particular, discharge from criminal liability on the ground of the amnesty act has become impossible; additional limits for the application of the amnesty for some groups of citizens have been brought; the sphere of application of the pardon has been narrowed. The conclusion about the necessity of taking further legal measures for the provisions on the amnesty and the pardon are to be applied in case is made.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Хилькевич В. В.

Мыслительная и аналитическая активность субъекта квалификации на стадии предварительного расследования очень велика. Важнейшим моментом на данной стадии уголовного процесса является составление в соответствии с требованиями ст. 241 УПК такого процессуального документа, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого [1, ст. 241].

Особенность этой стадии состоит в том, что в ходе расследования возможна переквалификация преступного деяния либо прекращение уголовного дела вообще по любому возникшему основанию, указанному в ст. 29 УПК Республики Беларусь. Это зависит от многих факторов, поэтому возникает необходимость проанализировать некоторые из них.

Прежде всего возможное изменение квалификации связано с тем, что во многих случаях уголовные дела, в особенности по совершенным преступлениям против собственности, возбуждаются по факту, то есть при отсутствии лица, совершившего преступление. Субъект квалификации может судить об объекте состава преступления, как правило, по показаниям потерпевшей стороны, об объективной стороне – по результатам осмотра места происшествия, результатам экспертиз, проведенных по изъятым с места происшествия следам, по показаниям свидетелей. Отсутствие лица, совершившего преступление, не дает возможности следователю проанализировать такие элементы состава преступления как субъект и субъективная сторона.

Потерпевший может изменить свои первоначальные показания. Например, он изначально указал сумму похищенного имущества в значительном размере, а при повторном осмотре своего имущества (наведении порядка в помещении) обнаружил отсутствие и других вещей. В результате размер похищенного имущества возрос до суммы крупного размера. В таком случае действия преступника в ходе расследования переквалифицируются с ч. 1 или ч. 2 (при наличии квалифицирующих признаков) на ч. 3 ст. 205 УК [2].

Возможна и прямо противоположная ситуация, если потерпевший дополнительно сообщит, что обнаружил часть имущества, которое он ранее заявил как похищенное. В этом случае от показаний потерпевшего может зависеть не только переквалификация с части статьи с более суровым наказанием на часть с менее суровым наказанием, но и прекращение уголовного дела вообще. Например, потерпевший заявил о хищении его автомашины, а в ходе расследования выяснилось, что машину, не поставив в известность потерпевшего, взял близкий родственник, которому потерпевший разрешает пользоваться машиной.

Аналогичные ситуации с переквалификацией преступлений, связанных с собственностью, возможны и при проведении товароведческой экспертизы, когда экспертным путем устанавливается стоимость конкретной похищенной вещи и, соответственно, в большую или меньшую сторону изменяется стоимость всего похищенного имущества.

На практике следователь, проанализировав показания потерпевшего и результаты товароведческой экспертизы, чтобы не навлечь на себя жалобы со стороны потерпевшего, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указывает максимальную сумму похищенного имущества. Тем самым он оставляет на усмотрение суда решение вопроса о переквалификации совершенного деяния на норму о менее тяжком преступлении. Однако это широко применяется при расследовании, например грабежа или разбоя, либо кражи имущества на более крупные суммы. Если сумма похищенного имущества в форме кражи «пограничная» между суммой значительного размера и меньшей, то следователь рискует показаться не компетентным, так как в этой ситуации у суда есть возможность постановить оправдательный приговор, усмотрев в действиях лица администра-

тивно наказуемое деяние в виде мелкого хищения, что является негативом в работе следователя.

В зависимости от обстановки на месте совершения преступления, зафиксированной в протоколе осмотра места происшествия, объема, габаритов и веса похищенного имущества, промежутка времени, за которое совершено преступление, можно предположить о возможности совершения преступления группой лиц. В данной ситуации при расследовании кражи можно решать вопрос о квалификации преступления по ч. 2 ст. 205 УК по признаку совершения преступления группой лиц. Однако на практике, если уголовное дело о краже возбуждено по факту и при отсутствии иных признаков квалифицированного преступления следователь, как правило, возбуждает уголовное дело по ч. 1 ст. 205 УК и расследует его до установления лица.

При раскрытии расследуемого преступления, то есть при установлении лица, совершившего преступление, у субъекта квалификации появляется возможность «полноценно» проанализировать его состав. Это обстоятельство в большинстве случаев обязательно влияет на изменение первоначальной квалификации совершенного преступления.

Установив личность преступника, следователь снова возвращается к вопросам квалификации преступного деяния и возможной переквалификации.

Например, установлено, что кражу совершил преступник, который ранее совершил однородное преступление, ранее судим за хищение, судимость не снята и не погашена в установленном законом порядке. В этом случае действия лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 205 УК по признаку повторности и, соответственно, уголовное дело, возбужденное по факту кражи по ч. 1 ст. 205 УК, подлежит переквалификации на ч. 2 ст. 205 УК.

В ходе расследования установлено, что преступников было двое. Ранее возбужденное по ч. 1 ст. 205 УК «фактовое» уголовное дело подлежит переквалификации на ч. 2 ст. 205 УК по признаку совершения преступления группой лиц. Но и в этой ситуации после изучения личностей преступников возможно различие в квалификации действий каждого из них.

Например, один из соисполнителей имеет не снятую и не погашенную в установленном законом порядке судимость за ранее совершенное хищение. Этому соисполнителю при индивидуальной квалификации его действий следователь обязан вменить кроме признака совершения преступления группой лиц и признак повторности.

Допустим, в ходе расследования будет установлено, что кражу, предусмотренную основным составом ст. 205 УК, совершил один преступник, но подстрекаемый иным лицом. Субъекту квалификации в этом случае также необходимо произвести корректировку расследуемого дела и дополнительно квалифицировать действия соучастника по ст. 205 ч.1 и ст. 16 УК.

В ходе раскрытия преступления может быть установлено, что лицо, совершившее кражу, например, не достигло возраста привлечения к уголовной ответственности и не является субъектом данного преступления. При неустановлении каких-либо дополнительных обстоятельств необходимость в дальнейшей квалификации отпадает и уголовное дело подлежит прекращению из-за отсутствия в деянии состава преступления (ст. 29 ч. 1 п. 2 УК), так как отсутствует субъект в составе анализируемого преступления.

Если же какие-либо дополнительные обстоятельства будут установлены, то возможны иные варианты квалификации.

К примеру, будет установлено, что подростка, не достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности, или иного исполнителя, страдающего психическим заболеванием, к совершению кражи подстрекало лицо, обладающее признаками субъекта кражи. В этом случае именно он и должен быть признан субъектом преступления и его действия необходимо квалифицировать как исполнителя преступления (опосредованный исполнитель).

Возможна квалификация дополнительного состава преступления. Например, кражу в составе группы совершили два человека, один из которых – несовершеннолетний, а другой – совершеннолетний. При наличии признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в отношении второго лица, кроме квалификации действий обоих по ч. 2 ст. 205 УК по признаку совершения преступления группой лиц, дополнительно возбуждается уголовное дело по ст. 172 УК соответствующей части. Если же в этой ситуации будет установлено, что несовершеннолетний соисполнитель не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности, то при отсутствии иных квалифицирующих признаков кражи, кроме «группы лиц», действия взрослого будут квалифицированы по ч. 1 ст. 205 УК (основной состав кражи) и по ст. 172 УК соответствующей части.

Установив личность преступника, совершившего кражу, у следователя появляется возможность и необходимость выяснить его психическое отношение к совершенному преступлению, то есть проанализировать оставшийся элемент состава преступления – субъективную сторону. В ходе исследования субъективной стороны также возможны варианты переквалификации совершенного преступного деяния. Если будет установлено, что преступник, совершая кражу, не имел корыстной цели, а имел желание навредить потерпевшему, приведя это имущество в негодность, то в его действиях отсутствует состав кражи. При выяснении подобных обстоятельств субъект квалификации обязан прекратить уголовное преследование данного лица по факту кражи, усмотрев в его действиях, при наличии соответствующих обстоятельств, признаки умышленного уничтожения имущества. Другими словами, переквалифицировать его действия на ст. 218 УК соответствующей части.

Может быть выяснено, что установленное в ходе расследования лицо, завладев имуществом, считало это имущество своей собственностью. Если

оно заблуждалось, то расследуемое уголовное дело подлежит прекращению, но при установлении обстоятельств, указанных в диспозиции ст. 383 УК, действия виновного возможно квалифицировать как самоуправство.

Необходимо в ходе расследования выяснять, какой объем планировал похитить преступник, сопоставить его с реально похищенным объемом и при наличии разницы установить ее причины.

Если при совершении хищения умысел виновного был направлен на завладение имуществом в крупном или особо крупном размере и он не был осуществлен по не зависящим от виновного обстоятельствам, то содеянное надлежит квалифицировать как покушение на хищение в крупном или особо крупном размере, независимо от количества фактически похищенного [3, п. 26].

Переквалификация возможна в связи с изменением законодательства на новый закон в случае, если содеянное предусмотрено как старым, так и новым законами, причем новый закон смягчает ответственность или иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление (сокращает сроки погашения или снятия судимости, относит преступление к менее тяжким и т. п.).

Наконец, наиболее важная особенность стадии предварительного расследования состоит в том, что при расследовании уголовного дела следователь, переквалифицируя содеянное, может применить нормы УК как о более тяжком преступлении, так и о менее тяжком. При этом новая квалификация отражается в новом постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Прокурор и суд на стадии судебного разбирательства ограничены законом в изменении квалификации.

Таким образом, знания особенностей квалификации кражи на стадии предварительного расследования способствует квалифицированному расследованию уголовного дела.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24.06.1999, одобрен Советом Республики 30.06.1999 г.: текст по состоянию на 6.04.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 09.07.1999 № 275-З: с изм. и доп. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

3. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г. № 15 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.09.2006 № 13, от 24.09.2009 №8) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступлениястатьи – 10.09.2012.

Важнейшим моментом на стадии *предварительного расследования* уголовного процесса является составление в соответствии с требованиями ст. 241 УПК процессуального документа «Постановление о привлечении в качестве обвиняемого».

Особенность этой стадии состоит в том, что в ходе расследования возможна переквалификация преступного деяния, либо прекращение уголовного дела вообще по любому возникшему основанию, указанному в УПК Республики Беларусь. Это зависит от многих факторов, некоторые из которых анализируются в статье.

The major moment at preliminary investigation stage of criminal trial is drawing up according to requirements of the Code of Criminal Procedure of the procedural document called «the decision on accusation».

The feature of this stage is that requalification of criminal act, or the termination of criminal case in general, on any arisen basis specified in Art. 29 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus, is possible during the investigation. It depends on many factors, some of which are analyzed in the article.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ИЛИ ПОДДЕРЖАНИЕ МОНОПОЛЬНЫХ ЦЕН

Хилюта В. В.

Конкуренция является необходимым атрибутом рыночного типа экономики. Без конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами невозможно существование рынка, потому что конкуренция выступает базовым инструментом саморегулирующейся рыночной экономики. Однако конкуренция в экономике порождает образование монополий, которые ограничивают конкуренцию, подавляют конкурентов, вследствие чего рыночная экономика не способна самостоятельно противостоять антиподу конкуренции – монополизму.

Монополизация хозяйственных отношений относится к числу центральных проблем функционирования экономики любого государства. Вследствие этого во всех странах с рыночной экономикой на протяжении длительного времени государство обеспечивает защиту конкуренции от монополистических посягательств с помощью антимонопольного законодательства, потому как монополизм, обладая высокой общественной опасностью, неизбежно посягает не только на конкурентные отношения, но и на правомерные экономические интересы различных участников экономической деятельности [1, с. 3].

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» установление монопольных цен является злоупотреблением доминирующим положением на рынке. Согласно ст. 245 УК преступлением признается *«установление или поддержание монопольных цен путем*

сговора индивидуальных предпринимателей или должностных лиц о деятельности на совместном рынке».

Суть преступления, установленного в ст. 245 УК, в принципе, довольно-таки проста. Преступным признается именно сговор на установление или поддержание монопольных цен. Дело в том, что по общему правилу субъекты хозяйствования могут реализовывать свою продукцию по свободным (рыночным) ценам, кроме продукции, цены на которые регулируются специальными актами законодательства. Оптовые и отпускные цены и тарифы устанавливаются хозяйствующими субъектами самостоятельно или на договорной основе, исходя из сложившегося соотношения спроса и предложения (конъюнктуры рынка). Поэтому установление монопольно высоких или низких цен – это повышение или поддержание свободных оптовых, отпускных или розничных цен на уровне, который не определяется действием объективных факторов, связанных с себестоимостью продукции, качеством товаров и конъюнктурой рынка, а является результатом злоупотребления доминирующим положением на товарном рынке [2, с. 425].

Монопольно высокие или низкие цены могут быть установлены (или поддержаны) не одним субъектом хозяйствования, а путем сговора между несколькими индивидуальными предпринимателями или должностными лицами юридических лиц о деятельности на совместном рынке.

Под *монопольной ценой* понимается цена, которая устойчиво отклоняется от ее возможного уровня на конкурентном рынке и устанавливается доминирующим на рынке хозяйствующим субъектом или вступившими в соглашение хозяйствующими субъектами в целях реализации своих экономических интересов за счет злоупотребления монопольной властью – необоснованного и преднамеренного повышения (снижения) цен, а также принятия иных мер, искусственно вызывающих их рост или падение.

В соответствии с Инструкцией по выявлению монопольных цен, утвержденной постановлением Министерства предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь от 28.04.2000 № 10 признаками монопольно (монопсонически) высоких и низких цен могут служить:

1) повышение цены в целях компенсации необоснованных затрат и (или) получения монопольно высокой прибыли в результате: а) преднамеренного сокращения объемов производства (реализации) при наличии устойчивого спроса; б) скрытого уменьшения объемов производства (реализации), т. е. преднамеренного снижения качества товара при формально неизменной величине выпуска (реализации);

2) скрытое повышение цены (неизменность цены при снижении качества в целях компенсации необоснованных затрат и (или) получения монопольно высокой прибыли);

3) различные комбинации вышеуказанных двух признаков, ущемляющих интересы других хозяйствующих субъектов или потребителей;

4) создание на рынке ситуации, при которой приобретение товара у других хозяйствующих субъектов становится экономически невыгодным;

5) покупка (продажа) товара по ценам ниже того уровня, который сложился бы на конкурентных рынках, или по ценам, не обеспечивающим продавцу получения прибыли на среднеотраслевом (среднерегиональном) уровне или возмещения себестоимости, если это не предопределено рыночной конъюнктурой;

6) не обусловленное конъюнктурой рынка повышение прибыли хозяйствующего субъекта, занимающего в качестве покупателя доминирующее положение на данном товарном рынке (или уровня заработной платы его работников), путем снижения собственных издержек производства (реализации) за счет поставщика.

Признаки монопольных цен выявляются как прямым сравнением фактических цен и объемов производства с соответствующими значениями, которые имеются (или имелись бы) на конкурентном рынке, так и косвенно, путем анализа и сопоставления динамики цен, объемов производства (изменения объемов производства учитываются в натуральном выражении), прибыли, рентабельности, средней заработной платы и других показателей со среднеотраслевыми (региональными показателями).

Вместе с тем обнаружение признаков монопольной цены не является достаточным доказательством злоупотребления доминирующим положением на рынке со стороны хозяйствующего субъекта при установлении свободной цены (по договоренности или в соответствии со сложившейся конъюнктурой рынка), а предполагает проведение дальнейшего экономического анализа.

Таким образом, при обосновании наличия монопольно высокой или низкой цены предлагается использовать: а) метод, базирующейся на сравнении цены, устанавливаемой хозяйствующим субъектом, и цены такого товара на сопоставимых рынках с учетом соизмеримых иных условий обращения товара; б) метод, базирующейся на сравнении цены товара, установленной хозяйствующим субъектом, и экономически оправданных расходов на производство и реализацию товара с учетом разумной прибыли такого хозяйствующего субъекта.

Иначе говоря, монопольно высокая цена товара не может быть рассчитана с достаточной степенью точности, и как следствие этого, порой невозможно четко определить насколько сложившаяся монопольная цена превышает конкурентную. Более того, понятие монопольно высокой цены в значительной мере зависит от признания ее таковой уполномоченным государственным органом, что ни в коей мере нельзя признать объективным фактором.

Примером сложности определения фактов установления хозяйствующим субъектом монопольно высокой цены и компенсации необоснованных затрат может служить следующая ситуация. Фирма «Х» из города N, занимающаяся предоставлением услуг в сфере коммунального хозяйства, после зимней аварии теплотрассы провела временную воздушную ветку для более быстрого восстановления отопления и водоснабжения нескольких обслужи-

ваемых зданий и сооружений. Но наступила новая зима, а теплотрасса так и не была закопана. Происходил постоянный перерасход тепла. Фирма «Х» компенсировала возникшие убытки посредством увеличения тарифов на отопление и горячее водоснабжение. Возникает вопрос: являются ли затраты, компенсируемые фирмой «Х», необоснованными? С одной стороны, факт затрат не вызывает сомнений, и потому повышение тарифа несомненно носило компенсационный характер. С другой стороны, такая ситуация вряд ли имела бы место, если бы аналогичную услугу по прежнему тарифу мог предоставить другой исполнитель. Следовательно, есть основания считать, что фирма «Х» воспользовалась своим монопольным положением, чтобы переложить возникшие дополнительные расходы на потребителей ее услуг. Однако в приведенном примере не все так однозначно [3].

Следует также сказать, что существующие методы выявления монопольно высоких цен нельзя признать достаточно надежными обстоятельством для формирования на их основе однозначного вывода о наличии преступного деяния, указанного в ст. 244 УК.

Устанавливая монопольные цены субъект должен занимать доминирующее положение на рынке. Доминирующее положение на товарном рынке (доминирующее положение) – это исключительное положение хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов на рынке товара, не имеющего заменителей, либо взаимозаменяемых товаров, дающее ему (им) возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке или затруднять доступ на товарный рынок другим хозяйствующим субъектам. Доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта: 1) доля которого на рынке определенного товара превышает предельную величину, установленную уполномоченным республиканским органом государственного управления, за исключением случаев осуществления государственной или естественной монополии; 2) доля которого на рынке определенного товара не превышает установленную предельную величину, если уполномоченным республиканским органом государственного управления, исходя из стабильности доли хозяйствующего субъекта на товарном рынке относительно размера принадлежащих конкурирующим хозяйствующим субъектам долей на товарном рынке, возможности доступа на этот рынок новых конкурентов или иных критериев, характеризующих товарный рынок, будет установлено, что положение хозяйствующего субъекта является доминирующим.

В то же время необходимо учитывать, что монополистические действия в виде установления монопольно низких или высоких цен могут совершаться не только субъектом хозяйствования, занимающим доминирующее положение, но и несколькими субъектами, занимающими вместе доминирующее положение на рынке, по взаимной договоренности.

Так, установление тех или иных цен может носить как прямой характер, так быть и завуалированным. К последнему виду относится изъятие товара из обращения для того, чтобы создать на рынке его дефицит и в резуль-

тате этого повысить цену. Такие действия, как правило, носят временный характер, т.к. по истечении определенного времени товар поступает на рынок, но уже по более высокой цене. Примером скрытого установления монопольно высоких цен может служить сокращение или прекращение производства товаров, на которые имеется спрос или заказы потребителей, при условии, что имеется безубыточная возможность их производства [4, с. 60].

Соглашения между покупателями (коими также могут являться индивидуальные предприниматели и юридические лица) заключаются по фиксированию либо искусственному назначению цен. Первый вид этого соглашения сводится к установлению покупателями цен, по которым они будут приобретать товары. Второй состоит в достижении договоренности о том, чтобы конкурировать друг с другом в процессе установления цен, и может иметь форму соглашения о фиксировании цен или территориальном размещении.

Формой ценовых соглашений является *сговор* по определению цен на товары и оказываемые услуги, устанавливаемый в устном или письменном виде. Установление ценового сговора может происходить на любой стадии процесса производства и реализации прямо или косвенно. В первом случае соглашение касается непосредственно определения цен, например, установления одинаковых цен, согласования изменения цен, дифференциации цен, скидок с цены, условий кредитования. Во втором случае предметом соглашения являются условия, влияющие на установление цены, в частности, применение единообразного прейскуранта, использование специфических методов бухгалтерского учета и расчета себестоимости, использование ограничений на объемы производства (или же установление квот), требование отчислений взносов с каждой сделки в специальный фонд, организацию и т. д.

В соответствии с п. 2.1 Инструкции по выявлению и пресечению антиконкурентных соглашений (согласованных действий) о ценах, утвержденной постановлением Министерства предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь от 28.04.2000 № 9, формой ценовых соглашений является также обмен информацией в области цен. Многосторонний обмен информацией монополистами рассматривается как свидетельство сговора. Обмен информацией о текущих ценах или количествах является заменой формального соглашения о ценах. Односторонняя информация о ценах также является свидетельством сговора. Способами информирования являются публичное объявление цен (распространение нового прейскуранта), посылка телексов и другое потребителям и агентам (посредникам).

С целью выявления антиконкурентных ценовых соглашений проводится соответствующий анализ, состоящий из двух этапов.

На *первом этапе* устанавливается круг хозяйствующих субъектов, участвующих в соглашении, а также определяется соответствующий товарный рынок (при анализе рынка конкретного товара определяются: географический рынок – территория, на которой осуществляют деятельность

участвующие в соглашении хозяйствующие субъекты; доли рынка, приходящиеся на хозяйствующих субъектов – участников соглашения, действующих в пределах данного географического рынка, и их суммарная рыночная доля).

На *втором этапе* устанавливается, способен кто-либо из участников соглашения в отдельности или все вместе путем согласованных действий ограничивать конкуренцию. Для этого оцениваются препятствия, создаваемые данным ценовым соглашением для доступа других хозяйствующих субъектов на соответствующий рынок и ухода с него. Если наличие таких препятствий установлено, при оценке их воздействия на конкуренцию необходимо учесть природу препятствий, то есть выяснить, носят ли они объективный или искусственный характер, связанный с политикой участвующих в соглашении хозяйствующих субъектов.

Процедура выявления монопольно высоких цен осуществляется в соответствии с Инструкцией по выявлению монопольных цен. Однако здесь необходимо учесть, что всякое выявление монопольных цен должно опираться на изучении реальной динамики цен с учетом инфляции, а также на исследованиях изменений объемов производства в натуральном выражении. При квалификации деяния следует также учитывать и формальные обстоятельства, свидетельствующие о наличии признаков монопольной цены, что может быть следствием рыночной конъюнктуры, а не противоправного поведения субъекта хозяйствования.

Тем не менее указанные методы выявления признаков монопольных цен являются приблизительными, ни один из них в отдельности не может гарантировать полную достоверность выводов, и только максимальная их совокупность повышает вероятность доказанности наличия монопольных цен, но также не может дать однозначного ответа о наличии монопольной цены. Таким образом, выявление монопольных цен должно опираться на глубокий экономический анализ реальной динамики цен с учетом инфляционных процессов, других экономических факторов, проводить который должны специалисты антимонопольных органов.

При доказательстве выявленных ценовых соглашений необходимо документальное подтверждение сговора. Такие подтверждения можно получить на основании анализа условий контрактов, договоров, счетов, накладных документов, прейскурантов, платежных поручений и т. п. Возможны случаи, когда такого рода соглашения закрепляются в документах, принятых на съездах, конгрессах и других собраниях представителей хозяйствующих субъектов. Это является прямым доказательством ценовых соглашений.

Также возможны косвенные доказательства в виде обмена информацией между представителями хозяйствующих субъектов посредством личных встреч, телефонных переговоров, телексов и факсимильной связи, публичного объявления цен (распространение нового прейскуранта, ценовой рекламы) потребителям, агентам и посредникам, в том числе через различного рода объединения (ассоциации), куда входят хозяйствующие субъекты. В то же

время при доказательстве ценовых соглашений следует учитывать, что не всякое согласованное действие может квалифицироваться как антиконкурентное соглашение. В силу существующих структурных особенностей экономики республики нередки случаи, когда при наличии небольшого числа хозяйствующих субъектов на рынке, а также имеющегося дефицита товара на практике часто имеет место согласованность их действий путем установления цен без документального оформления антиконкурентного соглашения, т. е. может осуществляться параллелизм действий.

Поэтому очень сложно доказать наличие согласованных действий при отсутствии договоренности об их совершении и тем самым установить признаки ст. 245 УК в действиях конкретного лица, так как совершаемые единообразно и синхронно согласованные действия можно по разному трактовать, и при отсутствии объективных причин для установления признаков монополизма, по-разному могут оцениваться полученные доказательства и в том числе их совокупность.

Таким образом, при установлении и доказывании наличия в действиях конкретного лица признаков ст. 244 УК имеется ряд существенных трудностей, которые мешают практическому применению указанной статьи уголовного закона на практике, исходя из совокупности следующих обстоятельств:

доказывание установления монопольно высокой или низкой цены требует применения специальных знаний и, стало быть, назначения судебной экспертизы. Однако задача наличия всех необходимых признаков весьма сложна, поскольку используемые для выявления монопольно высоких цен способы включают методы, базирующиеся на сравнении цены товара, установленной монополистом, и экономически оправданных расходов на производство и реализацию товара с учетом разумной прибыли. Тем не менее при выявлении монопольно высоких цен всегда существует некое допущение, предположение, а, как известно, обвинительный приговор на предположениях основан быть не может [5, с. 24];

существует также проблема доказывания вины индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица, поскольку прибыль предприятия является единственным показателем эффективности работы руководителя. Увеличение прибыли достигается за счет сочетания максимизации цены товара и минимизации затрат на его производство. Следовательно, любой руководитель стремится, воспользовавшись рыночным положением, купить по более низкой цене сырье и комплектующие и продать по максимально высокой цене конечный продукт. В этой связи возникает вопрос относительно того, в какой же момент данные действия входят в противоречие с действующим уголовным законом?

для привлечения виновного лица к уголовной ответственности необходимо доказать факт осознания лицом того обстоятельства, что совершаемое им деяние общественно опасно, т. е. лицо действует умышленно и именно желает установить или поддерживать монопольные цены на товарном рынке. Ссылка на правило «незнание закона не освобождает от ответ-

ственности» в этом случае принята быть не может, поскольку формула «должен был знать, но не знал» характеризует неосторожное, а не умышленное отношение деятеля к своим поступкам и их последствиям, тогда как ответственность по ст. 245 УК наступает лишь за умышленное деяние;

нельзя ставить уголовную ответственность за монополистические действия в зависимость от совокупной доли на товарном рынке лиц (исходя из определения монопольной цены, видно, что она устанавливается субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке), совершивших эти действия, так как они опасны в любом случае и должны влечь наказание независимо от процентной доли на товарном рынке [6, с. 57]. Однако правоохранительные органы в большинстве случаев даже приблизительно не имеют возможности определить эту долю, а существующие методики очень сложны для восприятия и применения;

не менее значимым является вопрос о субъекте преступления, установленного в ст. 245 УК, потому как действия связанные с принуждением или применением насилия в отношении конкурентов совершаются (ч. 2 ст. 245 УК), как правило, не индивидуальными предпринимателями или должностными лицами юридических лиц, о которых идет речь в ч. 1 ст. 245 УК (их в принципе, может совершить кто угодно), а иными лицами, не обладающими признаками специального субъекта преступления;

при установлении всех признаков ст. 245 УК необходимо принимать во внимание, что зачастую установление и поддержание единых цен отражает интересы всех хозяйствующих субъектов на данном рынке. Этот интерес состоит в поддержании стабильности спроса и увеличении нормы прибыли путем фактического отказа от конкурентной борьбы. Кроме того, единая политика цен на товарных рынках позволяет многим хозяйствующим субъектам, используя косвенные факторы формирования цены (информация об изменении налогообложения, статистическая информация и т. п.), осуществлять упреждающее ценовое реагирование, с избытком покрывающее возможные негативные последствия будущих событий. Однако фактически данные действия могут являться несогласованными, что исключает наличие состава, предусмотренного рассматриваемой нормой уголовного закона. Поэтому дополнительную трудность применения ст. 245 УК вызывает установление причинно-следственной связи между действиями субъекта и существованием монопольной цены.

Исходя из сказанного можно заключить, что эффективность применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за установление или поддержание монопольных цен, а также реальное предупреждение и пресечение монополизма возможно только в том случае, когда социальная обусловленность уголовно-правового запрета будет подкрепляться эффективно уголовно-правовой политикой борьбы с преступностью в области экономики. При этом монополистическая деятельность должна определяться как деятельность любых лиц, совершаемая в пользу и в интересах различных участников рынка.

Список цитированных источников

1. Хутов, К.М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / К.М. Хутов. – М.: ВолтерсКлувер, 2007.
2. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. – СПб., 2007. – С. 425.
3. Семешкин, С.П. Выявление уголовно-наказуемых форм монополистической деятельности / С.П. Семашкин // Уголовный процесс. – 2005. – № 3. – С. 20–24.
4. Устинова, Т.Д. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции как уголовно наказуемые деяния / Т.Д. Устинова // Закон. – 2008. – № 11. – С. 58–66.
5. Яни, П.С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции / П.С. Яни // Российская юстиция. – 2010. – № 11. – С. 22–25.
6. Клепицкий, И.А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в России: почему закон не работает? / И.А. Клепицкий // Законодательство. – 2005. – № 10. – С. 50–59.

Дата поступления статьи – 22.08.2012.

В статье рассматриваются актуальные вопросы установления уголовно-правового запрета за осуществление недобросовестной конкуренции на товарном рынке Республики Беларусь. В частности, уделено внимание ст. 245 УК – установление или поддержание монопольных цен. Автором, помимо анализа состава преступления, значительное внимание уделено проблемным вопросам правоприменения данной статьи уголовного закона, особенностям конструирования уголовного запрета и нормативным предписаниям позитивного права в области пресечения монополизма. Указано, что эффективность применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за установление или поддержание монопольных цен, а также реальное предупреждение и пресечение монополизма возможно только в том случае, когда социальная обусловленность уголовно-правового запрета будет подкрепляться эффективной уголовно-правовой политикой борьбы с преступностью в области экономики.

In article pressing questions of an establishment of a criminally-legal interdiction for unfair competition in the goods market of the Republic of Belarus are considered. In particular, the attention is paid to article 245 CC – an establishment or maintenance of monopoly prices. The author, besides the analysis of structure of a crime, gives considerable attention is to problematic questions of application of given article of the criminal law, features of designing of a criminal interdiction and standard instructions of a positive law in the field of monopolism suppression. It is specified, that efficiency of application criminally-rule of law, providing responsibility for an establishment or maintenance of monopoly prices, and also the real prevention and monopolism suppression are possible only in that case when social conditionality of a criminally-legal interdiction will be supported with effective criminally-legal policy of struggle against crime in the field of economy.

ОБОСНОВАННОСТЬ ВВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЗАПРЕТОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Шакель Н. В.

Введение ограничений для государственных служащих издавна воспринимается как средство, существенным образом противодействующее

коррупционным проявлениям. Немаловажным аспектом осуществления контроля над такими лицами является обеспечение прозрачности при приобретении ими собственности, в особенности – дорогостоящей недвижимости. Вместе с тем если в рамках одного государства отследить соответствующие действия достаточно легко, то при «выводе капиталов» за рубеж возникают проблемы с определением того, в каких государствах у госслужащего приобретено недвижимое имущество, открыты счета в иностранных банках либо имеются акции зарубежных компаний.

Очевидно желание законодателя сделать данный процесс более прозрачным: либо путем возложения на госслужащих обязанностей по информированию (декларированию) о принадлежащем им и членам их семей имуществе, либо путем введения запретов на владение определенными видами имущества. Такие меры, тем не менее, не должны противоречить основным конституционным принципам и свободам граждан, чтобы, стремясь искоренить коррупцию, существенно не выйти за рамки разумно обоснованного и требуемого, чрезмерно ограничив права лиц, занимающих определенные должности в государственном секторе. Особенно активно в этом направлении в последнее время действуют законодатели Российской Федерации (далее – РФ). Рассмотрим два достаточно спорных, но тем не менее интересных законопроекта, предлагающих установление ограничений для государственных и муниципальных служащих, которые были недавно внесены в Государственную Думу Российской Федерации.

В июле 2012 года депутаты С.В. Железняк и И.В. Пономарев направили в Государственную Думу проект Федерального закона № 117971-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – проект ФЗ-1) [1].

Согласно проекту указанные в законе лица (члены палат Федерального Собрания РФ, высшие должностные лица субъектов РФ, лица, занимающие (замещающие) государственные должности РФ (субъектов РФ, а также муниципальные должности), должны будут *уведомлять* орган, в котором они осуществляют свою деятельность, об открытии счета в иностранном банке, приобретении недвижимого имущества за рубежом, приобретении ценных бумаг иностранного эмитента на территории иностранного государства *в течение месяца* после осуществления соответствующих действий. В недельный срок с момента получения уведомления соответствующий орган должен *опубликовать его на своем официальном сайте*. Проектом ФЗ-1 предлагается также дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 199.3, установив ответственность за неисполнение обязанности по представлению указанных сведений (несвоевременное предоставление информации, предоставление неполной информации, предоставление недостоверной информации) в виде штрафа, обязательных работ или лишения права занимать определенную должность.

Отметим, что названное уведомление не отменяет обязанности соответствующих лиц указывать сведения об имуществе, в том числе находя-

щемся за рубежом, в декларации. В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» граждане, поступающие или поступившие на определенные *должности, включенные в утвержденные перечни* (на государственную или муниципальную службу, на работу в государственную корпорацию, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, иную организацию, создаваемую РФ на основании Федерального закона, на работу в организацию, создаваемую для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами), обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов и несовершеннолетних детей [2]. При этом сведения, предоставленные занимающими соответствующие должности лицами, размещаются в сети Интернет на официальных сайтах соответствующих органов и предоставляются для опубликования средствам массовой информации (п. 6 ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») [2].

В этой связи полагаем возможным отметить, что требование о предоставлении деклараций возлагается в РФ не на всех без исключения работников той или иной государственной структуры, а только на включенных в специально утвержденные перечни с учетом специфики деятельности организации, причем по большей части – только на управленческие кадры (руководители и их заместители). Так, согласно Приказу Минфина России от 07.06.2012 № 75н «Об утверждении Перечня должностей в организациях, находящихся в ведении Министерства финансов Российской Федерации, при назначении на которые и при замещении которых граждане обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» для Федерального государственного унитарного предприятия «Гознак» такими должностями являются генеральный директор, заместитель генерального директора, директор филиала [3]. Безусловно, в РФ имеются примеры органов, где фактически все работники обязаны предоставлять декларации. Однако некая избирательность при этом, по нашему мнению, необходима. Необходимо учитывать реальную возможность совершения коррупционных правонарушений при занятии той или иной деятельностью.

Полагаем нецелесообразным подход, принятый в настоящее время в Республике Беларусь, когда все без исключения государственные служащие обязаны предоставлять декларации о доходах и имуществе в соответствующий государственный орган (организацию) (ст. 19 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [4]). При этом, осуществляемая такими лицами по роду службы деятельность зачастую не связана с наличием дискреционных полномочий, осуществлением властных, распоряди-

тельных и иных подобных функций. Одновременно предоставление и проверка деклараций являются достаточно затратной как во временном, так и в финансовом плане деятельностью. Больший эффект имело бы проведение тщательной проверки деклараций лиц, занимающих ответственное положение. Следует уточнить в этой части действующее в настоящее время в Республике Беларусь регулирование.

В отношении же предложенных для включения в законодательство РФ проектом ФЗ-1 норм представляется, что они не смогут обеспечить реальное противодействие коррупции, в связи с чем следует отказаться от их имплементации в законодательство Республики Беларусь. По нашему мнению, направление уведомления об открытии счета в иностранном банке, приобретении недвижимого имущества за рубежом, приобретении ценных бумаг иностранного эмитента на территории иностранного государства, опубликование данной информации является недостаточной и в значительной степени популисткой мерой. Такие сведения (о недвижимом имуществе, месте его нахождения, наличии в собственности акций хозяйственных обществ и т. п.) так или иначе должны указываться в декларации.

Второй законопроект – проект Федерального закона № 120809-6 «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – проект ФЗ-2), внесенный в Государственную Думу депутатами В.И. Лысаковым, В.В. Трапезниковым, А.К. Луговым, А.А. Агеевым, О.И. Денисенко в августе 2012 года, является более радикальным [5].

В качестве основного отличия данного законопроекта от проекта ФЗ-1 называется более широкий охват его действия: он распространяется не только на депутатов, сенаторов, государственных и муниципальных служащих, но и на так называемых силовиков – лиц, проходящих военную службу, сотрудников органов внутренних дел, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов, следственного комитета РФ, работников органов прокуратуры РФ.

Данным проектом предлагается запретить указанным в нем лицам иметь и (или) приобретать в собственность недвижимое имущество за границей, иметь (открывать) вклад (депозит), счет в иностранном банке на территории иностранного государства или иметь в собственности (приобретать в собственность) ценные бумаги иностранной компании [5]. За нарушение данной нормы предлагается введение уголовной ответственности (штраф в размере от пяти до десяти миллионов рублей или лишение свободы сроком до пяти лет с лишением права занимать определенные должности до трех лет).

Положения не являются «революционными». В феврале 2012 года директор ФСБ РФ А. Бортников издал приказ, согласно которому военнослужащие и гражданский персонал органов федеральной службы безопасности должны до 1 декабря 2012 г. принять меры по отчуждению имуще-

ства, право собственности на которое зарегистрировано за пределами РФ [6]. Очевидна направленность введения такого правила для ФСБ: чтобы иностранные спецслужбы не могли так или иначе оказывать давление, вербовать сотрудников российских спецслужб [7].

Как отмечает В.В. Жириновский, агитируя за принятие рассматриваемого законопроекта, «если ты депутат – за тебя голосовали миллионы и миллионы, поэтому ты должен быть воздержанным. Но если у тебя дома за рубежом, деньги за рубежом, твоя жена рожает там, дети учатся там, тогда ты здесь в каком качестве?» [8].

Но распространение таких норм на обычных госслужащих (не занимающих ответственного положения и т. п.), а также их супругов и несовершеннолетних детей нецелесообразно.

Представляется, что государственному служащему недопустимо иметь (открывать) вклад (депозит), счет в иностранном банке на территории иностранного государства. Не вызывает сомнений обоснованность наличия схожих ограничений в отечественном законодательстве. Так, согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» государственные должностные и приравненные к ним лица не вправе иметь счета в иностранных банках, за исключением случаев выполнения государственных функций в иностранных государствах и иных случаев, установленных законодательными актами Республики Беларусь [4]. В соответствии с п. 1.11 ст. 22 Закона Республики Беларусь «О государственной службе» государственный служащий не вправе иметь счета в иностранных банках, за исключением случаев выполнения государственных функций в других странах и иных предусмотренных законодательством случаев. За нарушение данных требований установлена ответственность вплоть до освобождения от занимаемой должности [9]. Полагаем правильным подход, предложенный российским законодателем, в соответствии с которым соответствующие ограничения предлагается распространить и на супругов и несовершеннолетних детей государственного служащего.

Аналогичные соображения могут быть высказаны и в отношении возможности иметь в собственности (приобретать в собственность) ценные бумаги иностранной компании. Вместе с тем, сложно согласиться с требованием российского законодателя об «обеспечении отчуждения» такого имущества (конституционные основы этого будут нами рассмотрены ниже). Полагаем, что в отечественном законодательстве выработан достаточно простой и прозрачный механизм: государственный служащий обязан передать в доверительное управление под гарантию государства на время прохождения государственной службы находящиеся в его собственности доли участия (акции, права) в уставном фонде коммерческих организаций (п. 3 ст. 22 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь») [9]. При этом в период нахождения государственных должностных лиц на службе доходы от находящихся в доверительном управлении долей, акций им не выплачиваются, а учитываются и капита-

лизируются у доверительного управляющего [10]. Как следствие, имущество остается в собственности лица, но снижаются коррупционные риски, что позволяет говорить об отсутствии ущемления прав граждан.

В отношении владения недвижимостью за рубежом ситуация несколько сложнее. По нашему мнению, сам по себе запрет на правомерное владение собственностью не может рассматриваться как антикоррупционное ограничение, поскольку не воздействует на причины и условия коррупции.

Проектом ФЗ-2 запрет на наличие в собственности недвижимого имущества за границей как для самого государственного служащего, так и для его близких родственников, вводится независимо от правомерности способа, которым такое имущество было получено. А ведь в случае наследования владение недвижимостью скорее всего будет являться законным, тогда как получение в дар такого имущества за рубежом уже может вызвать обоснованные сомнения (но и в этом случае нельзя однозначно говорить, что такое имущество появилось в результате коррупционных схем и должно быть отчуждено). Это понимают и апологеты нового законопроекта. Так, В.В. Жириновский отмечает: «Только до этой реформы давайте объявим всеобщую экономическую финансовую амнистию. Люди могли без всякого злого умысла где-то купить маленький домик на берегу моря, в той же Болгарии или Крыму. Не надо копаться в прошлом. И тогда скажем: ни одной копейки на зарубежном счете, ни одного метра недвижимости за границей» [8].

Как следствие, некоторые комментаторы законопроекта отмечают, что он не направлен на выявление источников имущества (недвижимости, акций, средств на счетах и т. п.), установление и пресечение коррупционных деяний. Вместо выяснения несомненно важных вопросов государственных служащих по сути просят «избавиться от улик».

Согласно предлагаемым в проекте ФЗ-2 нормам государственный служащий в случае приобретения рассматриваемого имущества в порядке наследования обязан принять *меры по отчуждению своего имущества*, а также *обеспечить отчуждение* такого имущества их супругов и несовершеннолетних детей в течение одного года после приобретения такого имущества в порядке наследования.

Рассматриваемая норма очевидно посягает на конституционные права граждан, ограничивая возможности владения, пользования и распоряжения правомерно приобретенной собственностью. Конституция РФ гарантирует признание и защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности [11]. Еще более четко об этом говорит Конституция Республики Беларусь, согласно которой каждому гарантировано право собственности, а собственность, *приобретенная законным способом, защищается государством* (ст. 44) [12].

В ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплен основной принцип гражданского законодательства – принцип неприкосно-

венности собственности (право собственности, приобретенной законным способом, охраняется законом и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда) [13].

Положения, обязывающие отчуждать имущество, не учитывают возможность переезда супруги (супругов) или родственников за рубеж, наличия у них иностранного гражданства, собственности (в том числе счетов в банках) за рубежом. Обеспечение отчуждения имущества, ценных бумаг и закрытия счетов таких лиц в данном случае практически нереализуемо без добровольного согласия близких родственников, а в ряде случаев – и иных лиц или государственных органов иностранных государств. Так, не учитываются положения законодательства в части возможности обременения имущества ипотекой, применения мер по обеспечению иска, по защите детей в имущественных отношениях (запрет на отчуждение принадлежащего им имущества без согласия уполномоченных органов) и др.

С учетом того, что ограничения касаются конституционного права каждого гражданина на собственность, предлагаемое в проекте ФЗ-2 установление уголовной ответственности за нарушение такового запрета не соответствует характеру и степени общественной опасности деяния.

Закон Республики Беларусь от 20.07.2006 № 165-З «О борьбе с коррупцией» указывает, что в установленном законодательными актами Республики Беларусь порядке государственным должностным и приравненным к ним лицам предоставляются гарантии и компенсации, связанные с ограничениями, установленными законодательными актами Республики Беларусь в сфере борьбы с коррупцией. Вместе с тем, несмотря на существенность предлагаемых в проекте ФЗ-2 ограничений для близких родственников государственных служащих, его положения не предусматривают каких-либо компенсаций или гарантий для супругов и их несовершеннолетних детей.

В п. 4 проекта ФЗ-2 предлагается еще одна представляющая интерес норма. Депутаты намерены ввести ограничения, в соответствии с которыми указанные в законе лица не вправе открывать вклад (депозит), счет в иностранном банке на территории иностранного государства, и (или) приобретать в собственность недвижимое имущество за границей, и (или) приобретать в собственность ценные бумаги иностранной компании *в течение трех лет после увольнения* (освобождения) с государственной или муниципальной службы. Очевидна направленность данного положения на ограничение коррупционных проявлений. Установление ограничений для чиновников после их увольнения также является достаточно распространенной мировой практикой. Вместе с тем его реализация также не должна нарушить конституционные права граждан, существенно ограничив воз-

можности государственных служащих и членов их семей по трудоустройству, выбору места жительства и т. п.

В целом, чтобы максимально эффективно достичь планируемого результата, внесение любых дополнительных ограничений и запретов требует глубокого анализа всех предпосылок и последствий. В ином случае это может повлечь такие негативные социальные последствия, как отток квалифицированных специалистов с государственной службы, снижение привлекательности и престижа государственной службы, расторжение браков с государственными служащими и др.

Список цитированных источников

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона, вносится депутатами Государственной Думы С.В. Железняком и И.В. Пономаревым [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew). – Дата доступа: 15.08.2012.

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон, 25.12.2008, № 273-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

3. Об утверждении Перечня должностей в организациях, находящихся в ведении Министерства финансов Российской Федерации, при назначении на которые и при замещении которых граждане обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей: Приказ Минфина России от 07.06.2012 № 75н (Зарегистрировано в Минюсте России 20.07.2012 №N 24967) // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

4. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

5. О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон, № 120809-6// КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

6. Директор ФСБ России подписал приказ, согласно которому сотрудники службы должны избавиться от имущества, зарегистрированного за границей [Электронный ресурс] / Федеральная служба безопасности Российской Федерации. – 2012. – Режим доступа: http://www.fsb.ru/fsb/comment/remark/single.html!id%3D10436494%40fsbComment.html. – Дата доступа: 16.08.2012.

7. Силовикам запретят иметь имущество за рубежом [Электронный ресурс] // Информационный портал о недвижимости. RealEstate. Новости. Законодательство. – 2012. – Режим доступа: http://www.realestate.ru/new.aspx. – Дата доступа: 15.08.2012.

8. Жириновский, В.В. Как служить России, когда дом, яхта и счет – за границей? В.В. Жириновский [Электронный ресурс] Блог Владимира Жириновского. – 2012. – Режим доступа: http://zhirinovski.livejournal.com/51456.html. – Дата доступа: 08.09.2012.

9. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 14.06.2003 N 204-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

10. О доверительном управлении принадлежащими отдельным государственным должностным лицам долями участия (акциями, правами) в уставных фондах коммерческих организаций: Указ Президента Респ. Беларусь от 17.03.2004 № 136 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

11. Конституция Российской Федерации ((принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

12. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

13. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 20 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

В статье автор критически анализирует основные положения двух законопроектов в сфере борьбы с коррупцией, внесенных в Государственную Думу Российской Федерации в 2012 году, в соотнесении их с действующими нормами законодательства Республики Беларусь. Очерчены основные вопросы, связанные с обоснованностью и законностью наличия у государственных служащих недвижимого имущества за границей, счетов в зарубежных банках и ценных бумаг иностранных компаний. На основании выявленных в рассмотренных законопроектах недостатков указаны возможные варианты совершенствования отечественного правового регулирования.

In the article a critical analysis of main norms of two legislative proposals in the sphere of anti-corruption activities, submitted to the Statu Duma of the Russian Federation in 2012, in comparison with acts in force in the Republic of Belarus. Some basic issues dealing with legality of state official's possession of immovable property and banks accounts abroad, and shares of foreign companies, are outlined. Having in mind the deficiencies discovered in the abovementioned legislative acts, the author points at some possible ways of enhancement of local legal regulations.

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Шилин Д. В.

Культурные ценности все более активно вовлекаются в хозяйственный оборот, поэтому они зачастую становятся предметом преступных посягательств (хищение, уничтожение, повреждение и пр.). Как и любой предмет преступления, культурные ценности должны быть четко описаны в УК либо в специальном законодательстве.

Понятие «культурные ценности» содержится в Законе Республики Беларусь от 04.06.1991 № 132-XII «Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь»: оно включает в себя созданные (преобразованные) человеком либо тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальные проявления творчества человека, которые имеют художественное, историческое, научное либо другое значение [1, арт. 1].

Очевидно, что данное понятие максимально обобщено. При этом какие-либо признаки, конкретизирующие его, в законодательстве не упоминаются.

Из понятия культурной ценности однозначно следует, что соответствующие предметы имеют непосредственное отношение к деятельности человека. Как правило, это предметы живописи, скульптуры, архитектуры, являющиеся результатом творчества человека, причинение вреда которым наносит ущерб общественной нравственности.

Однако достаточно ли таких неконкретизированных характеристик предмета для установления уголовно-правового запрета за посягательство на него?

Принципиальным моментом для уяснения содержания анализируемого понятия является признак «объекты, имеющие художественное, историческое, научное либо другое значение». На практике подобные характеристики устанавливаются экспертами, заключение которых зачастую может отличаться в отношении одного и того же предмета. В этой связи хрестоматийным стал следующий пример из правоприменительной практики.

В ходе таможенного контроля гр-ки П. была обнаружена икона Св. Николая Чудотворца. Согласно экспертному заключению она не представляла художественной значимости, поскольку являлась образцом дешевой массовой продукции конца XIX в. Однако эксперт указал, что с точки зрения законодательства о вывозе культурных ценностей икона имеет историческую ценность как предмет отечественного религиозного культа.

Прокурор отказал в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием субъективной стороны состава контрабанды культурной ценности. В постановлении он отметил, что само изделие имело малые размеры; металл недрагоценный; отливка низкого качества; какие-либо обозначения, указывающие на дату изготовления иконы, отсутствуют. Кроме того, по показаниям П., икона, которую она получила от матери, находится при ней постоянно, дорога как талисман и не ассоциируется с культурной либо исторической ценностью [2, с. 26–27].

Так что же реально подлежит уголовно-правовой охране под видом культурных ценностей?

В зависимости от правовой регламентации режима охраны в законодательстве выделяются следующие группы культурных ценностей:

историко-культурные ценности;

культурные ценности, представленные в установленном порядке для присвоения им статуса историко-культурных ценностей;

культурные ценности, составляющие Музейный и Библиотечный фонды Республики Беларусь;

иные культурные ценности (те, которые не являются историко-культурными ценностями, но обладают отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами) [1, арт. 35].

Историко-культурные ценности – это материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человечества (нематериальные историко-культурные ценности), обладающие отличительными духовными, художественными или документальными качествами и которым Правительством присвоен статус историко-культурной ценности. [3, арт. 1]. Уникальность таких предметов обусловила выделение законодателем наиболее опасных деяний в отдельные составы уголовных преступлений (невозвращение историко-культурных ценностей, их уничтожение, повреждение, а также надругательство над ними).

Объекты приобретают статус историко-культурной ценности после решения Правительства и внесения в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Для присвоения указанного статуса объект должен:

1) являться:

одним из факторов формирования национального менталитета;

ценным свидетельством существования исчезнувшей цивилизации;

эпическим произведением, созданным или существенно переосмысленным и видоизмененным народом Беларуси;

авторским произведением искусства, созданным на территории Беларуси или под влиянием белорусской истории, менталитета или других факторов;

выдающимся художественным произведением, созданным вне Беларуси;

материальным объектом, нематериальным проявлением творчества человека, особенностью образа жизни народа Беларуси;

отличительным или оригинальным результатом творческого или научно-технического эксперимента;

захоронением знаменитого человека, братской могилой воинов, жертв военных событий, вооруженных конфликтов, массовых репрессий;

традиционным топонимичным названием;

2) являться редким или выдающимся образцом:

созданной человеком окружающей среды;

использования в деятельности человека природных факторов;

сооружения или иного произведения, имеющего типичные свойства, характерные только для культуры народа Беларуси;

произведения народного искусства определенного исторического периода, региона или этнической группы;

решения хозяйственных, фортификационных и иных вопросов;

3) быть непосредственно связанным:

с событиями, идеями, убеждениями, оказавшими значительное влияние на ход исторического или духовного развития человечества и народа Беларуси;

жизнью и деятельностью выдающихся личностей мира и Беларуси;

4) считаться:

связанными с народными приданиями, легендами, народными обрядами;

материальными объектами, которые имеют отличительные свойства;

5) оказывать значительное влияние на развитие искусства, мировоззрение людей на территории отдельного региона или этнической группы;

6) содержать в себе неисследованный культурный слой [3, арт. 20].

Как правило, статус историко-культурной ценности присваивается материальным недвижимым объектам (историческим зданиям, памятникам, мемориальным комплексам и др.). На принадлежность объекта к культурному наследию указывает соответствующий информационный знак.

Вместе с тем обращает внимание оценочность критериев присвоения объекту статуса историко-культурной ценности, предопределяющая субъективизм при рассмотрении вопроса об отнесении предмета к культурному наследию. В целом, вопрос о критериях соответствия объекта статусу культурной ценности в юридической науке является дискуссионным. Например, М.М. Богуславский отмечает, что культурные ценности являются результатом творческой деятельности человека; имеют определенное историческое, художественное или научное значение; должны быть созданы более чем 50 (100) лет назад (временной критерий); стоимость, определение которой достаточно условно [4, с. 42].

Развивая данную мысль, Г.А. Русанов предложил основные и дополнительные критерии. Основными следует считать историческое, художественное или научное значение предмета в мировом либо региональном масштабе. Дополнительными критериями являются результаты творческой деятельности человека и временной критерий [5, с. 32–33].

В российской науке высказывается также иное мнение о ключевых признаках культурных ценностей. В частности, С.В. Богданчиков и Т.А. Диканова предлагают законодательно закрепить, что культурные ценности – это в том числе предметы, имеющие высокую рыночную стоимость [6, с. 97; 7, с. 41]. Отсутствие такого признака (например, применительно к контрабанде) приводит к борьбе не с организованной преступностью, а с частными лицами, вывозящими личные вещи, не имеющие никакой рыночной стоимости.

С другой стороны, совершенно очевидно, что ориентирование исключительно на рыночную стоимость объекта недопустимо и по причине колебания цен на достояния культуры в связи с перенасыщенностью рынка [7, с. 41, 61].

На наш взгляд, основным критерием отнесения предмета к историко-культурной ценности (равно как и признание культурной ценностью в целом) являются его особые художественные свойства, значимость для общественной нравственности. При этом ни о какой высокой стоимости предмета как основополагающего критерия признания его культурной либо историко-культурной ценностью не может быть и речи. Стоимость надлежит рассматривать как производную (следствие) культурологической значимости предмета, а не наоборот.

Правовой охране также подлежат культурные ценности, представленные в установленном порядке для присвоения им статуса историко-культурных ценностей. Речь идет о предметах, которые объективно соответствуют упомянутым выше критериям, однако соответствующее решение еще не принято компетентным органом.

Вместе с тем при квалификации посягательств на данные предметы могут возникнуть некоторые затруднения. О том, что в отношении определенного объекта решается вопрос о присвоении ему статуса историко-культурной ценности, как правило, осведомлен незначительный круг лиц (работники Министерства культуры и подчиненных органов). Иные лица объективно не могут сознавать, что причиняют вред особо охраняемым предметам.

В этой связи применение ст.ст. 344 и 345 УК об умышленном либо неосторожном причинении вреда материальным предметам, которые могут быть признаны историко-культурными ценностями, требует особого установления элементов субъективной стороны состава преступления, а именно осознания лицом того, что на момент совершения деяния эти предметы рассматривались компетентными органами как обладающие признаками историко-культурной ценности.

С другой стороны, причинение вреда таким предметам не исключает ответственности должностного лица в случае, когда установлен факт преднамеренного затягивания рассмотрения вопроса о включении объекта в список культурного наследия, повлекшее причинение существенного вреда государственным или общественным интересам в виде его разрушения или утраты исторической ценности.

Категорию «культурные ценности» образуют также объекты Музейного и Библиотечного фондов Республики Беларусь.

Музейный фонд Республики Беларусь представляет собой совокупность музейных предметов, постоянно находящихся в государственных или частных музеях и включенных в Музейный фонд на основе письменных заявлений либо согласия их собственников [8, арт. 21].

Библиотечный фонд Республики Беларусь образуют фонды библиотек различных форм собственности, взаимосвязанных системой депозитарного хранения и перераспределения документов, единым справочно-библиграфичным аппаратом [9, арт. 1]. Библиотечным фондам, содержа-

щим редкие документы, может быть присвоен статус историко-культурной ценности [9, арт. 22].

Если в отношении обоснованности включения Музейного фонда в культурное достояние Республики Беларусь все более менее ясно (его составляют предметы, олицетворяющие исторические события, уклад общественных отношений определенного периода, жизнь политических деятелей и пр.), то Библиотечный фонд может быть представлен экземплярами, не имеющими никакого отношения к истории и культуре в целом (например, современные произведения, изданные многочисленным тиражом). В этой связи возникает вопрос о том, насколько может осознавать лицо, которое не возвратило книгу в библиотеку, ее принадлежность к культурному достоянию, поскольку такое невозвращение может рассматриваться как хищение культурной ценности (в силу анализируемых установлений законодательства). При этом сложно предположить о содержании экспертного заключения по данному вопросу, поскольку не ясны критерии, по которым может быть сделан вывод о том, что невозвращенное издание относится к культурным ценностям.

Еще большее затруднение у правоприменителя может вызвать установление признаков культурной ценности четвертой группы: ***иные культурные ценности (те, которые не являются историко-культурными ценностями, но обладают отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами)***. Законодательно такие признаки не определены. Не уточняются также и критерии отнесения предметов к культурным ценностям указанной группы. Подобные оценочные категории условно допустимы, например, при инвентаризации (описи) объектов культурного наследия, в случае выявления предмета, объективно обладающего историко-культурными свойствами, однако невозможно его однозначно соотнести с каким-либо режимом правовой охраны.

Вместе с тем для целей установления и реализации ответственности необходим дуализм условий: 1) закрепленные в законодательстве критерии присвоения предмету статуса культурной ценности (ими руководствуется эксперт); 2) осознание лицом, посягающим на такие предметы, их особого правового статуса, обусловленного именно историко-культурными свойствами. Нарушение данного баланса приведет либо к объективному вменению (привлечению к ответственности лиц, которые не подозревали, что посягают на культурное наследие), либо к отказу в возбуждению уголовных дел за отсутствием состава преступления (в свою очередь, это приведет к росту посягательств ввиду безнаказанности за содеянное). Кроме того, особые культурологические свойства предмета должен осознавать и его собственник, чтобы обеспечить надлежащую сохранность культурной ценности.

Следует отметить, что ситуация с определением признаков культурных ценностей, защищаемых уголовным законом может приобрести еще большую актуальность при реализации нормы Модельного УК СНГ об ответственности за хищение культурных ценностей. Стоит отметить, что в

государствах таможенного союза (России и Казахстане) такая норма предусмотрена. Однако при ее реализации возникают некоторые вопросы процессуального характера.

Например, поступает запрос о выдаче лица, обвиняемого в хищении предметов, относящихся согласно законодательству третьего государства к культурным ценностям. Возможно ли отказать в запросе в случае, когда согласно критериям, применяемым в Республике Беларусь, такие предметы культурной ценностью не обладают?

По сути в такой ситуации будет отсутствовать предмет преступления, а следовательно, и состав преступного деяния. При этом эксперт может указать на то, что предметы, в посягательстве на которые обвиняется лицо, подлежащее выдаче, не имеют культурной ценности, а их стоимость незначительна. Тем самым деликт в отношении таких предметов следует разрешать в рамках иного процесса (гражданско-правового, административного), но не уголовного, либо, учитывая незначительную стоимость предмета, дело о его похищении может быть возбуждено не иначе как в порядке частного обвинения.

На этом основании, а также исходя из норм международных договоров о правовой помощи, действующих в рамках СНГ, Республика Беларусь вправе отказать в выдаче запрашиваемого лица, ссылаясь на то, что преступление в соответствии с законодательством запрашиваемой стороны преследуется по заявлению потерпевшего [10, ст. 89].

В выдаче может быть отказано и на основании императивных предписаний ст. 484 УПК. В ней указано, что просьба органа иностранного государства, содержащая положение о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования или отбывания наказания, не исполняется, если лицо, в отношении которого поступила такая просьба, не подлежит привлечению к уголовной ответственности в соответствии с УК.

Проблемы аналогичного порядка до сих пор не решены и в сфере определения стоимости культурной ценности, контрабандно перемещаемой через таможенную границу Республики Беларусь. Действующий уголовный закон предусматривает явно завышенный размер стоимости культурной ценности для целей возбуждения уголовного преследования (2 000 базовых величин). Как результат, за последнее десятилетие уголовные дела по факту контрабанды культурных ценностей не возбуждались.

Отсутствие четких критериев для признания объекта культурной ценностью непосредственно связано с вопросом о методике оценки вреда (ущерба), причиненного преступлением. Например, как отмечается в юридической литературе, если посягательство совершено в отношении археологических ценностей, то оценить причиненный вред сложно по причине отсутствия методики его оценки в денежном выражении в связи с их утратой, уничтожением или хищением [11, с. 15].

Таким образом, анализ законодательства не позволяет определить четкие признаки культурной ценности как предмета гражданского оборота. Очевидно, что основанием отнесения объекта к культурному достоянию является не его стоимость, а особое художественное, историческое, научное либо иное значение. Такой подход вполне приемлем для «инвентаризации» культурного достояния (т. е. распространения режима правовой охраны на выявляемые объекты) и контролируемого обладания им.

Однако для целей уголовной ответственности необходимо четкое представление о предмете посягательства, его особых свойствах и объективной возможности являться частью культурного наследия. Данные признаки должны осознаваться не только экспертом при определении особой ценности объекта для культуры, но и для лица, которое приобретает право на такое имущество (в том числе противоправным способом) либо совершает в отношении него какие-либо действия, влекущие юридические последствия.

Список цитированных источников

1. Аб культуры у Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 4 чэрв. 1991 г., № 832-XII: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 31.12.2009: з змян. і дап., уступ. у сілу ад 04.05.2012 / КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. Клебанов, Л.Р. Соблюдение принципа вины при квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности / Л.Р. Клебанов // Уголов. право. – 2009. – № 1. – С. 23–29.

3. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны: Закон Рэсп. Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-З: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 28.12.2009: з змян. і дап., уступ. у сілу ад 08.05.2012 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

4. Богуславский, М.М. Судьба культурных ценностей / М.М. Богуславский. – М.: Юристъ, 2006. – 206 с.

5. Русанов, Г.А. Понятие «культурных ценностей» и критерии отнесения предмета к культурным ценностям в науке уголовного права / Г.А. Русанов // Рос. юстиция. – 2008. – № 4. – С. 31–33.

6. Богданчиков, С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности / С.В. Богданчиков; под ред. Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 239 с.

7. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с посягательствами на культурные ценности / [Т.А. Диканова и др.]; Науч.-исслед. ин-т. – М.: НИИ Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2010. – 172 с.

8. Аб музеях і Музейным фондзе Рэспублікі Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 12 снеж. 2005 г., № 70-З: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 03.07.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

9. Аб бібліятэчнай справе ў Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 22 сак. 1995 г., № 3680-XII: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 10.07.2012 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

10. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 7 окт. 2002 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

11. Шостак, Г. Охрана историко-культурного наследия: итоги прокурорской проверки неутешительны / Г. Шостак // Законность и правопорядок. – 2012. – № 1. – С. 14–17.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

В действующем законодательстве недостаточно четко определены критерии отнесения материальных объектов к культурным ценностям. В то же время для целей применения уголовной ответственности либо освобождения от нее необходимо установление признаков предмета преступления.

В статье анализируются понятие, признаки и виды культурных ценностей. Отмечается неконкретизированность оснований признания объекта культурной ценностью, наделение законом должностных лиц, принимающих соответствующее решение, неоправданно широкими дискреционными полномочиями.

Законодательная неопределенность по данному вопросу создает трудности при уголовно-правовой квалификации посягательств на культурные ценности, поскольку не в полной мере позволяет отграничить культурные ценности от обычного имущества, определить целесообразность уголовного преследования в зависимости от размера имущественного ущерба, установить особенности субъективной стороны посягательств на культурные ценности в целях недопущения объективного вменения.

Автор предлагает решить указанную проблему посредством закрепления в законодательстве критериев присвоения объекту статуса культурной ценности.

In the current legislation criteria of attribution of the material objects to cultural values are not clearly defined. But for the aims of application of criminal liability or exemption from it, it is necessary to indentify features of the object of crime. In the article the author analyzes the notion, features and forms of cultural values. It notes absence of specific grounds of recognition of objects as cultural values, allotment of officials that make relevant decisions with unjustified discretionary powers.

Legislative uncertainty on this matter creates difficulties in criminal and legal qualification of infringement on cultural values, because it does not fully make it possible to delimit cultural values from usual property, to define expediency of criminal prosecution depending on the size of a property damage, and to establish features of intention in offence on cultural values in order to prevent objective imputation.

The author proposes to solve the described problem by means of fixing in the legislation criteria of assignment to object the status of cultural value.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПОВОДЫ К ВОЗБУЖДЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Букато Л. Г.

Правовое регулирование стадии производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам (разд. XIII Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)) свидетельствует о выделении в структуре данной стадии двух самостоятельных последовательных этапов. Моментом начала первого (досудебного) этапа в соответствии с УПК (ст. 420) является момент возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Ввиду того, что именно наличие досудебного этапа в структуре рассматриваемой стадии является важной особенностью, ее характеризующей, правовое регулирование порядка возбуждения производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам нуждается в системном анализе. В числе наиболее дискуссионных вопросов, требующих своего первоочередного исследования, находится и вопрос, обозначенный в качестве темы данной статьи.

Решение о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам принимается при наличии предусмотренного законом повода для этого. Поводами к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с УПК служат заявления граждан, сообщения должностных лиц, государственных органов, иных организаций, а также данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства других уголовных дел (ч. 2 ст. 420). Тождественные или сходные нормы содержатся в уголовно-процессуальных кодексах многих государств – участников СНГ (УПК Республики Казахстан (ч. 2 ст. 474), УПК Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 387), УПК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 419), УПК Республики Узбекистан (ч. 2 ст. 524)), а также Туркменистана (ч. 2 ст. 501), являющегося ассоциированным членом СНГ [1]. УПК, как и кодексы иных государств – участников СНГ, используя понятие «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, не дает его законодательного определения, что порождает дискуссии относительно приведенного в уголовно-процессуальных кодексах перечня таких поводов.

В литературе также не выработано единого определения понятия «повод» и их классификации. Так, встречаются такие определения термина «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам: «источники сведений о незаконности или необоснованности приго-

вора либо иного решения, вступившего в законную силу» [2, с. 14], «источники информации, из которых прокурор получает сведения о признаках незаконности и необоснованности вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда» [3, с. 126]. По своей сути поводом к рассмотрению вопроса (принятию решения) о необходимости возбуждения производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам является любой источник информации о наличии по уголовному делу вновь открывшихся обстоятельств, при этом представляется неверным указывать на то, что данный источник является источником сведений о незаконности и (или) необоснованности приговора (аналогичная точка зрения высказана А.С. Кобликовым [4, с. 12]). Дело в том, что именно в ходе производства по вновь открывшимся обстоятельствам устанавливается, что данные обстоятельства являются основаниями возобновления производства по уголовному делу, например, определяется, повлекли ли вновь открывшиеся обстоятельства вынесение незаконного судебного постановления (высняется причинная связь, являющаяся обязательным условием признания вновь открывшихся обстоятельств основаниями возобновления производства по уголовному делу). В данном контексте верным представляется замечание О.Н. Сычевой, указывающей, что с практической точки зрения свойство абсолютной истинности приговор теряет только будучи отмененным в законном порядке [5, с. 12]. Представляется, что в данном случае следует говорить об источнике сведений о наличии по уголовному делу вновь открывшихся обстоятельств. Аналогичная точка зрения, к примеру, высказана М.К. Белобабченко [6, с. 19].

Как видится, существующая в УПК формулировка перечня поводов к возбуждению производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам слишком расплывчата, что «усиливает неопределенность и без того сложной процессуальной процедуры» [7, с. 80]. Так, анализ ч. 2 ст. 420 УПК приводит к выводу о том, что поводами к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам являются заявления любых граждан, в том числе не являющихся участниками процесса по уголовному делу, по которому имеется вступившее в законную силу судебное постановление. Следует отметить, что УПК РСФСР 1922 г. (ч. 1 ст. 381) и УПК РСФСР 1923 г. (ч. 1 ст. 376) предусматривалось, что о пересмотре обвинительного приговора по вновь открывшимся обстоятельствам может ходатайствовать прокуратура, осужденный, его защитник, его родственники и те профессиональные и общественные организации, в которых осужденный состоял или состоит. В ч. 1 ст. 395 УПК БССР 1960 г. указывалось, что заявления граждан, сообщения учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц о вновь открывшихся обстоятельствах направляются прокурору. При этом ни в ч. 1 ст. 381 УПК РСФСР 1922 г., ни в ч. 1 ст. 376 УПК РСФСР 1923 г., ни в ч. 1 ст. 395 УПК БССР 1960 г. понятие «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам не ис-

пользовалось (вместе с тем, такое понятие было дано, например в комментарии к УПК БССР 1960 г.) [8, с. 460].

В научной литературе за приведение исчерпывающего перечня субъектов, имеющих право ходатайствовать о возбуждении производства, выступал И.Б. Стерник [9, с. 8]. П.Ф. Пашкевич указывал, что «нужно оградить приговор, вступивший в законную силу, от многочисленных необоснованных жалоб, которые зачастую пишут как сами осужденные, так и их родственники, друзья, другие лица, не являющиеся сторонами в процессе, часто не знающие материалов дела и не имеющие права на подачу кассационной жалобы, но почему-то не ограниченные в праве на обжалование приговора, вступившего в законную силу» [10, с. 145]. Однако чаще всего процессуалистами высказываются мнения о необходимости расширения перечня поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, в том числе, посредством включения в число поводов сообщений в средствах массовой информации, явки с повинной и т. п. [2, с. 14–20; 3, с. 127; 6, с. 20; 11, с. 80]. С данными мнениями, полагаем, нельзя согласиться по следующим основаниям. Специфика рассматриваемой стадии процесса в контексте презумпции истинности судебного постановления (нашедшей свое выражение в УПК путем закрепления принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела), ее исключительный, «экстраординарный» (О.Н. Сычева) характер, должны обуславливать полную определенность ее правового регулирования. Кроме того, представляется, что в УПК стадия производства по вновь открывшимся обстоятельствам должна быть урегулирована по аналогии со стадией надзорного производства, учитывая сходные особенности двух стадий. Несмотря на это, как показывает анализ структурных элементов УПК, регулирующих порядок надзорного производства и производства по вновь открывшимся обстоятельствам, правовое регулирование стадии надзорного производства является более конкретным, участникам этой стадии процесса предоставлено больше правовых гарантий.

Регулируя стадию надзорного производства, законодатель, например ограничивает круг лиц, обладающих правом обращения с жалобой о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления (с жалобой в порядке надзора), в то же время устанавливая широкий круг лиц, имеющих право подавать заявления о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, практически дублируя перечень данных УПК поводов к возбуждению уголовного дела (ст. 166 УПК). Следовательно, на практике, несмотря на наибольшую усложненность процедуры производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам в сравнении с надзорным производством, проще подать заявление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, чем жалобу в порядке надзора, так как в данном случае дополнительные препятствия, в том числе ограниченный круг лиц, отсутствуют. Как представляется, такая ситуация является недопустимой, поэтому необходимо в УПК закрепить такой закрытый перечень источников информации о наличии по уголовному делу вновь открывшихся

обстоятельств (поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам), который будет толковаться буквально. Кроме того, формулировка ч. 2 ст. 420 УПК должна, как минимум, соответствовать по своему содержанию ч. 1 ст. 408 УПК, устанавливающей круг лиц, обладающих правом обращения с жалобой о пересмотре приговоров, определений, постановлений (жалобой в порядке надзора).

В контексте рассматриваемой проблемы нуждаются в анализе упомянутые выше точки зрения о необходимости включения в перечень поводов к возбуждению производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам сообщений, размещенных в средствах массовой информации, и явки с повинной.

Проблема отнесения явки с повинной к числу поводов к возбуждению производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам возникает применительно к ситуации, когда в таком источнике сообщается о сведениях, которые могут быть отнесены к иным вновь открывшимся обстоятельствам (п. 4 ч. 2 ст. 418 УПК). Так, если лицо сообщает о ложности своих показаний, данных в ходе производства по уголовному делу, то при наличии необходимых оснований в отношении данного лица возбуждается уголовное дело и проводится предварительное расследование, так как обстоятельства, указанные в п.п. 1–3 ч. 2 ст. 418 УПК, могут являться основаниями возобновления производства по уголовному делу лишь в случае установления их вступившим в законную силу приговором суда. Кроме того, в случае, когда такие обстоятельства найдут свое подтверждение в приговоре или ином судебном постановлении, именно приговор и установленные им обстоятельства будут являться основанием для возбуждения производства по уголовному делу и проведения проверки и (или) расследования в целях установления того, повлекли ли данные действия (бездействия) вынесение незаконного судебного постановления.

Вопрос о целесообразности включения явки с повинной в число поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, являющимся основаниями возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 418 УПК, может быть разрешен путем анализа конкретного примера таких обстоятельств: в явке с повинной лицо сообщает о совершении им преступления, за совершение которого осужден другой человек. Формально, данная ситуация полностью охватывается п. 4 ч. 2 ст. 418 УПК, вместе с тем одного сообщения (явки с повинной) о совершении преступления недостаточно для возбуждения производства по иным вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному делу, по которому имеется вступившее в законную силу судебное постановление. Дело в том, что сведения, о которых сообщается лицом, явившимся с повинной, должны быть проверены до момента возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам посредством проведения всего комплекса следственных и иных процессуальных действий. Вместе с тем наличие вступившего в законную силу приговора суда, истинность которого пре-

зюмируется, делает невозможным выполнение такой работы в полном объеме. Данный вывод, к примеру, следует из обусловленной наличием вступившего в законную силу судебного постановления невозможности совершения в ходе производства по вновь открывшимся обстоятельствам всех процессуальных действий и принятия всего объема, предоставляемого УПК, процессуальных решений. Так, не может в ходе производства по вновь открывшимся обстоятельствам избираться мера пресечения, так как до отмены судебного постановления какие-либо меры процессуального принуждения, в том числе и меры пресечения, применяться не могут.

Таким образом, в рассматриваемом случае явки с повинной прокурор должен возбудить уголовное дело в отношении явившегося с повинной лица и провести расследование (организовать его проведение). При условии, что в ходе такого расследования будет установлена истинность явки с повинной, появится возможность возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам прокурором на основе данных, полученных в ходе предварительного расследования.

Рассуждая о целесообразности включения в перечень поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам сообщений, размещенных в средствах массовой информации, необходимо отметить следующее. Специфика рассматриваемой стадии процесса, учитывая предположение о том, что судебное постановление было вынесено на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, не допускает принятия произвольных, основанных лишь на домыслах решений о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам [12, с. 23]. В связи с этим, не могут сообщения, содержащиеся в средствах массовой информации, являться безусловным поводом к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Такие сообщения могут быть основанием для проведения проверки и принятия по ее итогам решения о возбуждении уголовного дела, а затем при соблюдении всех необходимых условий решения о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

Поводом к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с УПК являются также сообщения должностных лиц, государственных органов, иных организаций. Данные источники информации также не могут являться безусловным поводом к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам: они должны быть проверены и оценены прокурором до возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному делу, по которому имеется вступившее в законную силу судебное постановление, истинность которого презюмируется (иной точки зрения придерживается Б. С. Тетерин [11, с. 82]). Представляется, что такие сообщения должны направляться прокурору, который вправе самостоятельно принять решение о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, вследствие чего целесообразно вообще исключить указанные сообщения

из перечня поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Аналогичным образом могут быть исключены из перечня поводов и данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства других уголовных дел. Дело в том, что информация, на основе которой может быть принято решение о возбуждении производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам, полученная в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства органом, ведущим уголовный процесс, должна быть направлена прокурору, уполномоченному на осуществление надзора за соответствием закону вынесенного судебного постановления, для принятия им соответствующего решения. Следовательно, закрепляя данный повод к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, законодатель приводит лишь один из многочисленных источников информации о вновь открывшихся обстоятельствах. Как видится, объединив некоторые указанные в ч. 2 ст. 420 УПК и проанализированные выше поводы к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам на основе критерия обязательности их направления прокурору, можно существенно упростить формулировку данного структурного элемента. Так, основываясь на обусловленном законом праве прокурора самостоятельно возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам, можно утверждать, что прокурор вправе при поступлении к нему соответствующей информации (то есть, заявлений иных граждан, сообщений должностных лиц, государственных органов, иных организаций, данных, полученных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства иных уголовных дел и т. д.) возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ввиду приведенных рассуждений, представляется, что правом обращения с заявлением о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам обладают: осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого производство по уголовному делу прекращено, их законные представители и защитники, а также потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, законный представитель потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, право подавать заявление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам принадлежит членам семьи потерпевшего, его близким родственникам или законным представителям, в том числе тем, которые не были наделены правами и обязанностями потерпевшего посредством вынесения органом, ведущим уголовный процесс, постановления (определения) о признании их потерпевшими.

Следует отметить, что анализ уголовных дел, по которым органами, ведущими уголовный процесс, осуществлялось производство по вновь открывшимся обстоятельствам, свидетельствует о том, что заявления о воз-

буждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам на практике подаются обозначенными выше участниками процесса.

С учетом всего изложенного, можно сделать вывод о том, что формулировка ч. 2 ст. 420 УПК нуждается в изменении. Прежде всего, необходимо рассмотреть возможность исключения из ч. 2 ст. 420 УПК термина «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, что не повлечет каких-либо негативных последствий для правоприменителя, а напротив, упростит толкование рассматриваемого структурного элемента кодекса. Кроме того, следует определить конкретный круг лиц, имеющих право обращаться с заявлением о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, и закрепить право прокурора возбуждать производство по вновь открывшимся обстоятельствам при поступлении к нему соответствующей информации (сообщений в средствах массовой информации, сообщений должностных лиц, государственных органов, иных организаций, а также данных, полученных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства других уголовных дел).

Представляется, что чч. 1 и 2 ст. 420 УПК могут быть объединены и сформулированы таким образом:

«1. Прокурор вправе возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам по своей инициативе либо по заявлению осужденного, оправданного, лица, в отношении которого производство по уголовному делу прекращено, их законных представителей и защитников, а также потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, законных представителей потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, право подавать заявление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам принадлежит членам семьи потерпевшего, его близким родственникам или законным представителям, в том числе тем, которые не были наделены правами и обязанностями потерпевшего посредством вынесения органом, ведущим уголовный процесс, постановления (определения) о признании их потерпевшими.».

Следует отметить, что подобным образом перечень поводов определен в уголовно-процессуальных кодексах Азербайджанской Республики (ст. 464.1), Республики Молдова (ч. 2 ст. 460), Республики Польша (§ 1 art. 542). Как видится, такая формулировка будет способствовать соблюдению презумпции истинности вступившего в законную силу судебного постановления, стабильности судебных постановлений, а следовательно, и укреплению авторитета судебной власти.

Список цитированных источников

1. СоюзПравоИнформ. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2012.

2. Анашкин, Г.З. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Г.З. Анашкин, И.Д. Перлов. – М.: Юрид. литература, 1982. – 80 с.

3. Громов, Н.А. Вновь открывшиеся обстоятельства в уголовном процессе / Н.А. Громов. – М.: Спарк, 1999. – 220 с.

4. Кобликов, А. Процессуальные вопросы, возникающие в стадии возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам / А. Кобликов // Советская юстиция. – 1967. – № 8. – С. 12–13.

5. Сычева, О.Н. Презумпция истинности приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.Н. Сычева; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2008. – 31 с.

6. Белобабченко, М.К. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе: автореф. … дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.К. Белобабченко; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1988. – 25 с.

7. Белобабченко, М.К. Жалоба как повод к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам / М.К. Белобабченко // Сб. науч. тр. / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – М., 1987. – Вып. 40: Проблемы совершенствования советского законодательства. – С. 76–82.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / С.П. Бекешко [и др.] ; под общ. ред. А.А. Здановича. – Минск: БГУ, 1973. – 504 с.

9. Стерник, И.Б. Пересмотр приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам / И.Б. Стерник // Социалистическая законность. – 1947. – № 6. – С. 6–9.

10. Пашкевич, П.Ф. Стабильность законного и обоснованного приговора, ее значение и проблема правового обеспечения / П.Ф. Пашкевич // Сб. науч. тр. / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – М., 1986. – Вып. 32–33: Проблемы совершенствования советского законодательства. – С. 138–145.

11. Тетерин, Б.С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе / Б.С. Тетерин. – М.: Госюриздат, 1959. – 115 с.

12. Алиев, Т.Г. Принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу / Т.Г. Алиев, В.О. Белоносов, Н.А. Громов // Российский судья. – 2003. – № 7. – С. 18–24.

Дата поступления статьи – 19.09.2012.

В статье анализируется один из аспектов правового регулирования порядка возбуждения производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам, а именно: перечень поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, закрепленный в ч. 2 ст. 420 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. На основе анализа законодательства, в том числе зарубежного, научной и учебной литературы автором дано определение понятия «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, а также определен круг участников процесса, имеющих право подавать заявления о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Сформулированные в ходе исследования выводы представлены в виде конкретных предложений, направленных на совершенствование действующего уголовно-процессуального закона.

The article examines one aspect of the legal regulation of the order of commencement of proceedings on newly discovered evidence, specifically the list of reasons for commencement of proceedings on newly discovered evidence, provided in part 2 of article 420 of the Code of Crim-

inal Procedure of the Republic of Belarus. Based on the analysis of legislation, also from abroad, scientific and educational literature, a definition of the concept "reason" for commencement of proceedings on newly discovered evidence is given and the list of the participants in proceedings who have the right to submit a petition for commencement of proceedings on newly discovered evidence is defined by the author. Formulated during the research findings are presented in the form of specific proposals aimed at improving the existing criminal procedure law.

ОСУЖДЕННЫЙ ПО ВЫДЕЛЕННОМУ ДЕЛУ ЯВЛЯЕТСЯ СВИДЕТЕЛЕМ ПО ОСНОВНОМУ

Винницкий Л. В., Кубрикова М. Е.

Вопрос о возможности и порядке допроса лица, осужденного по выделенному уголовному делу, при рассмотрении основного дела в отношении других соучастников является дискуссионным в науке уголовного процесса и на практике вызывает определенные сложности.

В настоящее время следователь согласно п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ вправе выделить из основного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

При этом согласно ч. 2 ст. 154 УПК РФ выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, в случаях, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов.

В соответствии с ч. 5 ст. 154 УПК РФ материалы уголовного дела, выделенного в отдельное производство, допускаются в качестве доказательств по данному уголовному делу. Исходя из этого, Н.П. Кириллова справедливо отмечает, что показания, данные на стадии предварительного расследования лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, могут иметь принципиальное значение по делу его соучастников. Но как использовать эти показания в суде над его соучастниками? Будет ли это лицо допрошено в суде по основному делу? Если будет, то в качестве какого участника процесса? [1]

Данный вопрос поднимался и на межвузовском круглом столе «Согласительные процедуры в российском уголовном процессе», проведенном 17.02.2010 на кафедре уголовного процесса Тюменского юридического института МВД России. Принимавшая в нем участие Е.К. Черкасова отметила, что если подозреваемый (обвиняемый), заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, по основному делу будет выступать в качестве свидетеля, то, следовательно, он должен предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, хотя сам участвовал в

данном преступлении. В свою очередь, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент Н.В. Кривощеков указал, что подозреваемым (обвиняемым) или подсудимым он быть не может, т. к. данный статус у него приобретается в выделенном уголовном деле, значит, в основном деле он должен быть свидетелем. А.Н. Тарасов подтвердил, что подозреваемый (обвиняемый) в данном случае будет выступать свидетелем, при этом у него остается право не свидетельствовать против себя [2].

Однако следует заметить, что согласно ч. 1 ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против самого себя, в том числе и свидетель в силу п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ вправе отказаться свидетельствовать против себя (независимо от своего прежнего процессуального статуса).

Некоторые ученые не признают необходимости участия осужденного в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастника. Так, С.А. Тумашов предлагает приобщать к материалам уголовного дела выписку из протокола судебного заседания с показаниями осужденного, которые имеют отношение к выделенному делу, а также копию приговора по тому же делу. По его мнению, указанные материалы могут быть использованы в качестве такого источника доказательств, как «иные документы» [3].

Полагаем, что такая позиция противоречит действующему законодательству. Так, согласно подпункту «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления вправе «допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него» [4].

Согласно прецедентной практике Европейского Суда по правам человека: «… эти права требуют, чтобы подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дает против него свидетель, задавать ему вопросы, когда получены показания или на более поздней стадии разбирательства … Осуждение не может быть основано исключительно или в решающей степени на показаниях свидетеля, которого обвиняемый не мог допросить или который не был допрошен на предварительном следствии или в судебном заседании» [5].

Так, в своем постановлении от 14.01.2010 по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации (жалоба № 23610\03) Европейский Суд указал, что «…если показания могут в существенной степени служить основой для признания вины, независимо от того, даны ли они свидетелем в строгом смысле или сообвиняемым, они являются доказательством обвинения, к которому применяются гарантии, предусмотренные пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции» [6].

Таким образом, по общему правилу все показания, на основании которых строится обвинение, должны быть получены в присутствии обвиняемого в ходе публичных слушаний с учетом принципа состязательности.

Право на защиту требует, чтобы обвиняемому была предоставлена достаточная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля обвинения и задать ему вопросы.

На момент рассмотрения основного уголовного дела в отношении соучастников выделенное дело уже, как правило, рассмотрено в суде и вынесен по нему приговор. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 06.10.2011 № 25-О11-11 указала, что судья в ходе рассмотрения уголовного дела в особом порядке «обязан проверять обоснованность предъявленного обвинения, с которым согласился подсудимый, а также оценивать достаточность доказательств, содержащихся в материалах, позволяющих суду сделать вывод о его виновности в совершенном преступлении, и, наконец, квалифицировать действия виновного с учетом предъявленного обвинения» [7].

В связи с чем Н.П. Кириллова отмечает, что, располагая приговором, вынесенным в упрощенном порядке, суд может признать его имеющим преюдициальное значение при рассмотрении дела соучастников, положить его в основу вынесенного им приговора. При упрощенном порядке судебного разбирательства доказательства непосредственно не исследуются. Возрастает риск оговора со стороны лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и, соответственно, судебной ошибки [8].

По мнению С. Афанасьева, в соответствии с процессуальным законом подсудимые по основному делу будут осуждены на основании доказательств, добытых следствием и не проверенных в судебном заседании, но получивших качество преюдициальных [9].

По нашему мнению, указанные выше доводы также не основаны на законе. Согласно ст. 90 УПК РФ вступивший в законную силу приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Кроме того, принятое в целях обеспечения единства судебной практики Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 28.06.2012 в п. 28 особо закрепляет, что вступивший в законную силу приговор, постановленный в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может предрешать вопрос о виновности соучастников, совершивших преступление совместно с таким лицом [10].

Таким образом, представляется, что преюдиция вступившего в законную силу приговора касается лишь события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) и виновности конкретного лица (лица, в отношении которого дело выделено в отдельное производство), совершившего преступление в соучастии. Подсудимые по основному делу в приговоре по выделенному делу будут называться «неустановленными лицами».

Большинство ученых-процессуалистов в целях соблюдения принципа непосредственности и устности судебного разбирательства справедливо полагают, что участие осужденного в судебном рассмотрении основного дела в

отношении соучастников обязательно. Так, Э. Купцова предлагает допрашивать осужденного, отбывающего наказание, по правилам допроса подсудимого и предоставлять ему возможность пользоваться аналогичными правами в ходе судебного разбирательства [11]. Такого же мнения придерживается Д.В. Дробинин, полагающий, что «…осужденный продолжает быть лицом, заинтересованным в исходе дела, а поэтому должен обладать всем объемом предоставленных обвиняемому прав» [12]. Однако, Н.Ф. Воронина и С.Э. Воронин обоснованно, на наш взгляд, указывают, что «подобное предполагает наделение осужденного правом представлять и требовать исследования доказательств его виновности (или невиновности) в судебном заседании (поскольку соответствующее правомочие имеет подсудимый), что противоречит установленным в законе пределам судебного разбирательства, в рамках которого уголовное дело рассматривается только в отношении подсудимых по делу. Кроме того, такой порядок участия осужденного в рассмотрении выделенного в отношении соучастника преступления уголовного дела влечет нарушение известного процессуальной науке правила «non bis in idem» – нельзя судить дважды за одно и то же деяние»[13].

В 1979 году Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала следующее: *«Суд обоснованно вызвал и допросил в качестве свидетелей осужденных Б. и Г., поскольку они могли дать показания об обстоятельствах, имеющих значение по делу, а уголовно-процессуальный закон не запрещает допрос в судебном заседании ранее осужденных лиц при разбирательстве в отношении их соучастников дела, выделенного в отдельное производство. Однако привлечение таких лиц в случае отказа их от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний к уголовной ответственности не вытекает из требований уголовного и уголовно-процессуального закона. Свидетель обязан дать правдивые показания об известных ему каких-либо обстоятельствах, подлежащих установлению по делу. Сообщаемые свидетелем сведения касаются других лиц и обстоятельств, непосредственно не связанных с его (свидетеля) личностью. Процессуальное положение свидетеля, как правило, не оказывает влияния на его отношение к делу и не отражается на других факторах, влияющих на достоверность показаний. Иное процессуальное положение лица, ранее осужденного, когда это лицо допрашивается по делу соучастника преступления, выделенному в отдельное производство. Хотя такое лицо допрашивается судом по правилам допроса свидетеля, однако таковым оно не является. Сообщаемые им сведения по обстоятельствам, подлежащим установлению, касаются не только лица, о котором рассматривается дело, но и определенным образом затрагивают его личные интересы. Сам по себе факт решения вопроса об уголовной ответственности осужденного не во всех случаях устраняет его заинтересованность в исходе дела в отношении соучастника преступления, которое по указанным выше обстоятельствам рассматривается самостоятельно. Обвиняемым является не только лицо, в отношении которого вынесено поста-*

новление о привлечении в качестве обвиняемого, но и лицо преданное суду, именуемое подсудимым, а также и лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуемое осужденным. А в соответствии с уголовно-процессуальным законом обвиняемый не несет уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний» [14].

В настоящее время на практике лица, в отношении которых дело выделено в отдельное производство, допрашиваются в качестве свидетелей по основному делу в отношении соучастников. Например, приговоры Верховного Суда Республики Татарстан по уголовному делу № 2-33/2010 в отношении Хусаенова А.М., и иных членов банды и по делу № 2-71/2011 в отношении Моисеева В.В., входившего в состав преступной группы [15].

Полагаем, что допрос в качестве свидетеля по основному делу лица, уже осужденного по выделенному делу, является вполне обоснованным. Свидетель – это в силу ч. 1 ст. 56 УПК РФ лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Отсюда возникает вопрос, необходимо ли предупреждать лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний при допросе его в качестве свидетеля в ходе судебного разбирательства по основному делу?

Европейский Суд по правам человека в постановлении от 24.07.2008 по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 41461/02) особо отметил, что «… положение сообщников, дающих показания, отличается от положения обычных свидетелей. Они не дают показаний под присягой, то есть правдивость их сведений не имеет никаких гарантий, позволяющих привлечь их к ответственности за умышленную дачу ложных показаний»[16].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2010 № 50-О10-41сп указала, что в судебном заседании суд не предупреждал об ответственности за отказ и дачу заведомо ложных показаний допрошенных в качестве свидетелей лиц, так как ранее они являлись подсудимыми [17].

Фойницкий И.Я. писал, что случаи необходимости допроса обвиняемых, выбывших из дела вследствие постановления о них необжалованного приговора, имеют место преимущественно при разбирательстве в апелляционной инстанции, но они возможны и в первой ступени суда. Сенат неоднократно признавал, что если дело прекращено за отсутствием улик (1867/743, Юдина) или имеются такие соучастники, о которых уже состоялся неподлежащий обжалованию приговор, обвинительный или оправдательный, то они допрашиваются в качестве свидетелей, но во всяком случае без присяги, хотя бы даже против них не было предъявлено отвода (1874/442, Максименковых; 1875/100, Малейкина; 1878/39, Галушки); показания их, данные на предварительном следствии, могут быть прочитаны

(1879/50, Андерсона). Но, кроме того, по отношению к ним должно быть особенно рекомендовано точное соблюдение ст. 772 УУС, и их следует предупреждать о праве не отвечать на вопросы, уличающие их самих в каком-либо преступлении [18].

Предположим ситуацию, когда в судебном заседании по основному делу перед допросом в качестве свидетеля осужденного мы не будем предупреждать его об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, так как ранее по данному делу (до выделения в отдельное производство) лицо являлось подозреваемым (обвиняемым) и, следовательно, обладало всеми правами подозреваемого и обвиняемого, в том числе правом отказаться от дачи показаний. Данная возможность может показаться, на первый взгляд, вполне обоснованной. Однако возникает вопрос, можно ли признать такие показания свидетеля допустимым доказательством по делу согласно действующему законодательству?

Так, в настоящее время порядок допроса свидетеля строго регламентирован. Ч. 2 ст. 278 УПК РФ закрепляет, что перед допросом председательствующий устанавливает личность свидетеля, выясняет его отношение к подсудимому и потерпевшему, разъясняет ему права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, о чем свидетель дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания.

В силу требований ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Федерального закона.

При этом ч. 1 ст. 75 УПК РФ предусматривает, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В связи с чем, Балакшин В.С. совершенно обоснованно, по нашему мнению, указывает, что «… ни сведения, ни источники этих сведений законодатель не признает доказательствами, если они получены … с нарушением порядка, установленного законом…» [19].

Отсюда следует вывод, что если в судебном заседании по основному делу перед допросом в качестве свидетеля осужденного мы не будем предупреждать его об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, то данные им в качестве свидетеля показания в суде по основному делу будут являться согласно действующему законодательству недопустимым доказательством, и суд не вправе будет положить их в основу приговора.

Таким образом, полагаем, что обозначенная нами проблема требует законодательной регламентации – внесения изменений в УПК РФ. На наш взгляд, можно дополнить ст. 278 УПК РФ частью седьмой: «7. *Лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство и заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, по основному делу допра-*

шивается в качестве свидетеля в порядке, предусмотренном настоящей статьей. При этом он предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, а также ему разъясняются положения ст. 63.1 УК РФ и ст. 317.8 УПК РФ.».

При этом в случае, если установлено, что лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд в силу требований ст. 63.1 УК РФ назначает ему наказание в общем порядке без применения положений ч. 2, 3 и 4 ст. 62 УК РФ, касающихся срока и размера наказания, и ст. 64 УК РФ.

Кроме того, согласно ст. 317.8 УПК РФ, если после назначения подсудимому наказания в соответствии с положениями главы 40.1 УПК РФ будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разделом XV УПК РФ.

В то же время 11.04.1990 Президиум Верховного Суда РСФСР в порядке надзора по делу гр-на С. постановил: «Обвиняемый несет ответственность на общих основаниях за заведомо ложный донос о совершении преступления лицами, ведущими расследование по его делу». Публикуя данное дело в «Вестнике Верховного суда СССР», редакционная коллегия журнала разъяснила: «В том случае, когда обвиняемый дает заведомо ложные показания, касающиеся других лиц, заявляя, например, что преступление совершил не он, и указывает на другое лицо как на преступника или принижает свою роль в совершении преступления за счет соучастников, его действия следует рассматривать как допустимый метод защиты. Если же обвиняемый совершает заведомо ложный донос, выходя за пределы фабулы предъявленного ему обвинения … он подлежит уголовной ответственности … за заведомо ложный донос» [20].

С учетом сказанного приходим к выводу, что следует устанавливать мотивы, цели и обстоятельства дачи им ложных показаний. Если показания осужденного по выделенному делу лица, данные им в ходе судебного заседания при допросе в качестве свидетеля по основному делу, содержат в себе ложный донос и явно выходят за пределы предъявленного ему обвинения, то следует решать вопрос о привлечении его к уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ. В случае, если показания были даны с целью уклониться от уголовной ответственности в пределах предъявленного ему обвинения и являлись способом защиты от обвинения, то лицо от уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ освобождается.

Список цитированных источников

1. Кириллова, Н.П. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и в случае его нарушения / Н.П. Кириллова // Известия вузов. Правоведение. – 2009. – №6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Минулин, Р.М. Обзор медвузовского круглого стола «Согласительные процедуры в российском уголовном процессе» (17 февр. 2010 г.) / Р.М. Минулин, Е.В. Мильтова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – №1(11). – С. 116.

3. Тумашов, С.А. Проблемы соединения и выделения уголовных дел на предварительном расследовании: дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 1998. – С. 128–129.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2008 по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 41461/02) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановлении ЕСПЧ от 14.01.2010 по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации (жалоба № 23610\03) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 06.10.2011 № 25-О11-11 (извлечение) – Режим доступа: www.vsrf.ru/print_page.php?id=7916.

8. Кириллова, Н.П. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и в случае его нарушения / Н.П. Кириллова // Известия вузов. Правоведение. – 2009. – №6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Афанасьев, С. Преюдиция или процессуальный капкан / С. Афанасьев // Новая адвокатская газета. – 2010. – 4 мая.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 28.06.2012 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Купцова, Э. Расширить процессуальные права свидетеля / Э. Купцова // Советская юстиция. – 1965. – № 22. – С. 13.

12. Дробинин, Д.В. Соединение и выделение уголовных дел как гарантия их всестороннего, полного и объективного исследования: дис. … канд.юрид.наук. – Самара, 1999. – С. 163–164.

13. Воронина, Н.Ф. Усмотрение прокурора и пределы судебного разбирательства / Н.Ф. Воронина, С.Э. Воронин // Уголовный процесс. – 2005. – № 6. – Режим доступа: http://www.ugpr.ru/arhiv/6_iun_2005/topic63.html.

14. БВС РСФСР. – 1979. – №4. – С. 8–9.

15. Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 12.08.2010 № 2-33/2010. – Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/17391492/; Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 30.11.2011 № 2-71/2011. – Режим доступа: http://actoscope.com/pfo/tatarstan/vs-tat/ug/1/ubiystva-v-sostave-bandy16052012-4532394.

16. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2008 по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 41461/02) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. Кассационное определение Верховного суда РФ от 16.08.2010 № 50-О10-41сп // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

18. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Том II. – СПб.: АЛЬФА, 1996. – С. 274.

19. Балакшин, В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: моногр. / В.С. Балакшин. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2004. – С. 116.

20. Чуркин, А.В. К вопросу об ответственности подозреваемого и обвиняемого за дачу заведомо ложных показаний и заведомо ложный донос / А.В. Чуркин // Комментарий судебной практики. – Вып. 9. – М.: Юридическая литература, 2004. / Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Дата поступления статьи – 22.08.2012.

В статье авторы анализируют проблему порядка допроса в ходе судебного разбирательства по основному делу осужденного по выделенному делу, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Также авторы высказывают свое мнение по этому вопросу.

In the article the authors analyze the problem of the order of questioning of the convicted by the dedicated case, who has concluded a pre-trial agreement of cooperation, during the trial of the basic case. Also the authors express their opinion on the matter.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Князев И. М.

При допросе иностранных граждан необходимо соблюдать требования, предъявляемые к данному следственному действию в ст.ст. 215–221, 244 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [1]. Однако, кроме соблюдения этих требований, должностным лицам органов уголовного преследования следует знать и учитывать в своей деятельности ряд отличительных организационно-тактических аспектов (особенностей), присущих допросу с участием лиц указанной категории.

В ходе подготовки к допросу иностранца следователю, лицу, производящему дознание, прежде всего, необходимо внимательно ознакомиться с материалами уголовного дела, данными оперативно-розыскной деятельности и получить такие сведения о личности допрашиваемого, как его гражданство (подданство), национальность, образование, время и цель прибытия в Республику Беларусь, дата предстоящего убытия из нее, владеет ли он языком, на котором ведется уголовный процесс Беларуси, и пользуется ли правом дипломатической неприкосновенности. Важно также выяснить политическую и религиозную ориентацию иностранного гражданина, его социальный статус и другие необходимые сведения о нем. Несоблюдение данного правила может в будущем привести к нежелательным последствиям.

Изучение личности, которую предполагается допросить, является основным содержанием подготовки к допросу и важной предпосылкой к успешному его исходу. Н.И. Порубов указывает: «Всестороннее изучение личности допрашиваемого способствует быстрому установлению психологического контакта с ним» [2, с. 132].

Кроме данных о личности допрашиваемого, следователю, лицу, производящему дознание, целесообразно также владеть информацией о культуре, истории, обычаях, нравах, политическом и экономическом строе, основных положениях уголовного и уголовно-процессуального законодательства государства, гражданином которого является иностранец.

Многие из указанных сведений могут быть получены при общении следователя, лица, производящего дознание, с лицами, которые контактировали с иностранным гражданином (его родственниками, проживающими в Беларуси; преподавателями и студентами учреждений образования; представителями администрации организаций, фирм, банков, гостиниц, общежитий и других учреждений; гидами-переводчиками и т. д.), а также путем изучения специальной (юридической и другой) литературы, просмотра определенных телепередач, кино- и видеофильмов, сайтов в Интернете.

В целях выяснения вопроса о наличии (отсутствии) у иностранного гражданина права дипломатической неприкосновенности следует, при необходимости, обратиться в Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Если будет установлено, что иностранец пользуется дипломатическим иммунитетом, то следователю, лицу, производящему дознание, необходимо через внешнеполитическое ведомство нашей страны получить согласие данного лица на его участие в допросе или ином процессуальном действии.

Осуществляя подготовку к допросу иностранного гражданина, нужно определить, где его целесообразно проводить: в месте нахождения иностранца или в помещении органа уголовного преследования. Представляется, что к допросу иностранного гражданина по месту его нахождения следователю или лицу, производящему дознание, следует прибегать тогда, когда на то есть определенные тактические соображения, либо когда имеются данные, дающие основание полагать, что иностранцу в силу тех или иных причин (нахождение в Республике Беларусь впервые, незнание языка, населенного пункта и др.) будет затруднительно прибыть в орган уголовного преследования. При решении указанного вопроса в пользу второго варианта, в кабинете, где планируется осуществить допрос иностранного гражданина, необходимо создать надлежащие условия (бытовые, технические и др.).

Важно принять меры к тому, чтобы во время допроса была обеспечена тишина, а следователь (лицо, производящее дознание) и допрашиваемый иностранный гражданин оставались в кабинете наедине, без не вызываемого процессуальной необходимостью нахождения там других работников органов уголовного преследования либо участников уголовного процесса, так как «…присутствие третьих лиц, как правило, сковывает коммуникативную активность» [3, с. 18]., а «…не вовремя раздавшийся телефонный звонок или открывшаяся дверь, именно тогда, когда должен был быть задан решающий вопрос, могут сорвать получение нужной информации, изменить решение допрашиваемого правдиво ответить на заданный ему вопрос» [4, с. 51].

Соблюдение следователями и лицами, производящими дознание, при подготовке к допросу иностранцев вышеуказанных рекомендаций будет способствовать установлению психологического контакта с ними и повышению авторитета наших правоохранительных органов в их глазах.

Когда иностранный гражданин, которого планируется допросить, не владеет русским (белорусским) языком, необходимо заблаговременно принять меры к обеспечению участия в допросе переводчика. При этом, как правильно указывается в юридической литературе, «…целесообразно учитывать гражданство и национальность иностранца, так как допрашиваемый может не владеть языком той страны, гражданином которой он является» [5, с. 211].

При решении вопроса о необходимости приглашения переводчика для участия в допросе иностранного гражданина, являющегося подозреваемым либо обвиняемым, надо иметь в виду, что эти лица в ряде случаев испытывают к следователю, лицу, производящему дознание, недоверие в том, что последние могут воспользоваться их невладением языком уголовного процесса. По справедливому мнению Н.И. Порубова, для установления психологического контакта с такой категорией допрашиваемых иностранных граждан важно, чтобы они доверяли переводчику. Для этого необходимо учитывать такие обстоятельства, как: одной ли национальности допрашиваемый с переводчиком; из одной ли они местности; знали ли друг друга раньше или нет [6, с. 77]. В этой связи было бы целесообразным для участия в допросе и иных следственных действиях, проводимых с участием иностранных граждан, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, а также свидетелями и потерпевшими, приглашать, если это возможно, переводчика из числа лиц одной с ними национальности либо одного гражданства (подданства).

В юридической литературе рекомендуется при подготовке к допросу иностранного гражданина составлять план. По мнению ученых, наиболее важные вопросы целесообразно переводить на язык, на котором будут даваться показания. Если в ходе допроса планируется предъявлять документы, то существенная для дела часть их содержания также может быть заранее переведена. Это же касается и вещественных доказательств: должен быть обеспечен перевод их названий, обозначений на них, частей протоколов осмотра или обыска, в ходе которых они были обнаружены и изъяты. Данный заблаговременный перевод позволит обеспечить нужный тактический эффект при неожиданном для иностранного гражданина предъявлении этих объектов [7, с. 933]. А.А. Вишневский и В.П. Шиенок верно отмечают, что «...успех допроса, а отсюда и значение показаний, зависят от умелого выбора и эффективного применения во время производства этого следственного действия выработанных теорией и повседневной практикой тактических приемов его проведения».

Вызов иностранных граждан на допрос должен осуществляться с соблюдением требований ст. 216 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [1]. При этом, однако, представляется, что вызывать иностранцев, не обладающих правом дипломатической неприкосновенности, целесообразно через администрацию предприятий, учреждений и организаций Республики Беларусь, к которым они имеют непосредственное

отношение (приглашены ими; работают, учатся или проживают в них и т. п.). Это обусловлено тем обстоятельством, что «…должностное лицо, пользующееся авторитетом у вызываемого, сможет более доходчиво и подробно разъяснить иностранцу причину его вызова, порядок явки, а также последствия неисполнения его обязанностей» [5, с. 210].

Лиц, обладающих дипломатическими привилегиями, необходимо приглашать на допрос через Министерство иностранных дел Республики Беларусь. При этом необходимо иметь в виду, что в соответствии с нормами международного права указанные лица не обязаны давать свидетельские и иные показания. Даже в случае их согласия давать такие показания, они не обязаны для этого являться в органы предварительного расследования или суд.

Учитывая возможность неявки этих лиц для участия в указанном следственном действии, целесообразно, как это предлагает Р.Х. Якупов, в запросах об их явке ставить вопросы об обстоятельствах преступления, которые могут быть им известны. В подобных случаях иностранные граждане, пользующиеся правом дипломатической неприкосновенности, как правило, дают в официальных нотах, направляемых через МИД органам расследования, подробные ответы. Данные ноты как официальные документы могут быть использованы впоследствии в качестве источника доказательств по уголовному делу [9, с. 423].

В соответствии с ч. 3 ст. 216 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь потерпевшие, свидетели и находящиеся на свободе подозреваемые и обвиняемые в случае их неявки на допрос могут быть подвергнуты приводу [1]. Однако к применению данной меры процессуального принуждения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Республики Беларусь и не обладающих дипломатическим иммунитетом, надо относиться весьма осторожно. Следует учитывать, что необоснованное подвержение иностранцев приводу может существенно затруднить установление с ними психологического контакта при допросе. Необходимо делать скидку на то, что в силу определенных обстоятельств (незнание языка, города, маршрутов движения общественного транспорта и т. п.) иностранцу бывает затруднительно вовремя прибыть в орган уголовного преследования или сообщить туда о причинах, препятствующих его явке.

В практике органов уголовного преследования встречаются случаи явки иностранцев для дачи показаний вместе с кем-либо из граждан своей страны, представителей землячеств, других лиц. Думается, что в подобных ситуациях, если это не противоречит интересам производства по делу и против этого не возражает допрашиваемый, а также при условии, что постороннее лицо не является участником процесса по данному уголовному делу, препятствовать его присутствию на допросе не следует. Об участии постороннего лица в протоколе допроса должна быть сделана соответствующая отметка.

Дискуссионным остается вопрос, предупреждать ли об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших, пользующихся правом дипломатической неприкосновенности. Представляется, что данный вопрос должен решаться положительно. Иностранных граждан, пользующихся дипломатическим иммунитетом и согласившихся давать показания, необходимо предупреждать об уголовной ответственности по ст. 401 Уголовного кодекса Республики Беларусь [10], разъясняя предусмотренные уголовным законом и международными правовыми актами возможность и условия привлечения их к этой ответственности в случае совершения преступления. Потребность в осуществлении такого предупреждения указанных лиц диктуется и тактическими соображениями допроса.

Встречаются случаи, когда иностранные граждане, испытывая недоверие к органам уголовного преследования Республики Беларусь, или в силу других причин ходатайствуют о приглашении для участия в допросе или ином процессуальном действии, проводимом в отношении них, переводчика из числа заслуживающих их доверие лиц (представителей землячества, соотечественников и др.). Думается, что отказывать иностранцу в удовлетворении такой просьбы не следует при условии, конечно, что приглашаемое им лицо достаточно хорошо владеет как русским либо белорусским языком, так и соответствующим иностранным языком. Однако в подобных случаях, для оценки правильности и объективности перевода, органам уголовного преследования целесообразно одновременно привлекать переводчика и со своей стороны.

С.А. Хмелев рекомендует при допросе иностранцев, не владеющих языком, на котором ведется уголовный процесс, использовать форму допроса в виде «вопрос-ответ», так как переводчик не всегда способен дословно передать показания допрашиваемого в виде свободного рассказа [11, с. 25]. Отчасти с данным предложением можно согласиться. Однако при этом следует учитывать требование ч. 4 ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь о том, что вопросно-ответная форма ведения допроса может применяться после свободного рассказа допрашиваемого [1].

Допрос иностранных граждан должен быть всесторонним, максимально подробным и сопровождаться, как представляется, как правило, звуко- или видеозаписью. Необходимость в этом обусловлена тем, что для повторного уточнения обстоятельств дела возможности уже может и не представиться из-за выезда иностранца за пределы Республики Беларусь или в силу иных причин. Вопросы к допрашиваемому должны быть четкими и ясными. Нельзя употреблять слова и фразы в их переносном значении, использовать выражения, смысл которых может быть непонятен или оскорбителен для иностранного гражданина. Допрашивая иностранца, следователь (лицо, производящее дознание) должен быть тактичным и вежли-

вым, терпеливым и внимательным, что также будет способствовать достижению цели допроса.

На допрос иностранных граждан при производстве очной ставки распространяются все вышеуказанные организационно-тактические особенности.

Если очную ставку необходимо провести между иностранцами, владеющими различными языками, то следует обеспечить участие двоих переводчиков. В случае же, когда оба участника этого следственного действия владеют одним иностранным языком, следователь либо лицо, производящее дознание, не понимающие данного языка, обязаны принять меры к исключению сговора между ними. С этой целью, как отмечается в литературе, перед производством очной ставки нужно предупредить переводчика, чтобы он пресекал неразрешенное следователем или лицом, производящим дознание, общение ее участников между собой [7, с. 934].

Таким образом, допросу иностранных граждан присущ ряд отличительных организационно-тактических аспектов (особенностей), обусловленных различными обстоятельствами (кратковременностью их пребывания в Республике Беларусь, незнанием или недостаточным знанием ими языка уголовного процесса Республики Беларусь, обладанием части из них правом дипломатической неприкосновенности и др.). Знание и учет данных особенностей должностными лицами органов уголовного преследования поможет более эффективно проводить допрос иностранных граждан, будет способствовать успешному осуществлению доказывания по уголовным делам с участием лиц данной категории.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2011 № 334-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»., Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. Андреев, И.С. Курс криминалистики / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. – Минск: Выш. школа, 2000. – 335 с.

3. Еникеев, М.И. Психология допроса: учеб. пособие / М.И. Еникеев, Э.А. Черных. – М.: Ин-т междунар. права и экономики, 1994. – 148 с.

4. Игнатьев, М.Е. Некоторые практические советы по тактике допроса / М.Е. Игнатьев // Российский следователь. – 1999. – № 6. – С. 50–52.

5. Басецкий, И.И. Свидетель в уголовном процессе: моногр. / И.И. Басецкий, Л.И. Родевич. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 287 с.

6. Порубов, Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие / Н.И. Порубов. – М.: БЕК, 1998. – 208 с.

7. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 990 с.

8. Вишневский, А.А. Расследование уголовных дел, связанных с незаконным получением кредитов или дотаций / А.А. Вишневский, В.П. Шиенок. – Минск: Тесей, 2000. – 80 с.

9. Якупов, Р.Х. Уголовный процесс: учебник для вузов / Р.Х. Якупов; под ред. В.Н. Галузо. – М.: Зерцало, 1998. – 448 с.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2011 № 334-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

11. Хмелев, С.А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан: автореф. … дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.А. Хмелев; Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2000. – 30 с.

Дата поступления статьи – 15.10.2012.

Статья посвящена теоретико-прикладным аспектам организации и тактики проведения допроса иностранных граждан. На основе анализа специальной литературы, нормативных источников и правоприменительной практики автор обосновывает организационно-тактические особенности допроса иностранцев, формулирует предложения и рекомендации, направленные на повышение эффективности проведения данного следственного действия в отношении лиц указанной категории.

The article examines the theoretical and applied aspects of organization and tactics of interrogation of foreigners. On the analysis of special literature, regulatory acts and law enforcement practices the author determines organizational and tactical peculiarities of interrogation of foreigners, formulates suggestions and recommendations aimed at improving efficiency of this investigating act related to such group of people.

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ПОНЯТЫХ

Куница Е. В.

Ч. 1 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) среди задач уголовного процесса называет обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Реализации данного принципиального положения подчинена вся деятельность органов, ведущих уголовный процесс, которая, в свою очередь, преимущественно связана с доказыванием (т. е. направлена на собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела).

Вопрос о допустимости доказательств – один из главенствующих в теории и практике доказывания. О его значении следует вести речь не только в процессуально-правовом, но и в конституционно-правовом аспектах, поскольку в ст. 27 Конституции Республики Беларусь закреплено императивное правило, согласно которому доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы.

Исходя из ч. 1 ст. 88 УПК доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

Допустимость или пригодность по форме является одним из свойств доказательств, подлежащих оценке. Соответствовать критерию допустимости должны все без исключения собранные доказательства, как подтверждающие выводы органа уголовного преследования или суда, так и противоречащие им.

Признание доказательства недопустимым представляет собой процессуальную санкцию, исключающую доказательство (которое формально может оставаться в деле) из процесса доказывания. В дальнейшем ни сторона обвинения, ни сторона защиты не смогут ссылаться на это доказательство в обоснование своей позиции или опровержение доводов противоположной стороны.

Исходя из ч. 5 ст. 105 УПК доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Недопустимые доказательства как сведения, из которых составляются доводы и выводятся суждения, как аргументы являются по своей логической сути доказательствами. Но поскольку эти сведения получены с нарушением требований процессуального закона, что подвергает сомнению истинность сведений, их достоверность, то такие сведения не могут быть положены в основу обвинения. Таким образом, такое доказательство, хотя с формально-логической точки зрения может быть верным, тем не менее является недопустимым для использования в процессе доказывания.

Требование допустимости выполняет несколько функций: охранительную (гарантирует права и свободы личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства), регулятивную (упорядочивает процесс получения сведений в соответствии с законом) и познавательно-удостоверительную (обеспечивает достоверность, то есть адекватность скопированной доказательственной информации ее источнику в объективной действительности, а также ее последующую сохранность) [1].

По мнению некоторых авторов, само понятие «допустимость доказательства» по своей сути противоречиво, поскольку с точки зрения законов логики не может быть недопустимым имеющееся доказательство. Однако на нынешнем этапе развития теории доказывания, говоря о собирании доказательств, их проверке или оценке, отмечая, что имеются в виду потенциальные доказательства, следует применять термин «доказательство» с момента его получения соответствующим субъектом процессуального по-

знания до момента, пока оно не будет по каким-то признакам забраковано и исключено из совокупности доказательств [2].

Согласно более радикальному подходу, предлагается ввести в уголовный процесс понятие «недопустимые сведения». Поскольку данные, которые собраны участниками уголовного процесса, недопустимы (то есть, получены с нарушением закона), постольку в данном конкретном случае орган предварительного расследования не располагает доказательством по уголовному делу [3].

Законодательство Республики Беларусь использует понятие «допустимые доказательства» и приводит определение данного термина (в отличие, например, от законодательства Российской Федерации, в котором отсутствует норма, определяющая понятие допустимости). Согласно ч. 3 ст. 105 УПК допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном УПК порядке и из предусмотренных законом источников. Доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований УПК, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса (ч. 4 ст. 105 УПК).

Таким образом, можно вести речь о следующих характерных чертах допустимости (которые позволяют, в том числе, провести различие между допустимостью и иными свойствами доказательств). Во-первых, допустимость относится только к форме и не касается содержания доказательства. Во-вторых, допустимость определяется соблюдением формальных правил, прямо указанных в законе. В этой связи необходимо отметить насущную потребность в максимально полной законодательной детализации критериев допустимости доказательств.

В юридической литературе большинством авторов выделяются следующие компоненты допустимости доказательств: а) доказательство должно быть получено надлежащим субъектом; б) из надлежащего источника; в) в рамках надлежащего следственного или иного процессуального действия; г) с соблюдением установленных законом правил производства указанного следственного или иного процессуального действия [4, с. 27].

В рамках данной статьи мы хотели бы обратить внимание на одно из самых распространенных в судебно-следственной практике оснований для признания доказательств недопустимыми (и, как следствие, одну из самых распространенных причин вынесения оправдательных приговоров) – несоблюдении при производстве следственных действий требований уголовно-процессуального закона об участии (порядке участия) понятых.

Исходя из ч. 1 ст. 64 УПК понятым является не заинтересованное в исходе уголовного дела совершеннолетнее лицо, участвующее в производстве следственного действия для удостоверения его факта, хода и результатов в случаях, предусмотренных УПК.

Участие понятых обязательно при производстве следственных действий, которые в тех же условиях, с участием одних и тех же лиц практически неповторяемы. Так, можно по одним и тем же фактам повторно допросить обвиняемого или свидетеля, назначить при необходимости повторные судебные экспертизы, и объективность следствия от этого зачастую только выигрывает. Однако нельзя повторно предъявить потерпевшему для опознания в тех же условиях лицо, которое ранее ему уже для опознания предъявлялось; практически невозможно повторно воспроизвести условия большинства видов ранее проведенных следственных экспериментов.

Именно эта неповторимость, реально препятствующая впоследствии проверке и оценке объективности и полноты проведения следователем осмотра, предъявления для опознания, обыска и других, указанных в УПК следственных действий, и вызывает необходимость удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов.

В то же время на данном этапе развития уголовно-процессуального права и правоприменительной практики сложились определенные предпосылки к снижению эффективности института понятых, которые приводят к преимущественно формальной реализации возложенных на него функций (речь, прежде всего, идет о функции обеспечения достоверности хода и результатов следственного действия), что в конечном итоге остро ставит проблему допустимости доказательств, полученных в результате производства следственных действий с участием понятых. Указанный вывод следует из следующих посылок.

Во-первых, условия, в которых зачастую осуществляется производство предварительного расследования, далеко не всегда предоставляют возможность обеспечить незамедлительное участие понятых (при этом не имеющих какой-либо заинтересованности в исходе дела) в следственном действии, требующем неотложного выполнения. В частности, если осмотр места происшествия проводится в ночное время и в безлюдном месте, поиски понятых могут привести к значительной потере времени и сил, а также отвлечь сотрудников правоохранительных органов от основных задач по раскрытию и расследованию преступления по горячим следам.

В то же время необходимо учитывать, что производство следственных действий может проходить в местах компактного проживания различных этнических групп, которые отличаются высокой степенью сплоченности и организованности. В таких случаях возможность привлечения понятых из числа местных жителей минимальна (ввиду сплоченности и организованности социальной общности). Да и в целом привлечение граждан в качестве понятых по уголовным делам о преступлениях, относящимся к категории тяжких и особо тяжких, зачастую представляет серьезную проблему для органа уголовного преследования, поскольку санкции, установленные уголовным законом за совершении таких преступлений весьма суровы, а лица, их совершающие, как правило, решительны, жестоки и готовы пойти на любые меры противодействия с целью избежать уголовного преследования. Поэтому

вполне понятна боязнь граждан мести со стороны преступников (особенно участников преступных групп) за содействие расследованию.

И даже если следователю при таких условиях удалось найти понятых, неизбежно встает проблема их качественного состава.

Так, производство следственных действий нередко требует от участников уголовного процесса определенных специальных знаний. Понятые, например, должны удостоверять планы и схемы, прилагаемые к протоколу осмотра. А далеко не каждый человек разбирается в топографических значках и планометрии. Кроме того, в документе может использоваться специальная лексика (технические термины), которая ему незнакома. Понятой часто удостоверяет данные, полученные специалистом, проконтролировать которого он в принципе не может, поскольку не обладает достаточными знаниями. Например, при производстве осмотра места происшествия после распыления экспертом-криминалистом специальных реактивов обнаружены ранее скрытые следы, предположительно, крови. Однако факт обнаружения таких следов понятой подтвердил бы, даже если бы был распылен простой краситель бурого цвета [5, с. 31]. Более того, отсутствие у понятого знаний в сфере уголовно-процессуального законодательства и соответствующего опыта может стать помехой к объективному восприятию хода следственного действия и результатов его проведения (при желании что-либо сфальсифицировать следователь всегда найдет возможность это сделать, и присутствие понятых помехой этому не станет).

Во-вторых, в силу требований уголовно-процессуального закона понятым может быть только не заинтересованное в исходе дела лицо. Однако часто при производстве предварительного расследования (особенно на первоначальных этапах) бывает довольно затруднительно очертить круг заинтересованных лиц. Это влечет за собой возникновение ситуаций, когда «незаинтересованное» лицо вовсе таковым не является.

В практической деятельности имели место случаи, когда участвовавшие в качестве понятых при осмотре места происшествия лица впоследствии привлекались в качестве обвиняемых по этому же делу. При этом они специально стремились быть привлеченными в качестве понятых, чтобы выяснить степень осведомленности следствия об обстоятельствах преступления и принять меры противодействия расследованию [6, с. 103]. В итоге следственное действие проведено с нарушением закона, поскольку нарушено требование о заинтересованности его участников в исходе дела, вследствие чего результаты следственного действия в соответствии с ч. 4 ст. 105 УПК должны быть признаны недопустимым доказательством.

Усматривая в требованиях закона об участии понятых в производстве следственных действий некую помеху для осуществления расследования, практические работники зачастую идут на формирование корпуса так называемых «штатных» понятых, данные о которых следователь записывает в протокол в тех случаях, когда приглашение понятых вызывает особую сложность. В качестве «штатных» понятых выступают лица, кото-

рые имеют договоренность со следователем о том, что в случае проверки законности могут подтвердить, что присутствовали при производстве того или иного следственного действия.

Таким образом, приведенные доводы свидетельствуют о том, что институт понятых в ряде случаев не способствует обеспечению допустимости и достоверности доказательств, а также затрудняет их оценку.

В качестве направления к решению комплекса обозначенных проблем ряд процессуалистов призывает идти по пути ограничения участия понятых в уголовном судопроизводстве (по пути создания факультативного института понятых) [7, с. 52]. Однако, каким же образом в таком случае можно будет обеспечить соблюдение закона должностным лицом, проводящим следственное действие, придать убедительность сведениям, полученным в ходе следственных действий, а также обеспечить возможность для суда проверить соответствие фактических данных, зафиксированных в протоколе, обстоятельствам, имевшим место в действительности?

В данном контексте заслуживает внимания предложение некоторых авторов о том, что достойной альтернативой институту понятых может стать видеофиксация хода и результатов следственных действий. Они раскрывают преимущества предлагаемой модели (в частности, использование, наряду с основной видеокамерой, видеорегистраторов, фиксирующих в автоматическом режиме действия конкретных участников) и прогнозируют в связи с внедрением таких подходов ограниченное привлечение понятых в качестве участников уголовного судопроизводства [8, с. 175–180].

В то же время, по мнению других авторов, если говорить о конкретных цифровых устройствах фиксации звука и изображения, то возникают сомнения в возможности использования их в качестве средств собирания, проверки и оценки доказательств. Цифровые системы позволяют значительно изменять характеристики и параметры фиксируемых объектов уже в процессе съемки [9].

Считаем необходимым отметить, что задача обеспечения достоверности и защиты информации фиксируемой, передаваемой, обрабатываемой и хранящейся в цифровом виде на современном уровне развития науки и техники вполне решаема путем применения научно обоснованной системы правовых, программных и организационных решений. Примером ее успешного решения является на сегодняшний день использование в различных областях науки и техники хеш-функции (hash function) [10, с. 51–54].

Представляется, что применение видеозаписи может способствовать повышению эффективности функции удостоверения факта, хода и результатов следственного действия только при серьезной методической проработке данного вопроса (в том числе с разработкой четких правил и рекомендаций по применению данного института, соблюдение которых впоследствии будет проверяться судом и окажет влияние на признание полученных доказательств допустимыми). При этом внедрение в уголовных процесс указанных подходов позволит не только повысить качественный

уровень доказывания, но и в целом усилить гарантии соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса, а также законности и обоснованности уголовного преследования.

Список цитированных источников

1. Миронов, В. Правила оценки допустимости доказательств / В. Миронов // Законность. – 2006. – № 5.

2. Боруленков, Ю. Допустимость доказательств / Ю. Боруленков // Законность. – 2003. – № 9.

3. Рыжаков, А.П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.П. Рыжаков // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2012.

4. Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис. – М., 2005. – 128 с.

5. Михайлов, А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства / А. Михайлов // Законность. – 2003. – № 4.

6. Белоусов, А.В. О необходимости изменений в институте понятых / А.В. Белоусов // Прокурорская и следственная практика. – 2000. – № 3–4.

7. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки / С.А. Шейфер // Государство и право. – 2001. – № 10.

8. Гучок, А.Е. Видеофиксация хода и результатов следственных действий: проблемы и перспективы / А.Е. Гучок, А.В. Солтанович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич [и др.]. – Минск: БГУФК, 2011. – Вып. 4. – 322 с.

9. Сильнов, М. Допустимость доказательств / М. Сильнов // ЭЖ-Юрист. – 2004. – № 3.

10. Шалькевич, В. Обеспечение достоверности цифровых фотоснимков / В. Шалькевич // Законность и правопорядок. – 2008. – № 1.

Дата поступления статьи – 13.09.2012.

Статья посвящена правовому обеспечению допустимости доказательств в уголовном процессе. Обращается внимание на институт понятых в уголовном процессе, а также на возможные направления его совершенствования с позиции обеспечения допустимости доказательств, полученных при проведении следственных действий с участием понятых.

The article considers questions of legal support of an admissibility of proofs in criminal process. Attention is paid to institute of witnesses of inquest in criminal trial, and also on the possible directions of its improvement from a position of providing an admissibility of the proofs received at carrying out investigatory actions with participation of witnesses of inquest.

ПРИМЕНЕНИЕ ПООЩРЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ДАЧИ ПРАВДИВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Навроцкая В. В.

Человечеству давно известны два основных способа побуждения: «пряник», применяемый в целях стимулирования социально одобряемого поведения, и «кнут», проявляемый в негативных последствиях к лицам, поступки которых являются недопустимыми, нежелательными.

Кризис взглядов на наказание породил появление новых идей, связанных с реакцией государства на преступность. Борьба с этим негативным явлением не должна сводиться лишь к применению наказаний.

Поощрение (наряду с традиционным для уголовного права принуждением) является одним из основных методов в сфере действия уголовного закона. Следует согласиться с Ю.В. Голиком в том, что без поощрения уголовная юстиция теряет смысл, поскольку усилия человека загладить вину перед обществом не будут получать подкрепления и, в конечном счете, будут угасать [1, с. 75].

К сожалению, приходится констатировать, что возможности метода поощрения, в частности для стимулирования к даче правдивой процессуально значимой информации, сейчас используются не в полной мере.

1. Вопрос о возможности применения поощрений к свидетелю является достаточно дискуссионным. Ведь такой участник процесса обязан давать правдивые показания, а потому предоставление им содействия правосудию должно восприниматься как абсолютно нормальная ситуация, это обязанность, которая должна быть исполнена безвозмездно. В целом свидетель не вправе решать вопрос о даче показаний в зависимости от того, получит он от этого какие-то блага или нет. Дача показаний свидетелем не должна превращаться в коммерцию. Так можно дойти и до абсурда, когда следователь будет торговаться со свидетелем, предлагая различные материальные выгоды за доказательную информацию.

Однако не исключена ситуация, когда одно и то же лицо является свидетелем по одному уголовному делу, и в то же время обвиняемым – по другому, а потому правдивая информация по первому из преступлений (в котором он лично участия не принимал) может оказать серьезную помощь правоохранительным органам в расследовании второго уголовно-наказуемого деяния. Так, С.О. Новиков моделирует ситуацию, при которой вор, укравший кошелек, готов за гарантированное смягчение в будущем наказания сообщить, где скрывается, например, террорист, взявший в заложники людей и ставящий перед органом власти какие-то требования как условие их освобождения [2, с. 25, 61]. Сейчас такой вид поощрения в украинском законодательстве отсутствует, однако вряд ли это оправдано.

Нередко лица, ставшие очевидцами совершенного преступления, правоохранительным органам об этом не сообщают из-за банального не-

желания быть вовлеченными в орбиту уголовного процесса. Волокита, плохое планирование расследования, многочисленные вызовы для повторения и уточнения показаний, перенесения процессуальных действий (иногда и по необъективным причинам) являются одной из причин такого безразличного отношения. Н.А. Лопашенко отмечает, что законопослушный человек, который стал свидетелем совершения преступления, вместо того, чтобы быстрее исполнить свою гражданскую обязанность, превращается в лицо, которое испытывает самые разнообразные, причем законные ущемления. «Пойдет ли гражданин в этом случае на сотрудничество с уголовным процессом?» – задает риторический вопрос Н.А. Лопашенко и сама же дает на него отрицательный ответ.

Конечно, можно рассуждать о том, что содействие правосудию – это почетная обязанность каждого, но на практике результаты часто бывают другими. Думаю, что если бы сцена из известного произведения «Золотой теленок», когда «великий комбинатор» обращается к толпе очевидцев со словами: «Попрошу свидетелей указывать фамилии и адреса. Свидетели, записывайтесь!», – толпа почти моментально «растворилась», повторилась в наше время, это бы никого бы не удивило…

В юридической литературе неоднократно встречаются обоснованные предложения введения действенной системы материального стимулирования заявителей, выплаты вознаграждения гражданам за помощь, содействие в раскрытии преступлений и других общественно-опасных деяний [2, с. 59–60; 3, с. 71; 4, с. 528]. Тем более, что предпосылки для этого имеются. Так, в п. 29 ст. 11 Закона Украины «О милиции» [5] и в п. 14 ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] предусмотрена возможность материального поощрения лиц, оказывающих помощь в борьбе с преступностью, в частности, информирующих о готовящихся или уже совершенных преступлениях.

2. Известно, что наказание, назначенное за совершение преступления, совершенного одним лицом, оказывается значительно меньшим наказания, которое может быть назначено за совершение того же деяния несколькими людьми. Понимая это, преступники нередко пытаются взять всю вину на себя, скрывая при этом участие иных соучастников.

В такой ситуации, как отмечает С.О. Новиков, подозреваемому (обвиняемому, подсудимому) порой тяжело сделать выбор в пользу сотрудничества с правосудием [2, с. 54]. В связи с этим можно вспомнить шутливое высказывание (в каждой шутке, как известно, есть только доля шутки, все остальное – правда), в соответствии с которым «искреннее признание вины смягчает ответственность, но увеличивает срок наказания».

15.04.2008 УК Украины был дополнен ст. 69-1 «Назначение наказания при наличии обстоятельств, смягчающих наказание». В ней идет речь о том, что «при наличии смягчающих наказание обстоятельствах, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 66 этого Кодекса (в п. 1 ч. 1 ст. 66 УК Украины речь идет о таком смягчающем обстоятельстве, как «явка с повинной, ис-

креннее раскаяние либо активное содействие раскрытию преступления», а в п. 2 ч. 1 ст. 66 этого же Кодекса сказано о «добровольном возмещении нанесенного ущерба или об устранении причиненного вреда»), отсутствии обстоятельств, отягощающих наказание, а также при признании подсудимым своей вины, срок или размер наказания не может превышать 2/3 максимального срока либо размера наиболее сурового вида наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи (санкцией части статьи) Особенной части этого Кодекса».

В ч. 2 п. 1 ст. 67 УК Украины совершение преступления группой лиц по предварительному сговору относится к обстоятельствам, отягощающим наказание, если только оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса как признак преступления, влияющий на его квалификацию (ч. 4 ст. 67 УК Украины).

Приведу пример: группа лиц по предварительному сговору совершила фиктивное предпринимательство. Ч. 2 ст. 205 УК Украины не содержит соответствующего квалифицирующего признака, а следовательно, действия лиц, совершивших это деяние, подпадают под ч. 1 этой статьи, при этом имеется обстоятельство, отягчающее наказание (п. 2 ч. 1 ст. 67 УК Украины). Поэтому в подобной ситуации участнику преступления, который раскаялся и дает детальные правдивые показания и помогает разоблачить иных членов группы, никто не гарантирует существенного смягчения наказания и оно может быть близким к максимальному – пять лет лишения свободы.

Не может быть правильной ситуация, при которой у подозреваемых и обвиняемых по «групповым» делам может не хватить стимулов для помощи правосудию. Поэтому в целях поощрения лиц, дающих правдивые показания в уголовном судопроизводстве, ст. 69-1 УК Украины должна быть переформулирована таким образом, чтобы при явке с повинной, активном содействии раскрытию преступления, разоблачению соучастников и розыску имущества, добытого в результате преступления, обвиняемому, совершившему преступление даже в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступной организацией нельзя было бы назначить наказание выше установленных в законе пределов, например, тех же 2/3 максимального срока или размера наиболее сурового наказания, при отсутствии иных отягчающих наказание обстоятельствах.

3. В уголовных кодексах отдельных государств (в частности, в ст. 297 УК Азербайджана, ст. 388 УК Армении, ст. 370 УК Грузии, ст. 352 УК Казахстана, ст. 330 УК Кыргызстана, ст. 307 УК Российской Федерации, ст. 351 УК Таджикистана) содержится положение, согласно которому подлежат освобождению от уголовной ответственности за дачу заведомо неправдивых показаний, заведомо неправильного заключения эксперта или перевода те участники процесса, которые добровольно в ходе дознания, досудебно-

го следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора или иного решения суда заявили о неправдивости данной ими информации.

В Уголовном кодексе Украины аналогичная норма отсутствует. Поэтому возникает вопрос, а может подобную норму все-таки стоит ввести?

Для этого, прежде всего, следует оценить соответствующие примечания с точки зрения целесообразности. С одной стороны, в результате сложности при доказывании дачи заведомо неправдивой информации в ходе расследования дела понятно стремление стимулировать лицо, давшее заведомо неправдивые показания, заключение или перевод, раскрыть свой обман. В то же время императивная норма, обязывающая в категорической форме освободить лицо от уголовной ответственности при добровольном саморазоблачении, способна вызвать у участников процесса ощущение безнаказанности их лжи, возможности в любой момент производства по делу до вынесения окончательного решения отказаться от предварительно сообщенной информации без каких-либо негативных для них последствий. По-видимому, не случайно в специальной литературе такое законодательное положение иногда оценивается как предпосылка к даче заведомо неправдивых показаний [7].

Таким образом, участник процесса может в ходе разбирательства дела без всякого страха оговаривать кого-либо, с кем у него сложились неприязненные, враждебные отношения, сводить счеты с конкурентами по бизнесу и т. п. Ведь потом, когда несправедливо обвиняемый уже пройдет «пресс» уголовного судопроизводства, когда ему существенно «потреплют» нервы, достаточно будет заявить о неправдивости заявленной информации, и это автоматически позволит избежать уголовной ответственности. Такое положение нельзя признать приемлемым.

Следует обратить внимание и на то, что в законодательстве упомянутых мною государств допускается освобождение соответствующих лиц от уголовной ответственности в случае саморазоблачения и при квалифицированной даче заведомо неправдивых показаний, экспертного заключения или перевода.

А. Лобанова акцентирует внимание еще на нескольких недостатках анализируемого выше подхода законодателей ряда постсоветских государств: 1) заявление о неправдивости ранее данной информации вряд ли имеет ценность, если оно не связано с заменой неправдивых сведений на соответствующие действительности; 2) какими бы не были последствия такой неправдивой информации, никакой роли в решении вопроса об освобождении от ответственности это не играет, что вряд ли правильно. Поэтому ученый советует дополнить примечание к ст. 307 УК РФ указанием на такие условия освобождения от уголовной ответственности, как отсутствие вреда для других лиц или заглаживание подобного вреда и выполнение обязанности дать правдивые показания [8].

Учитывая сказанное, стоило бы в УК Украины предусмотреть не обязанность суда, а лишь возможность освобождения от уголовной ответ-

ственности лица, дающего заведомо неправдивую информацию, при условии, что оно добровольно сообщило о своей лжи. Причем это должно было бы касаться лишь неквалифицированного вида данного преступления. При этом стоит учитывать стадию процесса, на которой лицо добровольно заявило о неправдивости ранее данных сведений.

Пока же (до внесения соответствующих изменений в действующее законодательство) стимулом для лиц, разоблачивших свою ложь, но которых неправильно было бы по обстоятельствам дела освобождать от уголовной ответственности, может быть положение п. 2 ч. 1 ст. 66 УК Украины о том, что устранение причиненного вреда является обстоятельством, смягчающим наказание. Кроме того, к таким лицам, при наличии предусмотренных законом оснований, может быть применено положение ст. 69 этого же Кодекса, дающее возможность суду назначить основное наказание ниже самого низкого предела, установленного в санкции статьи (санкции части статьи) Особенной части либо перейти к более мягкому виду основного наказания, не предусмотренного в санкции статьи Особенной части КК за это преступление, или же не назначить обязательное дополнительное наказание.

Завершая, следует сказать то, с чего начиналась статья: к сожалению, возможности метода поощрения, в частности при стимулировании к даче правдивой процессуально значимой информации, в Украине используются не в полной мере.

Список цитированных источников

1. Голик, Ю.В. Метод уголовного права / Ю.В. Голик // Журнал российского права. – 2000. – № 1.

2. Новиков, С.А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом (уголовное судопроизводство): моногр. / С.А. Новиков. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГу, 2008.

3. Беницкий, А.С. Ответственность за легализацию преступно приобретенных доходов в уголовном законодательстве Украины и Российской Федерации: моногр. / А.С. Беницкий, Б.Г. Розовский, О.Ю. Якимов / МВД Украины, Ин-т экон.-пр. исл. НАН Украины, Луган. гос. ун-т внутр. дел им. Э.А. Дидоренко, Восточноукр. нац. ун-т им. В. Даля. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2008.

4. Розовский, Б.Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса: эссе / Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛАВД, 2004.

5. Закон України «Про міліцію» від 20.12.1990 №565–XII. [Електронний ресурс]. Режим доступу: // www.rada.kiev.ua.

6. Закон України «Про оперативно-розшукову діяльність» від 18 лютого 1992 р. №2135-XII (з наступними змінами та доповненнями). [Електронний ресурс]. Режим доступу: // www.rada.kiev.ua).

7. Махмутов, М. Ответственность за лжесвидетельство / М. Махмутов // Законность. – 2006. – № 10.

8. Лобанова, А. Об освобождении от уголовной ответственности за заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод / А. Лобанова // Российская юстиция. – 1997. – № 9.

Дата поступления статьи – 15.09.2012.

Утверждается, что поощрение (наряду с принуждением) является одним из основных и эффективных методов в сфере действия уголовного закона. К сожалению, в Украине возможности метода поощрения, в частности для стимулирования к даче правдивой процессуально значимой информации, используются не в полной мере. Поэтому в статье приведены предложения в целях изменения такой ситуации.

The encouragement (alongside with a compulsion) is one of basic and effective methods in area of action of the criminal law. Unfortunately, in Ukraine possibilities of a method of encouragement, in particular for stimulation to give truthful procedurally meaningful information, are used not to the fullest. Therefore in article makes proposals with a view to change this situation .

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Хомич М. В.

Вопрос о сущности, содержании и процессуальных формах (стандартизированных правовых процедурах) осуществления уголовного преследования относится к числу базовых и фундаментальных в системе функционирования уголовной юстиции. В системе уголовной юстиции уголовное преследование как определенного рода деятельность предметно и функционально принадлежит к ведению уголовно-процессуального права, основной целью которого является обеспечение независимого, беспристрастного и справедливого правосудия по разрешению уголовно-правового конфликта между государством и лицом, совершившим преступное деяние. При более или менее беспристрастном отношении к истокам современной уголовной юстиции очевидно, что уголовно-процессуальное право и его функции, в том числе процессуально-правовая форма уголовного преследования лиц, совершивших преступное деяние, основывалась на нормах материального уголовного права. Сегодня известная аксиома о том, что уголовно-процессуальное право предназначено и существует для применения норм материального уголовного права (правда, это лишь технико-правовая характеристика связи уголовного и уголовно-процессуального права), как никогда нуждается в реальном подтверждении со стороны уголовного судопроизводства. Прежде всего, это предполагает введение таких процессуальных процедур уголовного преследования, которые обеспечивали бы применение исключительно правовых (по критериям правосудия) средств разрешения уголовно-правовых конфликтов [1, с. 293]. Известное положение уголовного закона: нет преступления (нет и наказания), если об этом прямо не указано в законе, применительно к уголовно-процессуальной деятельности можно сформулировать следующим образом: если нет преступления, не может быть и наказания, а следовательно, и

уголовного преследования. Подчеркивая тесную и системную связь уголовного процесса (уголовного преследования) с нормами уголовного права, мы вовсе не отвергаем того, что процессуальный порядок уголовного преследования, направленный на практическую реализацию принципа неотвратимости наказания, имеет собственный процессуальный аспект (предмет) правового регулирования и правовые нормы, синтезирующие уголовно-процессуальное право в самостоятельную правовую ценность. Однако эту правовую связь следует постоянно иметь в виду в разработке научной доктрины уголовного преследования и при разрешении уже сугубо процессуальных, но далеко не частных вопросов, уходящих своими корнями в материально правовые основы уголовной юстиции.

Можно, конечно, сомневаться в том, решает ли уголовное право и обеспечивающее его применение уголовно-процессуальное право (и насколько эффективно) задачу преследования и ресоциализации преступника и тем самым защиту общества от преступных посягательств. Тем не менее будем исходить из того, что применение наказания должно все-таки давать и дает возможность преступнику вернуться в дальнейшем к жизни без уголовно-правовых конфликтов и таким образом защитить (избавить) общество от дальнейших преступлений. Во всяком случае, это и делает уголовное право и предусмотренное им наказание социально осмысленным и необходимым, особенно когда это касается наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления. Сегодня нет необходимости также объяснять, что современное уголовное право не служит и не может служить удовлетворению иррациональных потребностей в мести («око за око», «зуб за зуб»), что было в прошлом и встречается сегодня как на уровне индивидуального, так и общественного сознания (это особенно проявляется при совершении «сенсационных» преступлений).

Уголовное право устанавливает публично-ориентированный запрет преступного поведения, основанный на неотвратимости наказания как самой острой государственной реакции на отклоняющееся поведение человека в системе общественных требований. Нормы-запреты, как и нормы-дефиниции и нормы-принципы, уголовного права (закона) уже сами по себе выполняют ориентирующую функцию в области определения того, что преступно и может преследоваться применением наказания и что непреступно и, следовательно, не может преследоваться в уголовно-процессуальном порядке, даже если и относится к отклоняющемуся (нежелательному) поведению. Этими правовыми нормами уголовного закона определяются исходные требования законности и обоснованности деятельности уполномоченных государственных органов по фактическому осуществлению принципа неотвратимости наказания лица, совершившего преступление, то есть и исходного процессуального порядка и оснований института уголовного преследования.

В свою очередь уголовное право само по себе не сможет выполнять функцию публично-ориентирующего контроля (запрета) и противодей-

ствия преступности посредством обеспечения неотвратимости наказания, если отсутствует процессуальный порядок отслеживания и оценки отклоняющегося поведения на предмет его преступности или не преступности в общем массиве как отклоняющегося, так и не отклоняющегося поведения.

Неотвратимость наказания (ответственности) за совершенное преступление как принцип уголовно-правового контроля и исходная цель уголовного преследования вовсе не означает реальное применение наказания, во всяком случае, не сводится только к этому. Но в обязательном порядке и, прежде всего, предполагает наличие и осуществление правовой процедуры по обнаружению и оценке факта совершения преступления и лица, его совершившего, то есть наличие публично-правовой реакции на свершившееся преступление в пределах, санкционированных уголовным законом. Указанная уголовно-правовая процедура (процесс деятельности) не менее важная в плане обеспечения неотвратимости наказания и реального действия самого уголовного закона. Наряду с определением в уголовном законе перечня преступлений и наказаний за их совершение уголовно-процессуальная процедура призвана реально демонстрировать обществу и самому преступнику наличность, оперативность, полноту и правовую целесообразность реакции общества и государства на факт совершения преступления (лучше каждого преступления) и тем самым незыблемость требований о соблюдении обществом уголовно-правовых запретов. Благодаря публично организованному процессуально-правовому порядку осуществления уголовного преследования лица, совершившего преступление, общество избегает бесконтрольной, неправовой реакции граждан по отношению к преступнику, снижая репрессивно-возмездный компонент уголовного права и предусмотренного им наказания.

Таким образом, уголовное преследование в материально правовом смысле – это деятельная сторона правового контроля преступного поведения – обнаружения и фиксации отклоняющегося от требований уголовно-правовых норм деяний, процесс их идентификации в качестве определенного преступления, установление лиц, совершивших преступления, их вины в содеянном. Указанная деятельная (по существу, содержательная) сторона уголовного преследования определяется функциями и правовыми началами уголовного права (закона). Оно же (уголовное преследование в таком исходном понимании) цементирует весь механизм уголовно-процессуальной деятельности, сертифицирует его элементы, средства осуществления и процессуальные формы закрепления в самостоятельную правовую ценность в рамках системы уголовной юстиции. Посредством правовых процедур уголовного преследования проводится в действие механизм уголовного судопроизводства на достижение и реализацию принципа неотвратимости наказания (ответственности), гарантируется и обеспечивается в целом законность уголовно-правового воздействия на преступность и преступника. Не случайно в литературе отмечается, что успешное осуществление уголовно-правовой политики во многом опреде-

ляется развитостью правовых механизмов (способов) обеспечения законности осуществления уголовного преследования [2, с. 5].

Посредством института уголовного преследования обеспечивается функционирование уголовно-правовой защиты человека, общества и государства от преступлений на основе возбуждения и ведения процессуального по форме и уголовно-правового по содержанию производства по каждому факту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Это первый и весьма важный связующий элемент при определении и материального, и процессуального содержания уголовного преследования, его процессуального начала (отсчета), пределов, оснований и целей его осуществления. Это также предполагает, что уголовное преследование с самого начала должно осуществляться по правосудным формам и решениям.

Уголовное преследование, писал А.Ф. Кони, «слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу» [3, с. 171]. Факт возбуждения уголовного преследования и его осуществления по признакам совершения определенного преступления и причастности к его совершению конкретного лица является существенным заделом в реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Если процессуальные формы осуществления уголовного преследования обеспечивают наряду с обвинением и достоверным установлением вины лица также и защиту невиновного от применения уголовной санкции, то они и приобретают самостоятельную правовую ценность в разрешении конфликта между государством и лицом, совершившим преступление [4, с. 112]. На этой правовой основе и начала развиваться идея о возможности и допустимости разрешения уголовно-правового конфликта по существу на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Учитывая правовой формат решений в обеспечении неотвратимости уголовной ответственности, которые принимаются уже в ходе уголовного преследования, в ряде государств, где уголовный процесс имеет более и менее выраженные стадии досудебного и судебного производства, вопросы разрешения по существу уголовно-правового конфликта переместилась на досудебную стадию уголовного преследования, особенно по преступлениям незначительной общественной опасности. Конечно, такие реформации вводились в целях процессуальной экономии правосудия и при условии обеспечения реализации принципа неотвратимости ответственности (наказания). В современной доктрине уголовного и уголовно-процессуального права это направление было обозначено как целесообразная альтернатива классическому уголовному преследованию, которое традиционно завершалось преданием преступника суду и его осуждением [5, с. 205–225].

Разумеется, речь не идет об отказе от уголовного преследования лица, совершившего преступление, а всего лишь о возможности (целесообразности) допустимости правосудного разрешении уголовного конфликта (уголовного дела) и обеспечения неотвратимости ответственности виновного без участия суда и осуждения его с назначением соответствующего наказания. Здесь важно подчеркнуть, что процессуальные предпосылки для развития альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов на досудебной стадии уголовного преследования определяются материально-правовыми основаниями и целями уголовной ответственности и возможностью их достижения посредством процессуальных средств и решений без обвинения лица перед судом в целях его осуждения.

Уголовно-процессуальные отношения, опосредствующие необходимость осуществления уголовного преследования, возникают при совершении лицом преступного деяния, то есть одновременно с возникновением охранительных уголовно-правовых (конфликтных по сути) отношений. В рамках этих охранительных отношений у уполномоченных государственных органов возникает право и обязанность подвергнуть совершившие преступление лицо уголовному преследованию. Его целью является изобличение и доказывание факта совершения преступления конкретным лицом по поводу квалификационной оценки преступного деяния и виновности лица, его совершившего, в целях применения санкции уголовного закона (уголовной ответственности).

Поскольку уголовная ответственность – это мера санкционного характера, основанная на государственном осуждении преступного деяния, а следовательно, предполагающая необходимость осуждения каждого, кто совершает такое деяние, то уголовное преследование по своей сути объективно носит обвинительный (ориентировано-осуждающий) характер и иным не может быть в своей основе. При наличии в процессуальной литературе расхождений в отдельных компонентах института уголовного преследования, оценка того, что в своей основе он все-таки направлен (сориентирован) на обвинение и последующее осуждение преступника, является общепринятой [6, с. 5; 7, с. 25; 8, с. 79; 9, с. 8]. «Само понятие уголовного преследования, – писал М.С. Строгович, – указывает на обвинительный характер этой деятельности…». И далее: «уголовное преследование – это обвинение как процессуальная функция, т. е. обвинительная деятельность» [10, с. 194].

Конечно, в этом усматривается определенная односторонность такого подхода к уголовному преследованию, хотя бы потому, что необременение обвинительного компонента уголовного преследования может отрицательно сказаться на охране прав и законных интересов самого преследуемого и других участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство [8, с. 80].

Не касаясь здесь процессуальных аспектов и задач такого обременения осуществления функции уголовного преследования, отметим, что они опять же обусловлены требованиями уголовного закона. Вменение факта

совершения преступного деяния конкретному лицу должно быть основано на нормах уголовного закона и быть обоснованно доказанным по всем элементам оснований уголовной ответственности (ст. 10 УК), включая цель восстановления нарушенных прав потерпевшего и наличие процессуальных средств защиты лица от необоснованного обвинения.

Поэтому уголовно-процессуальные нормы, определяющие порядок осуществления уголовного преследования уже на досудебной стадии, должны в системном и комплексном виде обеспечивать соотношение таких правовых явлений, как законность оценки факта вменения деяния в качестве преступного деяния конкретному лицу в соотношении с достоверностью (обоснованностью) доказательств такой оценки и соблюдением процессуально-правовой формы их получения. Однако такой алгоритм построения процессуального механизма и форм осуществления уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства позволит осуществлять его в режиме законности и обоснованности при условии концентрации за одним из субъектов уголовного преследования специфических праворазрешающих (правоустанавливающих) полномочий на досудебной стадии уголовного преследования. Исторически так сложилось, что указанные полномочия фокусируются в многоаспектной по характеру деятельности прокурора в обеспечении правовых механизмов уголовного преследования. В нем синтезируются в одно целое в соотношении с процессуальной деятельностью иных субъектов уголовного преследования обвинительные и провоохранительные полномочия в осуществлении прокурором указанной функции. По окончании (завершении) досудебной стадии уголовного преследования не кто иной, как прокурор принимает правообязывающее решение, констатирующее законность обвинения лица в совершенном преступлении, его обоснованность собранными по делу доказательствами, полученными в надлежащем процессуальном порядке, и возможность поддержания обвинения перед судом в целях осуществления акта правосудия. На судебной стадии уголовного судопроизводства полномочия прокурора в уголовном преследовании трансформируются в систему процессуальных действий (решений) по поддержанию государственного обвинения. Это подтверждает тезис, что полномочия прокурора с самого начала уголовного преследования при всей важности полномочий иных субъектов аккумулируют режим правового обеспечения законности обвинительной деятельности, как всех иных субъектов уголовного преследования, так и собственной при разрешении прокурором материально-правовых и процессуальных вопросов уголовного преследования. Никакой другой субъект уголовного преследования, кроме прокурора, не наделяется и не должен наделяться такими полномочиями комплексного характера по обеспечению режима законности при принятии процессуальных и материально-правовых решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства в рамках реализации функции уголовного преследования [2, с. 8–9]. В

противном случае это ведет к правовой разбалансированности контроля и обеспечения законности при реализации уголовного преследования.

Иные субъекты уголовного преследования (орган дознания, следователь) в рамках установленных процессуально-правовых процедур и в пределах процессуальных полномочий, а также заданных уголовным законом оснований признания определенного деяния в качестве преступного по выявленному факту совершения такого деяния осуществляют не менее значимую деятельность в уголовном преследовании. Тем не менее, несмотря на то, что их полномочия в уголовном преследовании и осуществляются в строго заданных процессуальными нормами целях средствами, они все-таки реализуют свои полномочия в уголовном преследовании и формировании обвинения в форме дознания и предварительного следствия. Это означает, что дознание и предварительное следствие как процессуальные формы осуществления функции уголовного преследования должны быть сосредоточены на установлении, выяснении и процессуальном закреплении всех обстоятельств, могущих быть доказательствами как факта совершения конкретного преступления, так и причастности (виновности) определенного лица к его совершению.

В зависимости от полноты получения (наличия) таких обстоятельств (доказательств) указанные органы уголовного преследования (в том числе и прокурор) принимают оценочно-промежуточные решения (постановления о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве подозреваемого и обвиняемого) [11, с. 19]. Такого рода процессуальные решения субъектов уголовного преследования генерируют направленность и определенность процессуальных действий субъектов обвинения (субъектов, осуществляющих уголовное преследование), а также актуализируют процессуальную деятельность иных субъектов уголовного процесса, в том числе преследуемого по процессуальным и материально-правовым аспектам защиты от необоснованного уголовного преследования.

Следователь решает важные задачи в реализации функции уголовного преследования. Тем не менее, предварительным следствием в установленных процессуальных формах и при соблюдении процессуальных гарантий защиты прав преследуемого, а также интересов потерпевших и иных участников, вовлекаемых в процедуру процессуальной деятельности, обеспечиваются, прежде всего, поисково-познавательные и предварительные оценочно-процессуальные задачи и решения относительно наличия факта преступного деяния (преступления) и виновности лица, его совершившего.

В современном процессуальном формате полномочия прокурора в осуществлении уголовного преследования по степени правового насыщения остаются заглавными хотя бы потому, что именно прокурор принимает итоговое решение о полноте и обоснованности полученных в ходе предварительного следствия доказательств обвинения прежде чем направить уголовное дело в суд (ст. 263 УПК).

В связи с относительным процессуальным обособлением предварительного следствия (за прокурором все-таки сохраняется право проведения предварительного следствия) теоретически, да и процессуально конструкция оптимального разрешения проблемы соотношения и взаимодействия собственно надзорных полномочий прокурора за законностью предварительного следствия с его полномочиями как одного из субъектов уголовного преследования остается не вполне понятной и незавершенной. Это влечет правовую неустойчивость процессуальных форм и недостаточную эффективность реализации законодательно установленных полномочий субъектов, осуществляющих уголовное преследование, подрывает процессуальные гарантии правоохранительного аспекта этой деятельности по отношению ко всем участникам уголовно-правового конфликта и процессуальной деятельности по его рассмотрению и разрешению. Это проявляется и в несоответствии процессуальных предпосылок и оснований начала (открытия) уголовного преследования уголовно-правовым основаниям уголовной ответственности. Собственно с указанными проблемами связанна дискуссия относительно того, что возбуждать – уголовное дело или уголовное преследование? [12, с. 57–59]. В конечном итоге это привело к тому, что процессуальный закон многих государств отказался от стадии возбуждения уголовного дела. Хорошо это и плохо, покажет время.

Совершенно очевидно, уголовное преследование открывается (должно открываться) с момента поступления информации (сообщения, обнаружения фактов), свидетельствующей о совершении деяния, содержащего признаки преступления, а не с момента возбуждения уголовного дела. Начало производства по уголовному преследованию должно оформляться постановлением уполномоченного на его осуществление субъектом об открытии такового. С открытием уголовного преследования начинается и производство предварительного следствия, все следственные действия осуществляются в установленной процессуальной форме и имеют соответствующую правовую и процессуальную значимость по отношению ко всем участникам уголовно-правового конфликта и участникам процессуальной деятельности. Возбуждение уголовного дела приемлемо для той стадии уголовного преследования, когда оно персонифицировано и начинает осуществляться в отношении определенного лица.

Список цитированных источников

1. Хелльманн, Уве. Функции уголовно-процессуального права ФРГ / Уве Хелльманн // Сравнительно-правовой анализ практики применения Европейской конвенции по правам человека в системах исполнения наказаний России и зарубежных стран: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (28–29 апреля 2011 г.) / под ред. Р.А. Ромашева. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2011. – С. 292–299.

2. Крюков, В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора / В.Ф. Крюков. – М.: Норма, 2010. – 480 с.

3. Кони, А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1967. – Т. 4. – 543 с.

4. Михайловская, И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цели уголовного процесса / И.Б. Михайловская // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 111–116.

5. Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 544.с.

6. Давыдов, П.М. Обвинение в советском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / П.М. Давыдов. – Свердловск, 1973. – 32 с.

7. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. – М., 1986. – 159 с.

8. Соловьев, А.Б. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования / А.Б. Соловьев, Н.А. Якубович // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. – Кемерово, 1996. – С. 73–81.

9. Халлиулин, А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А.Г. Халлиулин. – М., 1997. – 31 с.

10. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.

11. Руководство для государственного обвинителя: учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О.Н. Коршуновой. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. – 772 с.

12. Кругликов, А.П. Что возбуждать: уголовное дело или уголовное преследование? / А.П. Кругликов // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С . 57–59.

Дата поступления статьи – 16.10.2012.

В статье раскрываются уголовно-правовые основания формирования процессуальных форм деятельности по осуществлению уголовного преследования, направленного на обеспечение неотвратимости уголовной ответственности на досудебной стадии уголовного судопроизводства, обосновываются процессуально-правовые предпосылки оптимизации уголовного преследования с учетом разрешения им многоплановых задач посредством поддержания баланса процессуальных полномочий его субъектов на принципах обеспечения законности разрешения уголовно-правового конфликта.

The article reveals the criminal-legal grounds of creation of types of procedural activities of carrying out criminal proceeding aimed at providing inevitability of criminal responsibility within prejudicial inquiry stage of criminal process; it justifies legal-procedural preconditions of criminal proceeding optimization taking into consideration multi-dimensional tasks of criminal proceeding which are executed by maintaining the balance of procedural powers of criminal-procedural subjects basing on the principles of rule of law and adjudication in criminal-legal conflict.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В УПОРЯДОЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, СВЯЗАННЫХ С ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ

Белинский В. В., Чирков Д. К.

Международная миграция населения – это реальность современного глобализирующегося мира. Практически не осталось стран, которые в той или иной степени не были бы вовлечены в сферу миграционных отношений, которые постоянно интенсифицируются, становятся более многообразными по видам и форме.

Миграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, имеют сложный характер, обусловленный реформированием важнейших сторон общественной и государственной жизни, политическими и социально-экономическими переменами, имевшими место после распада СССР.

В ходе эволюционного развития Содружества Независимых Государств вопросы миграции традиционно занимают ведущее место. Создана и развивается организационно-правовая база сотрудничества, начало которой было положено подписанием 9 октября 1992 г. Соглашения о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств по территории его участников. За прошедшее время произошло формирование национальных законодательств, созданы соответствующие структуры, налаживается сотрудничество со специализированными международными организациями.

На фоне формирования механизмов реализации права граждан государств – участников Содружества Независимых Государств на свободу передвижения, выбора места жительства, пребывания и осуществления трудовой деятельности, приходится констатировать, что масштабы миграционных процессов опережают возможности государственных органов по их регулированию. Государства – участники СНГ осуществляют меры, направленные на предупреждение и предотвращение незаконной миграции, вместе с тем отсутствие единого системного контроля за транзитом и пребыванием иностранных граждан в значительной степени способствует ее росту. Это свидетельствует о недостаточной эффективности миграционной политики заинтересованных стран, несовершенстве нормативных правовых актов как на национальном уровне, так и в рамках Содружества.

В официальной статистике учитываются только те лица, которые официально обратились с просьбой о регистрации, и данные по легально

въехавшим и находящимся в стране. Полная информация о количестве пребывающих на территорию стран Содружества мигрантов отсутствует. При этом, по различным экспертным оценкам, на российской территории находится от 1,5 до 15 миллионов незаконных мигрантов. Согласно данным статистики на заработках в России находятся около 950 тысяч граждан Таджикистана и Узбекистана. Эксперты же называют цифру вдвое большую. Так, в 2009 году организованным набором на работу в Россию из Таджикистана было отправлено не более 100 человек. Прогнозы показывают, что к 2012 году численность трудоспособного населения Таджикистана возрастет на 500 тысяч человек, что неминуемо приведет к росту числа безработных и, как следствие, трудовых мигрантов[1].

Наличие большого количества иностранных граждан и лиц без гражданства с неопределенным правовым статусом порождает ряд негативных явлений.

В части осложнения криминогенной ситуации особую тревогу вызывают организованные этнические преступные группировки, враждующие между собой. Поскольку их корыстные интересы дополняются национальной (этнической) общностью, они имеют более сплоченный характер, что значительно повышает жизнеспособность данной криминальной структуры, равно как и ее сопротивляемость внешнему воздействию не только со стороны правоохранительных органов, но и со стороны других конкурирующих преступных группировок.

Возрастает доля участия мигрантов в обороте наркотиков [2], оружия, валюты, переправке «живого товара», в том числе в целях трансплантации человеческих органов либо тканей за границу, изготовлении и сбыте поддельных документов и банковских билетов Центрального банка Российской Федерации[1]. По информации Исполкома Содружества Независимых Государств, некоторые мигранты прибывают в страны Содружества с особо опасными и социально значимыми инфекционными заболеваниями, такими как чума, холера, ВИЧ-инфекция, брюшной тиф, туберкулез, дифтерия [3].

Недоработки в адаптации мигрантов к социокультурным условиям страны пребывания приводят к тому, что миграционные процессы оказывают непосредственное влияние на состояние межнациональных отношений, способствуют нарастанию межэтнической напряженности и экстремистским проявлениям.

Проблема регулирования миграционных потоков и предотвращения негативных экономических последствий, возникающих вследствие их искажения, является актуальной и важной составляющей обеспечения эко-

[1] Указанные преступления, на наш взгляд, являются высоколатентными, совершаемыми транснациональными преступными сообществами, имеющими свою службу безопасности, включая разведку, контрразведку и поддержку в высших кругах власти (коррумпированные связи).

номической безопасности Российской Федерации. Воздействие нелегальной миграции на экономику неоднозначно. Нелегалы, подавляющее число которых это мужчины в возрасте от 16 до 50 лет, заполняют вакансии в непрестижных отраслях и работах, от которых отказываются местные жители. Их труд использует значительная часть организаций, привлекающих иностранных граждан для работы в различных сферах экономики.

Наибольший удельный вес среди нелегалов занимают лица, занятые в теневом и частном секторах (40 % и 32 % соответственно). Так, самой лучшей работой со стабильным заработком (до 1000 долларов США за сезон) среди мигрантов считается торговля на рынках в крупных городах России. Другим видом высокооплачиваемой работы является строительство коттеджей, дач, многоквартирных домов. Здесь каждый в среднем получает около 300–500 долларов в месяц в зависимости от региона. Доля нелегалов, занятых в государственном секторе, где осуществляется строгий контроль за размерами заработков и использованием иностранной рабочей силы, крайне незначительна [4].

Территория России становится привлекательной для представителей стран с более низким уровнем жизни вследствие разницы в оплате труда. Так, по данным за 2010 году индонезийские чернорабочие получали около 9 рублей в день, а в соседней Малайзии – 60 рублей [5].

Работодатели стремятся сократить издержки и идут на нарушение норм трудового законодательства, правил охраны труда, не заботятся о создании нормальных условий проживания таких работников. В своей работе В.Г. Бессарабов и М.В. Маматов отмечают, что «работодатели повсеместно грубо нарушают права иностранных работников, пользуясь бесправным положением мигрантов при осуществлении ими трудовой деятельности. Такие нарушения обусловлены стремлением хозяйствующих субъектов получить максимальную прибыль за счет ущемления трудовых прав иностранных работников …» [6]. Например, при использовании рабочей силы нелегальных мигрантов в строительном бизнесе, при незаконном производстве спиртосодержащих продуктов, фальсифицированных пищевых продуктов и промышленных товаров, в процессе криминальной деятельности в сфере лесопромышленного комплекса работодатель несет минимальные издержки по содержанию мигрантов, в частности, работники проживают на промышленных (строительных) объектах, которые отнесены к нежилым либо подсобным помещениям. Кроме того, работодатель зачастую не оплачивает не только зарплату, но и билеты на обратный проезд. Так, один из опрошенных нами информантов (гр-н Таджикистана), работавший в Москве на строительстве многоэтажного дома в 2008 году, сообщил, что «хозяин перед окончательным расчетом заработной платы всей бригаде за 8 месяцев пригласил «девушек легкого поведения», которые провели с ними всю ночь, а под утро заявили об изнасиловании. После чего всех 28 человек забрали в отдел милиции, из них 9 привлекли к ответственности, а остальные разъехались, не получив от работодателя ни копейки».

Одновременно мигранты создают дополнительную нагрузку на инфраструктуру, социальную сферу (здравоохранение, образование и др.), что вызывает недовольство местного населения.

Денежные потоки, формируемые в миграционной сфере, в том числе в результате криминальной и около криминальной деятельности мигрантов, на сегодняшний день не поддаются оценке. По экспертным оценкам ежегодно мигранты во всем мире направляют более 70 млрд долл. в свои страны в форме денежных переводов. По данным Дмитрия Полетаева, полученных в ходе исследования, деньги на родину пересылают до 35 % всех мигрантов. В среднем мигранты пересылают на родину около 109 долларов ежемесячно. Если принять за общую численность нелегальных мигрантов экспертную оценку в 5 млн человек, приводимую Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской, то, рассчитывая сумму ежегодного вывоза валюты мигрантами из России («миградоллары»), мы получим следующий результат [7]:

5 млн чел. × 0,35 × 109 долл. × 12 мес. = 2 289 млн долл.

Если предположить, что деньги пересылает каждый мигрант, а не 35 %, то:

5 млн чел. × 109 долл. ×12 мес. = 6 540 млн долл.

Отсюда можно сделать вывод, что из России ежегодно мигрантами вывозится от 2,3 млрд долл. до 6,54 млрд долл., а по другим данным вывозится более 13–15 млрд долл. [7, 8]. Так как наряду с официальными каналами перевода денежных средств многие мигранты задействуют и неофициальные системы передачи денег (например, «хавала», которая эффективно функционирует во многих регионах мира).

Денежные потоки мигрантов составляют значительную часть средств, формирующих отток капитала. В частности, только по итогам первого полугодия 2011 года чистый отток капитала из России составил более 31 млрд долл. В целом за 2010 год из страны было выведено 35,3 млрд долл., а годом ранее – 56,9 млрд [9].

Своевременно выявлять наиболее распространенные правонарушения, отслеживать намечающиеся негативные тенденции в развитии миграционной ситуации позволяет активный и последовательный прокурорский надзор. Наиболее распространенными видами выявляемых нарушений со стороны работодателей являются:

несоблюдение правил привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности;

нарушения порядка привлечения к административной ответственности органами ФМС за правонарушения, предусмотренные гл. 18 Кодекса РФ об административных правонарушениях (например, прокуратурой Охотского района выявлен факт регистрации специалистом администрации сельского поселения «Село Вострецово» по месту жительства семьи

Акбаровых, являющихся гражданами Узбекистана, прибывших на территорию района для постоянного проживания, в нарушение п. 5 Правил регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17.07.1995 № 713, – без предъявления паспортов граждан Российской Федерации);

неотчисление (сокрытие) налоговых вычетов и т. д.

Миграционные органы проводят регулярные проверки работодателей, использующих труд мигрантов. Вместе с тем практика противодействия незаконной миграции показала, что гораздо эффективнее действуют точечные меры экономического характера в отношении работодателей, чем массовые мероприятия по проверке паспортно-визового режима.

В этой связи считаем целесообразным проведение следующих мероприятий:

1. Организовать изучение опыта зарубежных государств, таких как Австрия, Великобритания, Швеция, Швейцария и других, в области обеспечения экономической безопасности миграционных процессов.

2. Провести анализ финансовых потоков, формируемых за счет денежных средств мигрантов, полученных ими в период трудовой (в том числе нелегальной) деятельности, для чего включить в планы научно-исследовательских работ, проводящихся в научных и образовательных учреждениях компетентных органов, соответствующие мероприятия.

3. Совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами спланировать и провести комплексные профилактические мероприятия, направленные на выявление фактов уклонения предприятиями, привлекающими труд мигрантов, от уплаты налогов и иных обязательных платежей, а также осуществления незаконной предпринимательской деятельности.

4. Усилить надзор за исполнением компетентными органами законодательства, регулирующего вопросы миграционного и регистрационного учета иностранных граждан и лиц без гражданства, миграции, гражданства и свободы выбора места жительства.

5. Обеспечить системный подход к проведению проверок исполнения законодательства в сфере миграции, повысить качество надзорных мероприятий, применять адекватные выявленным нарушениям закона меры прокурорского реагирования.

6. Обеспечить надзор за соблюдением законности при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях в сфере миграционного законодательства, ходом расследования уголовных дел.

7. Активизировать меры прокурорского реагирования на нарушения трудового законодательства, вплоть до обращения в судебные органы в интересах работников (мигрантов).

8. Правоохранительным органам совместно с прокуратурой целесообразно провести комплексные мероприятия по проверке компаний, специализирующихся на предоставлении посреднических услуг в области миграции гражданам.

Список цитированных источников

1. Миграционный барометр в Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.baromig.ru/foreign-expierence/opyt-raboty-s-migrantami-za-rubezhom/t-rasul-zade-gibnut-ischezayut-i-razvodyatsya-po-sms-trudovaya-migratsiya-v-tadzhikistane-kak-gosudar.php; http://research-migration.narod.ru/.

2. Семенихин А.Л. Наркобизнес в России и его негативные последствия// Экономическая преступность в сфере Инвестиционной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2011. – С. 305.

4. Режим доступа: http://www.migrator.ru/news/?id=98.

5 Нелегальная миграция. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/; http://www.nbenegroup.com/migration/illegal.html.

6. Режим доступа: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/global_wage_report_ru.pdf / Доклад/ Политика в области заработной платы в период кризиса. Заработная плата в мире в 2010–2011 гг. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2011/09/27/mrot.html.

7. Бессарабов, В.Г. Состояние законности в сфере трудовой миграции и работа органов прокуратуры / В.Г. Бессарабов, М.В. Маматов // Актуальные проблемы международно-правового обеспечения миграционной безопасности России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 25 марта 2010 г. // Сб. науч. ст. под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Хабибуллина. – М.: АЭБ МВД России, 2010. – С. 76.

8. Нелегальная миграция: результаты социологического исследования в регионах России. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2011/07/12/vyvoz/.

9. ФМС и Росфинмониторинг проверят счета гастарбайтеров. –Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0297/gazeta011.php; Мигранты? Мигранты? Мигранты… . – Режим доступа: http://www.eifgaz.ru/serdyukov8-10.htm.

10. Режим доступа: http://lenta.ru/news/2011/07/12/vyvoz/.

Дата поступления статьи – 25.07.2012.

В статье автором рассматривается современная миграционная ситуация в Российской Федерации, которая свидетельствует о том, что для достижения социального процветания и экономического прогресса требуется твердая воля государства и внимание всего российского общества к достижению в стране прочного правопорядка и законности в области регулирования миграционных процессов.

In article the author considers a modern migratory situation in the Russian Federation which shows that for the achievement of social prosperity and economic progress it is necessary to have firm will of the state and attention of all Russian society to achievement in the country of a strong law and order and legality in the field of regulation of migratory processes.

ИНСТИТУТ ПРОКУРОРСКОГО СЛЕДСТВИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Сенько А. С.

Происшедшая в 2011 году, в контексте образования Следственного комитета Республики Беларусь, передача следственного аппарата органов прокуратуры в состав вновь созданного государственного органа и фактически полное прекращение в связи с этим прокуратурой непосредственного уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса ознаменовали собой начало нового этапа в деятельности прокуратуры в сфере осуществления предварительного следствия по уголовным делам, выдвигающего перед теоретическими и практическими работниками задачу по уяснению современной сущности и содержания обозначенной функции прокуратуры. Полноценное решение данной задачи невозможно без изучения процесса становления и развития института предварительного следствия органов прокуратуры на предшествующих ему этапах (1922–2011 гг.), а также факторов и обстоятельств, обуславливающих его интенсивность и качественные параметры. Системное рассмотрение этих вопросов позволит более четко говорить о направлении нынешней реформы функционирования прокуратуры и оценивать ее будущие результаты с точки зрения эффективности обновленной модели уголовного преследования.

Прежде всего следует отметить, что первоначально при учреждении в республике органов прокуратуры на прокуроров не возлагалась обязанность по проведению предварительного следствия по уголовным делам. Согласно Положению о прокурорском надзоре от 26 июня 1922 г. прокуроры вправе были лишь возбуждать уголовное преследование против виновных лиц (предложение прокурора о возбуждении уголовного преследования являлось поводом к возбуждению уголовного дела), а также непосредственно наблюдать за деятельностью следственных органов и органов дознания в области расследования преступлений и давать им указания и разъяснения по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим связанным с предварительным следствием вопросам [1, ст. 2]. Функцию предварительного следствия не осуществляли и прототипы отечественной прокуратуры – отделы охраны революционной законности, прокурор кассационного трибунала, прокурор революционного трибунала и товарищи прокурора, должности которых были утверждены Президиумом ЦИК БССР 3 января 1922 г. [2, с. 42].

Предварительное следствие по уголовным делам в республике в то время производилось народными следователями, военными следователями и судьями. При этом необходимо подчеркнуть, что такая модель следственного аппарата, сложившаяся к середине 1922 года, с одной стороны, представляла собой результат активного поиска оптимальных институцио-

нальных форм реализации уголовного преследования, с другой, – не являлась завершенной и совершенной системой.

Как известно, Декретом СНК РСФСР «О суде», опубликованном 24 ноября 1917 г., предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на местных судей единолично. Для производства следствия по уголовным делам, подсудным революционным трибуналам, образовывались при местных Советах следственные комиссии [3, ст.ст. 3, 8]. В дальнейшем прослеживается определенная корректировка правовых предписаний, относящихся к организационным формам предварительного следствия, направленная на сужение непосредственных полномочий суда по проведению предварительного следствия по уголовным делам посредством переноса тяжести следственной работы на иные государственные институты. Так, Декретом СНК РСФСР «О суде № 2», изданном 7 марта 1918 г., устанавливалось, что предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда, производится следственными комиссиями из трех лиц, избираемых впредь до назначения прямых выборов местными Советами [4, ст. 21]. Спустя непродолжительное время законодателем было уточнено, что по более сложным уголовным делам, подсудным местному народному суду, допускается проведение предварительного следствия следственными комиссиями [5, ст. 6].

Очередным значимым шагом в реформировании следственного аппарата республики стали Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. и Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. Согласно первому из них впредь постоянный народный судья единолично был вправе производить при необходимости предварительное следствие по уголовным делам, подлежащим рассмотрению народным судом с его участием в составе двух заседателей. Производство же предварительного следствия по уголовным делам, рассматриваемым народным судом с участием шести заседателей, осуществлялось следственными комиссиями. По остальным же уголовным делам от народного суда зависело либо ограничиться произведенным милицией дознанием, либо передать уголовное дело для производства предварительного следствия в следственную комиссию, либо же в нетерпящих отлагательства случаях поручить производство предварительного следствия постоянному народному судье [6, ст. 6, 28]. Вторым – заменялись следственные комиссии единоличными народными следователями [7, ст. 28]. Подобные преобразования затронули и следственные комиссии революционных военных трибуналов, которые были заменены единоличными военными следователями [8, с. 30–31].

В дальнейшем Положением о судоустройстве БССР от 30 марта 1923 г. система следственных органов была вновь обновлена и впервые представлена органами прокуратуры. Положением о судоустройстве вводились должности народных следователей при соответствующих следственных участках и следователей по важнейшим делам при отделе Прокуратуры Народного комиссариата юстиции (Наркомюста). Распределение

следственных участков и назначение народных следователей осуществлялось определением Высшего суда республики и утверждалось Наркомюстом. Отстранение же их от должности производилось определением этого же суда по своей инициативе, или по предложению соответствующего исполнительного комитета, или Наркомюста. Следователи же по важнейшим делам назначались, перемещались и отстранялись распоряжением отдела Прокуратуры Наркомюста [9]. Следовательно, днем становления института предварительного следствия прокуратуры необходимо признать 30 марта 1923 г. – дату принятия Положения о судоустройстве БССР.

В дальнейшем на протяжении более чем четырех десятилетий происходит расширение компетенции прокуратуры по производству предварительного следствия по уголовным делам. Основным фактором, обуславливающим данную тенденцию, как представляется, явилось предоставление прокуратуре функции процессуального руководства предварительным расследованием уголовных дел.

Акцентируя внимание на данном обстоятельстве, необходимо иметь в виду, что вплоть до утверждения 25 мая 1922 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР законодателем системно не решался вопрос об организации надзора за ходом предварительного расследования уголовных дел. Были заложены только процессуальные основы данного института. Надзор за следствием в разнообразных процессуальных формах осуществляли различные органы: народные суды, революционные трибуналы, Наркомюст, губернские отделы юстиции. Однако, как обоснованно отмечается в специальных исследованиях, эти органы в силу своей обособленности, а равно ввиду специфичности своих основных задач не всегда были в состоянии обеспечить единство законности. Осуществляемый ими надзор не всегда являлся эффективным и поэтому не мог в достаточной мере способствовать задаче решительной борьбы с преступностью и искоренением недостатков в следствии. Ощущалась потребность в специальном органе надзора, который, основываясь на принципах централизации, смог бы сосредоточить в своих руках надзор за всей деятельностью органов следствия и дознания [8, с. 32–33].

По УПК 1922 года прокурор контролировал возбуждение уголовных дел, избрание мер пресечения, разрешал ходатайства следователей по выемке почтово-телеграфной корреспонденции, выяснял причины задержки в производстве следственных действий. Вместе с тем следователь оставался в процессуальном подчинении суда, который разрешал и рассматривал большинство жалоб, приносимых на действия следователя. Следователь в случае несогласия с решением прокурора по жалобе мог обжаловать его в суд, который и разрешал окончательно спорный вопрос. Суд мог продлить срок содержания под стражей в качестве меры пресечения, прекращать и приостанавливать производство по уголовному делу, передавать его из одного участка в другой и т. п.

Такое двойственное осуществление надзора за следствием объяснялось, как отмечал Н.В. Жогин, тем, что в те годы большинство следователей состояли при суде. Административная зависимость органов следствия от суда перерастала в зависимость процессуальную, и по существу суд осуществлял надзор за расследованием наряду с прокуратурой [8, с. 36–38].

Подобное положение дел создавало параллелизм в руководстве следователями и не лучшим образом сказывалось на их деятельности. В связи с этим часть практических работников стала высказываться за необходимость предоставления прокуратуре не только права руководить следователями, но и за административное подчинение их прокурору. Прокуроры, по их мнению, должны были получить право назначать, перемещать и увольнять всех следователей. В процессуальном же плане прокуратура должна была стать единственным органом надзора за деятельностью органов следствия [10, с. 25–26; 11, с. 545–546]. В этом отношении, в частности В. Одинцов писал, что практика мест выдвинула три основных вопроса, касающихся следственного аппарата. Первый – повышение материально-технического обеспечения следователей, второй – это квалификация и подбор народных следователей, а следовательно, и укрепление следственного аппарата наилучшей следственной силой. И третий вопрос, как итог этих двух вопросов, – быстрота движения следственного производства по уголовным делам. По мнению автора, поставленные вопросы могли быть разрешены только посредством передачи следственного аппарата прокуратуре [12, с. 103–104].

Другая часть практических работников, в том числе и представители прокуратуры, выступала против таких предложений. Я. Бранденбургский отмечал, что «нужно исходить исключительно из соображений практической целесообразности, и на вопрос, кто в данный момент, в настоящей конкретной обстановке, более в состоянии правильно руководить следственным аппаратом: пленум ли губсуда, как коллегиальное учреждение, при участии прокурора и стоящий над тенденцией обвинить во чтобы то ни стало, или единолично прокурор – обвинитель, я безоговорочно отвечаю: пленум губсуда» [13, с. 123–124]. Сами же представители следственных органов видели основу повышения качества их деятельности не в подчинении следователя тому или иному органу, а в надлежащем материально-техническом и организационном обеспечении их деятельности [14, с. 584–585].

Последующие изменения законодательства показали, что за основу была взята первая из приведенных позиция. Новой редакцией УПК от 15 февраля 1923 г. была значительно усилена функция прокуратуры по процессуальному руководству следователями. Все основные следственные действия стали поднадзорны прокуратуре.

По УПК 1923 года органами предварительного следствия являлись следователи и органы государственной безопасности. Прокуратура осуществляла надзор за соблюдением законности при проведении предвари-

тельного следствия. Указания прокурора были обязательны для следователя. Прокурор вправе был знакомиться со всеми материалами уголовных дел, находящимися в производстве следователей; производить отдельные следственные действия; осуществлять надзор за законностью и обоснованностью избираемых следователем мер процессуального принуждения; проверять соблюдение сроков предварительного расследования, обоснованность приостановления производства и прекращения уголовного дела, а также утверждать составленное следователем обвинительное заключение. Часть следственных действий следователь мог производить лишь с согласия прокурора и т. п.

Произошли коренные изменения в подчинении следователей прокуратуре и в административном плане. Как отмечает со ссылкой на архивные источники И.И. Мартинович, уже в марте 1924 года в республике был частично решен вопрос о передаче следственного аппарата в систему органов прокуратуры. В целях усиления надзора за деятельностью участковых и уездных следователей циркуляром отдела Прокуратуры Наркомюста от 11 марта 1924 г. последние передавались в непосредственное ведение помощника окружного прокурора. Из числа участковых народных следователей два должны были находиться при помощнике прокурора и выполнять его поручения. Следователю запрещалось самостоятельно, помимо помощника прокурора, принимать к своему производству уголовные дела [2, с. 44].

Положение о судоустройстве БССР от 15 июля 1924 г. в этом направлении пошло еще дальше. Состоящие при соответствующих следственных участках народные следователи, при отделе Прокуратуры Наркомюста и при окружных прокурорах – следователи по важнейшим делам – назначались, перемещались и увольнялись прокурором Республики [15, ст.ст. 82, 83, 85]. Данная тенденция прослеживается и в Положении о судоустройстве БССР от 31 октября 1925 г. [16, ст.ст. 79, 80, 82].

Таким образом, произведенный анализ первых лет становления в стране прокурорского надзора позволяет заключить, что уже с 1923 года органами прокуратуры реализовывалась функция предварительного следствия по уголовным делам. Данному направлению деятельности прокуратуры в тот период отводилась второстепенная роль. О нем не упоминалось в центральном правовом акте, регулирующем вопросы организации и деятельности прокуратуры, – Положении о прокурорском надзоре от 26 июня 1922 г.

Об осуществлении прокуратурой рассматриваемой функции непосредственно не отмечалось и в Положении о прокуратуре СССР, утвержденном 17 декабря 1933 г. ЦИК и СНК СССР [17]. Однако косвенные свидетельства все же имеются. В ст. 19 Положения о прокуратуре СССР указывалось, что при прокуратуре СССР состоят следователи по важнейшим делам, действующие на всей территории СССР. Данное правовое предписание подтверждает факт реализации прокуратурой функции предварительного следствия по уголовным делам не только в соответствии с уголовно-процессуальными нормами, но и общесоюзными актами о прокуратуре.

Такое положение дел просуществовало вплоть до принятия Положения о прокурорском надзоре в СССР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. По Положению о прокурорском надзоре в СССР Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры осуществляли возложенные на них задачи путем привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений [18, ст. 3]. Несомненно, что данная деятельность прокуратуры реализовывалась в том числе и посредством проведения предварительного следствия по уголовным делам.

В анализируемом Положении, в отличие от Положения о прокуратуре СССР, более детально излагались вопросы, связанные со следственным аппаратом прокуратуры. Отмечалось, что при Генеральном прокуроре СССР и прокурорах союзных республик состоят следователи по особо важным делам. В прокуратурах автономных республик, краев, областей и автономных областей имеются старшие следователи, в прокуратурах округов, городов и районов – старшие следователи и следователи (ст. 50).

При оценке роли деятельности прокуратуры по осуществлению предварительного следствия по уголовным делам нельзя обойти вниманием и первый уголовно-процессуальный закон республики, закрепивший сложившуюся к тому времени модель следственной системы страны и прокурорского надзора за досудебным производством по уголовным делам. По первоначальной редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 1960 г. предварительное следствие по уголовным делам производили следователи органов прокуратуры и следователи органов государственной безопасности (ст. 43). При этом по подавляющему большинству уголовных дел предварительное следствие осуществлялось органами прокуратуры (следователями органов государственной безопасности производилось предварительное следствие только по преступлениям, предусмотренным 10 статьями УК Республики Беларусь). УПК 1960 года также подтверждались полномочия прокурора по процессуальному руководству предварительным расследованием по всем уголовным делам с наделением прокуроров императивными полномочиями в отношении следователей и начальников следственных подразделений. Это обстоятельство свидетельствует в пользу предположения о том, что концентрация практически всего следственного аппарата республики в системе органов прокуратуры проводилась в единстве с наделением прокуроров полномочиями по процессуальному руководству предварительным следствием.

Такой традиционный подход к организации следственного аппарата страны и прокурорского надзора за досудебным производством в целом сохранялся вплоть до 2011 года, несмотря на то, что со временем следственный аппарат был учрежден и в других государственных органах (органах охраны общественного порядка), а затем в органах финансовых расследований [19]. В тоже время подчеркнем, что прокуратура продолжала занимать одно из центральных мест в системе следственного ме-

ханизма страны, ибо, к примеру, по последней действующей редакции УПК 1960 года, в качестве только исключительной подследственности следователям прокуратуры было передано производство предварительного следствия по преступлениям, предусмотренным более чем 90 статьями УК Республики Беларусь.

Функция прокуратуры по осуществлению предварительного следствия по уголовным делам нашла свое непосредственное закрепление и в первом законе, регламентирующем организацию и деятельность органов прокуратуры в СССР. В абз. 8 ч. 1 ст. 3 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» указывалось, что прокуратура осуществляет расследование преступлений. Ст. 18 этого же закона предписывала, что следователи прокуратуры производят предварительное следствие по уголовным делам, отнесенным законом к их компетенции, а также по другим делам, переданным им прокурором [20].

Таким образом, на протяжении всего советского периода государственности органы прокуратуры осуществляли функцию предварительного следствия, концентрируя у себя как следственный аппарат, так и полномочия по процессуальному руководству предварительным расследованием.

Очередной этап в становлении института предварительного следствия прокуратуры обуславливается приобретением Республикой Беларусь государственного суверенитета. В его рамках прослеживается не только следование традициям советской школы организации и деятельности прокуратуры, но и усиление в первую очередь в плане правовой регламентации, института предварительного следствия прокуратуры. Законом Республики Беларусь от 29 января 1993 г. «О Прокуратуре Республики Беларусь» устанавливалось, что следователи прокуратуры проводят расследование по делам о преступлениях, отнесенных законом к их подследственности, а также по любым другим делам по указанию прокурора [21, ст.ст. 2, 19]. В 1994 году впервые рассматриваемая нами функция была закреплена на конституционном уровне. Согласно ст. 133 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. прокуратура в случаях, предусмотренных законом, проводит предварительное следствие. Аналогичное предписание содержится и в ст. 125 действующей редакции Конституции Республики Беларусь. Следовательно, деятельность прокуратуры по осуществлению предварительного следствия по уголовным делам была отнесена к конституционным обязанностям прокуратуры.

Ориентируясь на конституционные предписания, законодатель в первоначальной редакции УПК 1999 года установил, что предварительное следствие осуществляется следователями прокуратуры, органов предварительного следствия Министерства внутренних дел, органов государственной безопасности и финансовых расследований. К исключительной подследственности следователей прокуратуры относилось проведение предварительного расследования по преступлениям, предусмотренным более чем 80 статьями УК Республики Беларусь, а также о преступлениях, совершен-

ных депутатами Палаты представителей и членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и должностными лицами, занимающими ответственное положение; должностными лицами прокуратуры, органов внутренних дел, финансовых расследований в связи с их служебной или профессиональной деятельностью; военнослужащими и призванными на сборы военнообязанными, а также гражданским персоналом Вооруженных Сил Республики Беларусь и других воинских формирований в связи с исполнением ими служебных обязанностей или в расположении воинской части, учреждения или военного учебного заведения. Кроме этого, по УПК 1999 года к компетенции следователей прокуратуры относилось проведение предварительного следствия по преступлениям, предусмотренным более чем 70 статьями УК Республики Беларусь, в качестве альтернативной подследственности (ст. 182).

Помимо следователей прокуратуры проводить предварительное следствие по уголовным делам вправе были в соответствии с УПК и сами прокуроры (ст. 34). Параллельно на них возлагалось осуществление функций прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным расследованием.

В целях реализации функции предварительного расследования уголовных дел в прокуратуре был создан следственный аппарат. В соответствии с первоначальной редакцией Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» он был представлен следственным аппаратом Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (старшие следователи по особо важным делам, следователи по особо важным делам, следователи, старшие следователи-криминалисты, следователи-криминалисты, а также начальники и заместители начальников структурных подразделений, в состав которых входят эти следователи и следователи-криминалисты); следственным аппаратом прокуратур областей, города Минска и приравненных к ним специализированных прокуратур (старшие следователи по важнейшим делам, следователи по важнейшим делам, следователи-криминалисты, а также начальники и заместители начальников структурных подразделений, в состав которых входят эти следователи и следователи-криминалисты); следственным аппаратом прокуратур районов, районов в городах, городов, межрайонных и приравненных к ним специализированных транспортных и межгарнизонных военных прокуратур (старшие следователи и следователи) [22].

Такое положение дел в сфере функционирования системы предварительного расследования в республике, а также реализации прокуратурой функции предварительного следствия по уголовным делам практически просуществовало вплоть до 2010 года, когда остро стал вопрос о реформировании следственного аппарата страны.

Современная правоприменительная практика правоохранительных органов выявила ряд недостатков в системе предварительного расследования преступлений, главными причинами которых выступали зависимость

следователей от ведомственных интересов, ослабление прокурорского надзора за законностью производства предварительного расследования по уголовным делам в связи с осуществлением прокурорами процессуального руководства предварительным расследованием и т. п.

В этой связи стало очевидно, что совершенствование системы предварительного расследования возможно лишь посредством создания независимого следственного органа, расширения процессуальной самостоятельности следователя и повышения его правового и социального статуса [23, с. 3–9]. Первым шагом в реализации этих направлений стали положения Указа Президента Республики Беларусь от 1 марта 2010 г. № 99 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности органов прокуратуры». Данным нормативным правовым актом, в целях совершенствования деятельности органов прокуратуры и повышения качества осуществляемого ими предварительного следствия по уголовным делам, были переданы функции базового звена органов прокуратуры по осуществлению предварительного следствия по уголовным делам следственным отделам прокуратур областного уровня. Также устанавливалось, что следственный аппарат органов прокуратуры состоит из следственного управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и подчиненных ему следственных отделов прокуратур областей, города Минска и приравненных к ним специализированных прокуратур [24]. Вместе с тем Указом в целом не затрагивались полномочия прокурора по осуществлению процессуального руководства предварительным расследованием, проводимым как следователями прокуратуры, так и следователями иных ведомств. Подобные полумеры, выразившиеся в организационном преобразовании следственного аппарата прокуратуры, естественно не могли решить задачу по качественному улучшению предварительного расследования уголовных дел. Необходимо было, во-первых, реформировать весь следственный аппарат республики, во-вторых, обеспечить процессуальную самостоятельность следователей, в том числе посредством ограничения процессуальных полномочий прокурора по процессуальному руководству предварительным расследованием, что в дальнейшем и было осуществлено посредством издания Указа Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. № 409 «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь» и принятыми на его основе нормативными правовыми актами [25]. Следственный аппарат прокуратуры переводился в состав Следственного комитета Республики Беларусь. У прокурора были изъяты полномочия по процессуальному руководству предварительным расследованием уголовных дел.

Полагаем, что в этих условиях все же нельзя считать, что прокуратура лишилась функции осуществления предварительного следствия по уголовным делам. Данное направление деятельности прокуратуры подверглось серьезным качественным и количественным изменениям. Однако в целом правовые предписания ст. 125 Конституции Республики Беларусь, ст. 4 действующего Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» и ст. 34

Уголовно-процессуального закона свидетельствуют о том, что прокурор, как и прежде, вправе принять любое уголовное дело к своему производству и расследовать его в полном объеме.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что институт предварительного следствия прокуратуры начал функционировать фактически одновременно с созданием самих органов прокурорского надзора. Со временем весь следственный аппарат республики был сконцентрирован в прокуратуре, что обуславливалось выполняемой ею ролью по осуществлению процессуального руководства предварительным расследованием уголовных дел. Изъятие у прокуратуры данной процессуальной функции повлекло за собой передачу следственного аппарата прокуратуры вновь созданному органу – Следственному комитету Республики Беларусь – и стало точкой отсчета нового этапа в деятельности прокуратуры по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях процесса.

Список цитируемых источников

1. Положение о прокурорском надзоре, 26 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. – 1922. – № 5. – Ст. 83.

2. Мартинович, И.И. Судоустройство и прокурорский надзор в БССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) / И.И. Мартинович. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1960. – 57 с.

3. Декрет о суде, 24 ноября 1917 г. // КонсультантПлюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

4. Декрет о суде № 2, 7 марта 1918 г. // КонсультантПлюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

5. Декрет о суде № 3, 20 июля 1918 г. // КонсультантПлюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. О народном суде РСФСР (Положение): Декрет ВЦИК, 30 ноября 1918 г. // КонсультантПлюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

7. Положение о народном суде РСФСР: Декрет ВЦИК, 21 октября 1920 г. // КонсультантПлюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

8. Жогин, Н.В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел / Н.В. Жогин. – М.: Юрид. литература, 1968. – 264 с.

9. Положение о судоустройстве БССР, 30 марта 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. – 1923. – № 4. – Ст. 40.

10. Петроградский. Как не должна вестись дискуссия / Петроградский // Еженедельник Советской юстиции. – 1924. – № 2. – С. 25–26.

11. Валицкий, В. Меры к усовершенствованию производства предварительных следствий / В. Валицкий // Еженедельник Советской юстиции. – 1924. – № 23–24. – С. 545–546.

12.Одинцов, В. О следователях / В. Одинцов // Еженедельник Советской юстиции. – 1924. – № 2. – С. 103–104.

13. Бранденбургский, Я. Несколько слов о следственном аппарате / Я. Бранденбургский // Еженедельник Советской юстиции. – 1924. – № 2. – С. 123–124.

14. Маликов. Голос следователя / Маликов // Еженедельник Советской юстиции. – 1924. – № 25. – С. 584–585.

15. Положение о судоустройстве БССР [Извлечение], 15 июля 1924 г. // Советская прокуратура // Сб. важнейших документов / сост.: Г.Н. Александров [и др.] / под общ. ред. М.П. Малярова – М.: Юрид. литература, 1972. – С. 148–151.

16.Положение о судоустройстве БССР, 31 окт. 1925 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1925. – № 49 (Отд. 1). – Ст. 382.

17. Палажэнне аб пракуратуры Саюза ССР, 17 снежня 1933 г. // Збор законаў і загадаў Рабоча-сялянскага Ўраду Саюзу Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. – 1934. – № 1. – Ст. 2б.

18. Положение о прокурорском надзоре в СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР», 24 мая 1955 г. // КонсультантПлюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

19. О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка: Указ Президиума Верховного Совета СССР, 6 апр. 1963 г. // КонсультантПлюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

20. О прокуратуре СССР: Закон СССР, 30 ноября 1979 г. // Консультант Плюс: Россия. [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

21. О Прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 29 янв. 1993 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 20012.

22. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 8 мая 2007 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 20012.

23. Мальцев, Л. Качественный прорыв в развитии правовой системы / Л. Мальцев // Беларуская думка. – 2011. – № 9. – С. 3–9.

24. О некоторых мерах по совершенствованию деятельности органов прокуратуры: Указ Президента Республики Беларусь 1 марта 2010 г., № 99 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 20012.

25. Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 12 сентября 2011 г., № 409 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 20012.

Дата поступления статьи – 28.10.2012.

Статья посвящена вопросам развития института прокурорского следствия по уголовным делам. Посредством анализа законодательства советского периода государственности и суверенной Республики Беларусь, изучения теоретических и прикладных работ исследуются истоки зарождения обозначенного института, основные этапы становления и реализации органами прокуратуры функции по предварительному расследованию уголовных дел. Автор приходит к выводу, что данные процессы напрямую взаимосвязаны с предоставляемой на том или ином историческом этапе прокурорам правовой моделью полномочий по осуществлению прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным расследованием в рамках досудебного производства по уголовным делам. Высокий уровень таких полномочий обуславливает усиление реализации прокуратурой функции по ведению предварительного следствия по уголовным делам. И напротив, его снижение или же вовсе лишение прокуратуры функции процессуального руководства, приводит к значительному ослаблению института прокурорского следствия по уголовным делам.

The article is devoted to the development of the institute of prosecutor's investigation of criminal cases. By the analysis of the legislation of the Soviet Union's state system and sovereign republic of Belarus, by learning the theoretical and applied works, the sources of conception of denoted institute and the main periods of establishment and implementation the function of preliminary investigation in criminal cases by prosecutor' office are researched. The author comes to the conclusion that these processes are directly interconnected with investing to procurators, during this or another historic period, the law model of powers on realization prosecutor's supervision and procedure control of the preliminary investigation within the scope of pretrial procedure in criminal cases. The high level of these powers determines the amplification of realization by prosecutor' office the function of leading pretrial investigation in criminal cases. Contrarily, lowering or deprivation of all the function of procedure control by prosecutor' office leads to significant weakening of the institute of prosecutor's investigation in criminal cases.

ВЫВОД СУДА ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИГОВОРА, ПРОВОЗГЛАШЕННОГО В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ (ГЛ. 40 УПК РФ)

Сиволова А. А.

Действующим УПК РФ предусматривается возможность рассмотрения дела и вынесение приговора без проведения судебного разбирательства, результатом рассмотрения которого согласно гл. 40 УПК РФ является постановление обвинительного приговора.

При этом ч. 1 ст. 49 Конституции РФ установлено, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Аналогичные требования содержатся и в ст. 14 УПК РФ, образуя собой понятие презумпции невиновности. Кроме того, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого подтверждается совокупностью исследованных судом доказательств.

Поскольку в ходе проведения судебного разбирательства в особом порядке доказательства вины подсудимого, собранные в ходе предварительного расследования по делу, не исследуются судом, а анализ данных доказательств и их оценка в приговоре не приводится, неоспоримый теоретический и практический интерес вызывает проблема соответствия приговора требованию его истинности как неотъемлемой части требования справедливости в контексте ст. 297 УПК РФ.

Мнение ученых-процессуалистов относительно решения обозначенной проблемы разделились. Так, В.В. Кулыгин пишет о том, что решение, принятое в особом порядке, в целом соответствует предъявляемому к нему требованию справедливости как в контексте осуществления правосудия по уголовным делам, так и в части тождества истинности данного решения [1].

И.В. Жеребятьев полагает, что при рассмотрении дела в особом порядке в случае выполнения всех условий его допустимости, необходимость в проведении анализа и оценки исследованных в суде доказательств отсутствует [2]. Н.Н. Редькин основывает вынесение судом обвинительного приговора без исследования доказательств наличием уголовно-процессуальных презумпций, в числе которых автор называет презумпцию законности собранных по делу доказательств и презумпцию истинности обвинения [3].

По мнению Л. Татьяниной, отсутствие процесса доказывания при особом порядке в настоящее время исключает реализацию принципа невиновности и состязательности, вследствие чего признать приговор истинным и справедливым не представляется возможным [4]. В связи с этим О.А. Неустроева предлагает даже исключить из ст. 297 УПК РФ справедливость как обязательное требование, предъявляемое к приговору, постановленному в особом производстве [5]. Как отголосок розыскного процесса рассматривает вынесение приговора в особом порядке и И.А. Пикалов, указывая при этом на то, что вынесение обвинительного приговора при отсутствии оценки всех доказательств по делу влечет за собой большую вероятность осуждения невиновного [6]. Данную позицию разделяет и А.А. Баканова [7].

Оценивая УПК РФ с позиции истинности приговора, вынесенного в особом порядке, И.В. Михайловская обоснованно замечает, что если признавать юридическую значимость согласия подсудимого с предъявленным ему обвинением, то следует признать требующей корректировки роли суда как искателя истины [8]. Следует согласиться с изложенным мнением, поскольку стороны, избирая особый порядок, также соглашаются на то, чтобы суд самостоятельно без их участия сформировал собственное внутреннее убеждение относительно обоснованности предъявленного обвинения. При рассмотрении уголовного дела по правилам гл. 40 УПК РФ на суд не возложена обязанность закреплять в приговоре логику своих рассуждений по оценке доказательств, в силу ч. 5 ст. 316 УПК РФ судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу.

Вместе с тем высказанное подсудимым согласие с предъявленным обвинением не освобождает суд от тщательной и всесторонней проверки и оценки этого доказательства в совокупности с другими сведениями, полученными в ходе производства по делу. Сказанное обуславливает закрепление в УПК такого необходимого условия для рассмотрения дела в особом порядке, как вывод суда об обоснованности обвинения, с которым согласился подсудимый.

Поскольку при разбирательстве в особом порядке на суд возложена дополнительная обязанность по установлению обстоятельств, препятствующих проведению упрощенного судопроизводства, то он обязан искать те обстоятельства в уголовном деле, которые препятствуют проведению судебного разбирательства без процессуального исследования доказательств.

Только в этом случае можно утверждать, что проведение упрощенного судопроизводства не повлекло постановление несправедливого приговора, а их установление возможно только после ознакомления с материалами дела. В случае обнаружения обстоятельств, препятствующих проведению судебного разбирательства без процессуального исследования доказательств, суд реализует свое право вето. Волевым решением суда производство по делу в особом порядке прекращается.

Принимая во внимание то, что справедливым является такой обвинительный приговор, которым назначено наказание подсудимому, чья вина была установлена путем всестороннего исследования имеющихся в деле доказательств в судебном заседании, следует признать, что при особом порядке судебного разбирательства, исходя из смысла УПК РФ, суд не обязан устанавливать именно доказанность инкриминируемого обвиняемому деяния в целом и отдельных обстоятельств уголовного дела в частности (в том числе виновность). Ч. 7 ст. 316 УПК РФ обуславливает постановление обвинительного приговора необходимостью для судьи прийти к выводу о том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Полагаем, что такая формулировка закона сужает правомочия суда, в том числе и по оценке представленных доказательств. Доказать, согласно словарю Ожегова, «подтвердить какое-нибудь положение фактами или доводами: доказать свою точку зрения; доказать свою преданность другу; вывести какое-нибудь положение на основании системы умозаключений». Факты, которые, по мнению стороны обвинения, подтверждают выводы, сформулированные в результате проведения предварительного расследования, излагаются в обвинительном заключении (акте), в связи с чем нельзя не согласиться с М.С. Строговичем, который писал о том, что «...до суда и для суда исследуют обстоятельства дела и ищут истину органы следствия и прокуратуры» [9].

Признать обвинение обоснованным еще не значит дать утвердительный ответ на вопрос о доказанности вины подсудимого в совершении того преступления, которое ему инкриминируют. Виновность обвиняемого не устанавливается органами предварительного расследования или прокурором, она должна быть доказана и установлена только судом в обвинительном приговоре, который содержит ссылки на доказательства, подтверждающие вину подсудимого. Именно доказательства, мотивы в описательно-мотивировочной части приговора позволяют судить о его истинности вывода о виновности подсудимого и справедливости приговора в данной части. При особом порядке принятии судебного решения суд признает обвинение обоснованным, проверяя лишь условия заявления ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и условия заключения соглашения о сотрудничестве, то есть подсудимого признают виновным по формальным признакам, хотя он может быть и не виновен в том преступлении, в котором его обвиняют.

Промежуточным звеном между обоснованностью обвинения и доказанностью вины выступает этап проверки доказательств на содержание в них истинных сведений путем как изучения протоколов допроса свидетелей или анализа письменного заключения эксперта, так и их допроса в судебном заседании, изучения протоколов осмотра орудия убийства, так и исследования его судом в ходе судебного следствия и т. д.

Вместе с тем представляется, что установление истины как базиса справедливого приговора не является институтом, несовместимым с процедурой особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Как верно указывают А.А. Большаков, М.А. Днепровская, решение суда о виновности лица в совершении преступления, вынесенное в особом порядке, является вероятным, формальным или юридически истинным выводом [10]. Так, если обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, подлежат исследованию судом по общим правилам, без каких-либо изъятий, то проверку обоснованности обвинения и подтверждающих его доказательств суд осуществляет только посредством письменных материалов уголовного дела, представленного следователем.

Таким образом, положения раздела X УПК РФ прямо свидетельствует о том, что законодатель допускает вынесение обвинительного приговора на основе не материальной, а формальной (процессуальной) истины, которая вытекает и опирается на материалы уголовного дела.

Сказанное, однако, не означает, что судом вообще не производится оценка доказательств. По содержанию правила оценки доказательств при рассмотрении уголовного дела в особом порядке реализуются без каких-либо изъятий, никаких формализованных ограничений для оценки доказательств особый порядок не предусматривает. Оценка судом представленных доказательств является неотъемлемой составляющей особого порядка принятия судебного решения, однако она, как и порядок производства по делу, должна осуществляться в особой форме: посредством оценки доказательств происходит формирование мнения судьи об обоснованности предъявленного подсудимому обвинения. Несмотря на то, что в процедуре вынесения решения без проведения судебного разбирательства имеет место упрощение порядка постановления приговора, такой подход законодателя к форме процессуальной деятельности не означает, что наряду с упрощением порядка могут быть допущены предпосылки для создания благоприятных условий, способствующих самооговору лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и низкому качеству проведения по делу предварительного следствия или дознания. Проверка истинности выводов органов предварительного расследования в ходе судебного следствия в особом порядке судебного разбирательства должна быть связана в большей степени с деятельностью суда и состоять в реализации его особой роли, обозначенной выше.

Исключение самооговора, как справедливо указывает С.А. Роговая, представляет собой наиболее важное основание проведения оценки доказа-

тельств при постановлении приговора в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [11]. Суд не только не освобожден от всестороннего, полного изучения материалов уголовного дела, но и обязан, руководствуясь нравственностью и моралью, не только не «поверить на слово» подсудимому, защитнику, государственному обвинителю и потерпевшему, но и тщательно изучив материалы дела и представленные доказательства, сделать объективный вывод об обоснованности обвинения, с которым согласился подсудимый. Особое значение деятельность суда по изучению материалов дела приобретает еще и потому, что ее результат, в силу норм УПК РФ, не подлежит дальнейшей проверке по мотиву несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела.

На основании вышеизложенного представляется некорректной формулировка ч. 5 ст. 316 УПК РФ в части упоминания оценки доказательств, которое, по нашему мнению, должно быть исключено, поскольку при рассмотрении дела в порядке гл. 40 УПК РФ изменяется лишь порядок исследования (проверки) доказательств, требование же о необходимости оценки доказательств в целях установления обоснованности обвинения сохраняет свою силу. Суд обязан исследовать доказательства, и только в случае, если у него не возникает уточняющих вопросов к подсудимому, потерпевшим, свидетелям, не требуется истребования дополнительных документов, проведение экспертиз и другое, он должен перейти к оценке личности виновного, рассмотрению гражданских исков, квалификации и мере наказания.

Государство же обязано обеспечить все процессуальные гарантии в целях недопущения судебной ошибки, учитывая, что при упрощенной форме судопроизводства исключается обжалование приговора по мотивам доказанности либо недоказанности вины подсудимого. Вместе с тем налагая на суд обязанность проверки обоснованности обвинения и формулирования вывода по ее существу, закон детально не регламентирует процедуру исполнения данной обязанности.

Таким образом, считаем, что в том случае, если отсутствуют достаточные доказательства для постановления обвинительного приговора, суд должен отказать в применении особого порядка и вынести об этом мотивированное постановление, после чего данное уголовное дело подлежит рассмотрению в общем порядке.

В целях устранения правовой неопределенности относительно разрешения рассмотренной коллизии на практике, а также для соблюдения соответствия приговора и процедуры судебного разбирательства в особом порядке требованию справедливости предлагаем дополнить действующий УПК РФ нормой следующего содержания:

Ч. 7.1 ст. 316 УПК РФ: «Если судья до вынесения приговора придет к выводу о том, что:

1) обвинение, с которым согласился подсудимый, необоснованно, не подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу;

2) по делу имеются обстоятельства, препятствующие вынесению обвинительного приговора;

3) в материалах дела имеются доказательства, полученные с нарушением предусмотренных настоящим законом правил и несоответствующих установленным настоящим законом требованиям,

то он выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства. Указанное постановление должно быть обосновано и мотивировано, должно содержать ссылку на материалы дела, не позволяющие постановить обвинительный приговор».

Ч. 7.2 ст. 316 УПК РФ: «В случае вынесения постановления о прекращении особого порядка судебного разбирательства по основаниям, указанным в ч. 7.1 настоящей статьи, уголовное дело подлежит рассмотрению в общем порядке».

Ст. 316 УПК РФ устанавливает порядок рассмотрения дела в судебном заседании и постановления приговора, а не порядок подготовки к судебному заседанию, следовательно, с делом судья должен знакомиться не в судебном заседании, а в судебное заседание уже приходить с убеждением в том, что обвинение доказано/не доказано. В законе же не определено, когда именно суд должен сделать вывод о том, что обвинение обоснованно, и в этой части условие рассмотрения уголовного дела в особом порядке не соблюдается, что создает дополнительные проблемы на практике. К примеру, около 29 % уголовных дел в Смоленской области, по первой инстанции рассмотренных в особом порядке, были пересмотрены в порядке надзора, в том числе и ввиду несоответствия выводов суда об обоснованности предъявленного обвинения и материалов уголовного дела.

Полагаем, что ст. 316 УПК РФ должна быть дополнена ч. 1.1 следующего содержания: «При подготовке уголовного дела к судебному заседанию в особом порядке судья изучает и оценивает материалы дела с целью определения обоснованности предъявленного обвинения».

Список цитированных источников

1. Кулягин, В.В. Справедливость правосудия и договорное признание вины в новом УПК РФ: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. принятию нового УПК РФ. – М., 2002. – С. 187–188.

2. Жерябьев, И.В. Некоторые проблемные вопросы рассмотрения уголовных дел в порядке гл. 40 УПК РФ // Право: теория и практика. – 2003. – № 8. – С. 17.

3. Редькин, Н.Н. Уголовно-процессуальные презумпции при особом порядке судебного разбирательства // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 марта 2007 г. – Челябинск, 2007. – С. 346–347.

4. Татьянина, Л. Особый порядок принятия судебного решения // Законность. – 2003. – № 12. – С. 32.

5. Неустроева, О.А. К вопросу о справедливости приговора, постановленного без проведения судебного разбирательства // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 апр. 2005. – Челябинск, 2005. – Ч. 2. – С. 433.

6. Пикалов, И.А. Соотношение принципа презумпции невиновности с институтом мер уголовно-процессуального принуждения //Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. проф., д-ра юрид. наук, заслуженного деятеля вышей школы Ю.Д. Лившица, 2–3 апр. 2009 г. – Челябинск, 2009. – С. 80–83.

7. Плясунова, А.А. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Оренбург, 2008.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин. – М., 2008. – С. 462.

9. Строгович, М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М.: АН СССР, 1947. – С. 10.

10. Большаков, А.А. К вопросу истинности приговора, вынесенного в особом порядке судебного разбирательства / А.А. Большаков, М.А. Днепровская // Российская юстиция. – 2008. – № 8. – С. 19.

11. Роговая, С. А. Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 18.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

Статья посвящена выявлению взаимосвязи двух значимых категорий уголовного процесса – предъявляемого к приговору требования справедливости и проблеме обоснованности обвинения как условия рассмотрения уголовного дела в особом порядке (гл. 40 УПК РФ). Цель деятельности суда заключается в принятии обоснованного, законного и справедливого решения на основании представленных и полно, объективно и всесторонне исследованных судом доказательств.

Автор делает вывод о том, что оценка судом доказательств, имеющихся в материалах дела, является неотъемлемой составляющей особого порядка принятия судебного решения, однако она, как и порядок производства по делу, должна осуществляться в особой форме: посредством оценки доказательств происходит формирование мнения судьи об обоснованности предъявленного подсудимому обвинения.

Требование всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств совершенного преступления по каждому расследуемому и разрешаемому уголовному делу выступает в качестве обеспечения соответствия приговора суда требованию справедливости, в том числе и при рассмотрении дела в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

Article is devoted to the relationship of two significant categories of the criminal process – to present to the sentence demands of justice and the problem of the validity of the charges as a condition of the criminal proceedings in a particular order (chapter 40 CCP of RF). The purpose of the trial is to take reasonable, lawful and fair solution to the decision based on evidence presented which are objecttively and thoroughly investigated by the court.

The author concludes that the assessment by the court of evidence available in the case file is an integral component of the special order of the court decision, but it is, like the order of the proceedings, should be in a particular form: through the evaluation of evidence an opiniopn of judge on the validity of the presented accusation is formed.

The rule of comprehensiveness, completeness and objectivity of establishing the circumstances of the crime commission under investigation for each criminal case; and it acts as way to ensure compliance of a court judgment with the requirement of justice, also in the proceedings under Sec. 40 of the CCP of RF.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Стаценко В. Г.

Ежегодно значительное число жителей Беларуси становится жертвами того или иного преступления и в соответствии с УПК Республики Беларусь [1, ст. 49] признается «потерпевшими».

Проведенный нами анализ статистических данных за 2005–2011 гг., представленных ИАУ МВД Республики Беларусь, свидетельствует о неоднозначности виктимологической ситуации в стране [2].

С одной стороны, очевидна тенденция снижения числа потерпевших от преступлений, что очевидно коррелирует с сокращением объема преступности в стране, начиная с 2006 года.

Таблица 1 – Динамика развития преступности и криминальной виктимизации населения в Республике Беларусь (2005–2011 гг.)

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Число преступл.	192,506	191,468	180,427	158,506	151,293	140,920	132,032
Число потерпевш.	159,394	163,404	145,396	122,644	115,936	106,357	99,363

В то же время данные, характеризующие в динамике основные виктимологические характеристики, свидетельствуют о ряде неблагоприятных тенденций в рассматриваемой области, и, прежде всего, о том, что число потерпевших в результате совершения особо тяжких и тяжких преступлений, остается высоким почти среди всех категорий населения. Наиболее высок удельный вес потерпевших от особо тяжких и тяжких преступлений среди лиц возрастной категории 30–49 лет (84,2 %), среди женщин (71,8 %), среди не работающих и не учащихся (86,9 %) (табл. 2).

Таблица 2 – Удельный вес различных категорий потерпевших от преступлений 2011 года(в сравнении с предыдущим годом)

	В % к общему числу потерпевших								
	Несовершен.	18–29 лет	30–49 лет	50–69 лет	70 лет и ст.	Женщ.	Иностр.	Н/рабн/ учащ.	Наход. в сост. алк. опьянен.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
От всех преступл	9,1 (10)	27,5 (28,9)	37,6 (37,7)	20,4 (18,4)	5,4 (5,0)	41,4 (42,1)	1,6 (1,7)	31,3 (32,3)	7,8 (8,9)

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Особо тяжких	8,9 (7,5)	24,8 (28,9)	36,2 (37,6)	24,0 (23,2)	6 (9)	44,9 (41,7)	2,2 (2,5)	40 (47,3)	30,6 (40,3)
Тяжких	2,1 (2,2)	33,3 (30,6)	44,3 (46,6)	18,0 (18,1)	2,3 (2,5)	32,6 (30,1)	2,6 (2,4)	35 (39,6)	14 (16)

Сравнительный анализ приведенных данных свидетельствует о том, что:

а) несовершеннолетние в общем числе жертв преступлений составляют 9,1 %, что, хотя и несколько ниже показателя 2010 года, но почти в 2 раза выше, чем в 2009 году, когда удельный вес потерпевших несовершеннолетних составил 5,3 %;

б) лица наиболее трудоспособного возраста (30–49 лет) составляют самую многочисленную группу потерпевших от преступлений всех видов (37,6 %). Среди жертв убийств таких лиц почти половина – 47,6 %, причинений смерти по неосторожности – 39,7 %, умышленного причинения тяжкого телесного повреждения – 48,2%;

в) следует отметить повышение доли потерпевших возрастной категории 50–69 лет (20,4 % потерпевших);

г) лица в возрасте от 70 лет и старше составляют 5,4 % потерпевших от всех видов преступлений; в то же время их удельный вес в числе жертв особо тяжких преступлений – 6 %, убийств – 6,9 %, разбойных нападений – 13,8 %;

д) женщины составляют 41,4 % потерпевших, почти 74 % всех потерпевших в сфере семейно-бытовых отношений. Чаще мужчин они подвергаются истязанию (93,1 %), угрозе убийством, умышленному причинению легкого телесного повреждения (53,9 %);

е) наиболее вероятной жертвой преступлений, прежде всего, особо тяжких и тяжких, становятся лица, не занятые общественно полезной деятельностью, а также злоупотребляющие спиртными напитками. Неработающие и неучащиеся составили 31,3 % от числа всех потерпевших, при этом их удельный вес среди жертв особо тяжких преступлений составляет 40 %, а таких преступлений, как убийства – 57,1 %, причинения смерти по неосторожности – 48,5 %, умышленных причинений тяжких телесных повреждений – 60,9 %, насильственных действий сексуального характера – 31,4 %. В числе погибших в результате совершения преступления таких лиц 52,2 %, раненых – 30,6 %.

В состоянии алкогольного опьянения находилось 7,8 % потерпевших, при этом их удельный вес среди жертв особо тяжких преступлений составляет 30,6 %, убийств – 53,8 %, умышленных причинений тяжких телесных повреждений – 51,6 %, изнасилований – 26,5 [3].

Подавляющее большинство убийств и умышленных причинений тяжких телесных повреждений – результат бытовых конфликтов и пьянства, свидетельствующих о серьезных социальных проблемах.

Очевидно, что деятельность социальных институтов должна быть направлена на выявление, устранение либо нейтрализацию факторов, формирующих виктимное поведение и обусловливающих совершение преступлений; выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной виктимностью; разработку специальных средств защиты граждан от преступлений; реализацию, в целом, Концепции защиты жертв преступной деятельности [4].

Значительное количество лиц, становящихся ежегодно жертвами преступлений, делает весьма актуальным вопрос о том, насколько защищены их процессуальные и иные права. Вместе с тем даже беглый анализ действующего законодательства, призванного защитить права потерпевших, позволяет говорить о его недостаточной эффективности. Отечественное правосудие традиционно отдает приоритет наказанию преступника. Очевидно, однако, что правосудие не может считаться свершившимся, если при его отправлении не были обеспечены права и законные интересы потерпевшего от преступления.

Законодательство, регулирующее правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве, развивалось последовательно.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР (УПК) 1923 года вообще не давал определения «потерпевший» как участника уголовного процесса. Кодекс устанавливал лишь, что потерпевший, понесший от преступного деяния вред и убытки, вправе предъявить к обвиняемому и лицам, несущим ответственность за причиненный обвиняемым вред и убытки, гражданский иск, который подлежал рассмотрению вместе с уголовным делом. Кроме того, в случаях, установленных законом, суд мог предоставить потерпевшему право поддерживать обвинение. Фактически потерпевший обладал теми же правами, что и свидетель по делу.

Впервые правовое понятие «потерпевший» было включено в гл. 5: «Участники процесса, их права и обязанности» Уголовно-процессуального кодекса БССР 1961 года. Согласно ст. 54 этого Кодекса потерпевшим признавалось физическое лицо, которому преступлением был причинен моральный, физический или имущественный вред. Признанное потерпевшим по уголовному делу лицо и его представитель получили право заявлять ходатайства; знакомиться со всеми материалами дела с момента окончания предварительного следствия; участвовать в судебном разбирательстве; заявлять отводы; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, судьи, а также приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления судьи; в определенных случаях потерпевший мог лично или через своего представителя поддерживать обвинение. По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпев-

шего, права потерпевшего, предусмотренные законом, переходили к его близким родственникам или его законным представителям [5].

В настоящее время правовой статус потерпевшего регулируется несколькими отраслями права и основополагающими положениями Конституции Республики Беларусь. Конституция гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, компенсацию вреда и ущерба (ст. 60). Применительно к уголовному судопроизводству это налагает на органы правосудия обязанность равным образом отстаивать интересы государства в борьбе с преступностью, а также права и законные интересы как обвиняемых в совершении преступления, так и потерпевших от этого преступления.

Согласно ч. 1 ст. 49 действующего УПК потерпевшим признается физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим.

Потерпевший как самостоятельный и активный участник уголовного процесса уравнен в правах с обвиняемым в представлении и исследовании доказательств, участии в судебном разбирательстве, имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 49 ст. 6 УПК) наделен правами стороны в судебном процессе.

Такой подход к регулированию прав потерпевшего созвучен положениям Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) [6]. Декларация, в частности, предусматривает, что лица, которым в результате преступного деяния причинен ущерб, включая телесные повреждения или моральный вред, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (п. 4). При этом государства – члены ООН должны содействовать тому, чтобы национальные судебные и административные процедуры максимально полно отвечали интересам защиты жертв преступлений, в том числе путем обеспечения им возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия (п. 6).

В соответствии с УПК (ст. 50) потерпевший как самостоятельная фигура уголовного судопроизводства наделяется целым рядом прав, обеспечивающих его активное участие в процессе [7].

Следует, однако, признать, что в правоприменительной практике данные права потерпевшего реализуются далеко не в полной мере и, прежде всего, в связи с тем, что все эти права возникают у него слишком позд-

но, только с того момента, как орган, ведущий уголовный процесс, выносит постановление (определение) о признании его потерпевшим. Срок, в течение которого пострадавшее от преступления лицо должно быть признано потерпевшим, законом не установлен. Во многих случаях лицо признается потерпевшим на завершающей стадии уголовного судопроизводства. В период между моментом совершения в отношении лица преступления, которым ему причинен вред, и моментом признания его потерпевшим пострадавшее от преступления лицо рассматривается в качестве заявителя, что нарушает его права на получение информации о ходе рассмотрения поданного заявления, результатов предварительного расследования, на предоставление доказательства в подтверждение своего заявления о преступлении, на выдвижение требования о признании потерпевшим и др.

Между тем п. 1 раздела «А» Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью дает более широкое определение понятию «жертва», чем ч. 1 ст. 49 УПК понятию «потерпевший», рассматривая в качестве жертвы преступления любое лицо, пострадавшее от преступления, независимо от признания его таковым по закону [8].

Для устранения данного процессуального дефекта следовало бы, на наш взгляд, дополнить ст. 175 УПК нормой о том, что пострадавшее от преступления лицо признается потерпевшим одновременно с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела.

Необходимо также дополнить ст. 53 УПК, определяющую статус и права гражданского истца, положением о том, что пострадавшее от преступления лицо, которому был причинен имущественный вред, признается гражданским истцом одновременно с возбуждением уголовного дела. Это позволит своевременно принять уголовно-правовые меры обеспечения иска и возможной конфискации имущества в целях возмещения потерпевшему или его родственникам причиненного преступлением вреда.

По многим процессуальным позициям потерпевший фактически рассматривается как второстепенный участник уголовного процесса, поставлен в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, что позволяет говорить о неполной реализации принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве. Так, установленные факты нарушений прав подозреваемого, обвиняемого или подсудимого могут сделать неприемлемыми собранные следствием доказательства по делу и в конечном счете существенно повлиять на судебное решение; нарушение же прав потерпевшего на судебное решение никак не влияет.

Потерпевшему, как минимум, также необходимо предоставление права на обязательную юридическую помощь в случае прекращения уголовного преследования в отношении обвиняемого на досудебной стадии процесса или отказа прокурора от обвинения в суде.

Не предусматривает закон и никаких санкций за нарушение прав потерпевшего.

Если интересы государства защищаются органами прокуратуры, интересы обвиняемого – адвокатом, потерпевшие имеют возможность отстоять свои права и законные интересы с помощью адвоката лишь в редких случаях. У потерпевшего нет права воспользоваться услугами бесплатного защитника, хотя такое право предусмотрено для обвиняемого. Так, с момента задержания подозреваемого или возбуждения в отношении него уголовного дела, а также с момента привлечения лица в качестве обвиняемого эти участники уголовного судопроизводства имеют право на оказание им юридических услуг адвокатом за счет бюджета. Предоставление же бесплатной юридической помощи потерпевшему закон не предусматривает, также как и расходы на представителя как процессуальные издержки, что фактически лишает потерпевшего возможности получить бесплатную юридическую помощь.

Согласно принципу презумпции невиновности подозреваемый и обвиняемый не обязаны доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. В соответствии с этими положениями, обязанность доказывания вины обвиняемого в обоих рассмотренных случаях должна возлагаться, в том числе и на потерпевшего. Потерпевший, будучи не в состоянии собрать необходимую ему доказательственную базу (УПК не предоставляет ему такой возможности), вынужден прибегнуть к помощи органов предварительного расследования. Данная помощь может заключаться, например, в разрешении ходатайств потерпевшего о получении дополнительных доказательств посредством проведения следственных и иных процессуальных действий.

Еще одна неурегулированная проблема связана с нарушением прав потерпевшего на возмещение материального и морального вреда от преступлений.

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (п. 12) устанавливает обязанность государства брать на себя обязательства по компенсации вреда лицам, получившим в результате преступления значительные телесные повреждения или увечья, с последующим возмещением выплаченных (выплачиваемых) сумм с осужденного в регрессном порядке. Таким же образом должна выплачиваться компенсация иждивенцам жертв преступлений в случае смерти или недееспособности последних. Бюджетное законодательство Республики Беларусь не содержит норм, которые обеспечивали бы реализацию этих положений.

Точно также не соответствует национальное законодательство обязательствам, налагаемым на нашу страну рядом других международных конвенций, в которых она участвует (требования ст. 25 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности об установлении государством надлежащих процедур «для обеспечения доступа к компенсации и возмещению ущерба потерпевшим от преступлений, охватывае-

мых настоящей Конвенцией» (ратифицирована законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 г. №195-З); обязательства по компенсации ущерба по Конвенции ООН против коррупции (ратифицирована законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 344-З).

В Бюджетном кодексе Республики Беларусь следовало бы предусмотреть создание соответствующего фонда и механизм осуществления компенсационных выплат.

Необходимость этого объективно вытекает и из требований ст. 17 Закона «О борьбе с терроризмом», предусматривающей обязанность государства по «возмещению вреда, причиненного гражданам и организациям в результате террористической акции или проведения контртеррористической операции, за счет средств республиканского бюджета с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь» [9].

Таким образом, на сегодняшний день остро назрел вопрос принятия комплекса мер, направленных на защиту жертв преступлений.

Можно предложить следующую схему совершенствования виктимологического законодательства в Республике Беларусь:

принятие ряда поправок в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы, законодательное закрепление методики оценки возмещения вреда жертвам преступлений, механизма компенсации вреда жертвам от преступлений;

создание и принятие основанной на положениях Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и иных международно-правовых документов Декларации прав потерпевших от преступлений, отражающей общие принципы правового положения жертв преступлений в национальной правовой системе и служащей ориентиром при формировании специального законодательства;

разработка и принятие, с учетом анализа действия Декларации и Концепции Закона «О правовом статусе жертв преступной деятельности», который, наряду с иным специальным виктимологическим законодательством, защищал бы определенные категории населения (женщин, детей, престарелых).

Такое основанное на принципах субсидиарности и селективности, компенсации и реституции, законодательство должно, в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления, механизма его совершения, финансового положения жертвы, особенностей поведения и статусно-ролевого положения жертвы и ее родственников, особенностей функционирования системы уголовной и административной юстиции в стране, – определить основы правовой, социальной и материальной помощи жертвам преступлений, их родственникам и иждивенцам.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. Текст Кодекса по состоянию на 20.08.2012 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2005–2011 гг. / МВД Республики Беларусь; Информационно-аналитическое управление. – Минск, 2006–2012.

3. Сведения из Единого государственного банка данных о правонарушениях / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

4. Концепция защиты жертв преступной деятельности: утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 20.01.2006, № 74 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 109.

5. Уголовно-прцессуальный кодекс БССР, 29 декабря 1960 г. // СЗ БССР, 1961. – № 1. – Ст. 5.

6. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА. – М, 1999.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 20.08.2012 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – Ст. 50.

8. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью // Международные акты о правах человека: сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА. – М., 1999.

9. О борьбе с терроризмом: Закон Республики Беларусь, 03.01.2002, № 77-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи – 10.09.2012.

Проведенный в статье анализ статистических данных за 2005–2011 годы свидетельствуют о неоднозначности виктимологической ситуации в стране. С одной стороны, очевидна тенденция снижения числа потерпевших от преступлений, что очевидно коррелирует с сокращением объема преступности в стране, начиная с 2006 года, с другой – данные, характеризующие в динамике основные виктимологические характеристики, свидетельствуют о ряде неблагоприятных тенденций в рассматриваемой области.

Значительное количество лиц, становящихся ежегодно жертвами преступлений, делает весьма актуальным вопрос о том, насколько защищены их процессуальные и иные права. Вместе с тем даже беглый анализ действующего законодательства, призванного защитить права потерпевших, позволяет говорить о его недостаточной эффективности.

Предлагается следующая схема совершенствования виктимологического законодательства в Республике Беларусь:

– принятие ряда поправок в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы, законодательное закрепление методики оценки возмещения вреда жертвам преступлений, механизма компенсации вреда жертвам от преступлений;

– разработка и принятие Закона «О правовом статусе жертв преступной деятельности».

The analysis of statistical data carried out in the article for 2005-2011 shows the ambiguity of the victimological situation in the country. On one hand, the tendency of decrease in number of victims from crimes is obvious and evidently correlates with reduction of volume of crime in the country, from 2006, on the other – the data characterizing in dynamics the main victimological characteristics, show a number of unfavorable trends in the area considered.

Considerable number of people who become victims of crimes annually, gives importance to the question of the degree of protection of their procedural and other rights. At the same time, even a superficial analysis of the current legislation, meant to protect the right of victims, allows to speak about its insufficient efficiency.

The following scheme of improvement of the victimological legislation in Republic of Belarus is proposed:

– acceptance of a number of amendments in the Criminal, Criminal and Procedural, Criminal and Executive codes, legislative fixing of an assessment technique of compensation of harm to victims of crimes, the mechanism of compensation of harm to victims from crimes;

– development and adoption of the law "On legal status of victims of criminal activity".

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Воробьев С. Ю., Мишнев Г. В., Русак В. А.

В настоящее время актуальной является проблема безопасности жителей городов. Противоправные действия, техногенные катастрофы, стихийные бедствия или неконтролируемое развитие ситуаций в местах массового пребывания людей в современном мегаполисе могут иметь самые тяжелые последствия [1].

Как для предотвращения правонарушений, преступлений, чрезвычайных ситуаций, так и в ходе ликвидации их последствий возрастает необходимость оперативного получения объективной информации с места происшествия (чрезвычайной ситуации), координации действий дежурно-диспетчерских служб, других сил и средств, участвующих в пресечении правонарушения или проведении аварийно-спасательных работ.

Системы видеонаблюдения как средство объективной фиксации различных процессов и явлений все шире используются в различных видах практической деятельности [2]. В том числе имеет место их использование в интересах органов правопорядка и чрезвычайных ситуаций.

Как пример, Лондон считается городом с самой основательной системой видеонаблюдения. Полмиллиона камер осуществляют видеонаблюдение в британской столице. Камеры наблюдения подвешены на каждом углу. На протяжении всего дня среднестатистического лондонца записывает свыше трехсот камер наблюдения. Их кольцо окружает центр города. За секунду каждый номер машины попадает в базу, в которой содержится информация о передвижениях каждого автомобиля. Считается, что эта защита удовлетворительна [3].

В Российской Федерации получили широкое распространение так называемые системы «Безопасный город» – интегрированные комплексные системы, предназначенные для решения задач обеспечения правопорядка, видеомониторинга чрезвычайных ситуаций, охраны собственности и безопасности граждан в любой точке города [4].

Как правило, технически данные системы представляют собой совокупность множества подсистем, объединенных единой транспортной средой и системой управления [4].

Основными задачами системы «Безопасный город» являются:

оперативный контроль ситуации на ключевых объектах города;

своевременная и достоверная информационная поддержка служб охраны, правопорядка и безопасности, аварийно спасательных подразделений;

предоставление визуальной информации, получаемой с мест установки камер наблюдения, расположенных на любом расстоянии от пункта видеомониторинга;

информирование о возникновении чрезвычайных ситуаций, совершении правонарушений соответствующих служб и организаций;

цифровое архивирование видеоинформации и аудиоинформации;

обеспечение возможности восстановления хода событий на основе записанных видеоматериалов;

передача информации, получаемой от охранных видеокамер, как по запросу, так и в автоматическом режиме;

интеграция с другими автоматизированными системами, при наличии такой возможности у этих систем [5].

Область применения системы «Безопасный город» распространяется:

на здания и сооружения, используемые органами власти, объекты, принадлежащие силовым ведомствам;

транспортные сооружения (мосты, путепроводы), нефте- и газопроводы, плотины, электростанции, водохранилища, а также промышленные объекты, представляющие повышенную опасность для окружающей среды – предприятия атомной энергетики, химические производства, склады и пр.;

транспортные компании, службы аэропортов, портов, вокзалов;

производственные здания и сооружения – заводы, фабрики, объекты строительства;

офисные и деловые центры, финансово-кредитные учреждения, магазины, рынки, гостиницы, предприятия сферы услуг;

многоквартирные дома и индивидуальные жилые постройки, коттеджи, дачи [6].

Начало применения систем видеонаблюдения, использующихся в деятельности по обеспечению общественного порядка и безопасности на улицах городов и дорогах Республики Беларусь, получило широкое распространение в 2002 году [2].

Анализ нормативных правовых актов, правоприменительной практики позволяет условно выделить два направления использования стационарных систем видеонаблюдения в Республике Беларусь: 1) охранная деятельность (телевизионные системы видеонаблюдения, системы охранного телевидения); 2) деятельность по обеспечению общественного порядка на улицах и дорогах [2].

Развитие и применение систем контроля технологий производства, охранного телевидения, контроля доступа показывают, что видеотехнологии могут успешно решать и задачи обеспечения пожарной безопасности объектов и территорий [7]. Видеодетекторы могут обнаруживать пожар в помещении и на открытых площадках автоматически по специфическим признакам: задымленность, открытое пламя, характерные движения и ча-

стоты колебаний объекта на изображении, позволяя, в то же время, при необходимости оператору визуально оценивать ситуацию на объекте [8, 9].

Традиционные сигнализаторы пожара, как правило, производят анализ выборки частиц или температур и проверку прозрачности воздуха [10, 11]. Эти устройства требуют близкого расположения к пожару и не всегда надежны, так как большинство из них реагирует на дым, который не обязательно является результатом пожара. Видеодетекторы пожара могут использоваться в тех случаях, когда обычные сигнализаторы пожара не применимы.

Большинство рассматриваемых систем основано на компьютерной обработке изображений и анализе их изменений. Так, дым идентифицируется на основе динамических и структурных особенностей, а также шкалы яркости. Детектор способен отсеивать ложные срабатывания, такие как облака, пыль и прочие помехи. Программное обеспечение позволяет маскировать области постоянного или вероятного присутствия некоторых видов дыма (промышленных объектов или жилых домов). Из существующих специализированных программных детекторов, позволяющих распознавать раннее появление дыма и сигнализировать об этом оператору, следует упомянуть Fire Hawk (США), D-Tec (Великобритания), AWFS (Германия). Существуют также видеорегистраторы с функцией детектора дыма для предотвращения лесных пожаров, которые можно объединять по протоколу TCP/IP в сеть [12, 13].

Видеоматериалы, полученные с использованием систем видеонаблюдения, могут быть использованы как в оперативных целях (при установлении лица, совершившего либо готовящего преступление), так и в процессе доказывания по конкретному уголовному делу. Они могут быть использованы в оперативно-розыскной деятельности при раскрытии общественно опасных деяний и установления лиц, их совершивших, поскольку содержащиеся в них изображения правонарушителей, их транспортных средств имеют важное ориентирующее значение. Изучение событий, запечатленных с помощью видеозаписи, позволяет установить биологические, социальные и психологические особенности человека, цвет и тип одежды, наличие сопутствующих предметов (очков, зонта, трости и т. п.), вид транспортного средства, тип, цвет его кузова [2].

Так, наличие систем системы видеонаблюдения в крупных гипермаркетах столицы Республики Беларусь позволило не только установить личности преступников и зафиксировать факты имевших место противоправных деяний, но и определить способы совершения ими серии преступлений, которые стали понятны лишь при многократном изучении видеозаписей.

Так, следственным отделом предварительного расследования УВД администрации Советского района г. Минска привлечен к уголовной ответственности за мошеннические действия ранее судимый за имущественные преступления Б. Последний действовал по следующей преступной схеме: находясь в час пик в крупном торговом центре, обращался к кассиру узла

расчета с просьбой обменять крупные денежные купюры (как правило, 10 купюр достоинством по 100 000 рублей) на более мелкие. Получая в результате обмена стопку купюр достоинством по 50 000 рублей практически мгновенно возвращал их кассиру с сожалением о том, что его не так поняли, что ему необходимы купюры достоинством в 50 рублей для использования в свадебных обрядах. Кассиры, понимая, что при наличии очереди покупателей подобный обмен абсурден и займет много времени, отказывали ему и, не пересчитывая, принимали только что переданные купюры по 50 000 рублей и возвращали мошеннику купюры по 100 000 рублей. И только изучение видеозаписей позволило определить, что едва уловимым человеческому глазу жестом преступник успевал при каждой такой операции незаметно от кассира оставлять себе 3–6 купюр достоинством 50 000 рублей.

Фиксация системой видеонаблюдения обстановки в одном из ночных увеселительных заведений г. Минска позволила объективно разобраться в обстоятельствах получения телесных повреждений гражданином Ж., снять подозрения с лиц, находившихся с ним в контакте и не принимать поспешного решения о возбуждении уголовного дела по факту его смерти.

Так, в одной из столичных квартир был обнаружен труп гражданина Ж., причиной смерти которого стала закрытая черепно-мозговая травма. Судебно-медицинским экспертом определен достаточно продолжительный промежуток времени, в течение которого умершему могли быть причинены телесные повреждения. В данный период Ж. успел пообщаться с двумя компаниями молодых людей: с одной из которых распивал спиртные напитки, а с другой – посетил ночную дискотеку и вернулся в квартиру по месту жительства. Более того, в ходе доследственной проверки появились сведения о том, что на танцполе дискотеки у Ж. возникла конфликтная ситуация с незнакомыми лицами, переросшая в потасовку. Лишь благодаря анализу изъятых в клубе видеозаписей было установлено, что Ж. в процессе развития конфликта с незнакомцами, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, не удержавшись на ногах, упал и ударился головой о пол. При этом никто ему ударов не наносил и не толкал. После падения Ж. поднялся и конфликт прекратился. Таким образом, запечатленные системой видеонаблюдения события происшедшего сняли необходимость в отработке версий о причинении гр-ну Ж. телесных повреждений иными лицами с возможным применением в отношении них мер процессуального принуждения.

Данные примеры успешного раскрытия и доказывания преступлений стали возможными благодаря высокому разрешению систем видеонаблюдения. В то же время отсутствие видеонаблюдения либо несовершенство используемой для этого аппаратуры не способствует предотвращению преступных посягательств, препятствует изобличению виновных лиц при привлечении их к уголовной ответственности. В качестве доказательства видеозапись используется только по каждому десятому делу [14].

Так, установленная на проходе между торговыми рядами одного из торговых комплексов столицы система видеонаблюдения зафиксировала

факт кражи преступником дубленки с манекена. Однако низкая степень разрешения системы видеонаблюдения не позволила определить достаточные идентификационные признаки лица, в связи с чем преступление до настоящего времени остается нераскрытым ввиду неустановления личности преступника.

Ярким примером раскрытия резонансного преступления благодаря наличию системы видеонаблюдения является установление и задержание лица, совершившего террористический акт в Минском метрополитене 11.04.2011.

Среди доступных систем видеомониторинга в настоящий момент присутствует огромное количество оборудования и систем видеонаблюдения. Сами камеры существенно различаются по техническим характеристикам и функциональности, а также по форматам, в которых производится передача и сохранение видеоданных. Это вызывает ряд проблем, требующих решения. Учитывая то, какие средства вкладываются в разработку систем видеонаблюдения (в интересах муниципальных служб, милиции, жилищно-коммунального хозяйства, лесного хозяйства и предупреждения чрезвычайных ситуаций и пожаров), предполагается, что они должны работать надежно и эффективно, а главное – формировать изображения, отвечающие целям, в которых эти системы внедряются. Этим определяются и требования к качеству и надежности подобных систем.

Главными причинами неудовлетворительного качества материалов видеозаписи являются: низкие разрешающая способность и скорость записи видеофиксирующей аппаратуры, использование широкоугольных объективов, установка видеокамер на значительном расстоянии от фиксирукмых объектов без учета расположения источников освещения и др. Неправильный угол установки видеокамеры, игнорирование направления источников освещения в сочетании с низкой скоростью видеозаписи делают запечатленное изображение затемненным, нерезким, с наличием ракурсных искажений [2].

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что успешное раскрытие и доказывание преступлений, а также предотвращение и ликвидация пожаров и чрезвычайных ситуаций возможны лишь при условии использования систем видеонаблюдения с высокими тактико-техническими характеристиками.

В настоящее время активно происходят следующие процессы:

стремительное развитие рынка систем видеонаблюдения и охранного телевидения;

широкое внедрение вышеуказанных систем в сферу обеспечения безопасности;

внедрение широкомасштабных проектов типа «Безопасный город»;

создание систем видеомониторинга удаленных объектов на базе использования глобальных информационных сетей и беспроводных каналов связи;

создание систем мониторинга безопасности перевозимых грузов;

создание систем видеомониторинга территорий с использованием летательных аппаратов, в том числе и беспилотных.

Только масштабная система безопасности на основе фундаментальной программно-аппаратной платформы, объединяющей все области безопасности и жилищно-коммунального хозяйства в единое цифровое пространство, будет эффективно функционировать в условиях современного мегаполиса.

Список цитированных источников

1. Vocord системы видонаблюдения и аудиорегистрации [Электронный ресурс] / Интернет-ресурс компании ЗАО «Vocord». − Режим доступа: http://www.vocord.ru/. – Дата доступа: 11.11.2011.

2. Пашута, И. Использование систем видеонаблюдения в раскрытии и расследовании преступлений / И. Пашута // Законность и правопорядок. – 2011. − № 1 (17). – С. 42–45.

3. Наука скрытого наблюдения [Электронный ресурс] / Интернет-каталог HARDBROKER. − Режим доступа: http://hardbroker.ru/pages/UndObservation. – Дата доступа: 11.11.2011.

4. Безопасный город [Электронный ресурс] / Интернет-ресурс компании «Микротест». − Режим доступа: http://itvgroup.com.ua/verticals/homeland_security. – Дата доступа: 11.11.2011.

5. Система видеонаблюдения [Электронный ресурс] / Интернет-ресурс группы компаний «Спецтехника». − Режим доступа: http://gkst.org/business/10/. – Дата доступа: 11.11.2011.

6. Городская система видеонаблюдения «Безопасный город» [Электронный ресурс] / Интернет-ресурс концерна ПромСнабКомплект. − Режим доступа: http://www.1avtorem.ru/pages/b-town.html. – Дата доступа: 11.11.2011.

7. Членов, А.Н. Новые возможности управления пожарной безопаснотью объектов / А.Н. Членов [и др.] // Пожарная безопасность. – М. – 2008. – № 4. – С. 96–101.

8. Членов, А.Н. Исследование и разработка средств обнаружения пожара [Электронный ресурс] / / А.Н. Членов [и др.] // Научный интернет-журнал «Технологии техносферной безопасности» Академии государственной противопожарной службы МЧС Российской Федерации. – 2006. – № 6. – С. 3. –
Режим доступа: http://ipb.mos.ru/ttb/2006-6/2006-6.html. – Дата доступа: 01.12.2010.

9. Членов, А.Н. Общие принципы построения видеодетектора пожара, [Электронный ресурс] / А.Н. Членов, Ф.В. Демехин // Научный интернет-журнал «Технологии техносферной безопасности» Академии государственной противопожарной службы МЧС Российской Федерации. – 2005. – № 4. – Режим доступа: http://ipb.mos.ru/ttb/2005-4/2005-4.html. – Дата доступа: 01.12.2010.

10. Cleary, T., Grosshandler W., Survey of fire detection technologies and system evaluation/certification methodologies and their suitability for aircraft cargo compartments. US Department of Commerce, Technology Administration, National Institute of Standards and Technology, 1999.

11. Davis, W., Notarianni, K. NASA fire detection study. US Department of Commerce, Technology Administration, National Institute of Standards and Technology, 1999.

12. Катковский, Л.В. Применение видеотехнологий для повышения пожарной безопасности объектов / Л.В. Катковский // Доклады БГУИР. – 2011. – № 1 (55). – С. 12–18.

13. Воробьев, С.Ю. Техническое нормирование систем видеоаналитики пожара / С.Ю. Воробьев [и др.] // Чрезвычайные ситуации: образование и наука. – 2011. − № 2. – С. 49–52.

14. Василевич, Г.А. Правонарушения. Закон. Ответственность: моногр / Г.А. Василевич. − Минск: Право и экономика. − 2011. – 362 с.

Дата поступления статьи – 21.08.2012.

В статье рассмотрены вопросы применения систем видеонаблюдения для предотвращения правонарушений, преступлений и чрезвычайных ситуаций. Представлен обзор применения данной технологии как в странах ближнего и дальнего зарубежья, так и на территории Республики Беларусь. Приведен результат анализа нормативных правовых актов, правоприменительной практики использования стационарных систем видеонаблюдения в Республике Беларусь. В статье подтверждается значимость применения данной технологии на основе реальных примеров из практики правоохранительных органов.

The paper considers the application of CCTV to prevent crime, crimes and emergencies. A review of the application of this technology both abroad and on the territory of the Republic of Belarus is present. Results of the analysis of normative legal acts, law enforcement practices of use of stationary video surveillance systems in the Republic of Belarus are shown. In this paper, based on real-world examples, confirmed the importance of the technology from practice of law enforcement.

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ И СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ, ОРГАНАМИ И ТКАНЯМИ

Соколова Я. А.

Сегодня ни у кого не возникает вопросов относительно роли и значения судебных экспертиз при расследовании преступлений. Эффективность ее проведения, а главное возможность использования вывода эксперта в качестве допустимого в уголовном процессе доказательства во многом зависят от своевременного и грамотного назначения экспертизы.

В то же время важно определить, какие экспертизы следует проводить при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, органами и тканями. Целью нашего исследования является рассмотрение вопросов, связанных с назначением судебно-медицинской и судебно-психологической экспертиз при расследовании указанных преступлений, а также определение задач, которые выносятся на решение данных видов экспертиз.

К судебным экспертизам, проведение которых рекомендуется по делам о торговле людьми, органами и тканями, относятся: судебно-медицинская, судебно-психологическая, судебно-психиатрическая, судебно-дактилоскопическая, судебно-почерковедческая, экспертиза видеозву-

козаписи, портретная, техническая экспертиза документов, экспертиза телекоммуникационных систем и средств, экспертиза компьютерной техники и программных продуктов и др. Перечисленные экспертизы в процессе расследования указанных уголовных производств назначаются в зависимости от сложившейся следственной ситуации. Вопросы их организации и проведения достаточно полно освещены в юридической литературе [1].

Судебно-медицинская экспертиза должна проводиться экспертами, обладающими специальными знаниями в отрасли судебной медицины. К предмету судебно-медицинской экспертизы относится: экспертиза потерпевших, обвиняемых и других лиц, а также судебно-медицинский осмотр лиц для определения характера и тяжести телесных повреждений, возраста, пола и решения других вопросов, нуждающихся в знаниях в отрасли судебной медицины; экспертиза трупов в случаях насильственной смерти; судебно-медицинское исследование трупов в случае подозрения о применении насилия или при других обстоятельствах, обуславливающих необходимость исследования трупа в судебно-медицинском порядке; экспертиза вещественных доказательств путем применения лабораторных методов исследования объектов; экспертиза по материалам уголовных и гражданских дел [2, с. 169].

В целях установления характера, локализации, давности и степени тяжести причиненных телесных повреждений, в случае наличия данных о причинении потерпевшему лицу телесных повреждений, заражения венерическими заболеваниями, вирусом иммунодефицита и другими, при его обращении в медицинские учреждения, необходимо проводить судебно-медицинские экспертизы [3]. Необходимость в проведении судебно-медицинской экспертизы непосредственно зависит от времени обращения потерпевшего лица в правоохранительные органы. Если такое лицо сообщает, что в течение недавнего времени к нему применялось физическое и сексуальное насилие, следователь должен принять меры для подтверждения или опровержения этих утверждений.

Основанием для назначения экспертизы могут быть: объективные данные об изменении состояния здоровья потерпевшего в результате сексуальной или трудовой эксплуатации (история болезни и другая медицинская документация); субъективные данные (жалобы потерпевшего на ухудшение физического или психического состояния); сомнения следователя относительно здоровья потерпевшего (немотивированные поступки и другие отклонения в поведении) [4, с. 124–125].

На решение эксперта при назначении судебно-медицинской экспертизы выносят следующие вопросы: 1) проявляет ли потерпевший (ая) признаки какого-либо соматического заболевания? 2) есть ли у потерпевшего лица телесные повреждения? Если есть, то их характер, локализация, давность образования, степень тяжести? Какой механизм образования повреждений? 3) какими орудиями и каким способом причинено повреждение потерпевшему? 4) возможно ли образование телесных повреждений, обнаруженных у

потерпевшего при обстоятельствах, на которые он указывает? 5) опасно ли обнаруженное повреждение для жизни потерпевшего? 6) находится ли обнаруженное у пострадавшего (ей) соматическое заболевание или телесное повреждение в причинной связи с совершенными относительно него (ее) действиями или бездействием? 7) имела ли потерпевшая половые отношения, как давно? 8) насколько активная половая жизнь была у потерпевшего, как давно? 9) как половые отношения повлияли на физическое здоровье потерпевшего? 10) могли ли быть причинены обнаруженные телесные повреждения при обстоятельствах, указанных потерпевшим лицом? 11) есть ли признаки венерического заболевания, какого? 12) беременна ли потерпевшая, если да, то каков срок беременности? [5, с. 217–218].

Также судебно-медицинская экспертиза может быть назначена по материалам уголовного производства и медицинским документам относительно правильности действий и законности принятия решений медицинским персоналом [4, с. 89].

Необходимо отметить, что систематическая торговля несовершеннолетними осуществляется, как правило, организованными преступными группами, при этом используется служебное положение такими лицами, как руководители детского дома, специального учебно-воспитательного, лечебно-воспитательного или другого детского учреждения. Деятельность этих лиц обычно связана с превышением или злоупотреблением служебными полномочиями. Поэтому собирать доказательства, свидетельствующие об их противоправной деятельности, возможно путем разыскивания письменных документов, как правило, поддельных. Это разные виды медицинской документации, содержащей ложные данные о состоянии здоровья взрослого человека или ребенка, акты гражданского состояния, органов опеки и попечительства, судебные решения. В зависимости от предмета исследования для определения состояния здоровья ребенка проводятся судебно-медицинская и другие виды экспертиз. Выводы экспертиз могут опровергать или подтверждать содержание соответствующих документов.

Необходимо отметить, что операции относительно несовершеннолетних с целью изъятия органов или тканей для трансплантации могут доказываться более широким спектром экспертных исследований. На решение экспертов следует выносить вопросы о наличии хирургического вмешательства, времени и характере его осуществления, направленности на определенные органы или ткани, об условиях, в которых проводилось оперативное вмешательство, и о степени его квалифицированности. Не исключено, что операции по трансплантации могут проводиться полностью легально в медицинских учреждениях и маскироваться соответствующей медицинской документацией. В этих случаях путем проведения экспертиз следует выяснить: 1) какие болезни есть у потерпевшего? 2) есть ли на теле признаки хирургических операций, каков их характер и давность проведения? 3) какие повреждения обнаружены при осмотре? 4) обоснованность медицинских показаний для удаления тех или иных органов или тканей.

При наличии объекта исследования экспертизе необходимо подвергать и лиц, которым сделана пересадка органов или тканей. В связи с относительной новизной предмета исследования в каждом случае назначения экспертиз целесообразно предварительно консультироваться с соответствующими специалистами [6, с. 449].

Также при расследовании уголовных производств об изъятии органов назначаются следующие экспертизы: судебно-медицинская экспертиза установления соотношения органа (ткани) и донора; генетическая экспертиза установления идентичности органа (ткани) и донора; судебно-медицинская экспертиза установления возможности или реальной передачи инфекционных заболеваний при изъятии органов, проведении опытов [4, с. 108].

Выводы указанных судебных экспертиз вместе с результатами обязательных освидетельствований могут послужить основанием для дополнительной квалификации действий преступников по статьям Уголовного кодекса Украины, предусматривающим ответственность за причинение вреда здоровью, изнасилование, побои, заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией [7, с. 645–647].

При изучении историй болезней доноров и реципиентов, содержащих документы об их семейных связях, могут возникнуть сомнения относительно их достоверности. Для определения факта семейного положения донора и реципиента назначается генотипоскопическая экспертиза (экспертиза с использованием метода ДНК-анализа). Одним из эффективных средств при доказывании семейного положения донора и реципиента является метод генотипоскопии или ДНК-анализ, то есть исследование микроследов на клеточном уровне. Это позволяет идентифицировать лицо по следам крови, слюны, спермы, клеткам эпителия, частям тканей и органов человека, волосам. Так, метод ДНК-анализа позволяет установить, могут ли мужчина и женщина быть родителями ребенка. На решение эксперта при назначении указанной экспертизы выносят следующие вопросы: 1) есть ли в следах на вещественных доказательствах биологический материал (кровь, сперма, слюна и др.)? 2) если есть, то какая его видовая принадлежность (то есть происходит он от человека или животного)? 3) если биологический материал происходит от человека, то какая его групповая принадлежность? 4) мог ли данный биологический материал происходить от конкретного лица? 5) является ли отцом (матерью) ребенка конкретное лицо? [8, с. 201]

На практике при наличии достаточных оснований возникает необходимость проведения судебно-психологической экспертизы для определения психического состояния потерпевшего лица. Установлено, что по уголовным производствам о торговле людьми специалисты, которые проводят судебно-психологические экспертизы, могут выяснить характер отклонений в психических переживаниях субъекта, их глубину, длительность и причинную связь с определенными действиями или бездеятельностью других лиц.

Предметом судебно-психологической экспертизы является определение особенностей протекания психических процессов у лица и того, в какой степени они могли повлиять на его способность адекватно воспринимать, осмысливать, запоминать и воспроизводить прошедшие обстоятельства, а также осмысливать и контролировать собственные действия. Психологическая экспертиза исследует психические свойства лиц, не являющиеся патологическими и проявляющиеся у психически здоровых людей. Нужно четко представлять, что в пределы предмета судебно-психологической экспертизы входят не показания свидетелей, потерпевших и обвиняемых, а особенности протекания психических процессов у лиц, которые дают показания, влияние этих особенностей на адекватное восприятие ими того или иного факта [9, с. 4–5].

Главная функция экспертизы заключается в получении на основе практического применения специальных психологических знаний и методов исследования новых фактов, дающих возможность точно и объективно оценивать индивидуальные особенности психической деятельности обвиняемых, свидетелей и потерпевших. К компетенции экспертизы, среди прочего, относится установление принципиальной способности психически здоровых свидетелей и потерпевших (с учетом их индивидуально-психологических и возрастных особенностей, уровня психического развития) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела; установление у субъекта индивидуально-психологических особенностей, способных существенно влиять на содержание и направленность действий в конкретной ситуации, и т. д. [10, с. 146–148].

Следует отметить, что судебно-психологическая экспертиза исследует проявления человеческой психики, которые не выходят за пределы нормы (исследование проводится относительно психически здоровых людей). Поэтому необходимо разграничить предмет судебно-психологической экспертизы от судебно-психиатрической (исследующей определенные нарушения или психические заболевания) [11, с. 104].

При назначении судебно-психологической экспертизы и постановке вопросов эксперту важно не ошибиться в их формулировке: вместо вопросов о течении психических процессов допрашиваемого и их влиянии на его деятельность не задавать вопрос относительно достоверности его показаний. Важность судебно-психологической экспертизы заключается в том, что она позволяет проверить факты, подлежащие доказыванию [9, с. 4].

Можно сформулировать ряд вопросов, выносимых на рассмотрение судебно-психологической экспертизы, решение которых следует непосредственно из изучения качеств лица и позволяет получить о нем существенную информацию: 1) общая психологическая характеристика исследуемого лица (темперамент, характер, склонности, потребительско-мотивационная сфера и т. д.); 2) психические свойства лица, имеющие ярко выраженный характер и оказывающие существенное влияние на его поведение (вспыльчивость, замкнутость, крайняя осторожность и др.);

3) доминирующие мотивы поведения данного лица; 4) имело ли подэкспертное лицо, исходя из степени его развития, состояния органов чувств, особенностей восприятия и запоминания, возможность воспринять то или иное обстоятельство и дать о нем адекватные показания? [9, с. 6] 5) проявляет ли потерпевший (ая) какие-либо психологические переживания и страдания? 6) если да, то какова степень тяжести обнаруженных переживаний и страданий? 7) находятся ли обнаруженные у потерпевшего(ей) психологические переживания и страдания в причинной связи с совершенными относительно него (ее) действиями или бездеятельностью? 8) каковы основные индивидуально-психологические особенности лица и характера потерпевшего (ей), которые могли повлиять на его (ее) поведение в исследуемой ситуации? [4, с. 125–126] 9) является ли исследуемая по делу ситуация психотравмирующей для потерпевшего лица? 10) если да, то причинены ли ему страдания?

Необходимость выяснения, являются ли исследуемые обстоятельства психотравмирующими для потерпевшего лица, обусловлено тем, что внешнее наблюдение не всегда способно создать убедительно-правильное впечатление о лице и событии преступления [12].

Непременным условием исчерпывающей полноты и качества психологического исследования является анализ психического состояния, в котором находился исследуемый в момент восприятия им определенного события. В связи с этим нелишним будет выяснение следующих вопросов: 1) как могло повлиять психическое состояние субъекта в момент восприятия события на правильность восприятия, запоминания, воспроизведения фактов, имеющих значение для дела? 2) могло ли лицо, находясь в определенном психическом состоянии, предусмотреть последствия своих действий? [9, с. 6]

Указанные вопросы направлены на изучение основных черт характера и особенностей личности жертвы преступления, связанного с торговлей людьми, органами и тканями, позволяют комплексно изучить личность потерпевшего и достичь понимания того, как это лицо воспринимало ситуацию, обнаружить возможность возникновения уязвимого состояния во время совершения преступления. Ответы на вопросы позволят сделать вывод о том, какие психологические особенности жертвы могли повлиять на ее поведение в рассматриваемой ситуации [4, с. 126].

Для проведения указанной экспертизы в качестве экспертов-психологов следует привлекать лиц, имеющих высшее психологическое образование, сотрудников специализированных отделов научно-исследовательских учреждений, кафедр психологии и педагогики, а для решения вопросов психолого-психиатрической экспертизы желательно приглашать комиссию экспертов – специалистов в области патопсихологии, медицинской психологии, дефектологии. Для проведения судебно-психологической экспертизы нет необходимости приглашать психиатра, если он не имеет специальной подготовки в сфере судебной психологии [9, с. 5].

При выборе эксперта нужно придерживаться следующих рекомендаций: 1) у судебного эксперта необходимо проверить наличие соответствующей квалификации; 2) в составе экспертной комиссии должно быть не менее двух-трех специалистов; 3) преимущество следует отдавать научным и научно-педагогическим работникам; 4) желательно участие судебного психолога и специалиста по узкому профилю психологической науки [13, с. 37].

Необходимо отметить, что, невзирая на интенсивную разработку судебно-психологической экспертизы, запросы сотрудников судебно-следственных органов удовлетворяются недостаточно. Это обусловлено следующими причинами: увеличением количества проблем, которые могут решаться с помощью использования психологических знаний; отсутствием достаточной численности квалифицированных специалистов (экспертов-психологов), которые бы имели соответствующий опыт и навыки в данном виде деятельности и знали специфику тех или иных исследований; недостаточностью разработки экспертных методик и их надлежащей отработки, на основании которых осуществляются судебно-психологические исследования; низким уровнем инициирования разработок относительно новых проблем психологических исследований на запросы судебно-следственных органов [14, с. 298–300].

Использование специальных знаний в уголовном процессе, а именно назначение и проведение вышеуказанных судебных экспертиз, способствует получению доказательственной информации при расследовании торговли людьми, органами и тканями. Следователи должны помнить, что надлежащим образом полученные вещественные доказательства и образцы для сравнительного исследования, своевременное назначение соответствующей экспертизы и правильно сформулированные вопросы перед экспертом позволяют не только завершить расследование в сжатые сроки, но и провести его на высоком профессиональном уровне.

Список цитированных источников

1. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т.В. Аверьянова.– М.: Норма, 2006. – 480 с.

2. Настільна книга слідчого: наук.-практ. вид. для слідчих і дізнавачів / М.І. Панов [та ін.]. – 2-ге вид., перероб. і допов. – Київ: Ін Юре, 2007. – 728 с.

3. Тагаев, Н.Н. Судебно-медицинская экспертиза в уголовном и гражданскм судопроизводстве: учеб. пособие / Н.Н. Тагаев. – Харьков: Консум, 1998. – 192 с.

4. Розслідування торгівлі людьми: навч. посібник / М.І. Андрієнко [та ін.]; за ред. П.В. Коляди. – Київ: Конус-Ю, 2009. – 190 с.

5. Розслідування торгівлі дітьми: навч.-практ. посібник / Міністерство внутрішніх справ України; Національна академія прокуратури України; за ред. І.М. Осики. – Київ, 2011. – 240 с.

6. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 732 с.

7. Санакоев, Д.Б. Практика назначения судебных экспертиз по уголовным делам о торговле людьми в Украине / Д.Б. Санакоев // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25–26 янв. 2011 г. – М.: Проспект, 2011. – С. 645–647.

8. Експертизи в судовій практиці: наук.-практ. посібник / за заг. ред. В.Г. Гончаренка. – 2-ге вид., перероб. і допов. – Київ: Юрінком Інтер, 2010. – 400 с.

9. Гончаренко, В. Г. Судово-психологічна експертиза в системі засобів захисту / В.Г. Гончаренко // Адвокат. – 2009. – № 4. – С. 4–13.

10. Шепітько, В. Ю. Довідник слідчого / В.Ю. Шепітько. – 3-те вид., перероб. і доп. – Київ: Ін Юре, 2008. – 208 с.

11. Шепітько, В.Ю. Психологія судової діяльності: навч. посібник / В.Ю. Шепітько. – Харьків: Право, 2006. – 160 с.

12. Узагальнення практики розгляду судами м. Києва кримінальних справ про торгівлю людьми за ст. 149 КК України у 2011році.

13. Шепітько, В.Ю. Проблеми використання психологічних знань у кримінальному процесі / В.Ю. Шепітько // Актуальные вопросы судебной экспертизы и криминалистики на современном этапе судебно-правовой реформы: сборник науч.-практ. материалов к 75-летию основания Харьк. НИИ судеб. экспертиз им. Засл. проф. Н.С. Бокариуса. – Харьків: Право, 1998. – С. 36–37.

14. Шепітько, В.Ю. Проблеми та перспективи розвитку судово-психологічної експертизи / В.Ю. Шепітько // Современное состояние, проблемы и перспективы развития судебной экспертологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь, 20–21 сент. 2007 г. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2007. – С. 298–300.

Дата поступления статьи – 11.09.2012.

В статье рассматриваются вопросы назначения и проведения судебно-медицинской и судебно-психологической экспертиз при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, органами и тканями. Определены предмет исследования, особенности назначения и перечень вопросов, которые выносят на разрешение эксперта при назначении данных видов судебных экспертиз.

The article deals with the issues of appointment and conduct of forensic and forensic psychological expertises during investigation of crimes connected with trafficking of human beings, organs and tissues. The author identifies the subject of research, peculiar features of appointment as well as the list of issues posted before the legal experts who is to conduct such types of forensic examination.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ ЗНАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Хлус А. М.

В учебниках и учебных пособиях по общей теории государства и права при рассмотрении понятий «государственная деятельность», «деятельность органов государства» традиционно упоминаются ее основные открытые виды. В их числе называются законодательная (правотворческая), исполнительная (правоприменительная) и судебная (правоохрани-

тельная) деятельности [1, с. 112–113]. Но указанный перечень видов государственной деятельности не ограничен.

Из содержания ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) вытекает, что оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является видом государственной деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов.

Как и иные виды государственной деятельности, ОРД требует детального изучения, что и послужило формированию соответствующей учебной дисциплины. Однако соответствующая дисциплина под названием «Оперативно-розыскная деятельность» преподается только в учебных заведениях КГБ и МВД.

По-нашему мнению, преподавание дисциплины «Основы оперативно-розыскной деятельности» (далее – «Основы ОРД») должно быть организовано во всех высших учебных заведениях (факультетах) юридического профиля. Необходимость в этом обусловлена рядом причин, о которых и пойдет речь далее.

Характерной особенностью высшего юридического образования на базе Белорусского государственного университета (далее – БГУ) является то, что система полученных знаний позволяет выпускникам юридического факультета работать во всех сферах правоприменительной и правоохранительной деятельности юристами различных специализаций: следователями, прокурорами, судьями, адвокатами, нотариусами, юрисконсультами и пр. Юридические знания реализуются выпускниками БГУ также в сферах государственной безопасности и внутренних дел. Данные сферы деятельности, учитывая их специфику, не могут ограничиваться уровнем общеюридических знаний. Для них характерно постоянное и непосредственное противодействие преступной деятельности, латентный характер которой во многих случаях требует применения средств и методов оперативно-розыскного характера. Это обусловливает необходимость в получении знаний в сфере ОРД. Программа юридического образования на соответствующем факультете БГУ длительный период времени не предусматривала обязательного преподавания дисциплины «Основы ОРД». Как следствие: выпускники юридического факультета, поступившие на службу, например, в органы государственной безопасности, имеют «изъян» в своем образовании. На первых порах им определенно не хватает знаний, касающихся ОРД. И здесь речь идет не о знаниях, дающих представление, например, о тактике оперативно-розыскных мероприятий, что само по себе составляет государственную тайну, а об основах знаний об ОРД, позволяющих в дальнейшем успешно перейти к формированию нового уровня профессиональных знаний, касающихся тайной специфики данного вида деятельности.

Необходимы знания в сфере ОРД и для лиц, проходящих службу в органах внутренних дел. Например, в системе ОВД имеются подразделения, для которых осуществление ОРД является основной обязанностью, и они ис-

пользуют специальные силы, средства и методы в полном объеме. К ним относятся подразделения уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, по наркоконтролю и противодействию торговле людьми, по борьбе с коррупцией и организованной преступностью [2, ст. 15].

Вместе с тем в системе ОВД имеются также службы, которые выполняют оперативно-розыскную функцию в усеченном объеме. К числу таких служб относятся:

учетно-регистрационные, осуществляющие сбор, накопление, систематизацию сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес;

экспертно-криминалистические подразделения, оказывающие помощь в применении технических и специальных средств (негласная фото-, видеосъемка и т. п.) [3, с. 23].

Весьма проблематичной видится служба выпускника юридического факультета, не изучавшего ОРД, которому в пределах служебной деятельности необходимо производить оперативно-розыскные мероприятия. Отсутствие знаний и навыков в сфере ОРД может привести к нарушениям, связанным с субъективным представлением о вседозволенности в рамках непроцессуальной деятельности.

В научной литературе указывается на ошибки, допускаемые в сфере ОРД не только оперативными работниками, но и иными субъектами, деятельность которых имеет преимущественно открытый (процессуальный) характер. Так, например «в ходе проверки работы органов внутренних дел в 2010 году установлены факты, когда допускалось проведение оперативных мероприятий в отношении граждан, не являющихся объектами указанных дел, в том числе и с санкции прокурора» [4, с. 74].

Необходимость включения дисциплины «Основы ОРД» в систему образования студентов-юристов связана с постоянным совершенствованием системы противодействия современной преступности, которая, видоизменяясь, приобретает новые свойства, трансформирующие ее в новое качество [5, с. 1].

Одним из направлений совершенствования системы противодействия преступности является обеспечение эффективности сбора доказательств преступной деятельности.

На современном этапе противодействия преступности компетентные государственные органы в целях выявления и документирования преступных деяний широко используют методы и средства ОРД. Полученная в результате этой деятельности информация служит гарантом достоверности истины по уголовным делам. Оперативно-розыскная информация «улавливает» факты, имеющие отношение к событию преступления, а также фиксирует связи этих фактов между собой и с источниками, которым они известны [6, с. 60]. В сочетании с процессуальными доказательствами она обеспечивает познание глубинных связей, характеризующих развитие преступления. Информация содержится в материалах ОРД, которые исполь-

зуются для решения определенных законодательством задач, а также способствуют актуализации процесса расследования.

Законом об ОРД (ст. 16) и Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) (ст. 101) предусмотрена возможность использования материалов ОРД в доказывании по уголовным делам. Однако имеющиеся пробелы и коллизии отдельных норм указанных актов породили массу научных публикаций, нередко содержащих различные мнения по данной проблеме.

Решение этой проблемы возможно путем преодоления факторов объективного и субъективного характера. К обстоятельствам объективного характера относится противоречие, которое составляют, с одной стороны, принцип гласности (открытости) судебного разбирательства (ст. 114 Конституции Республики Беларусь, ст. 23 УПК), где на основе доказывания принимается решение о виновности обвиняемого и его ответственности, а с другой – характерная для ОРД конспиративность (засекреченность) (ст. 4 Закона об ОРД).

Субъективная составляющая проблемы связана с личностным подходом профессионалов к ее решению. Иногда это порождает, вне зависимости от законодательной регламентации, мнение о том, что материалы ОРД ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться и использоваться в качестве доказательств по уголовным делам даже после их проверки [7, с. 62]. Среди практикующих юристов такое мнение часто складывается у судей, подавляющее большинство из которых окончили юридический факультет БГУ. В свое время им не пришлось изучать ОРД, и их знания в этой сфере деятельности незначительны, что не позволяет во многих практических ситуациях признать относимость и допустимость материалов ОРД и использовать их в основе принятия решения о виновности и ответственности обвиняемого.

Знания оперативно-розыскного характера необходимы и работникам прокуратуры. Обусловлено это направленностью их деятельности. Так, одной из функций прокурора является надзор за исполнением законодательства при осуществлении ОРД [8]. Кроме того, легализация материалов ОРД в уголовном процессе, по-нашему мнению, не должна проходить без непосредственного участия прокурора. Именно он имеет реальную возможность контролировать процесс перехода оперативно-розыскной информации в процессуальные источники доказательств [9, с. 313]. В этом случае прокурор является связующим звеном между органом, осуществившим ОРД, и следователем (органом дознания), а также выступает гарантом законности легализации материалов ОРД в уголовном процессе [10, с. 180–200].

Многие выпускники юридического факультета, проходящие службу в государственных органах, деятельность которых связана с осуществлением ОРД либо соприкасается с нею (прокуратура, суд и др.), оценивая уровень своих знаний, отмечают достаточные правовые знания по правовым дисциплинам, но указывают на нехватку знаний оперативно-

розыскного характера. Особенно это касается молодых сотрудников правоохранительных органов и суда. В связи с этим перед ними встает проблема в получения дополнительных знаний (образования) в сфере ОРД.

На базе БГУ такое повышение квалификации и переподготовка кадров проводится в Институте переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции. Но все же основы знаний об ОРД должны и могут быть получены, по-нашему мнению, в период обучения на юридическом факультете БГУ.

Вышеизложенное позволяет сделать обоснованный вывод о том, что для эффективного исполнения служебных обязанностей таким специалистам в области правоведения, какими являются следователи, прокуроры и судьи, объективно необходимы знания в сфере ОРД.

В обоснование этого вывода могут быть положены также примеры, на основе которых возможно провести аналогию. Так, объективная необходимость в обеспечении эффективного правоприменения в области хозяйственной деятельности обусловила потребность в юристах со знанием экономики. Это повлекло за собой организацию обучения на юридическом факультете БГУ по специальности «Экономическое право».

Для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в экономической сфере, одних только юридических знаний также недостаточно. Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) установлена ответственность за преступления против порядка осуществления экономической деятельности. В связи с этим возникла потребность в специалистах, которые обладали бы не только юридическими, но и экономическими знаниями. Раскрытие и расследование, например, незаконной предпринимательской деятельности (ст. 233 УК), лжепредпринимательства (ст. 234 УК), легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК), требует от оперативного работника, следователя умения анализировать схемы совершения этих преступлений.

Уголовные дела в связи с совершением экономического преступления часто возбуждаются на основе материалов ОРД [11, с. 202–203]. В такой ситуации требуются знания как уголовно-правовые, так и экономические. Комплексное применение этих знаний необходимо при изучении материалов оперативных органов. Анализ и оценка содержащихся в них данных способствует принятию решения о возбуждении уголовного дела. При этом следователю предстоит выяснять наличие в информации, полученной оперативным путем, фактических данных о признаках экономического преступления, проверять процессуальным и непроцессуальным путем их содержание и источники получения. Наличие у следователя только знаний в области уголовного права не позволит дать правильную оценку сложившейся следственной ситуации. И, наоборот, в случае обладания только специальными знаниями в экономической сфере сотрудник не сможет надлежащим образом осуществить процесс фиксации следов преступле-

ния, изобличить преступников, что позволит им избежать уголовной ответственности [12, с. 36–37].

Обосновывая необходимость включения в учебную программу студентов-юристов дисциплины «Основы ОРД», нельзя не обратить внимания на тесную связь ОРД и криминалистики.

ОРД появилась значительно раньше следственной деятельности. Возникновение ОРД, как и расследования преступлений, было обусловлено необходимостью противодействия преступности как социальному явлению. С самого начала сущность ОРД связывалась с осуществлением общеуголовного розыска, или сыска, преступников гласными и негласными методами [13, с. 1–47]. На первом этапе своего развития сыскная деятельность не подлежала строгой правовой регламентации. Вместе с тем она осуществляла все функции по раскрытию преступлений, установлению и розыску виновных, подлежащих затем передаче суду [14, с. 262].

Возникновение сыскной деятельности (ОРД) не повлекло за собой развития ее теоретических и методических основ, которых, в отличие от теоретико-методической базы деятельности по расследованию, длительное время вообще не было. И только появление науки криминалистики обусловило возможность использовать ее данные для формирования, во-первых, тактико-методического и технического арсенала ОРД и, во-вторых, определенных основ ее теории. Именно в рамках криминалистики, на ее теоретической и практической базе, начала развиваться теория и практика ОРД.

Научные и практические основы ОРД считались частью криминалистики до тех пор, пока в криминалистической литературе не появились высказывания о том, что вопросы ОРД должны быть предметом специальной научной дисциплины.

В настоящее время существование теории ОРД подкреплено фундаментальными российскими учебниками, а также монографическими работами по вопросам и проблемам данной теории [6, 15].

Криминалистика и теория ОРД – наиболее близкие по теоретическому и практическому содержанию юридические науки. Они имеют одну природу и единый объект изучения – преступную деятельность. Многие исходные теоретические положения, приемы и методы ОРД сформировались в рамках криминалистики. Соответственно, многие положения и рекомендации криминалистики легли в основу указанной научной дисциплины. Объединяет указанные науки и их важная роль в обеспечении успешного раскрытия и расследования преступлений [14, с. 262].

С учетом вышеизложенного, студентам, обучающимся на юридическом факультете БГУ, необходимы знания об ОРД. Преподавание дисциплины, которая может именоваться «Основы ОРД», должно носить теоретико-прикладной характер и предполагать ознакомление студентов с основами ОРД. Целесообразно включение дисциплины «Основы ОРД» в качестве обязательного специального курса для студентов старших курсов, специализи-

рующихся по направлению «Судебная, прокурорско-следственная деятельность».

Изучение включенных в программу тем должно обеспечить первоначальные знания, призванные обеспечить лучшее уяснение студентами места и роли ОРД среди других видов юридической государственной и негосударственной деятельности.

В учебной программе, разработанной для студентов-юристов, должны быть выделены две части: общая и особенная.

В общую часть необходимо включить разделы, в которых рассматриваются темы: история возникновения и развития ОРД; понятия, сущность, формы ОРД; принципы, задачи и правовая основа ОРД; органы, осуществляющие ОРД; система и характеристика оперативно-розыскных мероприятий; методы и средства ОРД.

В особенную часть программы следует включить темы, раскрывающие содержание оперативно-розыскного процесса, административной оперативно-проверочной работы, а также информационных и тактических основ ОРД.

Профессиональная ориентация учебного курса «Основы ОРД» предполагает систематическую, целенаправленную и активную самостоятельную работу студентов по изучению рекомендованных нормативных правовых актов, а также открытой специальной литературы.

Не исключается возможность получения знаний об ОРД студентами иных специализаций, которыми ранее изучались уголовный процесс и криминалистика. В таком случае целесообразна организация проведения факультативных занятий по дисциплине «Основы ОРД».

Таким образом, студенты изучают в юридических вузах не только уголовное право, уголовный процесс, криминалистику, но и основы ОРД. Они получают необходимую информацию для формирования правильного представления о процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений и тем самым более подготовлены к правоохранительной деятельности.

Список цитированных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 1999. – 560 с.

2. Об органах внутренних дел: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2010 № 164-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 2/1360.

3. Практика уголовного сыска: науч.-практ. сб. / сост. А. Ваксян. – М.: Лига Разум. – 1999. – 244 с.

4. Гальцов, В.С. Формирование правовой культуры курсанта в области хозяйственного права – будущего сотрудника органа внутренних дел в сфере защиты экономических интересов Республики Беларусь / В.С. Гальцов // Правовая культура как условие формирования правового государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 10–11 декабря 2010 г. / Витебский гос. ун-т ; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – 340 с.

5. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА-ИНФРА–М., 1999. – 990 с.

6. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 367 с.

7. Зажицкий, В.И. Новый закон об оперативно-розыскной деятельности более совершенен / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 62–68.

8. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З: в ред. Законов Респ. Беларусь от 06.01.2009 № 7-З, от 03.12.2009 № 64-З, от 31.12.2009 № 114-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 2/1317.

9. Хлус, А.М. Условия и порядок легализации материалов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / А.М. Хлус // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. трудов / редкол.: А.В. Барков [и др.] – Минск: БГУФК, 2010. – 484 с.

10. Рубис, А.С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью / А.С. Рубис. – Минск: БГУ. – 2005. – 271 с.

11. Андреев, И.С. Криминалистика: учеб. пособие для вузов / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. – Минск: Выш. шк., 1997. – 344 с.

12. Бакшанский, В.П. О необходимости совершенствования методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными образованиями в сфере экономической деятельности, и специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов / В.П. Бакшанский // Правовая культура как условие формирования правового государства: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 10–11 дек. 2010 г. / Витебский гос. ун-т ; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – 340 с.

13. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 794 с.

14. Яблоков, Н.П. Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма, 2009. – 288 с.

15. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. В.Б. Рушайло. – Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2000. – 720 с.; Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 794 с.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

В статье обосновывается необходимость получения студентами-юристами знаний в сфере оперативно-розыскной деятельности и преподавания дисциплины «Основы оперативно-розыскной деятельности» в качестве обязательной во всех юридических вузах (на факультетах) Республики Беларусь. Потребность в этом обусловлена рядом причин.

Во-первых, многие выпускники юридических вузов (факультетов) проходя службу в государственных органах, деятельность которых непосредственно связана с осуществлением оперативно-розыскной деятельности либо соприкасается с нею (прокуратура, суд и др.), отмечают нехватку знаний оперативно-розыскного характера.

Во-вторых, необходимость включения дисциплины «Основы оперативно-розыскной деятельности» в процесс образования студентов-юристов связана с постоянным совершенствованием системы противодействия современной преступности, которая, видоизменяясь, приобретает новые свойства, трансформирующие ее в новое качество.

В-третьих, существует тесная связь между оперативно-розыскной деятельностью и криминалистикой. Изучение этих дисциплин обеспечит получение необходимой

информации для формирования правильного представления о процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений.

The article argues the necessity for law students to obtain knowledge in the sphere of operative crime detection activities and the necessity of teaching “The basics of operative crime detection activities” as an obligatory discipline at all the law higher educational establishments (faculties) in the Republic of Belarus. The need for this is determined by a number of reasons.

Firstly, a lot of law graduates working at the bodies of state power whose functioning is directly connected with the realization of operative crime detection activities or is contiguous to them (public prosecution, court and others) point out the deficiency in the knowledge of operational search character.

Secondly, the necessity for the discipline “The basics of operative crime detection activities” to be included in the process of teaching of law students is connected with the constant improvement of the system of modern crime counteraction, which changes and obtains new characteristics transforming it to a new quality.

Thirdly, there is a close link between operative crime detection activities and criminalistics. The study of these disciplines will provide getting the necessary information for forming the right concept of the process of crime detection, clearance and investigation.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ СЛОВЕНИЯ

Згага С., Корошец Д.

1. Введение

Словения получила международный правовой статус независимого государства в 1991 году. Под избранным наименованием *"Republika Slovenija"* (Республика Словения) она получила формальное признание со стороны иностранных государств, была принята в полноправные члены ООН, а с 1 мая 2004 г. – в полноправные члены ЕС. После провозглашения новой Конституции (23 декабря 1991 г., в последующем в нее вносились изменения) [1] остались в силе все положения законодательства, действовавшие на тот момент, за исключением противоречащих правам человека и фундаментальным свободам (в соответствии со ст. 1 особого конституционного акта, названного «Конституционный акт по имплементации Конституции Республики Словения» [2]).

Интересен тот факт, что ни одно из положений Уголовного кодекса СФРЮ и Уголовного кодекса Словении как субъекта федерации Югославии со сравнительно широкими законодательными полномочиями в области материального уголовного права, особенно в его Общей части, не было официально признано «противоречащим правам человека и фундаментальным свободам» в период между принятием новых Конституции и Уголовного кодекса Республики Словения в середине девяностых годов прошлого столетия.

Полностью обновленный Уголовный кодекс *("Kazenski zakonik Republike Slovenije"* – УК) был принят новым Парламентом Словении в сентябре 1994 г. без серьезных политических или юридико-теоретических возражений и вступил в силу с 1 января 1995 г., после чего в него несколько раз вносились изменения [14]. Новый Уголовный кодекс 1 (УК-1) был принят в 2008 г. и вступил в силу 1 ноября 2008 г. [4]. Были полностью переработаны Общая и Особенная части, принят совершенно новый взгляд на материальное уголовное право. Однако в УК-1 также вносились изменения, последние из которых вступили в силу 15 мая 2012 г. (УК-1B) [4].

В настоящей статье проанализированы некоторые аспекты материального уголовного права Словении. В первой части рассматривается ответственность за более тяжкие последствия – институт, к которому иногда прибегают словенские законодатели и который, тем не менее до настоящего времени не получил должного внимания со стороны словенских исследователей. Во второй части изучены необходимость, принуждение и приказ

как наиболее распространенные основания оправдания или освобождения от ответственности. Указанные правовые институты были существенно затронуты последними изменениями материального уголовного законодательства Словении и в этой связи являются актуальными для словенских практических работников и теоретиков.

2. Некоторые проблемы института ответственности за более тяжкое последствие в уголовном праве Словении

Лишь немногие положения Общей части уголовного законодательства представляют такой же интерес с точки зрения логической согласованности и уголовной политики, как институт ответственности за более тяжкое последствие. Этот институт хорошо известен сравнительному уголовному праву, считается традиционным и предусмотрен многими современными законами и уголовными кодексами (такое положение, например содержится в § 18 действующего Уголовного кодекса Германии [5]). Законодатель, стремясь достичь наилучшей формулировки, изложил соответствующую норму в действующем УК Словении (УК-1) следующим образом (ст. 19): *«Если совершение преступления повлекло более тяжкое последствие, за которое законом предусмотрено более тяжкое наказание, то такое наказание может быть назначено лицу, совершившему преступление, при условии, что он действовал неосторожно в отношении наступления такого последствия»*.

Формулировка вполне понятна, однако цель существования данного института (причина появления данной нормы) далеко не так проста. При более тщательном изучении довольно быстро выясняется, что многие государства не могут или не желают применять этот институт систематически и в точном соответствии с предназначением. Словения входит в их число, и она будет использована в данной статье в качестве примера, типичного случая.

Если рассматривать институт ответственности за более тяжкое последствие в Особенной части уголовного закона как дружеское предупреждение законодателя о том, что вследствие деяния субъекта преступления мы будем иметь дело с потенциальной совокупностью преступлений, так как возможен кумулятивный эффект от угрозы причинения вреда или причинения вреда одному и тому же либо нескольким правовым благам, то перед нами явный случай неразумной траты сил и места в Общей и Особенной частях уголовного законодательства. Можно сказать, что при таком подходе мы сталкиваемся с самой грубой формой избыточности в праве.

Очевидно, что если рассматривать институт ответственности за более тяжкое последствие в качестве подспорья тем правоприменителям, которые не могут и не желают изучать и применять теорию совокупности преступлений и прилагать интеллектуальные усилия при использовании теории уголовно-правовых благ и такого феномена теории материального уголовного права как последствие преступления, то указанный институт выглядит довольно странно и от него следует отказаться в виду его очевидной бесполезности.

Институт ответственности за более тяжкое последствие также возможно рассматривать в качестве предупреждения законодателя о том, что из определенных действий лица, совершившего деяние, обычно, что основывается на эмпирических и статистических данных, вытекают определенные опосредованные, косвенные последствия. Такие последствия должны быть отражены при инкриминировании наряду с непосредственными, прямыми последствиями, из соображений технической простоты и краткости Общей части УК, чтобы облегчить и ускорить умственную работу следователей уголовной полиции, прокуроров и судей по уголовным делам. При таком подходе мы имеем дело с уже упоминавшимся выше вариантом уступки законодателя теоретически слабо подкованному правоприменителю, имеющей очень спорный практический эффект.

И только если мы будем рассматривать институт ответственности за более тяжкое последствие в рамках Особенной части уголовного законодательства конкретного государства в качестве возможности законодателя предусмотреть по любым причинам иные границы наказания в сравнении с тем, которое назначается с использованием общих правил назначения наказания по совокупности преступлений, – только в таком случае указанный институт представляется приемлемым в качестве инструмента уголовной политики (но в силу этого он не является обязательным институтом материального уголовного права).

При таком рассмотрении мы имеем дело с инструментом уголовной политики, предназначенным для более точной работы с возникающими на практике сочетаниями последствий запрещенных деяний. Данный вопрос глубоко исследовался известным хорватским ученым П. Новосельцем (Novoselec) [6], тогда как в словенской доктрине ему уделено мало внимания. Если, например, тяжкие телесные повреждения жертвы являются типичным последствием изнасилования с использованием предмета, вооруженного изнасилования, изнасилования группой лиц одновременно или поочередно или даже любого изнасилования, то законодатель может испытывать искушение использовать институт ответственности за более тяжкое последствие в виде тяжкого телесного повреждения в рамках инкриминирования изнасилования. Установленные границы наказания должны быть выше, чем предусмотренные общими правилами назначения наказания по совокупности преступлений за изнасилование и причинение тяжкого телесного повреждения (при вине в форме небрежности или даже в форме умысла). Необходимо обратить внимание, что такой подход является рациональным только в том случае, если Особенная часть уголовного законодательства системно, эмпирически и статистически прозрачным образом конкретизирует общую концепцию данного института, изложенную в Общей части.

Вся (довольно продолжительная) история института ответственности за более тяжкое последствие очень красноречива. Она недвусмысленно показывает, что данный институт произошел от известного юридического правила *versari in re illicita* и отражает особенно негативное отношение за-

конодателя к деянию, которое наряду с основными (прямыми, непосредственными) запрещенными последствиями влечет также дополнительные предвидимые типичные запрещенные последствия (опосредованные, косвенные). Он возник и развивался веками как способ ужесточения наказания, т. е. повышения его нижней, верхней или обеих границ по сравнению с общими правилами определения пределов наказания по совокупности преступлений.

Имеются странные искажения в этой системе в Словении и ее уголовно-правовой теории, уголовном законодательстве и судебной практике. Во-первых, в некоторых случаях институт ответственности за более тяжкое последствие должен быть использован в Особенной части, поскольку статистически очевидно появление опосредованных, косвенных последствий в результате определенных уголовных деяний. Однако словенский законодатель без видимых и разумных оснований не применяет данный механизм. Для примера можно привести тяжкие преступления на сексуальной почве, при совершении которых почти всегда или, по крайней мере, с большой долей вероятности можно прогнозировать возникновение на практике телесных повреждений у потерпевших, а также вооруженное ограбление и подобные насильственные преступления, в отношении которых словенским законодателем не применяется институт ответственности за телесные повреждения в качестве ответственности за более тяжкое преступление (см. ст.ст. 206, 207, 170, 171, 172, 173 УК Словении).

В других случаях данный институт используется в Особенной части, однако это не приводит к каким-либо заметным отличиям от обычного наказания, назначаемого по совокупности, либо эффект применения института ответственности за более тяжкое последствие прямо противоположен. Самый яркий пример – последствия в виде причинения смерти нескольким лицам в результате дорожно-транспортного происшествия, предусмотренные ст. 323 УК Словении, которая гласит: «(§ 1) Лицо, участвующее в дорожном движении, которое из-за нарушения по неосторожности правил безопасности на дорогах совершает дорожно-транспортное происшествие, в результате которого другое лицо получает серьезные телесные повреждения, наказывается штрафом или лишением свободы на срок не более трех лет» и «(§ 2) Если преступление, предусмотренное предыдущим параграфом, влечет смерть одного или нескольких лиц, виновному назначается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года и не более восьми лет». В Словении границы наказания для лица, совершившего по неосторожности убийство 10 человек, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения без прав со значительным превышением скорости, в несколько раз (!) ниже, чем наказание за убийство их по неосторожности, предусмотренное общими положениями об ответственности за убийство по неосторожности (ст. 118 УК Словении «Убийство по неосторожности»). И это несмотря на то, что законодатель использует институт ответственности за более тяжкое последствие в § 2 ст. 323 УК, в которой смерть человека

является опосредованным, косвенным последствием нарушения правил безопасности дорожного движения, а дорожно-транспортное происшествие – непосредственным, прямым последствием (§ 1 ст. 323 УК).

Очевидно, что необходимо незамедлительно внести изменения в законодательство Словении в целях совершенствования института ответственности за более тяжкое последствие (отдельно стоят вопросы об этических и философских проблемах уравнения смерти одного и нескольких лиц в уголовном праве в рамках первого элемента общего понятия преступления).

3. Необходимость, принуждение и приказ в словенском уголовном праве

3.1. Положения о необходимости

Положения УК о необходимости восприняли нормы Уголовного кодекса СФРЮ, поэтому они предусматривают только оправданную необходимость (ст. 12 УК) [4]. В законодательстве была закреплена только эта форма необходимости, и только она применялась в судебной практике [7; 8]. Деяние, совершенное в условиях крайней необходимости, не рассматривалось как преступление. Считалось, что крайняя необходимость возникала, когда деяние, содержащее в себе все признаки преступления, совершалось для того, чтобы предотвратить непосредственную опасность, не спровоцированную самим субъектом, угрожавшую субъекту или иному лицу, которую нельзя было предотвратить иным способом, при условии что возникшие негативные последствия не превзошли по своей значимости изначально угрожавшие негативные последствия. Менее суровое наказание могло быть назначено лицу, которое по неосторожности само спровоцировало опасность или превысило пределы крайней необходимости. Если лицо действовало за рамками крайней необходимости при особо смягчающих обстоятельствах, наказание могло не назначаться (ст. 12 УК) [4].

Такое регулирование часто подвергалось критике из-за своей монистической природы. В частности, предотвращение опасности во всех случаях исключало противоправность деяния, и, следовательно, потерпевший не имел права на самооборону, независимо от соотношения значимости изначально угрожавших и реально возникших негативных последствий [9, с. 13]. Такое регулирование имело смысл, когда возникшие негативные последствия были менее значительными, чем изначально угрожавшие, но не при их равнозначности. В последнем случае необходимо было применять извинительную необходимость, освобождающую от ответственности, как в схожих правовых системах (см., например, ст.ст. 34 и 35 Уголовного кодекса Германии) [20].

С учетом критики в новом УК-1 были предусмотрены две новые формы необходимости: извинительная необходимость и необходимость, исключающая наказуемость. При этом УК-1 не содержит положений об оправданной необходимости. Тем не менее, по мнению большинства теоретиков, оправданную необходимость можно по-прежнему использовать в качестве оправдывающего основания, руководствуясь исключительно теорией и судебной практикой [10, с. 232; 11, с. 27]. В частности, *numerus*

clausus для оправдывающих оснований отсутствует, и они могут устанавливаться уголовным законом, иным законодательством или даже теорией и судебной практикой.

Ряд авторов утверждают, что такое применение оправданной необходимости противоречит принципу законности в том смысле, в котором он понимается в Конституции Словении [1] и Законе о судах [12]. Согласно указанным актам судья принимает решения исключительно на основании Конституции и законодательства. *A contrario* при принятии решений судья не может руководствоваться теоретическими построениями. Имеется еще один аргумент против использования оправданной необходимости, а именно намерение законодателя. Из материалов подготовки комментария к УК-1 можно сделать вывод о том, что законодатель намеренно исключил оправданную необходимость и заменил ее двумя другими формами необходимости. Таким образом, исходя из телеологического и исторического толкования, можно сделать вывод о том, что законодатель намеренно исключил оправданную необходимость из УК-1.

Несмотря на указанные аргументы, большинство теоретиков Словении считают, что *numerous clausus* оснований для оправдания отсутствует; поскольку они являются средствами защиты, они исключают существование преступного деяния и не расширяют уголовную ответственность. Кроме того, в данном случае не нарушается принцип законности. Уголовное законодательство может предусматривать некоторые наиболее распространенные основания для оправдания, но не все. Аналогичный подход принят в правовых системах Германии и Австрии, где судья обязан принимать во внимание исключительно законодательство [13, с. 360; 14, с. 603; 15, с. 335; 16, с. 676; 17, p. 187; 18, p. 339; 19, с. 987; 20, с. 109; 21, с. 634], принимая решение [22, с. 133; 23, с. 106; 24, с. 205; 25, с. 37]. Более того, в обеих правовых системах оправданная необходимость развивалась в рамках прецедентного права, и только спустя годы немецкие законодатели включили ее в уголовное законодательство, в то время как Австрия до сих пор применяет оправданную необходимость в соответствии с прецедентным правом и теорией.

Таким образом, применение оправданной необходимости не будет являться нарушением Закона о судах (ст. 3) [12] и Конституции Словении (ст. 125) [1]. Если условия и ограничения оправданной необходимости являются надлежащим образом разработанными и обоснованными, ее использование не будет дискуссионным. На наш взгляд, это условие также выполнено, поскольку суды применяли оправданную необходимость ранее, еще до принятия УК-1.

Повторное введение оправданной необходимости в материальное уголовное право Словении также приведет законодательство Словении в соответствие с сопоставимыми континентальными правовыми системами. Многие из них признают или вводят оправданную необходимость в качестве абсолютной защиты.

Можно использовать условия оправданной необходимости, содержавшиеся в УК, поскольку они мало отличаются от предусмотренных в других континентальных правовых системах. Таким образом, противоправность деяния может быть исключена, если лицо совершило деяние, содержащее все признаки преступления, чтобы предотвратить непосредственную опасность, угрожавшую этому или иному лицу, не спровоцированную самим субъектом, которую нельзя было предотвратить иным способом (ст. 12 УК) [3]. Единственное, что нужно изменить, – это соотношение изначально угрожавших и фактически наступивших негативных последствий [26, с. 172; 27, с. 353; 28, с. 26; 9, с. 13]. Это условие подвергалось критике еще в то время, когда УК был в силе, как слишком общее, исключающее возможность введения дополнительной формы необходимости. Согласно УК фактически наступившие негативные последствия не должны превосходить по своей значимости изначально угрожавшие негативные последствия. Указанное условие следует изменить так, чтобы при оправданной необходимости наступившие негативные последствия были менее значимыми, чем изначально угрожавшие. В этом случае будет исключена противоправность деяния и потерпевший не будет иметь права на самооборону. Любое другое соотношение значимости наступивших и изначально угрожавших негативных последствий можно будет использовать для других форм необходимости.

Согласно УК-1 лицо, совершившее деяние, обладающее признаками преступления, чтобы предотвратить непосредственную угрозу собственной жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, личной свободе или жизненно необходимому имуществу, не исходящую от него самого, не признается виновным, если такую угрозу нельзя было устранить иным способом, и данное лицо не было обязано подвергнуться ей (см. пар. 1 ст. 32 УК-1) [4]. Данный параграф регулирует извинительную необходимость.

Необходимость, исключающая наказуемость уголовного деяния, предусмотрена в следующем абзаце: лицо, совершившее преступное деяние вследствие необходимости при условиях, указанных в положении об извинительной необходимости, с тем, чтобы предотвратить угрозу иным ценностям, признаваемым законом, не подлежит наказанию при условии, что наступившие негативные последствия уступают по своей значимости негативным последствиям, которые ему угрожали (пар. 2 ст. 32 УК-1) [4]. В обоих случаях лицу может быть снижено наказание, если оно по неосторожности само создало опасность или если его поведение превысило пределы необходимости, а если данное лицо действовало за указанными пределами при особо смягчающих обстоятельствах, оно может быть освобождено от ответственности (пар. 3 ст. 32 УК-1) [4].

Извинительная необходимость является основной формой необходимости в УК-1, хотя в других континентальных системах она может признаваться субсидиарной формой необходимости. Необходимость, исключающая наказуемость деяния, предусмотрена в УК-1 в качестве субсидиарной

формы. Имеются и другие проблемы в современном регулировании необходимости.

После принятия УК-1 сразу встал вопрос о том, что такое наказуемость деяния и какое влияние имеет рассматриваемая форма необходимости. Является ли она абсолютной защитой, влияет ли она только на наказание или она является исключительно процессуальным институтом?

В работах словенских авторов и в законодательстве можно найти большое число ответов на указанные вопросы. В общем смысле наказуемость можно понимать как все условия, которые должны выполняться для существования преступного деяния. Этот общий термин охватывает все элементы общего определения преступного деяния [29, с. 43]. Однако такое толкование является слишком размытым и лишенным пользы. В частности, при такой форме необходимости любой элемент общего определения преступного деяния можно исключить (деяние, определение преступного деяния, противоправность или вину). Подобная интерпретация не имеет смысла, поскольку нет такого элемента преступного деяния, который подлежал бы исключению после исключения вины.

Вторая возможная интерпретация подразумевает рассмотрение наказуемости в качестве дополнительного элемента преступного деяния. Она является завершающим элементом, деяние уже является противоправным, и лицо действовало виновно. Если нет наказуемости – то нет и преступника, и суд выносит оправдательный приговор. Данная интерпретация является более точной, однако не имеет дополнительной ценности с точки зрения права на самозащиту и соучастия в сравнении с исключением вины. Такое толкование вводит новый неопределенный элемент в общую дефиницию преступного деяния. Данная интерпретация схожа с интерпретацией Роксина (*Roxin*) и Ешека (*Jeschek*), которые понимают *«Strafausschließungsgrund» («основание исключения наказания» – нем.)* как основание исключения дополнительного, специального и завершающего элемента преступного деяния.

Некоторую ясность в вопросе о наказуемости можно обнаружить в системе УК-1. В частности, в соответствии со ст. 33, если закон устанавливает, что за деяние, содержащее элементы преступления, не назначается наказание ввиду наличия особых обстоятельств, отношений или характеристик лица, его совершившего, данное лицо не должно привлекаться к уголовной ответственности за это деяние (ст. 33 УК-1) [4].

Приведенное выше определение является слишком широким. Оно по-прежнему оставляет простор для различных интерпретаций (вердикт о невиновности, полное освобождение от наказания или процессуальные полномочия прокурора или судьи). Даже комментарий к данному положению УК-1 не проясняет до конца этот вопрос. В нем сказано, что «УК-1 отвергает интерпретацию, в соответствии с которой отсутствие наказуемости означает освобождение от наказания, поскольку деяние является преступлением только тогда, когда влечет наказание» [30]. Эта интерпретация под-

держивает точку зрения противников освобождения от наказания. Дополнительный аргумент находим в комментарии к ст. 32, в котором сказано, что даже если в каком-либо случае вина или наказуемость не исключаются, то это не означает, что наказание нельзя смягчить или не назначить вовсе [30]. На наш взгляд, это означает, что законодатель разграничивает последствия отсутствия наказуемости и освобождение от наказания.

Однако комментарий на этом не останавливается. Далее идет речь о том, что «отсутствие наказуемости означает отсутствие обязанности применять закон в конкретном случае [31]. Определение преступного деяния не нарушается, субъект является виновным, не выполняется только негативное условие наказуемости» [30]. Последнее предложение могло бы стать аргументом в пользу наказуемости как дополнительного элемента общего определения преступного деяния. Однако далее в комментарии вновь идет речь об исключении наказуемости в процессуальном смысле [30], что является аргументом в поддержку диаметрально противоположного подхода.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в УК-1 нет четкого подхода к тому, что представляет собой наказуемость и ее исключение.

Разрешить данный вопрос представляется возможным только после изучения Уголовно-процессуального кодекса с внесенными в него изменениями. Согласно ст. 358 УПК с изменениями, касающимися оправдательного приговора, решение об оправдании обвиняемого принимается: если инкриминируемое деяние не является преступлением; если имеются обстоятельства, исключающие уголовную ответственность или наказуемость; если совершение деяния не было доказано; если существует несоразмерность между деянием небольшой значимости и последствиями осуществления уголовного процесса [32]. Отсутствие наказуемости, таким образом, имеет следствием оправдательный приговор, а значит равнозначно отсутствию вины. На наш взгляд, это означает, что наказуемость является независимым дополнительным элементом общего определения преступления. Если нет наказуемости, деяние по-прежнему является противоправным, и субъект действовал виновно [33]. Мы имеем дело с еще одним элементом преступления, оценка которого производится только после того, как оценена вина. Он представляет собой завершающий элемент общего определения преступления. Таким образом, процессуальную интерпретацию можно исключить.

Еще одна проблема заключается в разграничении двух форм необходимости. С одной стороны, законодатель расширил положения о необходимости, которая исключает наказуемость, поскольку в случае ее применения ценности определяются более широко (любые иные ценности, признаваемые законом, помимо ценностей, определенных для извинительной необходимости). В сравнительных правовых системах данная характеристика является обычной для оправданной необходимости. Что касается извинительной необходимости, то в УК-1 защищаемые ценности перечислены конкретно (жизнь, телесная неприкосновенность, личная свобода и жизненно необходимое имущество). С другой стороны, при необходимости,

исключающей наказуемость, фактически наступившие негативные последствия должны по своей значимости уступать изначально угрожавшим негативным последствиям. Продолжая сравнение, отметим, что это еще одно условие, характерное для оправданной необходимости. Таким образом, в УК-1 находим два условия необходимости, исключающей наказуемость, довольно характерных для оправданной необходимости. Рациональных причин для такого странного регулирования данной формы необходимости нет. В сравнительном уголовном праве оправданная необходимость (как основная форма необходимости) уже исключает противоправность деяния, по этой причине соотношение между наступившими и изначально угрожавшими негативными последствиями более строгое (наступившие негативные последствия должны быть менее серьезными, чем изначально угрожавшие), однако перечень ценностей обычно не ограничивается. С другой стороны, извинительная необходимость, как дополнительная форма необходимости, исключает только вину. В этой связи соотношение между наступившими и угрожавшими последствиями менее строгое, но ценности обычно ограничены наиболее важными.

На первый взгляд кажется, что в УК-1 монистический подход был заменен дифференцированным. Однако более подробный анализ показывает, что в Словении необходимость, исключающая наказуемость, на самом деле заняла место оправданной необходимости в том виде, в котором она предусмотрена в сравнительных правовых системах, и стала играть ее роль. Оправданная необходимость превратилась в необходимость, исключающую наказуемость. Такой вывод можно сделать, исходя из того, какие ценности защищаются, а также из соотношения негативных последствий. Кроме того, извинительная необходимость, которая является дополнительной в сравнительных правовых системах, в УК-1 Словении стала основной, но регулируется как дополнительная.

В итоге вскрывается ситуация, диаметрально противоположная той, которая наблюдается в других континентальных правовых системах. Исправить ситуацию можно только путем возвращения в законодательство положений об оправданной необходимости, однако имеются сомнения по поводу наличия правового пространства для третьей, дополнительной формы необходимости. На наш взгляд, его можно найти. Оправданная необходимость могла бы применяться (со скорректированным соотношением наступивших и угрожавших негативных последствий) в случаях, когда наступившие негативные последствия менее значимы, чем изначально угрожавшие базовым ценностям, определенным для извинительной необходимости: жизнь, здоровье, личная свобода или жизненно необходимое имущество. Остальные ценности будут охвачены необходимостью, исключающей наказуемость.

Такое регулирование необходимости в УК-1 подвергалось критике, был сделан ряд рекомендаций о том, какие изменения необходимо внести в УК-1. Новые положения должны основываться на теории дифференциации, однако необходимо ввести две новые формы необходимости: оправ-

данную и извинительную. В основе оправданной необходимости должна лежать защита преобладающего интереса, т. е. наступившие негативные последствия должны уступать по своей значимости изначально угрожавшим негативным последствиям. Перечень ценностей и лиц, которые защищаются от негативных последствий, не следует ограничивать. Извинительная необходимость, как дополнительная форма необходимости, должна защищать наиболее важные ценности, при этом наступившие негативные последствия могут быть равнозначны изначально угрожавшим негативным последствиям [34].

Законодатель принял решение исправить такое часто критикуемое регулирование необходимости посредством внесения изменений в УК-1 (УК-1В). В основе изменений лежит теория дифференциации, он вновь вводит извинительную необходимость и отказывается от использования необходимости, исключающей наказуемость. По этой причине деяние, совершенное с тем, чтобы предотвратить непосредственную угрозу субъекту или иному лицу, не является противоправным, если наступившие негативные последствия менее значимы, чем изначально угрожавшие (оправданная необходимость) (пар. 1 ст. 32 УК-1В). С другой стороны, субъект не является виновным, если совершает деяние с целью предотвратить непосредственную угрозу, не спровоцированную самим субъектом, которую нельзя было отвести иным способом от самого субъекта или иного лица, если наступившие негативные последствия не являются непропорционально более значимыми, чем изначально угрожавшие, и субъект не был обязан подвергнуться угрозе (пар. 2 ст. 32 УК-1В). Наказание может быть снижено лицу, которое в условиях извинительной необходимости по неосторожности само вызвало опасность или чье поведение превысило пределы оправданной необходимости или извинительной необходимости, а если лицо действовало за рамками указанных пределов при особо смягчающих обстоятельствах, такое лицо может быть освобождено от наказания (пар. 4 ст. 32 УК-1В). На наш взгляд, такое регулирование, в конечном счете, сравнимо с другими континентальными правовыми системами, подверженными германскому влиянию (см. ст. 33 и 34 Уголовного кодекса Германии [5], ст. 10 Уголовного кодекса Австрии).

3.2. Принуждение – самостоятельный институт права?

Принуждение никогда не регулировалось словенским уголовным законодательством как самостоятельный и независимый институт права. УК содержал интерпретационную норму, согласно которой статья о необходимости должна применяться также в случаях, когда преступление было совершено под влиянием принуждения, которому можно было противостоять, или под влиянием угрозы (пар. 2 ст. 13 УК). Таким образом, каждый случай принуждения, удовлетворявший условиям оправданной необходимости, приводил к исключению противоправности деяния.

Из УК-1 данное положение было исключено. Следовательно, в случае принуждения или угрозы, которым можно было противостоять, допус-

кается применение любого института Общей части УК-1 в зависимости от обстоятельств дела. По этой причине решение вопроса о том, какой элемент преступления должен быть исключен, зависит от применяемого института права. В большинстве случаев применяются правила, касающиеся необходимости, и, следовательно, – в соответствии с УК-1В – исключается противоправность или вина.

3.3. Приказ начальника в уголовном праве Словении

Приказ начальника рассматривается в качестве обстоятельства, освобождающего от ответственности, когда подчиненный обязан выполнить приказ начальника, однако цель данного приказа – совершение преступления. В результате подчиненный сталкивается с необходимостью выполнить две обязанности одновременно: обязанность не совершать преступлений и (военную) обязанность выполнять приказы начальника.

В Словении подчиненный в войсках обязан выполнять приказы начальника, если приказ отдан в соответствии с Законом об обороне и Правилами военной службы. Подчиненному, однако, запрещается выполнять приказ, если он противоречит международному военному или гуманитарному праву или если очевидно, что, выполнив приказ, подчиненный военнослужащий совершит преступление (пар. 65 Правил военной службы [35]) [36, с. 434].

С другой стороны, уголовное законодательство определяет случаи, в которых подчиненный может успешно требовать освобождения от ответственности в связи с исполнением приказа: «Подчиненный не подлежит наказанию, если совершает преступление по приказу или команде начальника, отданным при прохождении военной службы, за исключением случаев совершения военных преступлений или иных тяжких преступлений, а также если подчиненный осознавал, что исполнение приказа или выполнение команды является преступлением» (ст. 278 УК-1) [4].

Приведенное положение может быть обнаружено в Особенной части УК-1 в главе, посвященной преступлениям против воинского долга. Лингвистическое толкование показывает, что данное положение применимо только к подчиненным военнослужащим и приказам, отданным военным начальником, как определено в УК-1 (пар. 2 ст. 99 УК-1) [4].

При узком понимании данное положение будет применяться только по отношению к преступлениям против военной службы, однако такое ограничительное толкование, на наш взгляд, неверно. УК-1 не содержит указания на ограничение только этой группой преступлений и ссылается на любое преступление, поэтому данное положение касается любого преступления, совершенного по приказу начальника.

Тем не менее данное положение все-таки содержит одно ограничение: эта норма применяется только в отношении военнослужащих, несмотря на то, что словенские теоретики уголовного права часто высказывают критические замечания о необходимости аналогичного положения во всех

подобных системах, в которых подчиненные обязаны выполнять приказы начальника [10, с. 243, 245; 26, с. 177; 37, с. 217; 27, с. 361].

Критике также подвергается влияние данного положения на существование преступления [37, с. 219; 26, с. 175; 11, с. 138]. В УК-1 говорится лишь о том, что подчиненный не несет наказания. Что имеется в виду: освобождение от наказания, наказуемость в качестве нового элемента преступления, основание для оправдания [38, с. 733] или извинительное обстоятельство? Правильный ответ на этот вопрос может дать только полный анализ. Подчиненный не несет наказания, за исключением случаев:

когда совершает военное преступление или любое другое тяжкое преступление;

или когда осознает, что выполнение приказа или команды образует преступление.

Первое негативное условие является объективным. Если выполнение приказа образует военное преступление или любое другое тяжкое преступление, подчиненному запрещается выполнять такой приказ, и он не может ссылаться на приказ начальника в качестве защиты от обвинения.

В основе второго условия лежит юридическая ошибка, и поэтому оно является субъективным. Нельзя использовать в качестве защиты приказ начальника, если лицо знало, что выполнение приказа представляет собой совершение преступления. В отношении каждого преступления (за исключением военных и других тяжких) в отношении подчиненного всегда действует презумпция юридической ошибки. На наш взгляд, это неприемлемо в профессиональной современной армии [10, с. 244; 27, с. 261; 39, с. 28].

Действующие положения словенского законодательства о приказе начальника, таким образом, основаны на юридической ошибке, которая влияет на виновность лица, а не на противоправность деяния. Следовательно, мы имеем дело с извинительным основанием, а не с оправдывающим основанием [10, с. 244].

Последнее (но от этого не менее важное) критическое замечание делают словенские авторы. Термин «другое тяжкое преступление» слишком расплывчат и не позволяет точно определить, какие преступления являются тяжкими, а какие нет [10, с. 245]. Некоторые авторы утверждают, что преступные деяния, за которые предусмотрено наказание от десяти лет лишения свободы, должны считаться тяжкими [40, с. 672]. Однако, на наш взгляд, сначала необходимо проанализировать второе субъективное условие данного положения. Минимальное наказание за военные преступления составляет пятнадцать лет (ст.102 УК-1) [4]. Таким образом, чтобы быть последовательным при использовании двух указанных условий для определения «другого тяжкого преступления», необходимо использовать эту границу наказания.

4. Выводы

Ответственность за более тяжкое последствие, необходимость, принуждение и приказ начальника – лишь некоторые положения материально-

го уголовного права Словении, которые обсуждались или в которые вносились изменения в последнее время. В отношении некоторых из указанных положений законодатель прислушался к рекомендациям теоретиков, но, к сожалению, чаще наблюдается обратное, и законодатель игнорирует предложения ученых и практических работников и изменяет (уголовное) законодательство по иррациональным мотивам и без должного обдумывания. Проблемы, рассмотренные в данной статье, отражают оба случая. Встречаются ситуации, когда по-прежнему необходимо прибегать к институту ответственности за более тяжкое последствие, однако законодатель Словении не использует данный механизм без объяснения причин и обоснования. В других случаях этот институт используется, но без четкого отличия во влиянии на общее наказание по совокупности преступлений, или даже результат применения института ответственности за более тяжкое последствие противоположен. В настоящее время необходимость представляет собой обратное явление, однако от практических работников зависит, будут ли измененные положения применяться на практике.

Список цитированных источников

1. Constitution of the Republic of Slovenia, Official Journal of the Republic of Slovenia. – Nr. 33/91-I, 42/1997, 66/2000, 24/2003.
2. Constitutional Act for the Implementation of the Constitution of the Republic of Slovenia, Official Journal of the Republic of Slovenia. – Nr. 33/1991, 21/1994.
3. Criminal Code of Slovenia, Official Journal of the Republic of Slovenia. – Nr. 63/1994, 23/1999, 40/2004.
4. Criminal Code of Slovenia 1, Official Journal of the Republic of Slovenia. – Nr. 55/08, 66/08, 39/09; 91/11.
5. German Criminal Code (StGB) [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html. – Date of access: 30.03.2012.
6. Novoselec, P. Opći dio kaznenog prava / P. Novoselec. – Zagreb: Sveučilište u Zagrebu 2004. – pp. 242–246.
7. Judgement of Higher Court in Koper III Kp 6/2008.
8. Judgement of the Supreme Court Of Slovenia I Ips 110/2009.
9. Ambrož, M. Zakaj potrebujemo dve vrsti skrajne sile? / M. Ambrož // Pravna praksa. – 2005. – № 43. – pp. 13-15.
10. Ambrož, M. Kazensko pravo, splošni del //M.Ambrož, L.Bavcon, K.Filipčič, D.Korošec, A.Šelih // Ljubljana: Uradni list Republike Slovenije, 2009.
11. Selinšek, L. Kazensko pravo; splošni del in osnove posebnega dela / L. Selinšek. – Ljubljana: GV založba, 2007.
12. Courts Act, Official Journal of the Republic of Slovenia, Nr. 19/1994, 94/2007, 45/2008, 96/2009 and 33/2011.
13. Jescheck, H.H. Lehrbuch des Strafrechts, Allgemeiner Teil / H.H. Jescheck, T. Weigend. – Berlin: Dunckler & Humblot, 1996.
14. Roxin, C. Strafrecht, Allgemeiner Teil // C.Roxin. – München: C.H. Beck, 2006.
15. Maurach, R. Strafrecht Allgemeiner Teil / R. Maurach, H. Zipf. – Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1987.

16. Schönke, A. Strafgesetzbuch, Kommentar / A. Schönke, H. Schröder. – Auflage, 27. – München: Verlag C H Beck, 2006.

17. Gropp, W. Strafrecht, Allgemeiner Teil / W. Gropp. – Heidelberg: Springer, 2001.

18. Jakobs, G. Strafrecht, Allgemeiner Teil, Die Grundlagen und die Zurechnungslehre / G. Jakobs. – Berlin: Walter de Gruyter, 1983.

19. Cohen, D. The development of the modern doctrine of necessity: a comparative critique / D. Cohen; ed. A. Eser, G.P. Fletcher // Rechtfertigung und Entschuldigung, Rechtsvergleichende Perspektiven, MaxPlanck Institut für ausländisches und internationales Strafrecht. – Freiburg im Breisgau. – 1988. – pp. 973–1001.

20. Bergmann, A. Die Grundstruktur des rechtfertigenden Notstandes / A. Bergman // Juristische Schulung. – 1989. – № 1. – pp. 109–111.

21. Eser, A. Justification and excuse / A. Eser // American Journal of Comparative Law. – 1976. – № 4. – pp. 621–637.

22. Fuchs, H. Österreichisches Strafrecht, Allgemeiner Teil / H. Fuchs. – Vienna: Springer, 2008.

23. Seiler, S. Strafrecht, Allgemeiner Teil / S. Seiler. – Vienna: Grundlagen und Lehre von der Straftat, Facultas Verlag, 2007.

24. Triffterer, O. Commentary on the Rome statute of the International criminal law: observers' notes, article by article / O. Triffterer. – 2nd ed. – München: C H Beck, Hart, Nomos, 2008.

25. Fabrizy, E.E. StGB und ausgewählte Nebengesetze.– Auflage 9. – Vienna: Manzsche Verlags – und Universitätsbuchhandlung, 2006.

26. Korošec, D. Splošni pojem, skrajna sila in odgovornost podrejenih / D. Korošec, M. Ambrož; ed. A. Šelih // Sodobne usmeritve kazenskega materialnega prava, Ljubljana: Inštitut za kriminologijo pri Pravni fakulteti v Ljubljani, 2007.

27. Ambrož, M. Der Allgemeine Teil des neuen slowenischen Strafgesetzbuchs / M. Ambrož, D. Korošec // Jahrbuch für Ostrecht. – 2008. – № 49. –pp. 351-362.

28. Ambrož, M. Nova zgradba kaznivega dejanja v predlogu KZ-1 / M. Ambrož // Pravna praksa. – 2007. –№ 42. – pp. 26–27.

29. Korošec, D. Splošno o pojmu kaznivega dejanja / D. Korošec // Majhen pomen dejanja kot institut materialnega kazenskega prava. –Ljubljana: Uradni list Republike Slovenije, 2004.

30. Commentary to proposal of article 32 of CC-1.

31. Bele, I. Kazenski zakonik (KZ-1 in KZ-UPB1) z uvodnimi pojasnili / I. Bele, M. Deisinger, V. Jakulin // Ljubljana: G. V založba, 2008.

32. Criminal Procedure Act, Official Journal of the Republic of Slovenia – Nr. 63/1994, 72/1998, 6/1999, 66/2000, 111/2001, 56/2003, 43/2004, 101/2005, 14/2007, 68/2008, 77/2009 and 91/2011.

33. Bele, I. O pomenu kazenske odgovornosti / I. Bel; ed. B. Pavišić // Decennium zbornik radova pravnog fakulteta sveučelišta u Rijeci. – Rijeka: Zavod za kaznene znanosti Mošćenice, 2008.

34. Zgaga, S. Skrajna sila v mednarodnem kazenskem pravu: doctorate thesis / S. Zgaga; Faculty for Law, University of Ljubljana. – Ljubljana, 2011.

35. Rules of Military Service, Official Journal of the Republic of Slovenia. – Nr. 84/2009.

36. Sancin, V. Mednarodno pravo oboroženih spopadov / V.Sancin, D. Švarc, M. Ambrož. – Ljubljana : Poveljstvo za doktrino, razvoj, izobraževanje, 2009.

37. Korošec, D. Ravnanje po pravno zavezujočem navodilu nadrejenega – izključenost protipravnosti ali krivde? / D. Korošec // Zbornik znanstvenih razprav Pravne fakultete v Ljubljani. – 1994. – pp. 215–230.

38. Bačić, F. Komentar krivičnog zakona Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije / F. Bačić L. Bavcon, M. Đorđević; K. Božidar, N. Srzentic; A. Stajić // Belgrade: Savremena administracija, 1982.

39. Korošec, D. O nekaterih vojaških določbah nove slovenske kazenske zakonodaje / D. Korošec // Pravna praksa. – 1995. – № 5. – pp. 28–29.

40. Deisinger, M. Kazenski zakonik s komentarjem, posebni del / M. Deisinger // Ljubljana: GV založba, 2002.

Дата поступления статьи – 03.04.2012.

Данная статья посвящена некоторым интересным вопросам современного материального уголовного права Словении. В первой части настоящей статьи анализируется институт ответственности за более тяжкое последствие, который спорадически используется в словенском уголовном законодательстве. Встречаются ситуации, когда рассматриваемый институт очевидно должен быть предусмотрен, но словенский законодатель не закрепляет применение данного механизма без видимых причин. В других случаях этот институт применяется, однако при этом общее наказание по совокупности преступлений остается прежним или результат применения института ответственности за более тяжкое последствие является прямо противоположным. Несмотря на это, данный институт до сих пор не попадал в поле зрения словенских исследователей.

Во второй части статьи анализируются необходимость, принуждение и приказ начальника как типичные основания оправдания или освобождения от ответственности. Вопросы необходимости и принуждения особенно сильно затронуты последними изменениями законодательства и, следовательно, являются актуальными для словенского уголовного права.

This article focuses on some interesting issues in Slovenian substantive criminal law. Its first part analyses liability for graver consequences. This institute has in Slovenian criminal legislation been used sporadically; firstly, there are cases, where the institute of liability for graver consequence clearly should be used, but the Slovenian legislator missed to use this technique without any declared and reasonable cause, and in other cases this institute is used, but without any clear distinction in effect of general punishment in concurrent offences or the effect of the use of the institute of liability for graver consequence is even opposite. Despite such anomalies this legal institutes has so far been ignored by Slovenian authors. Second part of the article analyses necessity, duress and superior order as typical grounds for justification or excuse. Especially necessity and duress have been vastly amended by latest amendments and are therefore very up-to-date issues of Slovenian criminal law.

ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА, РОССИИ И УКРАИНЫ

Карабельникова А. С.

Страны СНГ на протяжении длительного времени активно сотрудничают в разработке унифицированных подходов к борьбе с коррупцией на межгосударственном уровне. Итогом объединения их усилий стало принятие Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ

модельных законов от 3 апреля 1999 г. «О борьбе с коррупцией», от 15 ноября 2003 г. «Основы законодательства об антикоррупционной политике», от 25 ноября 2008 г. «О противодействии коррупции (новая редакция)». 25 апреля 2007 г. в г. Астане было заключено Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией. В научной литературе отмечается, что с каждым годом все активнее осуществляется унификация и гармонизация антикоррупционного законодательства с устранением существующих правовых пробелов и противоречий [1, с. 4]. Данная унификация обусловлена как рецепцией отдельных положений у стран, ранее принявших определенные нормативные акты по противодействию коррупции, так и имплементацией международных конвенций [2, с. 63].

Несмотря на названные процессы, законодательству об ответственности за коррупционные правонарушения каждой из стран присущи свои особенности. Они проявляются в понятии коррупционных правонарушений, их содержании, классификации, дифференциации ответственности.

Отдельные аспекты соотношения законодательства стран СНГ о борьбе с коррупцией, об ответственности за совершение коррупционных правонарушений изучали Б.В. Волженкин, А.М. Иванов, С.К. Илий, О.Г. Карпович, А.Г. Корчанин, В.М. Редкоус и др.

Исследование особенностей законодательства Казахстана, России, Украины об ответственности за коррупционные правонарушения представляет интерес в аспекте совершенствования законодательства Беларуси.

Нормы об ответственности за совершение коррупционных правонарушений обычно закрепляются в УК, КоАП, законах о борьбе с коррупцией, других актах антикоррупционного законодательства государства.

В Законе Республики Беларусь от 26 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией» отсутствует определение коррупционного правонарушения. Несмотря на это в ст. 20 и ст. 21 Закона закреплены перечни правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений. В соответствии с ч. 2 ст. 20 и ч. 2 ст. 21 Закона совершение указанных правонарушений влечет за собой ответственность в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. В Законе не проводится дифференциация ответственности за совершение названных в нем правонарушений. Административное правонарушение или преступление можно отнести к коррупционному или создающему условия для коррупции только в том случае, если оно обладает признаками коррупции, определение которой закреплено в абзаце 2 ст. 1 Закона.

С целью выделения коррупционных преступлений в Беларуси на основании анализа ст. 21 Закона и УК разработан перечень коррупционных преступлений, утвержденный постановлением Генеральной прокуратуры, КГК, ОАЦ при Президенте, МВД и КГБ Республики Беларусь от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6. Он содержит 10 преступлений. Ранее действовавший перечень коррупционных преступлений, утвержденный постановлением

Прокуратуры, МВД, КГБ Республики Беларусь от 5 апреля 2007 г. № 17/94/11, содержал 14 преступлений. Таким образом, из числа коррупционных преступлений исключены преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 288, ч. 2 ст. 290-1, ст. 427, ст. 433, ч. 2 и ч. 3 ст. 455 УК Беларуси.

Несмотря на наличие в Законе перечня коррупционных правонарушений, сложно выделить из КоАП Беларуси административные правонарушения, которые можно отнести к коррупционным на основании Закона. Поэтому видится целесообразным продолжение работы по дифференциации ответственности за совершение коррупционных правонарушений, разработке перечня коррупционных административных правонарушений и закреплению его в акте органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и участвующих в ней, либо в законодательном акте.

Наиболее полно ответственность за коррупционные правонарушения дифференцирована в законодательстве Казахстана. В п. 2 ст. 2 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1998 г. «О борьбе с коррупцией» содержится понятие коррупционных правонарушений, к которым относятся деяния, сопряженные с коррупцией или создающие условия для коррупции [3]. Основное внимание в Законе уделено дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, перечень которых закреплен в п. 1 ст. 12 и п. 1 и п. 2 ст. 13 Закона. Лицо, совершившее правонарушение, закрепленное в названных статьях, привлекается к установленной Законом дисциплинарной ответственности при отсутствии в совершенном деянии признаков преступления. Согласно п. 4 ст. 4 Закона уголовная и административная ответственность, а также наказания и взыскания за совершение коррупционных преступлений и административных правонарушений предусматриваются в УК и КоАП Республики Казахстан.

В законодательстве Казахстана четко определены не только коррупционные дисциплинарные проступки, но и коррупционные преступления и административные правонарушения. Ответственность за административные коррупционные правонарушения установлена в главе 30 КоАП Казахстана [4]. Перечень, включающий 15 коррупционных преступлений, закреплен в п. 5 Примечаний к ст. 307 УК [5]. В отличие от Беларуси, в Казахстане перечень коррупционных преступлений был дополнен новыми составами, предусмотренными п. г) ч. 3 ст. 177, п. б) ч. 3 ст. 226-1, п. б) ч. 4 ст. 308, п. в) ч. 2 ст. 380-1, ст. 380-2 УК Казахстана. Во многом перечни коррупционных преступлений Беларуси и Казахстана совпадают, различия в количестве коррупционных преступлений обусловлены особенностями закрепления их составов в УК государств. В Казахстане, в отличие от Беларуси, коррупционными преступлениями являются служебный подлог, а также экономическая контрабанда, рейдерство, совершенные лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, если они сопряжены с использованием своего служебного положения.

Важно отметить, что, несмотря на очевидные достоинства предусмотренной в законодательстве Казахстана системы ответственности за совершение коррупционных правонарушений, не следует автоматически воспроизводить ее в своем национальном законодательстве, поскольку ученые-криминологи выделяют чисто казахстанскую особенность: достаточно развитое антикоррупционное законодательство благополучно уживается с коррупцией, носящей системный характер [6].

В России в ч. 1 и ч. 2 ст. 1 проекта Федерального закона «О противодействии коррупции» № 148067-3 выделялись коррупционные правонарушения, совершение которых влечет уголовную, административную или гражданско-правовую ответственность, и коррупционные проступки, за совершение которых предусмотрена дисциплинарная ответственность. В ст. 7 был закреплен перечень правонарушений, создающих условия для коррупции [7]. Однако в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» отсутствует определение коррупционных правонарушений [8]. Согласно ст. 13 Федерального закона физические лица за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность. Правонарушения, создающие условия для коррупции, упоминаются в ст. 14 Федерального закона «Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения».

По мнению С.К. Илия, отсутствие в Федеральном законе перечня коррупционных правонарушений, с одной стороны, делает его более лаконичным и юридически выверенным, а с другой стороны, оставляет неразрешенным вопрос о том, какие именно коррупционные деяния являются коррупционными преступлениями, административными правонарушениями, дисциплинарными проступками и гражданско-правовыми деликтами. Этот вопрос может быть разрешен путем принятия новых нормативных актов или внесения изменений в действующие кодексы и другие законы [2, с. 52]. Многие российские ученые полагают, что в КоАП РФ следует предусмотреть отдельную главу, предусматривающую ответственность за коррупционные административные правонарушения [9, с. 94; 10]. Некоторые ученые предлагают дополнить КоАП РФ новыми составами правонарушений [11, с. 30; 12, с. 69–70; 13, с. 59].

В законодательных актах России нет перечня коррупционных преступлений, однако для формирования статистической отчетности был разработан перечень № 23 преступлений коррупционной направленности, который закреплен в приложении к указанию Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ от 15 февраля 2012 г. № 52-11/2 [14]. Особенностью данного перечня является то, что в нем перечисляются критерии, только при наличии всей совокупности которых противоправные деяния относятся к преступлениям коррупционной направленности. Данные преступления делятся на преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий, преступления, относящиеся к перечню при наличии определенных усло-

вий, преступления, которые могут способствовать совершению преступлений коррупционной направленности. Правонарушения, создающие условия для коррупции, в перечне не упоминаются. Вопрос о соотношении преступлений коррупционной направленности и коррупционных преступлений в законодательстве России не урегулирован.

Спорным является вопрос о необходимости существования разных видов ответственности за коррупционные правонарушения. Например, в Докладе о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО по итогам первого и второго раундов оценки отмечено, что положение, когда параллельно могут применяться уголовные и административные процедуры, дает основание полагать, что власти имеют довольно широкие дискреционные полномочия по решению вопроса о том, какие процессуальные нормы применять в том или ином конкретном случае, а также что существует некая «серая зона», где эти две системы пересекаются, что создает возможности для манипуляции [15, с. 16–17]. Однако, как справедливо отмечают С.Е. Нарышкин и Т.Я. Хабриева, условия привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения в рамках современного российского уголовного и административного процессов не оставляют возможности для переквалификации противоправных деяний и уклонения от ответственности [16, с. 8].

Таким образом, при дифференциации ответственности за совершение коррупционных правонарушений необходимо конструировать составы преступлений и административных правонарушений таким образом, чтобы возможно было разграничить составы, предусмотренные УК и КоАП государства.

Главная особенность Закона Украины от 5 октября 1995 г. «О борьбе с коррупцией» состояла в том, что в разделе 3 данного Закона содержались нормы об административной ответственности за коррупционные деяния и иные правонарушения, связанные с коррупцией, были установлены виды и размеры административных взысканий, налагаемых за их совершение, а также основания и порядок административного производства по делам о данных правонарушениях [17]. Вопросы уголовной, гражданско-правовой и материальной ответственности за совершение коррупционных деяний и правонарушений, связанных с коррупцией, согласно данному Закону решались в соответствии с требованиями законодательства Украины.

В Законе Украины от 7 апреля 2011 г. «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» содержится определение коррупционных правонарушений, за совершение которых законом установлена уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность [18]. Одновременно с принятием данного Закона был принят Закон, в соответствии с которым КоАП Украины был дополнен гл. 13-А «Административные коррупционные правонарушения», которая содержит восемь составов правонарушений. Большинство из них совпадают с правонарушениями, закрепленными в гл. 30 КоАП Казахстана [19].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Сравнительный анализ законодательства Беларуси, Казахстана, России, Украины показывает, что в Беларуси и России правонарушения, создающие условия для коррупции, являются самостоятельными видами правонарушений, в Казахстане они включаются в понятие коррупционных правонарушений, а в Украине не выделяются.

Согласно антикоррупционному законодательству Беларуси, России, Украины совершение коррупционных правонарушений влечет уголовную, административную, дисциплинарную или гражданско-правовую ответственность. В законодательстве Казахстана гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения не упоминается. Уголовная и административная ответственность за совершение коррупционных правонарушений устанавливается в УК и КоАП соответствующего государства.

Наиболее полно ответственность за коррупционные правонарушения дифференцирована в Казахстане. Перечни коррупционных преступлений закреплены в законодательстве Беларуси и Казахстана, причем в Беларуси перечень был сокращен, а в Казахстане расширен. В России существует перечень преступлений коррупционной направленности, однако в законодательстве не урегулирован вопрос о соотношении этих преступлений с коррупционными преступлениями. В отличие от Беларуси и России, где отсутствуют перечни административных коррупционных правонарушений, в КоАП Казахстана и КоАП Украины содержатся главы об ответственности за совершение таких правонарушений. Во многом перечни коррупционных преступлений Беларуси и Казахстана и перечни коррупционных административных правонарушений Казахстана и Украины совпадают. Различия обусловлены особенностями конструирования составов преступлений и правонарушений в УК и КоАП государств.

С учетом опыта стран СНГ, норм международных договоров следует изучить необходимость корректировки действующего в Беларуси перечня коррупционных преступлений. При этом важно учитывать, что опыт зарубежных стран можно перенимать только на основании комплексного анализа системы норм об ответственности за коррупционные правонарушения, эффективности противодействия коррупции в стране, уровня коррупции (об этом свидетельствует состояние коррупции в Казахстане при наличии развитого антикоррупционного законодательства).

В Беларуси целесообразно дифференцировать ответственность за совершение коррупционных правонарушений путем разработки перечня коррупционных административных правонарушений и закрепления его в акте органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и участвующих в ней, либо в законодательном акте, а также выделить из коррупционных правонарушений, названных в ст. 21 Закона «О борьбе с коррупцией», те правонарушения, за которые следует установить административную ответственность, и дополнить ими КоАП Беларуси. При этом следует учитывать, что составы правонарушений, предусмотренные в КоАП, должны быть скон-

струированы таким образом, чтобы их можно было отграничить от коррупционных преступлений, предусмотренных УК.

Список цитированных источников

1. Карпович, О.Г. Некоторые проблемы борьбы с коррупцией в странах СНГ. Теоретические и практические аспекты: науч.-практ. пособие / О.Г. Карпович. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 175 с.

2. Илий, С.К. Прокурорский надзор за исполнением законодательства по противодействию коррупции в государствах-участниках СНГ: моногр. / С.К. Илий. – М.: Социум. – 2010. – 98 с.

3. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Казахстан, 2 июля 1998 г., № 267-1 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003–2012. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 14.09.2012.

4. Кодекс Респ. Казахстан об административных правонарушениях: 30 янв. 2001 г., № 155-II // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003–2012. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 14.09.2012.

5. Уголовный кодекс Респ. Казахстан: 16 июля 1997 г., № 167-1 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003–2012. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 14.09.2012.

6. Леонов, С. Коррупция в Казахстане и в России: и там, и здесь взятки есть / С. Леонов // АПН Казахстана [Электронный ресурс]. – 2005–2011. – Режим доступа: http://www.apn.kz/publications/article5544.htm. – Дата доступа: 01.09.2012.

7. О противодействии коррупции: проект Федер. закона Рос. Федерации, № 148067-3 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронных ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

8. О противодействии коррупции: Федер. закон Рос. Федерации, 25 дек. 2008 г., № 273-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронных ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

9. Концепция антикоррупционной политики в Российской Федерации / А.В. Малько [и др.] // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 78–99.

10. Редкоус, В.М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в государствах – участниках Содружества Независимых Государств / В.М. Редкоус // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронных ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

11. Карпович, О.Г. Правовые меры по борьбе с коррупцией в России и Республике Беларусь (Союзном государстве) / О.Г. Карпович // Юрид. мир. – 2009. – № 9. – С. 26–30.

12. Кудашкин, А.В. Основные направления реализации международных норм в области противодействия коррупции в российском законодательстве / А.В. Кудашкин // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / А.В. Кудашкин [и др.]; под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. – 2011. – Ч. 1. – С. 63–75.

13. Непомнящий, В.А. Проблемы применения административной ответственности за коррупционные правонарушения / В.А. Непомнящий // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / А.В. Кудашкин [и др.]; под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. – 2011. – Ч. 2. – С. 51–59.

14. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Ген. прокуратуры и М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 15 февр. 2012 г., № 52-11/2 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронных ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

15. Доклад о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО по итогам первого и второго раундов оценки: утв. ГРЕКО на 49 пленарном заседании 3 дек. 2010 г. // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / А.В. Кудашкин [и др.]; под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. – 2011. – Ч. 1. – С. 5–60.

16. Нарышкин, С. Е. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева // Журнал рос. права. – 2011. – № 9. – С. 5–12.

17. О борьбе с коррупцией: Закон Украины, 5 окт. 1995 г., № 356/95-ВР // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003–2008. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 01.03.2008.

18. О принципах предотвращения и противодействия коррупции: Закон Украины, 7 апр. 2011 г., № 3206-VI // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003–2012. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 14.09.2012.

19. Кодекс Украины об административных правонарушениях: 7 дек. 1984 г., № 8073-X // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003–2012. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 14.09.2012.

Дата поступления статьи – 17.09.2012.

В статье проводится сравнительный анализ законодательства Беларуси, Казахстана, России, Украины об ответственности за коррупционные правонарушения, выявляются и изучаются особенности дифференциации ответственности за совершение таких правонарушений и на их основе делаются предложения по совершенствованию законодательства Беларуси.

The article is devoted to the comparative analysis of the legislation of Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine on responsibility for corruption delinquencies; peculiarities of the differentiation of responsibility for commitment of such delinquencies are revealed and studied and on the basis of them suggestions on development of Belarusian legislation are made.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Петрова И. А.

Правовое положение осужденных, их обязанности и основные права закреплены на уровне закона, что в современных условиях имеет исключительно важное значение. В самом общем виде правовое положение лиц, отбывающих уголовное наказание, можно сформулировать как закрепленное с помощью правовых норм положение осужденных во время отбытия уголовного наказания [1]. Общепринято выделение трех видов правовых

статусов личности. Это общий правовой статус человека и гражданина, специальный правовой статус какой-либо категории лиц и индивидуальное правовое положение лица. Правовое положение осужденных представляет собой разновидность специального правового статуса, который в свою очередь делится на специальные правовые статусы осужденных по различным основаниям. Одним из таких оснований можно выделить юридическую принадлежность лица к конкретному государству или ее отсутствие. Поэтому к специальным правовым статусам можно отнести правовой статус осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства, который имеет свои особенности.

Иностранный гражданин – это лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, а имеющее гражданство (подданство) иностранного государства. Документом, удостоверяющим его личность, являются паспорт иностранного гражданина либо иной документ, установленный Федеральным законом или признаваемый в соответствии с международным договором Российской Федерации в качестве документа, удостоверяющего личность иностранца. Лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

Равенство осужденных перед законом означает, в том числе равенство осужденных граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства. Этот постулат корреспондируется с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, где установлено, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в России правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных Федеральным законом или международным договором РФ, а также аналогичной нормой Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2].

Таким образом, Российская Федерация гарантирует, что во время отбытия уголовного наказания иностранные граждане и лица без гражданства будут пользоваться всеми естественными правами человека и обеспечиваться такими же условиями содержания, как и российские граждане. Это правило подтверждается тем, что нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ), регламентирующие порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, основания и порядок освобождения от отбывания наказания, не содержат каких-либо особенностей в отношении

не граждан России[1]. В этой связи следует напомнить, что законодательство Российской Федерации сделало значительный шаг по реализации принципа о равенстве осужденных перед законом, исключив из ч. 3 ст. 73 УИК РФ положение о направлении осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства для отбывания наказания по месту нахождения соответствующих исправительных учреждений. Для европейских стран практика совместного содержания осужденных иностранных граждан с осужденными – гражданами государства пребывания является традиционной.

Вместе с тем, как уже было отмечено, правовое положение осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства имеет свои особенности. Поэтому и правовое регулирование исполнения наказания в отношении их, организации его исполнения не может не иметь своих особенностей [3].

Основы правового положения осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства закреплены в ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Осужденные иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ разработан с учетом рекомендаций международно-правовых актов. Поэтому правовое положение всех осужденных формируется с учетом требований международных стандартов обращения с осужденными. На это обращает внимание и Концепция развития Уголовно-исполнительной системы до 2020 г. (далее – Концепция), в которой одним из основных направлений развития уголовно-исполнительной системы является обеспечение международных стандартов обращения с осужденными в местах лишения свободы и лицами, содержащимися под стражей [4]. Следует обратить внимание на то, что одной из целей Концепции является гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов. При этом Концепция не разделяет осужденных по особенностям принадлежности их какому-либо государству или отсутствия таковой. Поэтому все ее положения, касающиеся вопросов правового положения осужденных, в полной мере распространяются на осужденных, являющихся гражданином другой страны или не являющихся гражданами ни одного государства.

[1] Хотя пристальное изучение норм Уголовного кодекса РФ, раскрывающих содержание всех видов уголовных наказаний, иных нормативно-правовых актов, регулирующих общеправовой статус иностранных граждан и апатридов в Российской Федерации, не даст нам столь категоричного вывода (эта проблема требует самостоятельного изложения и поэтому в рамках данной статьи не рассматривается).

К числу важнейших международных актов, касающихся обращения с осужденными, в том числе, осужденными иностранными гражданами и лицами без гражданства относятся: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г.; Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы 1990 г.; Европейские пенитенциарные правила 2006 г.

Эти акты и уголовно-исполнительное законодательство России предусматривают дополнительные специальные права, характерные только для иностранных граждан и лиц без гражданства и не присущие осужденным российским гражданам. Так, в правиле 38 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (1955 г.) установлено, что иностранным гражданам, находящимся в заключении, следует обеспечивать разумную возможность поддерживать связь с дипломатическими и консульскими представителями их страны[1]. Заключенные, являющиеся гражданами стран, которые не имеют дипломатического или консульского представительства в данном государстве, а также беженцы и лица, не имеющие гражданства, должны иметь возможность поддерживать связь с дипломатическими представителями государства, взявшего на себя охрану их интересов, или же с любым национальным или международным органом, занимающимся их защитой. Аналогичное правило предусмотрено и в Европейских пенитенциарных правилах (2006 г.)[2] в Правилах Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.)[3].

В соответствии с указанными в данных документах требованиями Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ч. 9 ст. 12 предусмотрел норму о том, что осужденные к аресту или лишению свободы иностранные граждане имеют право поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств в Российской Федерации, а граждане государств, не имеющих дипломатических представительств и консульских учреждений в Российской Федерации, – с дипломатическими представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных.

Формы поддержания связей с дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями, межгосударственными органами различны. Они могут включать в себя направление предложений, заявлений, жалоб, телефонные переговоры и свидания с дипломатическими и

[1] Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 C (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.

[2] Утверждены Комитетом министров Совета Европы, Рекомендация Rec(2006)2.

[3] Приняты резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г.

консульскими работниками и предоставляться с учетом отбываемого вида наказания [5].

В ч. 5 ст. 12 УИК РФ закреплено еще одно право осужденных иностранцев и лиц без гражданства – это право давать объяснения и вести переписку, а также обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами на родном или любом другом языке, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. Установлено, что ответы осужденным даются на языке обращения. При отсутствии возможности дать ответ на языке обращения он дается на государственном языке Российской Федерации с переводом ответа на язык обращения, обеспечиваемым учреждением или органом, исполняющим наказание.

Следует обратить внимание, что больше ни одна норма уголовно-исполнительного закона не предусматривает особенностей правового положения рассматриваемой категории осужденных, порядка отбывания отдельных видов наказаний, порядка освобождения от наказания. Вместе с тем нормы международного права предусматривают дополнительные стандарты охраны и защиты осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства, сочетающие законность и справедливость с принципами гуманизма и уважения, прав человека и гражданина.

Согласно 37 правилу Европейских пенитенциарных правил 2006 г. (далее – Правила), если находящиеся в местах лишения свободы иностранные граждане имеют особые потребности, то в их интересах администрация пенитенциарного учреждения сотрудничает с дипломатическими или консульскими должностными лицами, представляющими интересы заключенных. Заключенным, являющимся гражданами иностранных государств, предоставляется конкретная информация о правовой помощи. Они информируются о возможности обращения с прошением об отбытии наказания в другой стране.

Реализация осужденным права отбывать наказание в стране своего гражданства является одним из важных в сфере прав человека. Это одна из основных составляющих при отправлении правосудия, организации исполнения наказаний [6]. Хотя нормы международного права, уголовно-процессуальное законодательство РФ в достаточной степени регламентирует порядок перевода осужденных для отбытия наказания в страну своего гражданства, все же считаем, что вопросы передачи осужденных, лишенных свободы, для отбывания наказания в страну их гражданства должны быть прописаны в уголовно-исполнительном законодательстве.

Одним из принципов, лежащих в основе толкования и применения Правил, является профессионализм персонала пенитенциарных учреждений, позволяющих обеспечивать высокие стандарты обращения с осужденными. В правиле 81 подчеркнуто, что персонал, работающий с особыми группами заключенных, например, с иностранными гражданами, должны проходить специализированную подготовку, соответствующую особому характеру работы.

Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.), обязывают администрацию исправительных учреждений уделять особое внимание образованию несовершеннолетних иностранного происхождения. В соответствии с правилом 56 семья или опекун несовершеннолетнего или любое другое лицо, указанное несовершеннолетним, имеют право быть информированными о состоянии здоровья несовершеннолетнего по их просьбе и в случае любых серьезных изменений состояния здоровья несовершеннолетнего. Директор исправительного учреждения должен немедленно уведомлять семью или опекуна соответствующего несовершеннолетнего или другое указанное лицо о смерти, заболевании, требующем перевода несовершеннолетнего в медицинское учреждение, расположенное вне исправительного учреждения, или об условиях, обусловливающих необходимость лечения в клинике на территории исправительного учреждения в течение более 48 часов. Уведомление также должно быть направлено консульским властям государства, гражданином которого является иностранец несовершеннолетний преступник.

Хотелось обратить внимание еще на один аспект рассматриваемой проблемы. Ранее принятая Рекомендация № R (87) 3 Комитета министров Совета Европы относительно Европейских пенитенциарных правил (принята 12.02.1987) уделяла большее внимание правовому положению осужденных иностранных граждан по сравнению с новыми Европейскими пенитенциарными правилами. Так, в ч. II сказано, что заключенные могут регулярно узнавать новости из газет, периодических изданий и других публикаций, радио и телевизионных передач, лекций или иных аналогичных источников информации с разрешения и под контролем администрации. Специальные меры должны быть приняты в целях удовлетворения потребностей иностранных граждан, испытывающих языковые трудности.

Кроме этого, в рекомендации установлено, что особенно важным является поддержание иностранными гражданами связи с соотечественниками за пределами мест лишения свободы. Согласно п. 70.3 иностранные граждане не должны лишаться возможности кратковременного выхода за пределы мест лишения свободы только в силу их гражданства. Наряду с этим все должно быть сделано для того, чтобы они могли вместе со всеми принимать участие в деятельности, предусмотренной режимом, с тем чтобы приглушить испытываемое ими чувство изолированности. Рекомендации содержат указание на то, что особое внимание пенитенциарная администрация должна уделять не только обучению, но и воспитанию заключенных иностранного происхождения.

Таким образом, международно-правовые акты, воплощая в себе идеи приоритета прав человека, их равенства, гуманизма, социальной ориентированности, являющиеся приоритетными для функционирования современной пенитенциарной системы, уделяют особое внимание осужденным, не имеющим устойчивой правовой связи с государством, на территории которого они были осуждены и отбывают наказание.

В связи с этим возникает необходимость приведения национального законодательства, касающегося вопросов правового положения осужденных, являющихся гражданами других стран, в соответствие с международными стандартами.

Список цитированных источников

1. Малинин, В.Б. Уголовно-исполнительное право: учебник / В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. – СПб: ЛГУ им. А.С.Пушкина. 2009. – С. 105.

2. Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

3. Юрьева, О.М. Организационные и правовые основы деятельности исправительных учреждений по реализации уголовно-исполнительного процесса в отношении осужденных иностранных граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2009. – С. 3.

4. Собрание законодательства РФ, 2010. – № 43. – Ст. 5544.

5. Малинин, В.Б. Уголовно-исполнительное право: учебник / В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. – СПб: ЛГУ им. А.С.Пушкина. 2009. – С.118.

6. Юрьева, О.М. Организационные и правовые основы деятельности исправительных учреждений по реализации уголовно-исполнительного процесса в отношении осужденных иностранных граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2009. – С.22.

Дата поступления статьи – 12.09.2012.

В статье дан анализ положений международно-правовых документов, касающихся вопросов правового положения осужденных – иностранных граждан. Автором обосновывается необходимость приведения национального законодательства, касающегося вопросов правового положения осужденных, являющихся гражданами других стран, в соответствие с международными стандартами.

The article provides analysis of international legal documents on the legal status of the convicted foreign nationals. The author explains the necessity to bring national legislation, relating to issues of legal status of prisoners who are citizens of other countries, in line with international standards.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ И КИБЕРТЕРРОРИЗМОМ

Смирнов А. А.

Развитие глобального информационного общества в конце XX – начале XXI веков оказало значительное воздействие на все основные сферы жизни общества. Не осталось не затронутым «информационной революцией» и такое социальное явление, как преступность. Влияние современных информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) на преступность весьма разносторонне. Сюда можно отнести: появление новой информационной сферы преступных посягательств и соответствующих информационных средств их совершения; использование возможностей современных ИКТ для организации и осуществления преступной дея-

тельности; детерминацию преступных проявлений деструктивной информацией в СМИ и в сети Интернет и др.

Учитывая ключевую роль сети Интернет в информационной сфере развитых государств, серьезную озабоченность вызывают возрастающие масштабы распространенности преступных посягательств, совершаемых в киберпространстве. Если в 90-е годы такие виды преступлений выступали в качестве своеобразной «экзотики» и были известны лишь узкому кругу «посвященных», то сегодня они стали неотъемлемой частью обыденной повседневной жизни и знакомы почти любому пользователю Интернета. Значительно увеличивается и степень их общественной опасности. Так, в результате взлома геймерской сети Sony PlayStation в апреле 2011 года были похищены номера 2,2 млн. кредитных карт пользователей. Аналитики компании «Лаборатория Касперского» назвали его крупнейшим событием 2011 года в области кибербезопасности и сделали вывод о том, что подобные масштабы компьютерных хищений становятся обычным явлением для эры заоблачных технологий [6].

Для обозначения рассматриваемого вида преступности в международном сообществе использовались различные виды терминов «преступность в сфере высоких технологий», «высокотехнологичная преступность»; «компьютерная преступность», «киберпреступность» и др. При этом важно понимать, что перечисленные понятия далеко не равны по своему объему и не являются синонимами. В 2000-х годах в международном дискурсе в качестве общепризнанного наименования для обозначения рассматриваемых категории преступлений утвердилось понятие **«киберпреступность»** (англ. **«cybercrime»)**, которое стало использоваться в названиях международных документов и практике работы международных организаций. Например, на сайте Международной организации уголовной полиции (Интерпола) в разделе «Сферы преступности» киберпреступность выделена в качестве отдельной области преступности [7].

Анализ используемых в международной практике подходов к определению понятия «киберпреступность» [4, с. 70–73, 101] позволяет говорить о его комплексном характере, включающем следующие категории криминальных действий: 1) традиционные виды преступлений (мошенничество, подделка документов и т. п.), совершаемые с использованием электронных коммуникационных сетей и информационных систем; 2) размещение незаконного контента в электронных медиа; 3) атаки против информационных систем, блокирование программного обеспечения сайтов и хакерство; 4) преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

Трансграничный характер киберпреступности обуславливает потребность в выработке и реализации комплексных усилий национальных государств и международных организаций для эффективного противодействия им. Важную роль в борьбе с данными угрозами на международном уровне может и должно играть международное право.

Приоритетами международно-правового регулирования в данной области выступают: 1) определение составов киберпреступлений (материальное уголовное право); 2) закрепление правил определения юрисдикции государств в отношении киберпреступлений; 3) определение мер борьбы с киберпреступностью; 4) закрепление форм и процедур межгосударственного сотрудничества, оказания правовой помощи по уголовным делам.

Необходимо понимать, что в отношении вопросов, обозначенных в пп. 2–4, могут с некоторыми ограничениями применяться действующие международно-правовые договоры в сфере борьбы с преступностью, тогда как составы киберпреступлений должно быть определены специальным актом. Данный аспект имеет исключительно важное значение, поскольку взаимная правовая помощь оказывается на основе обоюдного признания деяния преступлением (принцип двойной криминализации), согласно которому преследуемое деяние должно быть уголовно наказуемым во всех затронутых странах. При наличии расхождений в законодательстве разных стран преследование киберпреступлений может быть существенно затруднено[2].

В киберпространстве наряду с отдельными лицами могут действовать и организованные преступные группы (далее – ОПГ). Это открывает возможность применения к ним международных договоров, направленных на борьбу с организованной преступностью, в частности, *Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.* При этом необходимо разграничивать деятельность ОПГ, специализирующихся на совершении киберпреступлений, и ОПГ, проявляющих себя в других сферах криминальной активности, но использующих возможности Интернета в своей преступной деятельности [3, с. 44–60].

В настоящее время наиболее авторитетным международно-правовым актом комплексного характера является *Конвенция Совета Европы о киберпреступности от 23 ноября 2001 г.*, участниками которой по состоянию 1 апреля 2012 г. выступают 32 государства. 28 января 2003 г. также был принят *Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, совершаемых при помощи компьютерных систем*.

Конвенция о киберпреступности определяет следующую классификацию киберпреступлений:

1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (offences against the confidentiality, integrity and availability of computer data and systems):

(a) противозаконный доступ (illegal access);

(b) неправомерный перехват (illegal interception);

(c) воздействие на данные (data interference);

(d) воздействие на функционирование системы (system interference);

(e) противозаконное использование устройств (misuse of devices);

2) правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств (computer-related offences):

(a) подлог с использованием компьютерных технологий (computer-related forgery);

(b) мошенничество с использованием компьютерных технологий (computer-related fraud);

3) преступления, связанные с содержанием данных (content-related offences):

(a) преступления, связанные с детской порнографией (offences related to child pornography);

4) правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав (offences related to infringements of copyright and related rights).

Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности дополняет приведенный перечень следующими видами преступлений:

1) распространение расистских и ксенофобских материалов посредством компьютерных систем (dissemination of racist and xenophobic material through computer systems);

2) мотивированная угроза расизма и ксенофобии (racist and xenophobic motivated threat);

3) расистское и ксенофобское мотивированное оскорбление (racist and xenophobic motivated insult);

4) отрицание, чрезвычайная минимизация, одобрение или оправдание геноцида или преступлений против человечества (denial, gross minimisation, approval or justification of genocide or crimes against humanity).

Помимо определения составов киберпреступлений, указанные акты Совета Европы регламентируют процессуальные аспекты борьбы с ними, устанавливают правила установления юрисдикции, а также регламентируют международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью.

Проблематике киберпреступности уделяется повышенное внимание и на глобальном уровне. Так, борьба с киберпреступностью стала одной из ключевых тем Двенадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, прошедшего в Салвадоре (Бразилия) 12–19 апреля 2010 года. Однако пристальное внимание к данной проблеме пока не повлекло принятие универсальных международных договоров, аналогичных названным документам Совета Европы. Между тем наличие потребности в них признается международными экспертами. В частности, в рабочем документе, подготовленном Секретариатом упомянутого Конгресса [3, с. 44–60], содержалась рекомендация о разработке глобальной конвенции против киберпреступности. По словам А. Волеводза и С. Тарасенко, данный вопрос стал предметом острой дискуссии при выработке проекта итоговой декларации Конгресса. При этом ряд стран выступили против такой инициативы, сделав акцент на универсализацию Конвенции Совета Европы о киберпреступности [3, с. 9].

Характеризуя региональный уровень международного сотрудничества в рассматриваемой сфере, следует отметить, что в рамках СНГ дей-

ствует *Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 сентября 2001 г.* Оно регламентирует составы преступлений в сфере компьютерной информации, формы и содержание сотрудничества государств – участников СНГ в данной сфере, процедуру направления и исполнения запросов об оказании содействия в рамках Соглашения. Недостатком данного акта является узость предмета его регулирования, поскольку преступления в сфере компьютерной информации являются лишь одной из составляющих киберпреступности. Институционализация киберпреступности как целостного и самостоятельного направления борьбы с преступностью представляется исключительно важной для организации успешного взаимодействия государств – участников СНГ на постсоветском пространстве. В этой связи необходимо принятие соответствующих региональных международно-правовых актов в области противодействия киберпреступности в рамках СНГ, ОДКБ, Союзного Государства России и Республики Беларусь, ШОС.

Что касается **кибертерроризма**, то здесь речь идет о совершении атак на информационные системы и пропаганде терроризма в сети Интернет, совершаемых в целях запугивания населения и оказания воздействия на органы государственной власти и международные организации. По мнению А.В. Федорова, особенность кибертерроризма как новой формы террористической деятельности проявляется в объективной стороне, то есть в использовании различных форм и методов временного или необратимого вывода из строя информационной инфраструктуры государства или ее элементов, а также противоправном использовании информационной инфраструктуры для создания условий, влекущих тяжкие последствия для различных сторон жизнедеятельности личности, общества и государства [5, с. 112].

В *Соглашении между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г.* «информационный терроризм» трактуется достаточно широко и определяется как использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в террористических целях. В качестве признаков информационного терроризма в Соглашении выделяются: использование информационных сетей террористическими организациями для осуществления террористической деятельности и привлечения в свои ряды новых сторонников; деструктивное воздействие на информационные ресурсы, приводящее к нарушению общественного порядка; контролирование или блокирование каналов передачи массовой информации; использование сети Интернет или других информационных сетей для пропаганды терроризма, создания атмосферы страха и паники в обществе, а также иные негативные воздействия на информационные ресурсы.

Отметим, что в информационной сфере границы между действиями криминальных элементов, террористов и государств весьма размыты и диф-

фузны. Идентификация субъекта информационной агрессии, установление его цели и мотивов, без которой невозможна квалификация кибертерроризма и отграничение его от других противоправных действий, является чрезвычайно затруднительной. Это весьма наглядно было продемонстрировано на примере компьютерного червя Stuxnet, атаке которого в 2010 году подверглись, в частности ядерные объекты Ирана. Дискуссия относительно возможных субъектов разработки и применения данного вредоносного программного обеспечения не стихает до настоящего времени.

Учитывая стремление террористов к максимизации масштабов причиненного вреда и вызванного ими резонанса, полагаем, что ключевой целью атак террористов будет выступать критически значимая информационная инфраструктура, от работы которой зависит нормальное функционирование систем жизнеобеспечения и обеспечения безопасности (системы водо-, газо-, тепло- и электроснабжения; объекты ядерной промышленности; системы управления полетами гражданской авиации; военные объекты стратегического назначения и т. п.). Такие атаки террористов вполне подпадают под определения «бомбовый терроризм» (ст. 2 *Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.*) и «технологический терроризм» (ст. 1 *Договора о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г.*), что позволяет использовать положения данных международно-правовых актов для борьбы с кибертерроризмом.

Вместе с тем принятие специальных международных договоров универсального и регионального характера в области противодействия кибертерроризму представляется также необходимым, поскольку данная разновидность терроризма имеет свою четко выраженную специфику.

Список цитированных источников

1. Волеводз, А. От составителей // Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, 12–19 апр. 2010 г.): сб. док. / сост.: А.Г. Волеводз, С.М. Тарасенко, В.А. Алиадзе. – Т. 1. – М.: Юрлитинформ, 2011.

2. Дефицит международного сотрудничества позволяет киберпреступности оставаться безнаказанной: информ. бюл. № 8 // Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, Бразилия, 12–19 апр. 2010 г. // Организация Объединенный Наций: официальный сайт. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/conf/crimecongress2010/factsheet8.pdf. – Дата доступа: 21 марта 2012 г.

3. Последние тенденции в использовании научно-технический достижений правонарушителями и компетентными органами, ведущими борьбу с преступностью, в том числе применительно к киберпреступности. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом // Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, 12–19 апр. 2010 г.): сб. док. / сост.: А.Г. Волеводз, С.М. Тарасенко, В.А. Алиадзе. – Т. 1. – М.: Юрлитинформ, 2011.

4. Смирнов, А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза: моногр. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012.

5. Федоров, А.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе: учеб. пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2006.
6. Kaspersky Security Bulletin 2011. Развитие угроз в 2011 году // ЗАО «Лаборатория Касперского». – Режим доступа: http://www.securelist.com/ru/analysis/208050744/Kaspersky_Security_Bulletin_2011_Razvitie_ugroz_v_2011_godu.
7. INTERPOL. – Режим доступа: http://www.interpol.int/Crime-areas/Cybercrime/Cybercrime (дата обращения: 12.09.2012).

Дата поступления статьи – 15.09.2012.

В статье рассматриваются понятия «киберпреступность» и «кибертерроризм», анализируются используемые в международной практике подходы к их определению. Выдвигается тезис о повышении общественной опасности и распространенности данных угроз в глобальном информационном обществе и обосновывается необходимость реализации комплексных усилий национальных государств и международных организаций для эффективного противодействия им. Основное внимание уделяется изучению направлений международно-правового регулирования борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом на универсальном и региональном уровне. Анализируются действующие международно-правовые акты и обозначаются перспективные направления развития международного права в рассматриваемой сфере. Обосновывается вывод о необходимости принятия комплекса новых международных договоров в сфере борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом в рамках Организации Объединенных Наций и региональных международных организаций.

In article concepts of cybercrime and cyberterrorism are considered, approaches used in the international practice to their definition are analyzed. The thesis about increase of public danger and prevalence of these threats in global information society is put forward and need of realization of complex efforts of the national states and the international organizations for effective counteraction to the specified threats. The main attention is given to the analysis of the directions of international legal regulation of fight against cybercrime and cyberterrorism at universal and regional level. Existing international legal acts are analyzed and the perspective directions of development of international law in the considered sphere are designated. The conclusion justifies the need of acceptance of a complex of new international treaties for the sphere of fight against cybercrime and cyberterrorism within the United Nations and the regional international organizations.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Хиревич М. Л.

Производство по уголовному делу является одной из сфер человеческой деятельности, где в наибольшей степени возможны нарушения основных прав и свобод граждан. В этой связи в ряде международных актов, являющихся одним из важнейших источников права, находят свое отражение положения, касающиеся гарантий защиты лиц от незаконного ограничения их прав, основной из которых выступает судебный контроль. Необ-

ходимо отметить, что в теории уголовного процесса выделяют два вида судебного контроля – предварительный и последующий, которые практически в равной степени урегулированы на международном уровне.

Прежде всего, следует выделить два основополагающих документа – Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. (далее – Декларация) [1, с. 79] и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт) [2, с. 84]. Декларацией предусмотрены лишь общие положения, касающиеся восстановления граждан в правах, а также недопустимости незаконного ограничения свободы лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. В частности, ст. 8 Декларации провозгласила право каждого человека на эффективное восстановление в его правах компетентными национальными судами в случаях их нарушения. В то же время, ст. 9 Декларации закрепляет недопустимость произвольного ареста, задержания или изгнания.

Пакт, в свою очередь, более подробно, по сравнению с Декларацией, раскрывает гарантии как предварительного, так и последующего судебного контроля. Помимо закрепления недопустимости произвольного ареста или содержания под стражей, им предусматривается применение лишения свободы только на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом (ст. 9 Пакта). Пактом также регламентируются основные положения подобной процедуры, которые сводятся к судебному контролю. Так, предусматривается, что каждому арестованному сообщаются непосредственно при аресте его причины, а также в срочном порядке оглашается любое предъявляемое ему обвинение. Кроме того, каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Следует обратить внимание на то, что в данном случае лицо может доставляться не только **к судье, но и к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть.** В то же время в соответствии с п. 4 ст. 9 Пакта каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в **суде**, чтобы последний мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.

Следующим международным актом, регламентирующим в том числе возможность ограничения права на личную свободу и неприкосновенность является Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская конвенция) [3, с. 109–110]. Особенностью данной конвенции является закрепление возможных случаев **лишение свободы,** среди которых выделяются следующие: законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любо-

го обязательства, предписанного законом; законное задержание или заключение лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом; законное заключение под стражу лиц в целях предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг; законное задержание или заключение под стражу лица в целях предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

Общие же положения процедуры осуществления как предварительного, так и последующего судебного контроля, предусмотренные Европейской конвенцией, аналогичны тем, которые закреплены в Пакте. В частности, каждый задержанный или заключенный под стражу с тем, чтобы предстать перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения, незамедлительно доставляется к **судье или к иному должностному лицу, наделенному согласно закону судебной властью,** и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Как и Пакт, Европейская Конвенция предоставляет каждому, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, право на безотлагательное рассмотрение **судом** правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

Центральным специальным актом, касающимся судебного контроля в досудебном производстве как средства обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность, является Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, который был утвержден в 1988 г. на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (далее – Свод принципов) [4, с. 579–580]. Так, в соответствии с принципом 4 указанного акта, задержание или заключение в какой бы то ни было форме *и все меры, затрагивающие права человека,* применительно к задержанным или находящимся в заключении лицам, должны осуществляться в силу постановления или подлежать эффективному контролю судебного или другого органа. Следует отметить, что данный акт закрепляет гарантии ограничения прав не только вследствие задержания, заключения под стражу или ареста, но и по отношению к применению иных мер процессуального принуждения, проведению следственных действий. Принцип 9 предусматривает возмож-

ность осуществления последующего судебного контроля, закрепляя возможность обжалования **в судебном или ином органе, предусмотренном законом**, действий и решений властей, производящих арест лица, его задержание или ведущих расследование дела. Лицо не может находиться в задержании без предоставления эффективной возможности быть в срочном порядке заслушанным судебным или иным органом. Лицо, задержанное по уголовному обвинению, вскоре после его ареста представляется **судебному или иному органу, определенному законом.** Такой орган должен без промедления принять решение относительно законности и необходимости задержания. Никто не может быть задержан на период проведения следствия или судебного разбирательства без письменного постановления такого органа. Необходимо обратить внимание на то, что Свод принципов предусматривает возможность исполнения функции судебного контроля другими органами, однако ни их перечня, ни требований к ним он не приводит. Вместе с тем согласно иным международным актам последующий судебный контроль уполномочен осуществлять только суд.

Еще одним международным актом, затрагивающим сферу судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел, является Рекомендация R (80) 11 Комитета Министров государствам–членам Совета Европы о заключении под стражу до суда (1982 г.) [5, с. 71]. Данным актом рекомендовано правительствам государств – членов Совета Европы гарантировать, чтобы лицо, обвиняемое в преступлении и лишенное свободы, предстало непосредственно перед **судьей или иным лицом, уполномоченным законом осуществлять судебные полномочия (судебным органом)**. В рекомендации подробно описывается процедура предварительного судебного контроля: закреплены основания, процедура, обстоятельства и факты, которые должны быть установлены судебным органом при разрешении вопроса о заключении под стражу.

Принятая восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями резолюция № 17 о предварительном заключении [6] в п. 2 устанавливает принципы ограничения прав и законных интересов граждан при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел, которые в целом сводятся к процедуре судебного контроля. Во-первых, согласно данной резолюции, лица, подозреваемые в совершении правонарушений и лишенные свободы, должны в кратчайшие сроки предстать перед **судьей или другим сотрудником, уполномоченным по закону осуществлять судебные функции,** который должен заслушать их и незамедлительно вынести постановление относительно предварительного заключения. Во-вторых, описываются основания для предварительного заключения, которые немного шире, чем основания для лишения свободы, предусмотренные Европейской конвенцией. Так, предварительное заключение может быть назначено, в том числе, если имеются достаточные данные считать, что лицо участвовало в совершении предполагаемого правонарушения, или имеется опасность того, что оно скроется от суда или

совершит другие серьезные правонарушения, или же опасность того, что процесс отправления правосудия будет серьезным образом затруднен, если оно останется на свободе. В-третьих, рекомендация устанавливает обстоятельства, которые необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о назначении предварительного заключения (в частности, характер и тяжесть предполагаемого правонарушения, его силу).

Нормы, касающиеся судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел, предусмотрены и на уровне СНГ. Так, п. 3 ст. 5 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. [7, с. 135] предоставляет каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей в соответствии с национальным законодательством право на разбирательство **судом** его дела относительно законности его ареста или содержания под стражей.

Особое внимание следует обратить на такой рекомендательный законодательный акт, как Модельный уголовно-процессуальный кодекс, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ в 1996 году (далее – Модельный УПК) [8]. Судебному контролю в досудебном производстве в Модельном УПК посвящена отдельная глава 43. Исходя из ее положений, под судебным контролем понимаются все направления судебной деятельности при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел: выдача разрешений на производство следственных и оперативно-розыскных действий, применение мер процессуального принуждения, а также рассмотрение жалоб на законность решений и действий органов дознания, следователя, прокурора и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Модельный УПК закрепляет две формы судебного контроля – предварительный и последующий. Так, Модельным УПК предусмотрено санкционирование судом следственных действий, связанных с ограничением неприкосновенности личности, жилища, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений (в ст. 321 приводится их достаточно широкий и закрытый перечень), а также некоторых оперативно-розыскных действий. Такие меры процессуального принуждения как задержание на срок не более 48 часов, заключение под стражу, как мера пресечения, помещение в медицинское учреждение для проведения судебно-психиатрической или судебно-медицинской экспертизы подозреваемых, обвиняемых и лиц, психическое состояние которых не позволяет привлечь их в качестве обвиняемых, наложение ареста на имущество подозреваемых, обвиняемых и лиц, у которых оно хранится, отстранение от должности также применяется только по решению суда. Следует обратить внимание на то, что наложение ареста на имущество данный акт относит и к следственный действиям, и к мерам процессуального принуждения, что представляется необоснованным.

Подробно регламентирует Модельный УПК и порядок получения судебного решения отдельно для производства следственных действий, опе-

ративно-розыскных действий, а также применения мер процессуального принуждения, что является необходимым для законного и обоснованного решения вопроса об ограничении прав и свобод человека.

Вместе с тем вопросы осуществления последующего судебного контроля, также подробно урегулированные Модельным УПК, содержат некоторые спорные моменты. В частности, одним из них является то, что четкий круг субъектов обжалования данным актом не установлен. Вызывает сомнение и закрепленный двухступенчатый порядок обжалования: жалоба может быть подана в суд, если она не была удовлетворена прокурором или в случае, если со дня истечения месячного срока не был получен нее ответ. Полагаем нецелесообразным вынесение судом постановления об обязанности прокурора устранить допущенное нарушение прав и свобод гражданина или юридического лица в случае, когда судья признает жалобу обоснованной.

Отдельные положения в части применения обеих форм судебного контроля были имплементированы в национальное законодательство многих стран СНГ. Несмотря на то, что их правовое регулирование не настолько детальное, на практике они доказали свою эффективность. В этой связи считаем возможным заимствование отдельных положений Модельного УПК при разработке предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального закона Республики Беларусь. В частности, как представляется, с учетом поступательного развития в отраслевом законодательстве положений ст. 60 Конституции Республики Беларусь и реализации решений Конституционного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2001 г. № Р-112/2001 и от 29 апреля 2010 г. № р-445/2010, перечень решений органов уголовного преследования, подлежащих обжалованию в порядке судебного контроля, может быть расширен путем включения в него решений о временном отстранении подозреваемого и обвиняемого от должности, о наложении ареста на имущество, об отказе в признании лица потерпевшим.

Таким образом, проведенный анализ международных правовых актов показывает, что именно судебный контроль является процессуальной гарантией обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность. Практически все приведенные акты закрепляют и предварительный, и последующий судебный контроль, а также в общих чертах предусматривают его процедуру. Вместе с тем, если функция последующего судебного контроля согласно всем международным актам, за исключением Свода принципов, реализуется только судом, то предварительный судебный контроль уполномочены осуществлять и иные органы или должностные лица, наделенные судебной властью. Однако разъяснения о том, какие органы кроме суда могут по закону осуществлять судебную власть, ни один из приведенных актов не содержит. Совершенно очевидно, что прокуратура, которая в нашей стране наделена подобными полномочиями, относящимися к предмету предварительного судебного контроля, к данным органам не относится. В связи с этим действующее законодательство Республики Беларусь нуждается в приведении в соответствие с нормами международного права.

Необходимо также заметить, что регламентация гарантий судебного контроля при производстве следственных действий и применении каких-либо иных, кроме задержания, заключения под стражу и ареста, мер процессуального принуждения, которые также ограничивают права и свободы граждан, на международном уровне практически отсутствует.

Список цитированных источников

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217А(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 15 дек. 1948 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1 – 816 с.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200А(XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (EST №5): заключена 4 ноября 1994 г. в г. Риме // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.

4. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме: принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1988 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.

5. Рекомендация R (80) 11 Комитета министров Совета Европы государствам-членам Совета Европы о заключении под стражу до суда: принята Комитетом министров Совета Европы 24 сент. 1982 г. // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 71.

6. Права человека и предварительное заключение: сборник международных стандартов, касающихся предварительного заключения [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк и Женева, 1994. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/training3ru.pdf. – Дата доступа: 05.09.2012.

7. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: заключена 26 мая 1995 г. в г. Минске // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.

8. О модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февр. 1996 г. № 76 [Электронный ресурс] // Spravka-Jurist.com: Юридическая консультация. – 2009. – Режим доступа: http://spravka-jurist.com/base/sp-megd/page-27.htm. – Дата доступа: 05.09.2012.

Дата поступления статьи – 14.09.2012.

В статье проанализированы основные международные акты, предусматривающие судебный контроль в качестве основного средства обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность, в том числе и на уровне СНГ. Отдельное внимание уделено регламентации судебного контроля в Модельном уголовно-процессуальном кодексе, принятом Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. В результате исследования сделаны обоснованные предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь.

The main international instruments, including the acts of the CIS level, providing for the judicial review as the primary measure of ensuring the right to liberty and security of a person are analyzed in the paper. Special attention was paid to the regulation of the judicial review in the Model Code of Criminal Procedure, adopted by the Interparliamentary Assembly of the CIS. The proposals on improvement of the current Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus are made as a result of the study.

НАШИ АВТОРЫ

Афанасьева Ольга Романовна – докторант ФГКУ «ВНИИ МВД России», кандидат юридических наук, доцент.

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Белинский Виталий Владимирович – руководитель Аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции, кандидат юридических наук, доцент.

Белокопытов Валерий Викторович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Боголюбова Татьяна Анатольевна – главный научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Букато Людмила Геннадьевна – аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета.

Бурый Виталий Евгеньевич – заместитель начальника факультета милиции Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Виницкий Лев Витальевич – профессор кафедры уголовного права и процесса Смоленского гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Винокуров Сергей Иванович – ведущий научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации.

Воробьев Станислав Юрьевич – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций МЧС Республики Беларусь, магистр технических наук.

Герасимова Елена Владимировна – старший преподаватель уголовного права филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук.

Гладкий Петр Александрович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Глухова Олеся Викторовна – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Городецкая Марина Александровна – преподаватель кафедры административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Грунтов Игорь Олегович – заведующий кафедрой уголовного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Грушин Федор Владимирович – заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.

Згага Сабина – адъюнкт-профессор факультета уголовной юстиции и безопасности университета г. Марибор, Словения, доктор юридических наук.

Карабельникова Анна Сергеевна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Князев Игорь Михайлович – начальник научно-исследовательского отдела УО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Корошец Дамьян – профессор юридического факультета Люблянского университета, доктор юридических наук, профессор.

Кубрикова Мария Евгеньевна – старший следователь следственного отдела по г. Смоленску следственного управления Следственного Комитета Российской Федерации по Смоленской области.

Куница Егор Владимирович – ведущий специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Куценков Игорь Иванович – начальник кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Литвинов Александр Николаевич – заместитель заведующего кафедрой философии права, истории и культурологии Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Мишнев Григорий Викторович – прокурор Партизанского района г. Минска.

Мохорев Александр Николаевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Навроцкая Вера Вячеславовна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин УО «Львовский государственный университет внутренних дел», кандидат юридических наук.

Никитенко Илья Викторович – начальник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Дальневосточному федеральному округу (г. Хабаровск), кандидат юридических наук, доцент.

Никитенко Ольга Геннадьевна – аспирант кафедры уголовного права Белорусского государственного университета.

Петрова Ирина Александровна – доцент кафедры уголовного права филиала МГЮА им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент.

Письменский Евгений Александрович – начальник кафедры уголовного права Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат юридических наук, доцент.

Полящук Наталья Анатольевна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Рочева Елена Альбертовна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Русак Виктор Александрович – преподаватель кафедры административного права и управления органами внутренних дел Академии МВД Республики Беларусь.

Сенько Анатолий Степанович – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Сиволова Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Смоленского гуманитарного университета.

Смирнов Александр Александрович – докторант ФГКУ «ВНИИ МВД России», кандидат юридических наук, доцент.

Соколова Яна Анатольевна – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

Филиппенков Владимир Михайлович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хилькевич Виталий Владимирович – преподаватель кафедры уголовного права и уголовного УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Хилюта Вадим Владимирович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета УО «Гродненский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Хиревич Марина Леонидовна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хомич Максим Владимирович – соискатель Научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Чирков Дмитрий Константинович – старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Шакель Надежда Валентиновна – помощник директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Шилин Дмитрий Владимирович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ

Объем материалов научной статьи, представленной к опубликованию, должен составлять не менее 14 000 и не более 20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. д. Материалы научных статей должны быть напечатаны на русском языке в редакторе Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, 14 пт, межстрочный интервал 1,5, абзацный отступ 1,25 и включать следующие элементы:

Фамилию и инициалы автора (авторов) статьи, ее название.

Основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии).

Список цитированных источников.

Фамилия и инициалы автора (авторов) и название статьи набираются полужирным шрифтом по центру строки без переноса и без отступа. Название статьи должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть сформулированы с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Цитированные источники приводятся по тексту в квадратных скобках и нумеруются согласно порядку цитирования.

Список цитированных источников оформляется по правилам, указанным в Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. Список располагается в конце текста и набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт.

Дополнительно представляемые материалы. Вместе со статьей автором (авторами) должны быть представлены:

аннотация на **русском** и **английском** языках (100–150 слов), которую необходимо изложить так, чтобы она была пригодна для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

сведения об авторе (авторах) статьи: фамилия, имя и отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, контактные данные (телефон, адрес, e-mail);

рецензия доктора или кандидата юридических наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Ответственный за выпуск *А. В. Солтанович*

Технический редактор *Д. О. Сидоренко*
Корректор *В. А. Захарычева*

Подписано в печать 20.12.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 23,26. Тираж 100 экз. Заказ 4с.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования
«Белорусский государственный университет физической культуры».
ЛИ № 02330/0548582 от 09.07.2009.
ЛП № 02330/0552705 от 30.07.2009.
Пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск.